

АННА ЛЕОПОЛЬДОВНА

Изгорь
Курукин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Дочь немецкого герцога и московской царевны Елизавета Екатерина Христина навсегда покинула родной Мекленбург в трехлетнем возрасте, по воле царственной тетки поменяла веру и имя, став Анной Леопольдовной, и была выдана замуж за нелюбимого брауншвейгского принца. На короткий миг судьба вознесла принцессу на вершину власти. Будучи регентшей при двухмесячном сыне-императоре, она добросовестно старалась вникнуть в государственные дела и управляла огромной страной так милостиво, как никто ранее. Она была романтической мечтательницей, любила читать, а недоброжелатели создали ей репутацию капризной, вспыльчивой, неряшливой и ленивой особы. Свергнувшая ее «сестрица» Елизавета Петровна постаралась оправдать переворот борьбой с «незаконным правлением» и вычеркнуть из истории имена соперницы и ее сына.

Книга доктора исторических наук Игоря Курукина, написанная на основе исследований, мемуаров и архивных документов, восстанавливает историческую справедливость и дает возможность ее героине занять подобающее место в череде знаменитых современниц.

-
- [Игорь Курукин](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Беспокойные родители](#)
 - [Московское детство Prinzessin von Mecklenburg-Schwerin](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Придворная жизнь](#)
 - [Завидная невеста и неудачливый жених](#)
 - [Война и любовь](#)
 - [Свершение «главного дела»](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Тяжелый 1740 год](#)

- [«Безмятежный переход престола»](#)
 - [Свержение регента](#)
- [Глава четвертая](#)
 - [Судьба поверженного](#)
 - [Падение «великого визиря»](#)
 - [Государственные милости](#)
 - [Несостоявшаяся «Анна Вторая»](#)
 - [Дворцовая жизнь](#)
- [Глава пятая](#)
 - [Между королем и королевой](#)
 - [Драчливые паны](#)
 - [Дела турецкие](#)
 - [Персидские «беспокойства»](#)
 - [«Наглая и несправедливая война»](#)
- [Глава шестая](#)
 - [Российская империя в 1741 году](#)
 - [«Брожение во внутренних делах»](#)
 - [«Партия» Елизаветы?](#)
 - [Солдатская конспирация](#)
 - [Победители и побежденные](#)
- [Глава седьмая](#)
 - [«Внутренний неприятель»](#)
 - [Несбывшийся отъезд: Рига и Динамюнде](#)
 - [«Известная экспедиция»: Ораниенбург — Холмогоры](#)
 - [Тихая кончина](#)
- [ПОСЛЕСЛОВИЕ](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АННЫ ЛЕОПОЛЬДОВНЫ](#)
- [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)

- [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
-

Игорь Курукин
АННА ЛЕОПОЛЬДОВНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Она любила делать добро, неумевя делать
его кстати.*

Христофор Герман Манштейн

Анна Леопольдовна в исторических трудах и учебных пособиях обычно упоминается лишь как мать императора-младенца Иоанна Антоновича, занимавшего трон в промежутке между царствованиями куда более известных дам — мрачной Анны Иоанновны и блестящей Елизаветы Петровны. Но именно она целый год была правительницей империи и при иных обстоятельствах могла бы войти в историю России не менее известной, чем названные фигуры.

Однако ей не повезло. В некоторых отечественных учебниках истории XVIII века она, как и «запрещенная» фигура ее сына-императора, вообще не упоминалась; в других — лишь указывалось, что царствование Иоанна III ^[1] «недолго продолжалось», или объявлялось, что младенец воцарился «беззаконно», а потому был свергнут, «добродетельно заключен», а в конце концов, ко всеобщему облегчению, лишен «тягостной самому ему и ни к чему не способной жизни».

Лишь в XIX веке фигура Анны Леопольдовны предстала перед читателями в небольшом очерке П. Яковлева «Жизнь принцессы Анны, правительницы России», излагавшем историю ее правления. Но в этой единственной биографии, изданной в 1814 году, героиня изображена властолюбивой особой, собиравшейся присвоить себе императорскую власть, и несимпатичной собственным подданным: «Гордые поступки великой княгини Анны не могли привлечь народа, который и без того недоволен был, видя на русском престоле немецкую принцессу»¹.

Насколько точно было известно мнение «безмолвствующего большинства» — большой вопрос. Однако голоса более просвещенных и близких ко двору

современников нашей героини по отношению к ней звучат не слишком одобрительно. Вот какую характеристику дал ей один из самых вдумчивых и серьезных иностранных наблюдателей тех лет — полковник и адъютант фельдмаршала Миниха Христофор Манштейн: «Она была чрезвычайно капризна, вспыльчива, не любила труда, была нерешительна в мелочах, как и в самых важных делах; она очень походила характером на своего отца, герцога Карла Леопольда Мекленбургского, с тою только разницей, что она не была расположена к жестокости. В год своего регентства она правила с большою кротостью... Фаворитка ее пользовалась полным доверием и распоряжалась ее образом жизни по своему усмотрению. Министров своих и умных людей она вовсе не слушала; наконец, она не имела ни одного качества, необходимого для управления столь большой империей в смутное время. У нее был всегда грустный и унылый вид, что могло быть следствием тех огорчений, которые она испытала со стороны герцога Курляндского во время царствования императрицы Анны. Впрочем, она была очень хороша собою, прекрасно сложена и стройна; она свободно говорила на нескольких языках»². Карьера полковника оборвалась с «падением» принцессы — но Манштейн как будто не столько осуждал, сколько сожалел о судьбе молодой женщины, к несчастью, оказавшейся не на своем месте.

Мнение начальника Манштейна, аннинского фельдмаршала Бурхарда Христофора Миниха, однозначно:

«...Она была от природы неряшлива, повязывала голову белым платком, не носила фижм и в таком виде являлась к обедне, в публике, за обедом и после него, когда играла в карты с избранными партнерами, которыми были: принц, ее супруг; граф Линар — посланник короля польского и любимец великой княгини, его доверенный маркиз Ботта — посланник венского двора, оба враги короля прусского; г. Финч, английский посланник, и мой брат. Прочие иностранные министры и придворные сановники никогда не допускались в эту партию, которая собиралась в комнатах фрейлины Юлии Менгден, наперсницы великой княгини и в

то же время поверенной графа Линара, которому великая княгиня из своих рук пожаловала орден Св. Андрея, причем наградила его поцелуем, находясь еще в постели, хотя и была совершенно здорова.

Она дурно жила с принцем, своим супругом, и спала отдельно от него; когда же он желал войти к ней поутру, то обыкновенно находил двери запертыми. Она имела частые свидания с графом Линаром в третьем дворцовом саду, куда отправлялась всегда в сопровождении фрейлины Юлии, пользовавшейся там минеральными водами. Когда же принц Брауншвейгский намеревался также проникнуть в этот сад, то для него ворота были всегда заперты и часовым было приказано никого туда не пускать»³.

Знание альковных тайн сделало бы честь разведчику. Но полководец, похоже, изливал обиду за то, что эта «неспособная» особа не оценила его дарования и отправила в бесславную отставку с поста первого министра.

Именно образ ленивой и влюбчивой до самозабвения растрепы стал традиционным для характеристики правительницы, тем более что проигравшие всегда виноваты. Не избежал его и маститый историк С. М. Соловьев. Освещая правление Анны Леопольдовны в своей фундаментальной «История России с древнейших времен», он подробно рассказал о внешней политике страны, широко привлек неизвестные ранее архивные документы, в том числе письма принцессы, и всё же сделал неутешительный вывод: «...не было существа менее способного находиться во главе государственного управления, как добрая Анна Леопольдовна. Сильно доставалось ей в молодости от матери, герцогини Екатерины Ивановны, за дикость; императрица Анна имела полное основание считать племянницу неспособною к правлению. Не одеваясь, не причесываясь, повязав голову платком, сидеть бы ей только целый день во внутренних покоях с неразлучною фавориткою, фрейлиною Менгден!»⁴

В «Курсе русской истории» В. О. Ключевского принцесса уже предстает «совсем дикой, сидевшей по целым дням в своих комнатах не одетой и непричесанной», а ее правление

охарактеризовано как «убогое». Столь же категорична оценка еще одного крупнейшего отечественного историка С. Ф. Платонова: «...Анна Леопольдовна была совершенно неспособна не только к управлению, но и к деятельности вообще. Детски близорукая и неразвитая, она была избалована, любила роскошь и тесный кружок веселых людей, желала жить для себя и подальше от дел»⁵.

С легкой руки научных мэтров такой она и вошла в историю. Последующие авторы стали развивать и дополнять непривлекательный образ, опираясь уже на собственную фантазию. Например, в одном из последних дамских сочинений про любовные похождения исторических деятелей Анна Леопольдовна изображена не только ленивой, но и неряшливой и невоспитанной: «...за столом роняла приборы, забывала про салфетку и порой даже чавкала»⁶. В современных же школьных учебниках начала XXI века она выступает персонажем невнятным — то олицетворением «засилья немцев», от которого спасла страну дочь Петра I Елизавета; то арестованной неизвестно за что правительницей страны⁷.

Слава же если не великой, то, по крайней мере, национальной государыни досталась сопернице Анны Леопольдовны, ее «сестрице» (а на самом деле — двоюродной тетке, которая была всего девятью годами старше племянницы) Елизавете Петровне. Это при ней рухнуло «немецкое засилье», русские полки победно вошли в Берлин, при ее дворе творил Ломоносов, в ее правление был основан Московский университет. Так оно и было — но могло быть и иначе, если бы Анна Леопольдовна оказалась сильнее.

У принцесс было немало общего. Они были тезками: та, которую мы называем Анной Леопольдовной, при рождении получила имя Елизавета Екатерина Христина. Казалось, что им от рождения уготовано счастливое будущее, но впереди обеих ждали испытания. Обе они были наполовину русскими, только отцом Елизаветы был государь Петр Великий, а матерью — «лифляндская портомоя», ставшая императрицей Екатериной I, а родителями Анны — царица

Екатерина Иоанновна и мекленбургский герцог Карл Леопольд. Их портреты писали один из первых русских художников Иван Никитин и знаменитый придворный живописец Луи Каравак. В августе 1741 года в оде, посвященной победе над шведами, М. В. Ломоносов воспел добродетели Анны Леопольдовны, а спустя четыре месяца поздравлял восторженным стихом взошедшую на престол Елизавету Петровну.

Однако принцессы различались характерами и темпераментом: Анна была меланхоличной, раскрывалась только в узком кругу близких людей; Елизавета — живая, энергичная, равно легко чувствовала себя и в придворном кругу, и в гвардейской казарме. Одна любила уединение с книгами и «стихотворством», другая — веселое общество, танцы, флирт. Мекленбургская принцесса стала важной персоной при дворе своей родной тетки Анны Иоанновны и без особых усилий поднялась к вершинам власти, сначала став женой иностранного принца и матерью императора, а затем — всевластной регентшей империи при сыне-младенце. Елизавета, потеряв в 15 лет отца, а спустя два года и мать, из любимой дочери превратилась в полуопальную приживалку при новых правителях. Она не вышла замуж, но в 32 года вошла на трон, свергнув «сестрицу». Вчерашняя регентша оставшиеся пять с половиной лет жизни провела в заточении, а ее соперница счастливо правила целых 20 лет и скончалась в зените славы, передав престол племяннику. В школе жизни не тихоня Анна, а веселая двоечница Елизавета оказалась толковой ученицей.

В их игре на кону стояли власть, свобода, сама жизнь — и посмертная репутация. Елизавета и ее советники немало потрудились, чтобы представить свергнутую предшественницу в неприглядном виде похитительницы престола и покровительницы немецких «врагов народа». Подлинную же историю «незаконного правления» если и не уничтожили, то надолго упрятали в архивные связки дел «с известным титулом».

Лишь постепенно с 1860-х годов стали появляться публикации о некогда запретной эпохе — о «падениях» министров, Бироне, свергнутом императоре Иоанне Антоновиче и его семействе⁸. По инициативе директора Московского архива Министерства юстиции Н. В. Калачова была образована комиссия по изданию документации времени правления Иоанна Антоновича. Предполагалось опубликовать около десяти тысяч документов; но вышли только два тома, посвященные императорскому дому и высшим государственным учреждениям. В них можно познакомиться с документами, рассказывающими о дворе и правлении Анны Леопольдовны⁹. Серийные публикации реляций английских, французских, прусских дипломатов позволили представить ход борьбы придворных «партий» в России¹⁰. Из-под пера В. Соловьева и Е. Карновича появились довольно удачные художественные произведения, посвященные судьбе несчастной принцессы¹¹.

В советское время тематика дворцовых переворотов оказалась неактуальной. Изучение этих процессов заменялось социологическими штампами и фразами об «альковных переворотах», совершаемых без всякого участия народа. Альтернативой формулировкам учебников становились лишь романы В. Пикуля, упрощавшие прошлое до уровня анекдота, но зато выдержанные в патриотическом духе¹². Но уже с 1990-х годов историки вновь обратились к эпохе «незаконного правления» и к биографиям его героев¹³. Появились перепечатки дореволюционных работ: был опубликован в двух вариантах труд барона М. А. Корфа и В. В. Стасова о «брауншвейгском семействе»¹⁴. Л. И. Левин издал работу о супруге Анны Леопольдовны принце Антоне Ульрихе с привлечением неизвестных ранее немецких документов брауншвейгского герцогского архива¹⁵.

Осуществлена заново публикация мемуаров деятелей XVIII столетия; в серии «История дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.» вышли сочинения современников и придворных Анны Х. Г. Манштейна, отца и

сына Минихов, Я. П. Шаховского, В. А. Нащокина, подготовленные и прокомментированные В. П. Наумовым¹⁶. Переиздаются старые романы Карновича и Соловьева и сочиняются новые¹⁷. Появилось также немало популярных работ разного достоинства¹⁸. Публикации об Анне Иоанновне перечислены в биобиблиографическом справочнике о доме Романовых¹⁹.

Автору этих строк уже приходилось писать об Анне Леопольдовне²⁰. При работе над этой книгой пришлось заново обратиться к архивам — документам императорского Кабинета, включавшим документацию «незаконного правления» 1740–1741 годов, придворным делам, материалам высших государственных учреждений — Кабинета министров и Сената, бумагам по гвардейским полкам, донесениям послов. Были использованы переписка, личные и служебные документы государственных деятелей А. И. Остермана, Э. И. Бирона, А. И. Ушакова, материалы политических процессов по делу Бирона, министров Анны Леопольдовны и сохранившиеся документы о содержании под стражей и ссылке принцессы и ее семьи из архива Тайной канцелярии.

За помощь в работе большое спасибо коллегам-архивистам, главному специалисту отдела научной информации и публикации документов Российского государственного архива древних актов А. Б. Плотникову и начальнику того же отдела Е. Е. Рычаловскому.

Глава первая ДОЧЬ МЕКЛЕНБУРГСКОГО ГЕРЦОГА, ИЛИ БЕДНАЯ РОДСТВЕННИЦА

*И как с приездом знатной Катерины
Возликовала мекленбургская семья.*

*Ода в честь герцога Карла
Леопольда и его супруги
Екатерины*

Беспокойные родители

Будущая правительница России Елизавета Екатерина Христина, в православном крещении Анна, появилась на свет 18 декабря (а по использовавшемуся в то время в России юлианскому календарю 7 декабря) 1718 года в результате брака мекленбургского герцога^[2] Карла Леопольда (поэтому ее в литературе называют и Анной Карловной, и Анной Леопольдовной) и царевны Екатерины Ивановны, племянницы Петра I, который «брачной дипломатией» утверждал влияние России в Северной Германии.

После Полтавской битвы, главного сухопутного сражения Северной войны, именно на эти земли переместились военные действия. Россия и ее союзники — Дания, Пруссия, Саксония, Ганновер — сокрушали остатки шведского владычества в Померании. Под их натиском пали Штеттин (современный Щецин), Штральзунд, Бремен, Висмар. Однако появление русских войск в Германии обеспокоило и врагов, и друзей: в европейской «посудной лавке» появился «российский слон». Царю срочно нужно было использовать местных владетельных князей в российских интересах. Первым из них стал юный курляндский герцог Фридрих Вильгельм — в 1710 году царь выдал за него свою племянницу Анну Ивановну^[3]. Новобрачный по дороге в Курляндию скончался, Анна осталась вдовствующей герцогиней без властных полномочий, но Курляндия оказалась в сфере влияния России, хотя и состояла юридически под верховной властью Речи Посполитой.

Другой немецкий правитель, герцог Мекленбург-Шверин-ский Карл Леопольд, союзником оказался не ахти: в молодости он принимал участие в походах шведского короля, от души восхищался государем-солдатом и подражал ему в одежде и манерах, за что заслужил от знаменитого австрийского полководца принца Евгения Савойского прозвище «обезьяна Карла XII». К тому же его

княжеская светлость был человеком скандальным — лживым, высокомерным, непостоянным, требовавшим от всех окружающих слепого повиновения и на редкость скупым; у него была любимая поговорка: «Старые долги не надо платить, а новым надо дать время состариться». Однако царь Петр желал иметь надежный плацдарм в центре Европы, а герцог — получить сильного покровителя для борьбы с соседями и собственными дворянами, от которых требовал налогов, денег на содержание войск и которым грозил ограничением их владельческих прав. Он, конечно, не очень хотел связываться с русским «варваром», но сватовство к дочери императора Священной Римской империи провалилось из-за непомерных запросов жениха — он потребовал в качестве приданого целое Неаполитанское королевство.

Пришлось идти на поклон к Петру. Карл Леопольд, не успев развестись с первой женой — принцессой Софией Гедвигой Нассау-Фрисландской, собрался было жениться на вдове Анне Ивановне и получить вместе с ней «славное герцогство». Но охотников до Курляндии хватало и без него: в 1712–1718 годах кандидатами на руку царской племянницы перебивали правитель Курляндии, дядя покойного Фридриха Вильгельма герцог Фердинанд, герцог Иоганн Адольф фон Саксен-Вейсенфельс, герцог Ормонд, саксонский генерал-фельдмаршал граф Яков Генрих Флеминг, маркграф Фридрих Вильгельм фон Бранденбург, вюртембергский принц Карл Александр. Порой дело доходило даже до составления брачного договора, но в итоге все женихи так и остались ни с чем, поскольку не устраивали либо Петра, либо его соседей — королей Речи Посполитой и Пруссии.

В итоге Карлу Леопольду было предложено жениться на старшей сестре Анны Екатерине Ивановне. Перессорившемуся с собственными подданными герцогу выбирать не приходилось. Ему оставалось утешаться: «...непреклонная судьба назначила мне эту Катерину, но нечего делать, надо быть довольным; она по крайней мере любимица царицы»²¹.

Невесте к тому времени уже исполнилось 23 года. После смерти отца в 1696 году Екатерина вместе с матерью, вдовствующей царицей Прасковьей Федоровной (урожденной Салтыковой), и младшими сестрами Анной (будущей императрицей) и Прасковьей жила в подмосковном Измайлове, но затем дядюшка истребовал принцесс в строившийся Петербург. Старшая царевна быстро освоила новые моды и непринужденные манеры петровского окружения и всю развлекалась на ассамблеях и маскарадах.

Маленького роста, полная, болтливая, Екатерина особым умом и образованностью не отличалась. Она хорошо вписывалась в незатейливый быт петровского времени, но не слишком подходила для чинных порядков мелкого германского двора, да и едва ли мечтала о таком не первой свежести женихе. Но кто ее спрашивал? Отправляя племянницу под венец, царь дал ей краткую, как военный приказ, инструкцию: «1. Веру и закон, в ней же родилась, сохрани до конца неотменно. 2. Народ свой не забуди, но в любви и почтении имей паче протчих. 3. Мужа люби и почитай яко главу, и слушай его во всё, кроме вышеписанного. Петр»²². О государственных делах будущей герцогине знать не полагалось — ими должны были заниматься царские дипломаты и министры.

Дело было решено весной 1716 года в Данциге (Гданьске), где Петр остановился в начале своего второго большого путешествия по Европе. Туда же прибыли невеста и жених. Герцог, как рассказывал его биограф, вел себя в компании двух государей (Петра I и польского короля Августа II) «с большою скромностью и смирением, нежели перед самим цесарским величеством, и почти с рабским унижением», которое не слишком тактично компенсировал ношением огромной шведской шпаги и похвалами в адрес шведской кавалерии. С невестой же Карл Леопольд «был хотя вежлив, но холоден», так что его советники даже извинялись за отсутствие «веселого расположения духа» своего государя²³. Впрочем, эти сантименты отношения к делу не имели. 8 апреля состоялось венчание по

православному обряду — хотя бракоразводный процесс герцога с первой женой еще не был завершен.

Царь был доволен и вволю повеселился — сам устроил на рыночной площади города фейерверк в честь молодых. В герцогской типографии был отпечатан сборник поздравлений, и в том числе звучная ода, прославлявшая союз потомка славянских вождей^[4] Карла Леопольда с русской принцессой:

И был потомком русов в Мекленбурге
Карл Леопольд, правитель сей земли,
На благо Провидения и дружбы,
С принцессой княжеского рода из Руси
Скрепил высоким браком узы.
Да будет их союз воспет на долгие лета,
Да будет он навеки прочным.
О Боже, эту пару ты благослови,
Что скреплено, то в счастье сохрани.
<...>
Да будет так на небесах. Аминь!²⁴

Герцога же торжества не слишком радовали — он сильно поиздержался на подарки московским вельможам. В первую брачную ночь молодожен сбежал из супружеской опочивальни. Но игра всё же стоила свеч: царь сразу же после брачного контракта подписал с Мекленбургом договор, по которому новоиспеченный родственник должен был вернуть (конечно, с помощью русских войск) один из лучших портов на Балтике — Висмар, по Вестфальскому мирному договору 1648 года отошедший к Швеции. В герцогстве появились brave русские солдаты, внушавшие обывателям страх. «Берегитесь, ваша светлость, — говорил герцогу его советник Эйхгольц, — чтобы эти русские не пожрали целого Мекленбурга».

Карл Леопольд не рискнул возражать царю, с помощью которого собирался держать в узде своих подданных, тем более что русские министры повелели арестовать

недовольных герцогом мекленбургских дворян. Зато союзники Петра не скрывали опасений в связи с укреплением русских позиций в Германии. Висмар сдался датчанам, и король Фредерик категорически отказался впустить в него русских. Взаимное недоверие помешало успешно завершить Северную войну в том же году — из-за бездействия датчан был сорван план высадки десанта в Швеции. Русские полки остались зимовать в Мекленбурге, чем еще больше напугали Европу. Английский король и ганноверский курфюрст Георг I даже приказал своему адмиралу атаковать русских — хорошо еще, что тот исполнять приказ отказался, а члены Кабинета объяснили его величеству, что нельзя ставить под угрозу интересы британской торговли.

Но и царю пришлось умерить свои претензии. Он был весьма недоволен постоянными просьбами Карла Леопольда о защите и объяснял его советникам: «Я для герцога не намерен ссориться с императором (Священной Римской империи. — *И. К.*)». В результате разногласий с союзниками Петр I в 1718 году начал переговоры с Карлом XII, но они были прерваны гибелью короля при осаде норвежской крепости Фредрикстен. Вступившая на престол его сестра Ульрика Элеонора заключила союз с Англией и мир с Пруссией и Данией. Англия в 1719 году послала эскадру в Балтийское море на помощь шведам, но им так и не удалось добиться перелома в войне. Русские десанты в 1719–1721 годах беспрепятственно высаживались на побережье Швеции. В 1719 году ее флот потерпел поражение у острова Эзель (Сааремаа), а в 1720-м — у острова Гренгам. В итоге, несмотря на задержку, война закончилась для России победным Ништадтским миром.

Но Карлу Леопольду союз с царем ничего, кроме неприятностей, не принес. Русские полки навсегда покинули Мекленбург. Петр тем не менее был готов поддержать незадачливого родственника. «И ныне свободно можем в вашем деле вам помогать, лишь бы супруг ваш помягче поступал», — писал он племяннице и настойчиво рекомендовал, чтобы герцог «не всё так делал, чего хочет,

но смотрел по времени и обстоятельствам». Однако Карл Леопольд к компромиссу во имя государственного блага был совершенно не способен, советам не внял и самоубийственную борьбу с собственным дворянством продолжил. В результате ему пришлось бежать за пределы герцогства и собирать армию, чтобы наказать противников.

В конфликт вмешался император Карл VI. Несмотря на личное ходатайство Карла Леопольда в Вене, приговор имперского суда оказался в пользу мекленбургских чинов. В конце 1718 года началась «рейхсэкзекуция»: в Мекленбург был отправлен ганноверско-брауншвейгский корпус под командованием Георга I. Армия герцога была разбита, часть ее дезертировала, а оставшиеся несколько сотен солдат и офицеров он отправил на Украину к царю Петру. Управление герцогством перешло к специальной комиссии, в состав которой вошли оскорбленные Карлом Леопольдом дворяне.

Екатерина Ивановна чем могла помогала мужу. В 1717 году она писала дяде-царю:

«Милостивейший государь мой дядюшка и батюшка, царь Петр Алексеевич, здравствуй на множества лет! Сим ваше величества моего государя покорна прошю: да не аставлены мы будем [в] вашей неременай милости, которой от сердца желаем. При сем прошю ваше величества не пременить своей милости до моего супруга; понеже мой супруг слышел, что есть вашего величества на него гнев, и он то слыша [в] великой печали себя содержит и надееца, что нехта наш злодей вашему величеству данес неправду, не хотя ево видеть [в] вашей милости. При сем просит мой супруг, дабы ваше царское величества не изволили слушать таковых неправедливых данашеней на него; истино мой супруг вашему величеству себя абъевляет верным слугою.

Еще покорно просить мой супруг ваше величества: слышел он, что ваше величества изволите имет алянц с королем шветцким, и при сем всенижайше просить ваше величества мой супруг, дабы ево при сем не аставили в сваей отеческой милости. А кароль прус кой да моего супруга не премым сердцем и с великим лукавством; и ради таго мой супруг ваше величества всенижайше просит,

ежели изволите иметь алия[н]ц с королем шведским, дабы ево не аставили в своей милости. Впрочем предав ваше здравие дражайшее в сохранение Божие, и себя рекомандую в непременную милость вашего величества.

Вашего величества покорная услужница и племянница Екатерина»²⁵.

Неудивительно, что это послание с уговорами не верить недоброжелателям-министрам возмутило царских советников П. А. Толстого и П. П. Шафирова.

Едва ли Екатерина любила высокомерного и неуравновешенного мужа, но и сама была для него всего лишь обременительным довеском к обещанным, но так и не полученным выгодам. К тому же темпераментная и не блещущая манерами московская царевна явно не смогла покорить германскую знать, пренебрежительно называвшую ее *die wilde Herzoginn* — «дикая герцогиня». Когда мекленбургский владетель явился на суд к Карлу VI, тот сказал своему вице-канцлеру: «Хорошо, что герцог приехал, лишь бы не привез с собою москвитянку». Узнав же о прибытии герцогини, император рекомендовал поселить ее подальше от своей резиденции. Тут уж даже Карл Леопольд не сдержался и заявил вице-канцлеру, что «бедная женщина, всем светом оставленная, здесь, в Вене, никого знакомого не имеет и при том языка не знает; что она умрет с тоски, если герцог удалит ее от себя, и что он посему просит, дабы его цесарское величество оставил ее у него».

«Москвитянка» говорить по-немецки так и не выучилась, однако свои династические обязанности исполнила. В июле 1718 года Екатерина послала царице письмо с новостью: «Примаю смелость я, государыня тетушка, вашему величеству о себе донести: милостью Божиею я забеременила, уже есть половина. И при сем просит мой супруг, тако же и я: да не оставлены мы будем у государя дядюшки, тако же и у вас, государыня тетушка, в неотменной милости. А мой супруг, тако же и я, и с предбудущим, что нам Бог даст, покамест живы мы, вашему величеству от всего нашего сердца слуги будем государю

дядюшке, также и вам, государыня тетушка, и государю братцу царевичу Петру Петровичу, и государыням сестрицам: царевне Анне Петровне, царевне Елисавете Петровне. А прежде половины [беременности] писать я не посмела до вашего величества, ибо я подлинно не знала. Прежде сего тако же надеялася быть, однако же тогда было неправда; а ныне за помощью Божиею уже прямо узнала и приняла смелость писать до вас, государыня тетушка и до государя дядюшки, и надеюсь в половине ноемврии (ноября. — *И. К.*) быть, еже Бог соизволит».

Несколько позже ожидаемого срока, 7 декабря 1718 года, в Ростке Екатерина Ивановна родила дочь, которую называли на немецкий манер Елизаветой Екатериной Христиной. Юная принцесса появилась на свет не под счастливой звездой. Ее мать по-прежнему чувствовала себя в Мекленбурге чужой, нелюбимой и ненужной. Она пожаловалась на жизнь сестре Анне, когда гостила в 1719 году у нее в Митаве, а та рассказала матери. Старая царица, озабоченная судьбой любимой дочери, обратилась за сочувствием к Екатерине Алексеевне. «Прошу у вас, государыня, милости, — писала она, — побей челом царскому величеству о дочери моей, Катюшке, чтоб в печалех ее не оставил в своей милости; также и ты, свет мой, матушка моя невестушка, пожалуй, не оставь в таких ее несносных печалех. Ежели велит Бог видеть ваше величество, и я сама донесу о печалех ее. И приказывала она ко мне на словах, что и животу (то есть жизни. — *И. К.*) своему не рада... приказывала так, чтоб для ее бедства умилосердился царское величество и повелеть бы быть к себе...»

Прасковья Федоровна от отчаяния стала писать и трехлетней внучке, хотя вряд ли ребенок мог повлиять на родителей: «Желаю тебе, друк сердешной, всева блага от всево моего сердца, да хочетца, хочетца, хочетца тебя, друк мой, внучка, мне, бабушке старенькой, видеть тебя, маленькую, и подружитца с табою: старая с малым очень живут дружна. Да позави ка мне батюшку и матушку в гости и пацалуй их за меня, и штобы ане привезли и тебя, а мне с

табою о некаких нуждах самых тайных подумать и перегаварить [нужно]».

Петра эти сантименты не трогали, но и он понимал, что с безрассудным родственником сделать ничего нельзя, и с раздражением писал племяннице весной 1721 года: «Сердечно соболезную, но не знаю, чем помочь. Ибо ежели бы муж ваш слушался моего совета, ничего б сего не было, а ныне допустил до такой крайности, что уже делать стало нечего». В 1722 году старая царица, наконец, добилась своего. Император вызвал герцогскую чету в Россию. Он писал, что если Карл Леопольд приехать не сможет, то герцогиня должна вернуться одна, «понеже невестка наша, а ваша мать в болезни обретается и вас видеть желает». Оставив супруга, Екатерина с дочерью летом 1722 года приехала на родину и уже никогда не покидала ее.

Московское детство Prinzessin von Mecklenburg-Schwerin

В 1723 году Петр I пригласил пребывавшего в изгнании Карла Леопольда приехать в Петербург для свидания с супругой и дочерью и предложил свое посредничество для его примирения с мекленбургскими чинами и императором Карлом VI — речь шла о возможном предоставлении безземельному герцогу Лауэнбургского имперского княжества взамен потерянного Мекленбурга. Но упрямый Карл Леопольд не желал не только подчиняться суду своего сюзерена, но и быть обязанным российскому императору и отклонил все предложения Петра. Екатерина выразила его посланцу едва ли искреннее сожаление по поводу неприезда супруга — и больше со строптивцем не общалась, хотя их брак так и не был официально расторгнут. В конце концов Карлу Леопольду оставили на прожиток город Шверин и крепость Демитц. Там много лет спустя, в 1747 году, кавалер высшего ордена России Святого Андрея Первозванного и номинальный герцог Мекленбург-Шверинский и скончался, после чего управлявший герцогством его младший брат принц Христиан Людвиг стал законным герцогом.

Царевна-герцогиня Екатерина Ивановна в Мекленбурге больше никогда не бывала. Она обитала в старом Измайловском дворце среди родных и слуг, но об их ее с маленькой дочерью жизни в это время мы почти ничего не знаем — царевны Ивановны никого при дворе не интересовали. Лишь дневник голштинского камер-юнкера Фридриха Берхгольца сохранил впечатление от ее домашнего обихода, сочетавшего светскую беседу с иностранными кавалерами и старомосковские развлечения:

«Когда мы приехали, нас приняли очень милостиво и допустили поцеловать руку как самой герцогине и младшей ее сестре Прасковий, так и маленькой принцессе Мекленбургской. Принцессу Прасковию, которая была

больна и не одета, мы встретили в ее спальне, проходя к герцогине, и почти тогда только узнали, когда она мимоходом протянула нам свою руку для целованья. Герцогиня женщина чрезвычайно веселая и всегда говорит прямо всё, что ей придет в голову, а потому иногда выходили в самом деле преуморительные вещи...

Когда мы побыли немного в приемной комнате, герцогиня повела нас в спальню, где пол был устлан красным сукном, еще довольно новым и чистым (вообще же убранство их комнат везде очень плохо), и показывала нам там свою собственную постель и постель маленькой своей дочери, стоявшие рядом в алькове; потом заставила какого-то полуслепого, грязного и страшно вонявшего чесноком и потом бандурщика довольно долго играть и петь свои и сестры своей любимые песни, которые, кажется, все были сальны, потому что принцесса Прасковия уходила из комнаты, когда он начинал некоторые из них, и опять возвращалась, когда оканчивал. Но я еще более удивился, увидев, что у них по комнатам разгуливает босиком какая-то старая, слепая, грязная, безобразная и глупая женщина, на которой почти ничего не было, кроме рубашки, и которой позволили стоять в углу около нас. Мекленбургский капитан Бергер, приехавший сюда с герцогинею, уверял, что принцесса часто заставляет плясать перед собою эту тварь и что ей достаточно сказать одно слово, чтоб видеть, как она тотчас поднимет спереди и сзади свои старые вонючие лохмотья и покажет всё, что у ней есть. Я никак не воображал, что герцогиня, которая так долго была в Германии и там жила сообразно своему званию, здесь может терпеть около себя такую бабу»²⁶.

Нравы петровского двора пришлись Екатерине Ивановне по душе. Она лихо плясала польский на вечеринках, выбирая себе кавалеров; спорила с учтивыми немцами «за мекленбургское дело», посещала балы и маскарады, пиновала при спуске на воду нового корабля, устраивала у себя во дворце любительские спектакли, каталась на санях и правила лошадьми — в общем, жила в свое удовольствие. В этой обстановке и росла маленькая принцесса Елизавета

Екатерина Христина, которую Берхгольц впервые увидел в октябре 1722 года на коленях у царицы-бабушки и запомнил как «очень веселенького ребенка лет четырех».

Старый дворец был неудобным, блюда — плохо приготовленными, спектакли — убогими, дамы не говорили по-немецки, зато танцы «продолжались более 10 часов», венгерское лилось рекой, а хозяйка стремилась от души повеселить гостей. «Здесь мы пробыли у нее еще часа два и пили разные вина; когда же собрались ехать, она повела нас снова в спальню вдовствующей царицы, где мы откланялись ее величеству и выпили еще по стакану вина. Капитан Бергер, провожая меня с графом Бонде, провел нас через спальню принцессы, потому что за теснотою помещения другого выхода у них не было. В этой комнате мы нашли принцессу Прасковию в кофте и с распущенными волосами; однако ж она, несмотря на то, встала, встретила нас, как была, и протянула нам свои руки для целованья. Случайно я видел также голые колени и ножки маленькой приятной дочери герцогини Мекленбургской, именно когда мы приходили откланяться старой царице, она находилась у нее в спальне и там, будучи в коротеньком ночном капотце, играла и каталась с другою маленькою девочкою на разостланном на полу тюфяке», — описывал вечернюю жизнь обитательниц Измайловского дворца любознательный камер-юнкер²⁷.

Сестры Ивановны, далекие от петербургского двора, в качестве претенденток на престол не рассматривались и никакой «партии» сторонников не имели — а потому ни им, ни их гостям притворяться и ловчить нужды не было. Их уклад почти не изменился со смертью Петра I в 1725 году и его жены Екатерины I два года спустя. Жизнь Измайловских обитателей несколько оживило пребывание в старой столице двора юного императора Петра II в 1728-1729 годах. Правда, едва ли полурусская-полунемецкая девочка-принцесса в те годы всерьез задумывалась о своем месте в российском политическом раскладе — в отличие от родственницы-цесаревны.

Пока маленькая Анна в 1722 году радовала гостей своей матери, тринадцатилетняя Елизавета была объявлена совершеннолетней. Отец и его советники видели в ней важное средство поддержания политического равновесия в Европе. Начались поиски достойного жениха для дочери российского императора. Елизавета выступала в роли потенциальной невесты то французского короля Людовика XV, то принцев Карлоса Испанского, Морица Саксонского, Георга Английского, Карла Бранденбургского, но замуж так и не вышла — слишком быстро менялась внешнеполитическая конъюнктура, да и происхождение девушки смущало претендентов.

В короткое царствование Екатерины I (1725-1727) Елизавета с сестрой находилась при дворе матери. Очаровательная барышня (природная блондинка, красившая волосы и брови в темный цвет) политикой не интересовалась, но читала неграмотной императрице государственные бумаги и даже подписывала вместо нее указы. Екатерина еще в феврале 1727 года заявила, что престол после нее будет принадлежать ее дочерям, но вскоре под нажимом Меншикова изменила решение в пользу внука первого императора — Петра II. Противники «полудержавного властелина» — генерал-полицмейстер Антон Девиер и министр Верховного тайного совета Петр Толстой — пытались протестовать и настаивать, чтобы императрица «короновать изволила при себе цесаревну Елисавет Петровну или Анну Петровну, или обеих вместе», но силы оказались неравны. После смерти Екатерины престол занял маленький Петр под присмотром регента Меншикова.

Елизавета, согласно завещанию покойной матери, хотя и имела право на престол, но должна была выйти замуж за любекского князя-епископа Карла Августа из голштинского герцогского дома. Однако жених в том же году скончался, а Ментиков отстранил юную принцессу от участия в заседаниях Верховного тайного совета. Опала Меншикова на короткое время сделала Елизавету некоронованной царицей. Она сопровождала племянника-императора в его

частых выездах на охоту, и Петр II настолько привязался к тетке-красавице, что это стало серьезно беспокоить двор и дипломатический корпус.

Позднее поэт и министр Гавриил Державин воспел «царь-девицу»:

Очи светлы голубые,
Брови черные дугой,
Огонь — уста, власы — златые,
Грудь — как лебедь белизной.

Однако беспечная Елизавета, по оценке французского резидента Маньяна, слишком уж шокировала московское общество «весьма необычным поведением». Любовные похождения цесаревны в конце концов позволили семейству князей Долгоруковых дискредитировать ее в общественном мнении и отдалить от нее Петра.

Теперь маленький двор Елизаветы еще более шумно веселился. Как говорил ее биограф Н. С. Стромиллов, цесаревна удалилась «искать развлечений в безмятежной тиши подмосковных дворцовых сел, предавшись там вполне влечениям своей страстной, пылкой, истинно русской натуры»²⁸. Заезжала она и в Измайлово, но большую часть времени проводила в старинной Александровской слободе, находившейся в ведении ее собственной Вотчинной канцелярии. Там близ Христорождественского храма и торговой площади стояли палаты дочери Петра. В них размещалась ее свита во главе с гофмейстером Семеном Нарышкиным: Мария Румянцева, Аграфена Салтыкова, врач Арман Лесток, камер-юнкеры Александр Шувалов и «раб ее сердца» Александр Бутурлин, ее милый друг камер-паж Алексей Шубин, родня — Гендриковы и Скавронские, юнгферы, камер-медхены^[5], музыканты, певчие, карлицы.

Летом Елизавета в простом сарафане водила хороводы и плавала на лодке; осенью под звуки рога гонялась с псовой охотой за зайцами; зимой скользила на коньках и каталась в санях на тройках; устраивала песни и пляски с участием

слободских молодцов и девок. Денег порой не хватало, но веселье было ключом: к столу цесаревны ежедневно подавалось вдоволь спиртных напитков, так что в месяц выходило по 17 ведер водки, 26 ведер вина и 263 ведра пива — и это «окроме банкетов»²⁹. Двадцатилетняя царевна жила широко и любила много — по-словам того же биографа, «роскошная ее натура страстно ринулась предвкусить прелестей брачной жизни». От того времени осталась песня, приписанная народной памятью Елизавете:

Я не в своей мочи огонь утушить,
Сердцем болею, да чем пособить,
Что всегда разлучно и без тебя скучно;
Легче б ты не знати, нежель так страдати.

В те годы и сам юный государь со своей охотничьей командой носился по ближним и дальним окрестностям Первопрестольной. Из «Росписи охоты царской» следует, что для императора в Измайлове были заготовлены 50 саней, 224 лошади, сотни собак и «для походов 12 верблюдов»; «поезд» обслуживали 114 охотников, сокольников, доезжачих, лакеев и конюхов³⁰. В Москве царя видели редко. По неполным подсчетам (без коротких поездок на один-два дня), он за два года пребывания в Москве провел на охоте более восьми месяцев.

Вокруг малолетнего самодержца шла нескончаемая борьба придворных «партий», стремившихся подчинить его своему влиянию и оттеснить соперников. В этой борьбе первым пал Меншиков, успевший помолвить царя со своей дочерью и вслед за тем вместе с ней и остальным семейством отправленный без всякого суда в Березов на Оби у самого полярного круга. На первое место выдвинулся клан князей Долгоруковых во главе с гофмейстером Алексеем Григорьевичем и его сыном Иваном — приятелем юного царя. Донесения иностранных послов 1728–1729 годов рисуют картину постоянных интриг и склок внутри

«мишурного семейства» Долгоруковых в борьбе за царские милости.

Новые правители в точности повторяли тактику Меншикова в отношении возможных конкурентов — намеревались вскорости женить юного государя. Английский консул Клавдий Рондо, в 1729 году информировавший свое правительство о возможных брачных комбинациях, передал слух о женитьбе Петра II на подходившей ему по возрасту Анне Леопольдовне: «...она красива и отличается прекрасным характером»³¹. Но свадьба императора с троюродной сестрой не входила в честолюбивые планы стоявшей у трона фамилии. Дочери А. Г. Долгорукова были непременно участницами поездок императора, который к тому же подолгу гостил в Горенках — долгоруковской подмосковной усадьбе. Здесь во время своего последнего путешествия четырнадцатилетний Петр II осенью 1729 года попросил руки Екатерины Долгоруковой. Помолвка императора с большой торжественностью произошла 30 ноября. В Москве в ее честь устраивались балы и фейерверки. Начались приготовления к царской свадьбе, назначенной на 19 января.

В старую столицу уже съезжались гости. Но в ночь накануне свадьбы в Лефортовском дворце, и поныне стоящем на берегу Яузы, пятнадцатилетний император умер от оспы. Наследников по прямой мужской линии у Романовых больше не было. По женской же линии оставались не слишком подходящие кандидаты: дочь Петра I и Екатерины Елизавета, рожденная до официального брака, и ее двухлетний племянник — принц Карл Петер Ульрих Гольштейн-Готторпский (его мать Анна Петровна умерла в 1728 году). Вот тогда члены высшего государственного органа страны — Верховного тайного совета — вспомнили о московских царевнах, дочерях брата Петра I Ивана Алексеевича. Екатерина была старшей и, пожалуй, самой способной из них, но неразведенная мекленбургская герцогиня не годилась на роль императрицы из-за мужа — возмутителя спокойствия Священной Римской империи: а вдруг взбалмошный герцог

объявится в России и попросит у жены помощи против союзника-императора? Понятно, что о дочери Карла Леопольда никто даже и не подумал. Младшая из сестер, Прасковья, была горбата, к тому же состояла в тайном браке с генералом Иваном Дмитриевым-Мамоновым. Оставалась бедная вдовая курляндская герцогиня Анна. Ее-то министры-«верховники» и пригласили на царство — на весьма жестких условиях.

Двадцать пятого января 1730 года Анна подписала доставленные ей из Москвы «кондиции», которыми обязывалась: «...без одного Верховного тайного совета согласия ни с кем войны не всчинять; миру не заключать; верных наших подданных никакими новыми податями не отягощать. В знатные чины, как в статцкие, так и в военные, сухопутные и морские, выше полковничья ранга не жаловать, ниже к знатным делам никого не определять, и гвардии и прочим полкам быть под ведением Верховного тайного совета. У шляхетства и имения и чести без суда не отымать; вотчины и деревни не жаловать; в придворные чины, как русских, так и иноземцев, без совету Верховного тайного совета не производить. Государственные доходы в расход не употреблять».

Росчерком пера самодержавная монархия стала ограниченной — ровно на месяц, с 25 января по 25 февраля 1730 года. 2 февраля старший и наиболее авторитетный из «верховников» князь Дмитрий Михайлович Голицын объявил собравшимся на свадьбу царя и угодившим на его похороны дворянам о «кондициях» и призвал их подавать проекты будущего государственного устройства. В зимней Москве наступила небывалая политическая «оттепель». К сочинению новой формы правления приступили дворяне, только недавно привыкшие к бритью бород и европейским камзолам, еще хорошо помнившие тяжелую руку императора и его грозные указы, которые были, по выражению Пушкина, «писаны кнутом».

Нам известны семь составленных в те дни дворянских проектов и планы самого Верховного тайного совета. И те и другие предусматривали расширение прав дворян, но

вступили в противоречие по ключевому вопросу о верховной власти. Самый многочисленный дворянский «проект 364-х» (по числу подписей под ним) предлагал создать «Вышнее правительство» из двадцати одной «персоны». Это правительство, а также Сенат, губернаторов и президентов коллегий предлагалось выбирать: «...балатировать генералитету и шляхетству... а при балатировании быть не меньше ста персон», то есть предполагалось упразднить Верховный тайный совет в его прежнем качестве и составе.

Естественно, для «верховников» такое устройство было неприемлемым. Правители согласились на увеличение своего состава (но не более чем на пять членов) и на выборы сенаторов и президентов коллегий. Но выбирать должны были только сами «верховники» вместе с Сенатом. Они готовы были пойти на созыв особого «соборания» из двадцати-тридцати депутатов, выбранных всеми дворянами, для сочинения «твердых и нерушимых» законов империи. Новые законы должны были последовательно и единогласно приниматься депутатами, Сенатом и... самим Верховным тайным советом. Такая процедура оставляла реальную и неограниченную власть в руках опытных бюрократов.

Редкие письма и следственные дела донесли до нас отзвуки дискуссий того времени. Вице-президент Коммерц-коллегии Генрих Фик (один из создателей коллежской системы) «был весел» тому, что «не будут иметь впредь фаворитов таких, как Меншиков и Долгорукой», и мечтал «о правительстве, как в Швеции». Ассессор Рудаковский «ответствовал ему, что в России без самодержавства быть невозможно, понеже Россия, кроме единого Бога и одного государя, у многих под властью быть не пожелает». Капитан-командор Иван Козлов радовался, что императрице «определяют на год 100 000... а сверх того не повинна она брать себе ничего, разве с позволения Верховного тайного совета; также и деревень никаких, ни денег не повинна давать никому». Но автор столь радикальных высказываний свою подпись ни под одним проектом не поставил — надо было думать о карьере.

Вопрос о власти расколол «генералитет» (чины первых четырех классов по Табели о рангах): одни склонялись к компромиссу с «верховниками»; другие требовали ликвидации Верховного тайного совета. В спорах смешались имена, звания, поколения, знатность и «подлость». Смелые «прожектеры»; вельможи, недовольные приглашением Анны в государыни; наконец, просто захваченные волной политических споров провинциальные служивые — такой диапазон исключал возможность объединения для тех, кого можно было бы назвать «конституционалистами». Да еще «фамильные» и карьерные интересы, открывшаяся возможность обеспечить себе счастливый «случай», оглядка на мнение влиятельного и чиновного «милостивца»...

Пока одни дворяне до хрипоты спорили, другие, не хотевшие и боявшиеся перемен, объединились под лозунгом самодержавия. В их числе, прежде всего, находились ближайшие родственники Анны Иоанновны, лично заинтересованные в ее полновластии: дядя императрицы, кравчий В. Ф. Салтыков, упоминавшийся уже майор Преображенского полка С. А. Салтыков и старшая сестра Анны, герцогиня Екатерина. Она вместе с дочерью встречала торжественно вступавшую в Москву императрицу в селе Всесвятском (в районе нынешней станции метро «Сокол»). Здесь государыня обратила внимание на девочку и, по рассказу саксонского посланника Иоганна Лефорта, отдала ей шелковую орденскую ленту, «чтобы она сберегла это до тех пор, покуда я не пожалую ей орден Св. Екатерины»³².

Ждать пришлось недолго. Только что избранная вельможами императрица почувствовала поддержку и рискнула нарушить принятые ею самой «кондиции». 12 февраля, когда Анне представлялись прибывшие для ее охраны батальон Преображенского полка и кавалергарды, гвардейцы во главе с майором Василием Нейбушем бросились в ноги к своей «полковнице», а кавалергарды удостоились приема в «покоях» и получили из высочайших рук по стакану вина. Такая «агитация» была явно более доходчивой, чем малопонятные политические проекты. Для

«верховников» такое начало царствования не предвещало ничего хорошего.

Пятнадцатого февраля Анна Иоанновна, как сообщал газетный репортаж тех дней, «изволила пред полуднем зело преславно, при великих радостных восклицаниях народа в здешней город свой публичный въезд иметь». У крепостных ворот ее торжественно встретили депутаты от дворянства, купечества и духовенства, а новгородский архиепископ, член Синода Феофан Прокопович произнес приличествовавшую случаю речь. Анна поклонилась праху предков в Архангельском соборе и под ружейную пальбу выстроенных в шеренги полков проследовала в свои новые «покои» в Кремлевском дворце. В тот же день все гвардейские солдаты получили от императрицы по рублю; на завтра началась раздача вина по ротам, а затем полкам выдали жалованье.

Для юной Елизаветы Екатерины Христины эти дни были праздником, но для ее матери — опасным предприятием. Екатерина Ивановна и другие придворные дамы (сестры П. Ю. Салтыкова и М. Ю. Черкасская, сестры А. И. Чернышева и Е. И. Головкина) ободряли государыню, находившуюся во дворце под контролем «верховников», и выступали посредницами между ней и другими участниками заговора с целью вернуть, казалось, навсегда утраченное «самодержавство».

Развязка наступила 25 февраля. Явившаяся во дворец депутация подала Анне Иоанновне прошение о созыве шляхетского (дворянского) собрания, чтобы «согласно мнениям по большим голосам форму правления государственного сочинить» не под контролем Верховного тайного совета. «Верховники» попытались перехватить инициативу и забрать принесенный делегацией документ. В эту минуту старшая сестра, выступив вперед, заявила, что «рассуждать не о чем, а надобно подписать», и почти насильно вложила в руку заколебавшейся было императрицы перо, которым та начертала резолюцию: «По сему рассмотреть». Конечно, перо и чернила она принесла с собой не случайно.

Дальнейшее развитие событий шло стремительно. Анна увела министров на обед, а оставшиеся под надзором гвардейцев дворяне за два-три часа никакой новой «формы правления» сочинить не смогли, тем более что гвардия потребовала возвращения императрице ее законных прав: «Государыня, мы верные рабы вашего величества, верно служили вашим предшественникам и готовы пожертвовать жизнью на службе вашему величеству, но мы не потерпим ваших злодеев! Повелите, и мы сложим к вашим ногам их головы!» Под крики офицеров шляхетство подало вторую челобитную с просьбой «всемилостивейше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальные предки имели». Вслед за тем Анна разорвала «кондиции» (в таком виде они и хранятся ныне в Российском государственном архиве древних актов).

Самодержавная Анна Иоанновна упразднила Верховный тайный совет и наградила за верность своих спасителей. Майоры гвардии получили от пятидесяти до ста душ, капитаны — по сорок, капитан-поручики — по тридцать, поручики — по двадцать пять, подпоручики и прапорщики — по двадцать. В среднем же восстановление самодержавия стоило казне примерно по тридцать душ на каждого офицера — за ликвидацию российской «конституции» была заплачена не слишком дорогая цена.

Удача, наконец, улыбнулась маленькой принцессе и ее матери-герцогине. Из прозябавших в московской глуши приживалок они стали ближайшими родственницами всероссийской императрицы. Уже в марте 1730 года Анна Иоанновна пожаловала племяннице обещанный орден. Государыня увеличила сестрам содержание. Герцогиня Екатерина получила в подарок богатый дом покойного генерал-адмирала Апраксина на набережной Невы и развлекалась по полной программе. «Сестра относится к ней с большим уважением и предоставляет ей всё то, в чем она нуждается. Это женщина толковая, но совершенно безрассудная. Ей 40 лет, она очень толста и противна, имеет склонность к вину и к любви и никому не хранит верности», — писал в «Донесении о Московии в 1731 году»

испанский посланник при русском дворе Хакобо Франсиско Фитц Джеймс Стюарт герцог де Лириа-и-Херика.

Испанец откликнулся на появление в свете дочери герцогини, юной мекленбургской принцессы: «... 13-ти лет от роду, родилась в 1718 году и, кажется, наделена восхитительными качествами. Царица любит ее, словно свою собственную дочь, и никто не сомневается в том, что ей предназначено наследовать престол». Так в то время думали и другие иностранные дипломаты. Однако тот же Лириа отметил рядом с нашей героиней ее достойную конкурентку — цесаревну Елизавету: «Она очень красива, наделена разумом, манерами и грацией. Она великолепно говорит по-французски и по-немецки. Царь Петр II, ее племянник, был влюблен в нее, но она не дала места ни малейшему подозрению в том, что она ответила на его чувство... Если бы принцесса Елизавета вела бы себя с благоразумием и рассудительностью, как это подобает принцессе крови, и если бы она не была дочерью царицы Екатерины, то всё складывалось бы в пользу того, чтобы ей стать царицей после смерти Петра II. Но позорный обмен любезностями с человеком простого происхождения лишил ее чести короны»³³.

Обе принцессы-соперницы прожили десятилетие царствования Анны под ее строгим контролем. И для Анны Леопольдовны, и для Елизаветы путь к власти не был усыпан розами.

Глава вторая ВСЕЛЮБЕЗНЕЙШАЯ ПЛЕМЯННИЦА, ИЛИ БРАУНШВЕЙГСКАЯ ПРИНЦЕССА

Она действительно никого не любит.

Леди Рондо

Придворная жизнь

Анна Иоанновна и ее окружение постарались как можно скорее забыть о неприятных обстоятельствах, сопровождавших ее восшествие на престол. Манифест от 16 марта 1730 года о предстоящем венчании на царство уже не допускал и мысли о каком-либо ином способе получения власти, кроме как посредством божественной воли, ибо «от единого токмо Всевышнего царя славы земнии монархи предержащую и крайне верховную власть имеют». Немедленно началась переприсяга всех служащих империи теперь уже самодержавной Анне. Коронационные торжества сопровождались даровым угощением народа и красочными фейерверками.

Конечно, пришлось пойти на уступки «шляхетству». Был уничтожен петровский закон о единонаследии и сделан шаг по пути дамской эмансипации: Анна Иоанновна (не с учетом ли собственного горького опыта?) повелела выделять после смерти мужей вдовам седьмую часть недвижимого и четверть движимого имущества (плюс приданое), которым они могли распоряжаться по своему усмотрению. В 1731 году был открыт Сухопутный шляхетский кадетский корпус для подготовки из дворянских недорослей офицеров и «статских» служащих. Тогда же правительство в поисках лучшей системы «производства» в первые обер- и штаб-офицерские чины в армии восстановило отмененную при Екатерине I практику баллотирования (избрания полковыми офицерами). В первые годы царствования Анны помещичьи крестьяне потеряли право приобретать землю в собственность, им было запрещено брать откупа и казенные подряды. С другой стороны, все поползновения дворянского «общенародия» на участие во власти (например, содержащиеся в проектах 1730 года предложения о выборности должностных лиц в центральных учреждениях и губерниях) были решительно отвергнуты.

На создание новой системы власти ушло примерно два года. Новый режим получил у потомков названия

«бироновщина» и «эпоха немецкого засилья». Однако стоит напомнить, что именно «природная» русская знать встретила Анну «кондициями» и пыталась превратить ее в безвластную куклу на троне. Неудивительно, что она приближала к престолу хорошо известных ей слуг из курляндских и прочих «немцев». Но так ли уж много их было? Составленный в 1740 году «Список о судьях и членах и прокурорах в кол[л]егиях, канцеляриях, конторах и протчих местах» свидетельствует: на закате бироновщины из 215 ответственных чиновников центрального государственного аппарата «немцев» было всего 28 человек (по сравнению с тридцатью при Петре I в 1722 году). Если же выбрать из этих служащих лиц в чинах I–IV классов, то окажется, что на 39 важных русских чиновников приходилось всего шесть иностранцев (чуть больше 15 процентов) — намного меньше, чем среди военных³⁴.

Армию теперь контролировал фельдмаршал Бурхард Христофор Миних. Прошла кампания по смене руководителей центральных государственных учреждений и губернаторов. Императрица сохранила и даже расширила состав Сената, включив в него и кое-кого из вчерашних «верховников», и тех, кто подписывал ограничительные проекты. Но над Сенатом она поставила Кабинет министров, где первую роль играл не престарелый канцлер Гавриил Иванович Головкин, а «душа» этого учреждения — вице-канцлер Андрей Иванович Остерман, который и был истинным режиссером успешной акции по восстановлению самодержавия в феврале 1730 года.

Но для «противовеса» Остерману после смерти Головкина в состав Кабинета последовательно вводились его оппоненты — сначала возвращенный из почетной ссылки Павел Иванович Ягужинский, затем деятельный и честолюбивый Артемий Петрович Волинский и, наконец, будущий канцлер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. Министры огромное количество времени (порой они заседали «с утра до ночи») посвящали решению проблем финансового управления — проверке счетов, выделению средств на те или иные нужды, вплоть до выдачи

жалованья, и взысканию недоимок. Позднее на первый план выдвигаются вопросы организации и снабжения армии в условиях непрерывных военных действий 1733–1739 годов.

На протяжении всего времени существования Кабинета через него проходило множество сугубо административнополицейских распоряжений — о «приискании удобных мест для погребения умерших» или распределении сенных покосов под Петербургом, разрешении спорных судебных дел и рассмотрении бесконечных челобитных о жалованье, повышении в чине, отставке, снятии штрафа и т. д. Право принятия важнейших, в том числе внешнеполитических, решений перешло в придворный круг к ближайшим советникам императрицы — Остерману и Бирону.

При Анне двор стал важнейшим элементом новой структуры власти, весьма внушительным по численности: при Петре II он насчитывал 113 человек, а в 1730-х годах в нем было 142 штатных чина да еще 35 «за комплектом»; всего же вместе с прачками, лакеями и прочими «служителями» при дворе состояли 625 человек³⁵. Обер-гофмейстером стал родственник императрицы и подполковник гвардии Семен Салтыков; обер-гофмаршалом — красавец Рейнгольд Левенвольде, обер-шталмейстером — сначала Ягужинский, а затем брат обер-гофмаршала — Карл Густав Левенвольде.

Обер-камергером (начальником придворного штата) на протяжении всего аннинского царствования оставался бессменный фаворит государыни Эрнст Иоганн Бирон. Он смог стать одним из самых влиятельных политиков в послепетровской России именно потому, что выстроенный в ходе реформ Петра Великого политический механизм объективно нуждался в фаворитах, помогавших получавшим колоссальную власть государям и государыням, не обладавшим хотя бы в малой мере уникальными способностями первого российского императора. Конечно, мелкому курляндскому дворянину сомнительного происхождения помог его величество случай: расторопный управляющий сумел не только войти в доверие, но и найти

дорогу к сердцу вдовствующей герцогини. Но Бирон с успехом освоил новую для российского двора роль и превратил малопочтенную функцию ночного «временщика» в настоящий институт власти с неписаными, но четко очерченными правилами и границами. К середине века фаворитизм окончательно «встроился» в систему российской монархии: «попадания в случай», взлеты и «отставки» стали проходить по налаженной схеме, не вызывая потрясения всей государственной машины и переворотов с казнями и ссылками³⁶.

Российские и иностранные современники дружно отмечали «невыразимое великолепие нарядов» и празднеств той поры. Анна Иоанновна старалась, чтобы ее двор не только не уступал иноземным, но и превзошел их в роскоши. Французский офицер, побывавший в Петербурге в 1734 году, выразил удивление по поводу «необычайного блеска» как придворных, так и прислуги: «Первый зал, в который мы вошли, был переполнен вельможами, одетыми по французскому образцу и залитыми золотом... Все окружавшие ее (императрицу. — *И. К.*) придворные чины были в расшитых золотом кафтанах и в голубых или красных платьях».

Описание одного из зимних празднеств оставила жена английского резидента леди Рондо: «Оно происходило во вновь построенной зале, которая гораздо обширнее, нежели зала Св[ятого] Георгия в Виндзоре. В этот день было очень холодно, но печи достаточно поддерживали тепло. Зала была украшена померанцевыми и миртовыми деревьями в полном цвету. Деревья образовывали с каждой стороны аллею, между тем как среди залы оставалось много пространства для танцев... Красота, благоухание и тепло в этой своего рода роще — тогда как из окон были видны только лед и снег — казались чем-то волшебным... В смежных комнатах гостям подавали чай, кофе и разные прохладительные напитки; в зале гремела музыка и происходили танцы, аллеи были наполнены изящными кавалерами и очаровательными дамами в праздничных

платьях... Всё это заставляло меня думать, что я нахожусь в стране фей».

Повышение роли и престижа дворцовой службы отражалось в изменении чиновного статуса придворных. При Петре I камергер был приравнен к полковнику, а камер-юнкер — к капитану. При Анне ранг этих придворных должностей был повышен соответственно до генерал-майора и полковника, а высшие чины двора, ранее принадлежавшие к IV классу Табели о рангах, теперь относились ко II классу. Эта тенденция продолжалась и в сменившееся эпоху «немецкого засилья» «национальное» правление Елизаветы — камер-юнкеры были приравнены к бригадирам.

При Анне Иоанновне камергерами стали представители молодого поколения русской знати: Б. Г. Юсупов, А. Б. Куракин, П. С. Салтыков (сын С. А. Салтыкова), П. М. Голицын (сын фельдмаршала М. М. Голицына), В. И. Стрешнев (родственник Остермана), Ф. А. Апраксин; к концу ее царствования — П. Б. Шереметев, А. Д. Кантемир, И. А. Щербатов (зять Остермана), П. Г. Чернышев — в основном это были дети петровских вельмож, поддержавших Анну в 1730 году.

В число камер-юнкеров вошли состоявшие при Анне еще в Курляндии И. О. Брылкин, И. А. Корф, а также отпрыски московской знати: А. П. Апраксин, А. М. Пушкин, М. Н. Волконский, П. М. Салтыков. Княгиня Т. Б. Голицына была пожалована в обер-гофмейстерины, а новыми статс-дамами двора стали участвовавшие в борьбе Анны за престол графини Е. И. Головкина, Н. Ф. Лопухина, П. Ю. Салтыкова, Е. И. Чернышева, баронесса М. И. Остерман и княгиня М. Ю. Черкасская. В избранное общество попала и супруга обер-камергера Бенигна Готтлиба Бирон — после избрания ее мужа курляндским герцогом она «брала первенство» перед всеми дамами, включая обер-гофмейстерину.

В этом кругу старых служилых фамилий «немцев» было немного: среди камергеров мы видим И. А. Корфа, Э. Миниха, его родственника К. Л. Менгдена и ничем не прославившихся де ла Серра и барона Кетлера; среди

камер-юнкеров — шурина Бирона фон Тротта-Трейдена. Команда пажей была интернациональной — в ней состояли «Жан француз», «Петр Петров арап», И. М. Бенкендорф, И. Будберг, А. Скалой, В. Бринк³⁷. Очевидно, больше иностранцев не требовалось. Во-первых, служба при дворе была исконным почетным правом русской знати; во-вторых, Бирону не нужны были конкуренты. Он явно старался отдалить от трона все более-менее яркие фигуры безотносительно их национальности — например слишком активного фельдмаршала Б. Х. Миниха. После удаления влиятельного Карла Густава Левенвольде — он был отправлен послом сначала в Варшаву, а затем в Вену — серьезных соперников у Бирона не осталось, и, чтобы предотвратить их появление, он старался заместить придворные должности своими «креатурами» — не обязательно «немцами» (иностранцами). Так, обер-шталмейстером стал преданный ему Б. А. Куракин, а обер-егермейстером — А. П. Волынский.

В состав царского двора входили не только собственно придворные, но и те, кого можно назвать организаторами повседневной придворной жизни, носителями ее традиций и порядков. Вот здесь влияние «немцев» было более значительным. Анну обслуживали фрейлины Трейден, Вильман, Швенхен, Шмитсек; гофмейстерина Адеркас, мадам Бельман и «мадемозель» Блезиндорф воспитывали племянницу императрицы. Русские камер-юнгферы и карлицы были подчинены камер-фрау Алене Сандерше.

Придворными служителями командовали «метердотель» Иоганн Максимилиан Лейер, армией поваров и поварят верховодил «кухмистр» в генеральском чине Матвей Субплан, дворцовую скотобойню возглавлял императорский мясник Иоганн Вагнер. В более изящных сферах вращался зильбердинер Эрик Мусс — ведал придворным серебром. Балами распоряжался танцмейстер Игинс. На придворных концертах гостей восхищали «певчая» мадам Аволано (ее годовой оклад составлял тысячу рублей) и «кастрат Дреэр» (его жалованье было и того выше — 1237 рублей) под

руководством братьев Гибнеров — капельмейстера Иоганна и «композитера» Андреаса.

В таких условиях складывался универсальный европейский тип придворного, постигшего высокое искусство обхождения с сильными мира сего: вовремя польстить и к месту быть правдивым, вести тонкую интригу и хранить верность очередному высокому патрону; уметь наслаждаться не только охотой с гончими, но и оперой или балетом, быть способным отдать должное сервировке стола, не обязательно при этом напиваясь.

Внимательный наблюдатель, адъютант фельдмаршала Миниха Христофор Герман Манштейн оценил роль самого фаворита, большого охотника до роскоши и великолепия, в деле воспитания придворных: «Этого было довольно, чтобы внушить императрице желание сделать свой двор самым блестящим в Европе. Употреблены были на это большие суммы денег, но все-таки желание императрицы не скоро исполнилось». Зоркий глаз адъютанта заметил контрасты нового стиля петербургского двора: «Часто при богатейшем кафтане парик бывал прегадко вычесан; прекрасную штофную материю^[6] неискусный портной портил дурным покроем, или, если туалет был безукоризнен, экипаж был из рук вон плох: господин в богатом костюме ехал в дрянной карете, которую тащили одры. Тот же вкус господствовал в убранстве и чистоте русских домов: с одной стороны, обилие золота и серебра, с другой — страшная нечистоплотность. Женские наряды соответствовали мужским; на один изящный женский туалет встречаешь десять безобразно одетых женщин. Впрочем, вообще женский пол России хорошо сложен; есть прекрасные лица, но мало тонких талий. Это несоответствие одного с другим было почти общее; мало было домов, особенно в первые годы, которые составляли бы исключение; мало-помалу стали подражать тем, у которых было более вкуса. Даже двор и Бирон не сразу успели привести всё в тот порядок, ту правильность, которую видишь в других странах; на это понадобились годы; но должно признаться, что наконец всё было очень хорошо устроено».

Памятный день воцарения, 19 января, отмечался с выражением чувств в духе национальной традиции. Гостям во дворце надлежало пить из большого бокала с надписью: «Кто ее величеству верен, тот сей бокал полон выпьет»³⁸. «Так как это единственный день в году, в который при дворе разрешено пить открыто и много, — пояснял этот обычай английский резидент Рондо в 1736 году, — на людей, пьющих умеренно, смотрят неблагосклонно; поэтому многие из русской знати, желая показать свое усердие, напились до того, что их пришлось удалить с глаз ее величества с помощью дворцового гренадера»³⁹.

Однако гулянкам, обычным во времена Петра I и Екатерины, во дворце уже не было места. Гостей еще развлекали незатейливые персидские «комедианты» (скорее всего, вывезенные из оккупированных русскими войсками прикаспийских иранских провинций). Но в 1731 году русский двор во время праздничного обеда впервые услышал итальянскую «кантату на день коронации императрицы Анны Иоанновны» для сопрано, скрипки, виолончели и клавесина. В том же году в Россию из Дрездена прибыл целый театральный коллектив: под началом директора труппы актера Томмазо Ристори состояли актеры комедии дель арте, музыканты и певцы. Затем приехала группа европейских музыкантов и певцов во главе с упомянутым капельмейстером Гибнером. С появлением европейских артистов театральные пристрастия при дворе меняются, и «персиянские комедианты Куль Мурза с сыном Новурзалеем Шима Амет Кула Мурза да армяня Иван Григорьев и Ванис отпущены в их отечество».

В 1738 году танцмейстер Корпуса кадет шляхетных детей Жан Батист Ланде получил императорский указ об основании предложенной им «Танцевальной ее императорского величества школы» и выплате ему и его ученикам жалованья. Так появилась на свет труппа «обретающихся во обучении балетов российских 12 человек», включавшая первых отечественных профессиональных балерин — «женска полу девок»

Аксинью Сергееву, Елизавету Борисову, Аграфену Иванову и Аграфену Абрамову⁴⁰.

Нарочитая роскошь требовала значительных расходов. Жалованье придворных было немалым (камергер получал 1356 рублей 20 копеек; камер-юнкер — 518 рублей 55 копеек, что намного превосходило доходы простых обер-офицеров), но его постоянно не хватало. При Анне даже вельможи тяготились «несносными долгами». К примеру, Артемий Волинский искренне считал возможным «себя подлинно нищим назвать». «Нищета» была, конечно, весьма относительной, но зато давала повод императрице проявить милость и щедрость к тем, кто их заслуживал, за счет своих «комнатных» средств.

Завидная невеста и неудачливый жених

В этой атмосфере вступала в свою взрослую жизнь девочка, еще недавно не обладавшая сколько-нибудь определенным положением в обществе, а теперь оказавшаяся в центре внимания придворных и дипломатов. Дело было не только в родственных чувствах ее императорского величества. У Анны Иоанновны не было детей. Даже если признать, что младший из сыновей Бирона Карл Эрнст, родившийся в 1728 году и уже с четырехлетнего возраста «служивший» капитаном Преображенского полка, являлся на самом деле ее ребенком, предъявить мальчика в качестве наследника было немыслимо, а почти сорокалетней императрице было не за кого выходить замуж.

Правда, в 1730 году в Москву внезапно явился странствующий по Европе португальский принц Эммануэль. Знатный вояжер рассчитывал с австрийской помощью заключить выгодный брак — безразлично, с какой именно представительницей российского правящего дома, — но вел себя даже по меркам не отличавшегося особой утонченностью российского двора весьма неуклюже. Анне Иоанновне с Бироном залетный жених был совсем не нужен, и как только он это понял, тут же предложил руку ее сестре. Неразведенная Екатерина Ивановна убежала от гостя в слезах, а не слишком стеснительный принц был готов удовольствоваться ее дочерью — благо в ней многие видели наследницу престола. Однако Остерман и влиятельный обер-шталмейстер Карл Густав Левенвольде выступили против этого брака и сватовство удалось предотвратить, о чем сам Бирон писал Елизавете Петровне в оправдательной записке о своей службе при русском дворе.

Надоедливого жениха с почетом и подарками спланировали из Петербурга. Проблема, однако, осталась, ведь порядок престолонаследия в любой монархии являлся основным

законом, обеспечивавшим стабильность государства. Случайно занявшая престол Анна Иоанновна должна была закрепить его за династической ветвью царя Ивана Алексеевича, но эта ветвь включала лишь двух ее сестер: не разведенную с буйным мекленбургским герцогом Екатерину и горбунью Прасковью, бывшую замужем за петровским генералом И. И. Дмитриевым-Мамоновым. Ни та ни другая по указанным причинам на престол претендовать не могли. В то же время имелись потомки Петра I: дочь Елизавета и внук, голштинский принц Карл Петер Ульрих, указанные как наследники в завещании Екатерины I. Этот документ, объявленный в 1727 году, но молчаливо обойденный при «выборах» Анны в 1730-м, необходимо было лишить юридической силы.

По-видимому, царица поначалу действительно хотела сделать наследницей племянницу, «благодарную государыню принцессу» (во всяком случае, дипломаты в 1730 году именно так оценивали ее положение при дворе). Но то ли Анна-старшая не пожелала юной родственнице одиночества на троне, то ли не увидела в ней необходимых для «женского правления» качеств. «С этого времени вице-канцлер граф Остерман и обер-гофмаршал граф Левенвольд часто начали заговаривать с императрицею о порядке престолонаследия в России, вкрадчиво изъясняясь, что необходимо было бы принять надлежащие к тому меры. Императрица, настроенная подобными внушениями, поручила Остерману и Левенвольду обсудить этот вопрос вдвоем и доложить ей о результатах своих совещаний» — так в середине XVIII века объяснял ситуацию императрице Елизавете Петровне бывший фаворит и герцог Эрнст Иоганн Бирон, в то время живший в ссылке в Ярославле. По его словам, еще в 1730 году Остерман и Карл Густав Левенвольде посоветовали Анне Иоанновне не назначать племянницу наследницей, а поскорее выдать ее замуж за «иностранного принца», чтобы выбрать из детей от этого брака наследника мужского пола, «не стесняясь правом первородства».

Логика в этом предложении была: мужчина-наследник с безупречно породистой родословной выглядел бы предпочтительнее и незаконнорожденной Елизаветы, и голштинского «чертушки» — сына ее сестры Анны. Заодно стоило заблаговременно умерить возможные претензии на трон самой мекленбургской принцессы — кто знает, как она может повести себя, когда подрастет? И, конечно, надо было исключить влияние ее беспокойного родителя-герцога, который, считал Бирон, «не упустил бы случая внушать дочери гибельные покушения на спокойствие императрицы»⁴¹.

Двенадцатилетняя девочка оказалась в центре внимания придворных группировок и дипломатических интриг. Клавдий Рондо отметил в своих донесениях даже слухи о возможном браке дочери герцогини с голштинским принцем. Такой «марьяж» объединял бы две линии династии. Но министры Анны Иоанновны явно не желали объединять российские интересы с голштинскими, памятуя о том, как Екатерине I в 1726 году чуть было не пришлось из-за зятя-герцога объявить совершенно ненужную России войну с Данией. Как признал Остерман после своего ареста в 1741 году, в узком кругу приближенных Анны Иоанновны обсуждался вопрос об устранении от наследования престола потомков Петра I, прежде всего Елизаветы, путем выдачи ее замуж «за отдаленного чужестранного принца». Но министры Анны ничего не могли сделать с «ребенком из Киля» — сыном Анны Петровны и голштинского герцога Карла Фридриха.

Обстоятельный Остерман подготовил целый доклад на тему о возможных женихах для нашей героини, который больше походил на обзор внешнеполитических связей страны. В итоге министр признал «наиспособнейшим» кандидатом члена «прусского королевского дому», вторым назвал принца из «бевернского дому», каковой был бы угоден и Австрии, и Пруссии⁴². Анна Иоанновна долго думала. Манифест от 17 декабря 1731 года повелел подданным (на основании петровского закона о престолонаследии 1722 года) вновь присягать самой

государыне «и по ней ее величества высоким наследникам, которые по изволению и самодержавной ей от Бога данной императорской власти определены, и впредь определяемы, и к восприятию самодержавного российского престола удостоены будут»⁴³. Подданные, почесав затылки, присягнули неизвестным наследникам — с не сделавшими это разбиралась Канцелярия тайных розыскных дел. Но конкретного имени преемника императрица назвать пока не могла, власть не получила прочного юридического основания, и претензии на трон могли заявить различные претенденты.

Самой, казалось бы, вероятной из них досталась не слишком почетная роль производительницы «высоких наследников». Поначалу более предпочтительным казался ее брак с прусским принцем — благо отношения с сильно прибавившей в политическом весе Пруссией развивались успешно и обе державы договорились совместно действовать в Польше после смерти короля Августа II, чтобы обеспечить избрание удобного им кандидата. Отъезд К. Г. Левенвольде в Берлин заставил дипломатов обсуждать перспективного жениха — кронпринца Карла Фридриха (будущего короля Фридриха II Великого). Но этот возможный брачный альянс насторожил традиционную союзницу России — Австрию. Да и некоторые вельможи, в том числе генерал-прокурор П. И. Ягужинский, выступили его противниками. Однако волнения быстро утихли — в начале 1732 года в Петербург пришло известие об обручении прусского кронпринца со старшей дочерью герцога Брауншвейг-Люнебург-Вольфенбюттельского Фердинанда Альбрехта II Елизаветой Христиной. В этом же семействе подрастал и ее брат Антон Ульрих. Тогда еще никто не знал, что именно он через несколько лет станет мужем нашей героини.

Свято место пусто не бывает — на невесту с приданым в виде Российской империи сразу объявились иные претенденты. Одним из них стал опять же пруссак, Карл Фридрих Альбрехт Гогенцоллерн, маркграф Бранденбург-Шведтский, brave вояка и будущий генерал Фридриха II. Его интересы отстаивал в Петербурге прусский посланник

барон Аксель Мардефельд. Его саксонский коллега Лефорт выдвигал кандидатуру герцога Иоганна Адольфа Саксен-Вейсенфельского — любимца курфюрста Августа II. Англичанин Рондо считал, что и его правительству стоит поучаствовать в этом брачном конкурсе — предложить «нашего принца Вильгельма» — десятилетнего Уильяма Августа герцога Камберлендского, сына британского короля Георга II. Фигурировали в перечне женихов и братья датской королевы — принцы Фридрих и Вильгельм Эрнст Кульмбах-Байрейтские.

Маленькая принцесса жила при тетке во дворце. Наступила пора дать императорской племяннице достойное воспитание. При всей любви к сестре государыня понимала, что «дикая герцогиня» была на такие усилия неспособна, тем более что она, как отмечали наблюдательные дипломаты, «сильно предавалась спиртным напиткам» в сочетании со строгими постами. В марте 1731 года у Елизавета Екатерины Христины появился собственный придворный штат во главе с обер-гофмейстером, действительным тайным советником князем Ю. Ю. Трубецким. По совету прусского посланника из Берлина были выписаны гувернантка — она же гофмейстерина — госпожа Адеркас и две фрейлины, которые по прибытии приступили к своим обязанностям. Помимо них в штате состояли французские мадам Белман и «мамзель» Блезиндорф; русская «камер-медхина» Варвара Дмитриева, мундшенк^[7] Андрей Шагин, лакей Карл Вильгельм Клеменс и еще четыре «медхины».

Как заметила жена британского резидента, наставница принцессы была дамой опытной и во всех отношениях приятной: «Она чрезвычайно привлекательна, хотя и немолода; ее ум, живой от природы, развит чтением. Она повидала столь многие различные дворы, при большинстве которых ей какое-то время доводилось жить, что это побуждало людей всех званий искать ее знакомства, а ее способности помогли ей развить ум в беседах с интересовавшимися ею людьми. Поэтому она может быть подходящим обществом и для принцессы, и для жены

торговца и подобающе поведет себя с той и с другой. В частном обществе она никогда не оставляет придворной учтивости, а при дворе не утрачивает свободы частной беседы. При разговоре она ведет себя так, словно старается научиться чему-то у собеседников, хотя я считаю, что отыщется весьма мало таких, кому не следовало бы поучиться у нее»⁴⁴. Как увидим далее, гофмейстераина многому научила свою подопечную, в том числе и тому, чего ее наниматели не предполагали.

Седьмого декабря 1732 года императрица дала торжественный обед с участием дипломатического корпуса в честь пятнадцатилетия племянницы. Посланники с интересом рассматривали потенциальную наследницу и дружно нашли, что барышня выглядит старше своих лет. Однако их больше занимали не внешность и другие достоинства юной особы. «Никто не может сообразить, кого же, собственно, ее величество предназначает для своей племянницы», — посетовал под Новый год Рондо⁴⁵.

Впрочем, теряться в догадках пришлось недолго — уже в январе 1733 года британский резидент узнал имя предполагаемого счастливца. Им стал принц Антон Ульрих Брауншвейг-Люнебург-Бевернский, второй сын союзника и фельдмаршала австрийского императора герцога Фердинанда Альбрехта II. Выбор был сделан благодаря рекомендации К. Г. Левенвольде, и уже в феврале того же года искатель руки российской принцессы прибыл на смотрины в Петербург. «Я не могу более скрывать от вас тайну — я еду в Россию и там получу полк», — с юношеским восторгом сообщил сам претендент брату Карлу с дороги; очевидно, самой женитьбе восемнадцатилетний принц в то время придавал несколько меньшее значение, чем командованию солдатами. Но раз для получения полка надо было жениться — так и быть...

Антон Ульрих пустился в путь инкогнито под именем графа Штольберга, но едва ли кто-то не знал, куда и зачем отправился брауншвейгский молодец, тем более учитывая, что, едва он пересек границу России, у него появился эскорт из двадцати четырех драгунов. В Риге его ждал

торжественный прием с визитами, обедами и ужинами. На всех почтовых дворах принцу и его свите меняли лошадей, обеспечивали едой и напитками, поставлявшимися на почтовые станции живущими поблизости дворянами.

Анна Иоанновна пожелала, чтобы потенциальный жених любимой племянницы прибыл к ее именинам, о чем ему и сообщил примчавшийся из Петербурга камер-юнкер фон Трейден; он же обеспечил гостя «спальными санями», в которых можно было ехать без остановок на ночь. Обогнав обоз со слугами и багажом, Антон Ульрих успел вовремя — он въехал в русскую столицу 3 февраля 1733 года. Отдохнув несколько часов, принц в присланной за ним карете отправился в Зимний дворец и предстал перед российской императрицей: «Его светлость обратился к ней с не столь длинным, но зато весьма изысканным приветствием... и поцеловал ей платье и руку»⁴⁶. Этим же вечером государыня отметила именины и за царским столом гость впервые встретился с российскими принцессами — своей четырнадцатилетней невестой и красавицей-цесаревной Елизаветой Петровной. Среди блеска придворного праздника никто не мог предполагать, что обе они сыграют в жизни Антона Ульриха роковую роль: одна станет ему неверной и нелюбящей женой, вторая навсегда превратит его в бесправного узника.

Принц и брауншвейгский посланник Кништедт были счастливы: их принимали самые важные особы в государстве — вице-канцлер Остерман и кабинет-министр Черкасский; фаворит Бирон, обычно никому визитов не наносивший, явился и пробыл около часа. Сама российская императрица изволила милостиво похлопать принца по плечу, а вице-канцлер Остерман проводил его до кареты — эти важные новости, пришедшие из Петербурга, и радовали брауншвейгский двор.

Антон Ульрих постепенно освоился в российской столице. День он обычно начинал в манеже — Бирон обожал лошадей, и верховая езда была в особом почете при дворе Анны Иоанновны. Отец советовал учиться русскому языку и разговаривать на нем с принцессой Мекленбургской во

время карточной игры или прогулок. Послушный сын внял совету, благо императрица сама назначила ему учителя, знавшего также французский и латинский языки. Обычный распорядок дня принца был таков: «Его светлость с 10 до половины двенадцатого в манеже, с 8 до 10 у господина Тредиаковского за изучением русского языка и с половины седьмого до восьми за изучением перечисленных наук занят быть имеет»⁴⁷. Прибывший на смену Кништедту новый брауншвейгский посланник Иоганн Кейзерлинг через два года писал в Вольфенбюттель: «Принц Антон Ульрих иногда занят до обеда верховой ездой в императорском манеже, а в другие дни столько же времени старается уделять русскому языку и упражнениям в фортификации». Кажется, наука пошла впрок; трудно сказать, как у принца получалось говорить по-русски — но писать свое имя он точно умел.

Еще больше он желал командовать настоящим кирасирским полком — рослыми всадниками в сияющих латах, лихо салютующими палашами и выполняющими надлежащие экзерции. В апреле 1733 года принц вступил в русскую службу с чином полковника и огромным (совсем не по чину) жалованьем в 12 тысяч рублей, о чем с гордостью сообщил деду — старому герцогу Людвигу Рудольфу. Анна Иоанновна в июне 1733 года указала Военной коллегии назначить Антона Ульриха «в новосочиняемый кирасирский полк», который получил название Бевернского. Правда, сам полк еще только формировался вдали от столицы и ожидал пополнения людьми, получения из Пруссии лошадей и амуниции; занимался всем этим, конечно, не принц, а опытный подполковник Александр Еропкин⁴⁸. Чтобы утешить Антона Ульриха, фельдмаршал Б. Х. Миних пригласил его на смотр другого кирасирского полка и сам участвовал в экзерциях; расчувствовавшийся принц объявил, что «не видел ничего прекраснее этого полка».

И правда, что может быть для настоящего воина краше блестящих кирасиров на параде? Тем более что, судя по письмам принца и брауншвейгских дипломатов, невеста впечатления на них не произвела. Посланник Кништедт

лишь счел необходимым отметить, что она «довольно рослая, красива лицом, имеет хорошие манеры и весьма благовоспитанна и можно надеяться, что меж ними возникнут добрые отношения». Да и сам Антон Ульрих упоминал о принцессе наряду с другими важными персонами — Бироном или Остерманом — и не более того. Да и зачем, собственно, если дело уже решено?

Самой же девушке в это время было не до праздников. Она исполняла положенную роль — танцевала с Антоном Ульрихом, играла с ним в карты, гуляла в саду. 12 мая она была крещена в православную веру и стала Анной Леопольдовной (хотя правильнее было бы называть ее Анной Карловной) — под этим именем ей предстояло войти в отечественную историю. Внимательные дипломаты заметили, что она переболела корью; тяжело хворала и ее мать, неугомонная Екатерина Мекленбургская. Она уже не вставала с постели, но приглашала к себе жениха дочери, «позволяла принцу целовать себе не только руку, но и губы», просила Анну разговаривать с юношей только по-русски и обещала, что сама возьмется его учить. Чему бы Екатерина Ивановна научила брауншвейгского молодца, большой вопрос; однако дни ее были сочтены: 24 июня 1733 года герцогиня скончалась. Ее похоронили рядом с матерью, царицей Прасковьей, в Александро-Невском монастыре.

Узнав о смерти матери, Анна упала в обморок; рядом с юной девушкой не осталось близких людей, кроме властной и грубоватой тетки-императрицы. Казалось, что ее история — судьба Золушки. Бедная девочка, перебравшаяся с неудачливой матерью из постылого Мекленбурга на задворки московского Измайлова, теперь жила во дворце, как царская дочь, и превратилась в почти сказочную принцессу с приданым в виде царства и претендентами на ее руку из лучших владетельных домов Европы.

Но у сказки есть и обратная сторона. У юной барышни не было ни родительского внимания, ни настоящих друзей. Придворный мир, несмотря на весь свой блеск, не создан для искренних чувств и отношений. И дело даже не в том, что для вельмож, министров и дипломатов она была всего

лишь пешкой в очередной интриге, из череды которых состояла бесконечная борьба за почет и влияние. Одинокая и не слишком уверенная в себе девочка-подросток должна была каждый день выступать «на сцене». Внешнее почтение оборачивалось пристальными взглядами сотен глаз; обсуждались — и далеко не всегда с симпатией — каждый ее шаг, каждое слово, каждый поступок, выражение лица, платье, жесты. «Принцесса Анна, на которую смотрят как на предполагаемую наследницу, находится сейчас в том возрасте, с которым можно связывать ожидания, особенно учитывая полученное ею превосходное воспитание. Но она не обладает ни красотой, ни грацией, а ум ее еще не проявил никаких блестящих качеств. Она очень серьезна, немногословна и никогда не смеется; мне это представляется весьма неестественным в такой молодой девушке, и я думаю, за ее серьезностью скорее кроется глупость, нежели рассудительность» — такую характеристику дала ей в 1735 году леди Рондо. А ведь она была вроде бы непредвзятым наблюдателем.

Гораздо более выигрышно смотрелась фигура ее двоюродной тетки. Та же супруга английского резидента отмечала: «Принцесса Елизавета, которая, как вы знаете, является дочерью Петра I, очень красива. Кожа у нее очень белая, светло-каштановые волосы, большие живые голубые глаза, прекрасные зубы и хорошенький рот. Она склонна к полноте, но очень изящна и танцует лучше всех, кого мне доводилось видеть. Она говорит по-немецки, по-французски и по-итальянски, чрезвычайно весела, беседует со всеми, как и следует благовоспитанному человеку, — в кружке, но не любит церемонности двора»⁴⁹.

Один из первых портретов принцессы Анны 1730-х годов из Русского музея, приписываемых то Андрею Матвееву, то Ивану Никитину, как будто подтверждает характеристику, данную ей английской леди. На нем предстает худенькая девушка-подросток с гладкой прической и невыразительными чертами лица; трудно сказать что-либо, кроме того, что она очень молода, не слишком красива и не очень обаятельна.

Несколько портретов кисти Иоганна Генриха Ведекинда и Луи Каравака демонстрируют уже более импозантную фигуру в придворном платье из блестящей плотной ткани с кружевной отделкой по вырезу и рукавам, лентой и звездой дамского ордена Святой Екатерины. Каравак (на портрете из музея В. А. Тропинина) изображает принцессу в парадном уборе — окутанной подбитой горностаем мантией, с высоким алмазным эгретом^[8] и жемчужными нитями в волосах, с распластанным нагрудным украшением из алмазов и орденской лентой, скрепленной около плеча алмазным аграфом^[9] и завязанной ниже пояса пышным бантом⁵⁰.

Точное время создания этих портретов также неизвестно. Ясно только, что они были написаны после 1733 года, когда Анна Леопольдовна получила орден. Художникам позировала уже не скромная барышня, а особа царской крови. То ли обстоятельства так ее изменили (при дворе взрослеют быстро), то ли полотна писались уже где-то между 1739 и 1741 годами в связи со свадьбой, рождением наследника и регентством Анны. Но на всех парадных портретах она как бы застыла в торжественной позе; бледное удлиненное лицо с большим ртом и плотно сомкнутыми губами невыразительно и кажется настороженным, будто высокородную принцессу тяготит это великолепие...

Выдерживать парадность и публичность императорского двора с его утомительными церемониями и завистливыми взглядами не всем под силу. Не отсюда ли несколько необычные для принцессы охота «до чтения книг» (в те времена барышни чтением — тем более серьезным — не увлекались) и вкус «к драматическому стихотворству»? «Она мне часто говаривала, — писал хорошо знавший Анну Миних-младший, — что нет для нее ничего приятнее, чем те места, где описывается несчастная и пленная принцесса, говорящая с благородной гордостью». Понятно, что речь идет о героинях романов. Ее интересы всё же не были столь глубоки, как у другой заброшенной в Россию немецкой девушки, читавшей серьезные труды по истории,

юриспруденции и тому подобным предметам, а главное — внимательно изучавшей окружавший ее придворный мир с его персонажами и ставшей впоследствии императрицей Екатериной Великой.

Этому же учил и изданный в 1741 году в России «Грациан придворной человек» — учебник политической премудрости испанского писателя-иезуита Бальтазара Грациана. Автор настоятельно рекомендовал всякой высокопоставленной особе тщательно «розведывать дела», «не быть неприступным», «иметь искусство в обхождении», «у всех любовь получить», ибо «властвовать над людьми есть зело трудное дело». Екатерина следовала именно этим путем. Анна же как будто именно в книжных героинях искала для себя образец и готова была ему подражать, отстаивая свое право на свободу в придворном мире с его бесконечным притворством. Может быть, именно под влиянием романов у принцессы зародилась неприязнь к незнакомому человеку, которого навязчиво прочили ей в мужа.

Да и впрямь жених оказался не подарком. Восемнадцатилетний потомок древнего рода Вельфов, племянник супруги императора Священной Римской империи Карла VI, шурин будущего прусского короля Фридриха II и двоюродный брат наследницы австрийского престола Марии Терезии выглядел лет на 14–15: маленького роста, щуплый и застенчивый, он совсем не был похож на красавца-принца на белом коне, о котором мечтают романтические барышни во все времена. Саксонский посланник Лефорт уже в мае 1733 года доложил своему курфюрсту: «...уверяют, что принц Бевернский не нравится принцессе». Английский посол лорд Джордж Форбс в сентябре также сообщил, что жених не нравится принцессе Анне, более того, у него есть враги при дворе, и уже распространен слух, что он страдает «падучей» — эпилепсией, и высказался еще более определенно: «Брака не будет»⁵¹. А тут еще отец невесты Карл Леопольд объявил протест против оскорбительного для его чести брака: вторгшиеся в мекленбургские владения брауншвейгские

войска причинили герцогу огорчения и убытки, да и вообще он наметил выдать дочь за одного из французских принцев.

Беглого герцога всерьез никто не принимал. Едва ли кого из государственных людей беспокоили и чувства юной племянницы императрицы. Однако намеченная на лето помолвка так и не состоялась. Остерман был сторонником заключения брачного союза и не раз заявлял брауншвейгцам, что не видит для него препятствий: «Никто другой, кроме вашего принца Антона Ульриха, не получит и не должен получить принцессу Мекленбургскую». А Бирон открыто посмеивался над брауншвейгским посланником Книшtedтом; как мы увидим, у него появились собственные виды на принцессу. Британский резидент Рондо получил от своего правительства инструкции препятствовать заключению брака, который мог усилить позиции России в Европе, а потому старался внушать придворным, что принц слаб здоровьем и не годится на роль отца будущего российского императора.

В итоге государственное дело о свадьбе Анны Леопольдовны повисло в воздухе. Впрочем, обошлось без скандала. Уже получивший от отца благословение на брак Антон Ульрих являлся почетным гостем российского двора. Поскольку он формально прибыл для поступления «в службу ее императорского величества», то и продолжал до лучших времен на ней состоять — шефом своего расположенного на далекой Украине полка, без урона чести, который был бы нанесен в случае получения официального отказа на предложение руки императорской племяннице.

Война и любовь

Мы уже никогда не узнаем, какое впечатление произвел на Анну юноша, которого предназначили ей в мужья. Судя по их дальнейшим отношениям, едва ли оно было благоприятным.

Может быть, и у тетки-императрицы дрогнуло сердце, когда она вспомнила, как ее саму почти четверть века назад выдали замуж за такого же юного и слабенького немецкого принца Фридриха Вильгельма из Курляндии. В Петербург ее жених прибыл далеко не в лучшем состоянии, и его министры даже заикнулись было о переносе свадьбы на более поздний срок. Однако ее грозный дядя Петр I торопился в поход на турок и медлить не желал. 31 октября 1710 года свадьба состоялась; сам государь был и распорядителем — «обер-маршалом», и посаженным отцом новобрачной. Торжество прошло с «магнифициенцией» в петровском духе: кортеж лодок по Неве доставил невесту в белом роскошном платье, с бриллиантовой короной на голове, в дом, предоставленный жениху, а потом во дворец Меншикова. Далее последовали фейерверки, танцы, роскошный пир. Гостей усердно «трактовали» — по выражению самого царя, «до состояния пьяного немца»; это обстоятельство сыграло роковую роль в судьбе молодоженов. Бедный Фридрих Вильгельм выехал из Петербурга уже совсем больным и скончался 13 января 1711 года на почтовой станции по дороге домой. Для Анны, выбравшейся было из-под опеки не любившей ее матери и сурового дяди, эта смерть означала крушение надежд. С тех пор она так и осталась вдовой — претенденты на ее руку отметались либо Петром, либо окрестными монархами — и прожила 20 лет в захолустной Курляндии.

Едва ли Анна-старшая мечтала о такой доле для племянницы. Но теперь уже она сама была не девицей на выданье, а повелительницей империи и должна была руководствоваться не сантиментами, а государственными интересами. Племянница получила свою резиденцию —

бывший дом покойного генерал-прокурора и кабинет-министра П. И. Ягужинского; там же теперь заседал Кабинет министров. Анна-младшая должна была подчиняться дворцовому церемониалу: присутствовать на богослужениях, праздниках и прочих протокольных мероприятиях, переезжать с двором в Летний дворец и Петергоф, сопровождать императрицу в ее выходах. Наблюдатели отмечали присутствие при государыне обеих молодых родственниц — Анны и Елизаветы — и сравнивали их.

«В центре партера стояли три кресла; в среднем сидела ее величество, а по бокам — принцессы в роскошных одеждах. Принцесса Анна была в малиновом бархате, богато расшитом золотом; платье было сшито, как и подобает инфанте. Оно имело длинный шлейф и очень большой корсет. Кудрявую головку Анны красиво покрывали кружева, а ленты были приколоты так, что свисали примерно на четверть ярда. Ее шемизетка^[10] была собрана шелком в складки и плотно прилегала к шее. У нее были четыре двойных гофрированных воротника, на голове бриллианты и жемчуг, а на руках браслеты с бриллиантами. Одежды принцессы Елизаветы были расшиты золотом и серебром, а всё остальное не отличалось от одежд принцессы Анны» — такими увидела спутниц государыни на оперном представлении английская гувернантка Элизабет Джастис.

Датский ученый Педер фон Хавен в 1735 году явился свидетелем происшествия на праздновании именин императрицы: «...одна ракета упала в окно дворца, где стояли рядом принцессы Анна и Елизавета, и одна из принцесс пострадала от разбитого стекла». Он же в следующем году писал о их участии в свадьбе дипломата Кейзерлинга с фрейлиной императрицы: «Обе принцессы — Елизавета и Анна — вели невесту. Обряд бракосочетания совершал самый старый немецкий пастор. Когда он произносил слово и когда пели, принцесса Анна была очень тиха, набожна и благоговейна. Принцесса же Елизавета была весела, переменчива и во время венчания более

применяла свои глаза, нежели уши. Она, казалось, смеялась над голосом немецкого пастора, о котором его прихожане говорили, что он в юности сорвал голос».

«...Елизавета и Анна выглядели весьма изящными и обе были очень красивыми», — отметил присутствие принцесс на экзерции гвардейского полка в сентябре 1737 года шотландский врач Джон Кук⁵². А француз Шетарди сообщил, что Анна Леопольдовна «такого же характера, как и ее тетка, и старается подражать ей во всём».

Кажется, юная Анна в глазах зевак успешно выдержала сравнение с признанной красавицей Елизаветой. Но племянница императрицы всё же была первой из двух равных. Шетарди в 1739 году докладывал, что при определении порядка его визитов к принцессам Остерман заявил: официальное положение Анны Леопольдовны и цесаревны Елизаветы Петровны одинаково, однако «принцесса Анна настолько дорога для царицы, что всё, относящееся к ней, затрагивает непосредственным образом ее царское величество, которая смотрит на эту принцессу как на свою дочь».

Что же касается замужества племянницы, то, возможно, царица засомневалась в правильности своего выбора и решила не настаивать — вопрос о браке на некоторое время исчез из посольских реляций. Но государыня не отменила своего выбора — она лишь решила подождать, пока молодые привыкнут друг к другу, а инфантильный принц возмужает и станет для невесты более привлекательным.

Получилось, правда, наоборот. Антон Ульрих вел себя примерно: исправно учил русский язык, читал «нравоучительные книги» и набирался воинского опыта. А вот юная принцесса, постигавшая придворные науки, неожиданно обнаружила женский темперамент, обратив неподобающее внимание на саксонского посланника, графа Морица Динара. Выяснилось, что Анна Леопольдовна проводила время наедине с Динаром, а мадам Адеркас не только не препятствовала этим свиданиям, но и поощряла увлечение воспитанницы, которая теперь стремилась

избегать Антона Ульриха и давала понять, что он ей не слишком приятен.

Пришлось принимать меры. Рондо отметил, что 20 июня 1735 года кабинет-министры лично повелели мадам Адеркас покинуть и дворец, и Россию. С помощью офицеров гвардии, тащивших ее багаж, проштрафившаяся воспитательница была отправлена в Кронштадт и в тот же день выдворена на почтовом корабле в Любек; в качестве компенсации ей выдали 2900 рублей⁵³. Камер-юнкер принцессы Иван Брылкин поехал в другую сторону — в казанский гарнизон. Думается, Елизавета вполне понимала чувства «сестрицы» — ее вольная жизнь в Александровской слободе закончилась в 1731 году, когда ее милого Алексея Шубина отправили в Сибирь, а сама она по требованию грозной царицы вынуждена была пребывать при дворе.

Проказника-графа не то что в Сибирь, но и обратно в Саксонию просто так выслать было невозможно — все-таки он являлся официальным посланником иностранного и к тому же дружественного государства. Кажется, его роман с принцессой был платоническим, но в дипломатических кругах он породил волнение: спустя почти два года (в марте 1737-го) специально разведывавший его обстоятельства резидент Рондо докладывал в Лондон, что «ничего преступного между ними не происходило»⁵⁴.

Но и слухов было довольно. В раздражении Анна Иоанновна писала начальнику Тайной канцелярии А. И. Ушакову: «А знаете вы причину бывшей гофмейстерины Адеркас с Ле-нартом (Линаром. — *И. К.*), а мы известны, что та корреспонденция продолжалась через Ленарта, и в ту пору надлежало бы, что[б] он был взят оттудова, а для важных резонов, о чем вы сами знаете, отложено было. А ныне, кажется, лутчего способа нет, что указ послать к Кейзерлингу (русскому послу в Саксонии. — *И. К.*), чтоб он старался добрым и тайным образом, чтоб он (Линар. — *И. К.*) больше не был прислан». Правда, чтобы не повредить отношениям с Августом III, следовало сделать вид, что Динаром в Петербурге были довольны: «...нам очень было

[бы] приятно, ежели король ему какую милость явно покажет»⁵⁵.

План удался: Линар отправился в Дрезден и обратно не вернулся — до поры. Сам Бирон просил саксонский двор более не присылать соблазнителя в Россию. К сожалению, мы не знаем, каковы были достоинства графа; но его брат, прибывший в Петербург в 1749 году в качестве датского посланника, производил на дам неизгладимое впечатление. «Он был статен, хорошо сложен, рыжевато-белокурый, с белым, как у женщины, цветом лица; говорят, он так холил свою кожу, что ложился спать не иначе, как намазав лицо и руки помадой, и надевал на ночь перчатки и маску. Он хвастался тем, что имел восемнадцать детей, и уверял, что всех кормилиц своих детей приводил в положение, в котором они вторично могли кормить. Этот граф Линар, такой белый, носил датский белый орден, и у него не было другого платья, кроме самых светлых цветов, как, например, голубого, абрикосового, сиреневого, тельного цвета и проч., хотя в то время на мужчинах еще редко можно было видеть такие светлые цвета», — описывала этого кавалера тогдашняя супруга наследника российского престола, будущая императрица Екатерина II⁵⁶.

«Принцесса была молода, а граф — красавец» — так прокомментировал эту придворную драму резидент Рондо, внимательно наблюдавший за наследницей русского престола. Понятно, что 33-летний блестящий дипломат-придворный был в глазах шестнадцатилетней девушки куда привлекательнее, чем замухрышка-принц. Ее увлечение было, по-видимому, искренним и сильным — судя по тому, что роман с Линаром имел продолжение после смерти тетки-императрицы. Но при ее жизни подобных приключений больше не было — за принцессой пристально следили. Правда, едва ли вынужденная добродетельность пошла барышне на пользу. «Принудительная жизнь, которую Анна Карловна вела с самых нежных лет, тщательный надзор за всеми поступками ее и позволение видаться только с некоторыми известными особами сделали ее задумчивой и поселили в ней такую склонность к

уединению, что по вступлении в правление государством тягостно было для нее принимать к себе разных [лиц] и являться в больших собраниях двора» — так оценил последствия ее придворного воспитания неизвестный автор примечаний на записки Манштейна⁵⁷.

Не случайно Бирон прохаживался (хотя на следствии в том и каялся) насчет того, что принцесса «каприжесна или упряма», и уверял, будто бы она заявляла: «Как де мне каприжесной или упрямой не быть, ибо мои родители оба каприжесны», — а то и высказывала желание «министров и генералов в воду побросать». А ведь ей, необъявленной, но очевидной наследнице императрицы, подобало действовать как раз наоборот: вникать в подробности официального дворцового порядка и закулисных интриг, привлекать сторонников, выяснять скрытые мотивы поступков окружающих (и не только вельмож, но и фигур второстепенных), их привычки, связи. Постижение искусства править требовало воли, настойчивости, умения привлекать к себе людей, наконец, расходов.

Юную Анну Леопольдовну такая придворная выучка, кажется, не привлекала. Тем не менее скандал удалось предотвратить и после отъезда красавца-графа дворцовая жизнь потекла по-прежнему: официальные выходы, праздники, балы, охоты, сезонные переезды из Зимнего в Летний дворец, а в июле-августе — в Петергоф. В 1739 году в «зимнем доме» для Анны-младшей был выстроен манеж, на содержание которого было отпущено 1200 рублей⁵⁸. День рождения принцессы (7 декабря) и ее «тезоименитство» (9 декабря) при дворе праздновали, по словам Рондо, «чрезвычайно торжественно» — с явкой придворных и дипломатического корпуса для поздравления и последующими балом и ужином. Однако чем дальше, тем более очевидно перед императрицей вставала проблема престолонаследия, роковая для российского престола в XVIII веке.

Обе сестры императрицы Анны умерли вскоре после начала ее царствования (Прасковья в 1731 году, а Екатерина в 1733-м), зато здравствовали цесаревна Елизавета и

голштинский внук Петра I. Между тем отодвинутый на время Антон Ульрих показал себя достойно. Весной 1737 года он отправился волонтером на Русско-турецкую войну. Его собственный кирасирский полк в кампании не участвовал, и юный принц состоял при штабе командующего Миниха. Из писем Антона Ульриха можно узнать, как нелегко дались его обозу — саням и телегам — русские дороги, так что его светлости даже приходилось временами идти пешком. Его слуги болели, но о себе принц писал, что здоров, и сетовал только на медленное продвижение к цели похода — турецкой крепости Очаков.

В пути он обсудил с фельдмаршалом важный вопрос о том, какие галуны и перчатки должны носить офицеры его Бевернского полка — и получил от запасливого Миниха пару перчаток в виде образца. Степной марш закончился в конце июня у стен Очакова, запиравшего выход из Днепра в Черное море. Осадная артиллерия отстала, и Миних решился на атаку крепости с ходу 1 июля шли упорные бои в предместьях; на следующий день армия пошла на штурм. Двадцатитысячный гарнизон защищался умело и отчаянно. Под турецким огнем солдаты не смогли форсировать окружавший крепость ров и отступили, несмотря на то, что командующий и следовавший за ним со знаменем в руках принц Антон пытались их остановить. Провал операции был неминуем — но на счастье Миниха в крепости начался пожар, огонь вызвал разрушительные взрывы пороховых погребов и турецкий командующий Яхья-паша стал просить о перемирии. Фельдмаршал потребовал капитуляции в течение часа, пообещав в этом случае сохранить пленным жизнь. В безвыходном положении турки приняли эти условия. Потери русской армии были велики — около тысячи человек убитыми и трех тысяч ранеными, но зато им достались богатые трофеи: крепостная артиллерия, 18 галер, запасы продовольствия и имущество побежденных — золото и серебро, дорогое оружие и украшения.

После взятия крепости Миних доложил императрице, что Антон Ульрих находился рядом с ним в центре сражения; пуля пробила его кафтан, одна лошадь под ним ранена в

ухо, вторая убита. За мужество в бою фельдмаршал представил принца к чину генерал-майора и отпрапортовал, что тот успешно овладевает воинским искусством и со временем «знатный и рассудительный генерал быть может»: «А о храбрости его свидетельствует бывший при Очакове штурм, при чем он так поступал, как старому и заслуженному генералу надлежит».

Императрица была довольна избранником и по возвращении героя ко двору одарила его поцелуем в щеку. Бирон пробыл у него с визитом почти два часа, что означало исключительный респект со стороны фаворита. Но на невесту воинские его лавры как будто особого впечатления не произвели. Пристально наблюдавшие за ней брауншвейгцы гадали: «Настроение принцессы всё еще очень переменчиво. Когда принц Антон Ульрих по возвращении нанес первый визит, она была безучастной; напротив, на другой день за игрой казалась гораздо веселее. Такого рода перемены продолжаются всё время, так что ничего понять нельзя»⁵⁹.

Вот и пойми этих женщин — Анна-младшая то показывала «большую склонность», то демонстрировала столь же явное безразличие. Так или иначе, «главное дело» не сдвигалось с места. Бравый воин стал готовиться к новому походу. Но, по мнению императрицы, принц заслужил поощрение — и был в день рождения государыни пожалован высшим российским орденом и произведен в премьер-майоры лейб-гвардии Семеновского полка. Тогда же, в начале 1738 года, на русскую службу поступил паж новоиспеченного гвардейского штаб-офицера — впоследствии едва ли не более знаменитый, чем он сам, барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен, «по просьбе герцогини Бирон» принятый корнетом в его кирасирский полк, переименованный из Бевернского в Брауншвейгский.

Принц со свитой вновь двинулся покорять южнорусские степи с обозом из четырнадцати саней. Летом 108-тысячная армия Миниха переправилась через Буг и двинулась в направлении турецкой крепости Бендеры. В связи с тем, что в Бессарабии свирепствовала эпидемия, Миних приказал

идти через территорию Польши, хотя этим и нарушал ее нейтралитет. В непрерывных боях с наседавшей турецко-татарской конницей русские войска медленно продвигались вперед. «А как пришли к реке Днестру, жары были великие и частое утруждение от неприятеля, от чего немалая слабость в армии стала показываться, а паче скот весьма ослабел», — вспоминал этот поход капитан гвардии Василий Нащокин.

Войска медленно шли по выжженной противником степи днестровского левобережья, то и дело форсировали многочисленные притоки и постоянно подвергались нападениям. Неприятельская кавалерия наносила удары с флангов и тыла, норовя отрезать обозы. В бою близ реки Билочь 23 июля отряд Антона Ульриха, прикрывавший правый фланг русской артиллерии, отразил атаку турецкой конницы, затем в дело вступили пушки и враг был, по словам Миниха, «яко мякина от ветра развеян». Спустя несколько дней три полка под командованием принца прикрывали переправу арьергарда армии через Билочь.

После одной из стычек с татарами brave вояка написал брауншвейгскому посланнику Кейзерлингу в Петербург: «Противник нами разбит, но чувствую более досаду и усталость, чем радость, и это было бы мне совсем невыносимо, ежели бы я не думал о том и не утешался тем, что все бури выстоял и выстою ради благосклонности совершенной и добродетельной принцессы»⁶⁰. Однако Антону Ульриху не удалось ни совершить воинских подвигов, о которых он мечтал, ни завоевать сердце принцессы.

Он уже видел на другом берегу Днестра турецкий лагерь, по которому открыла огонь артиллерия. Но генеральное сражение с неприятелем так и не состоялось. Переправляться на крутой берег на виду у всей турецкой армии командующий не решился и приказал отступить. Обратный путь был тяжелым, поскольку «неприятель от нее (русской армии. — И. К.) не отлучался, которым проводникам мы не очень рады были и от непрестанных тревог зело утруждены, а паче фуражирование нужное

происходило». Фуражиры немедленно подвергались нападениям, и беспечность обходилась дорого. Однажды налетевшие татары убили и взяли в плен 700 человек, после чего Миних разжаловал командира дивизии генерала Загряжского в драгуны, а командира разгромленной «партии» приказал расстрелять. Гибель тяглового скота заставляла уничтожать «амуничные вещи» и прочее снаряжение, а ядра закапывать в землю. Порой приходилось всей армии стоять в безводных местах, ожидая возвращения отправленных за водой внушительных отрядов в 10–12 тысяч человек. В ослабленной длинными переходами, плохим питанием и жарой армии начались болезни. Отступление к своим границам осуществлялось, как писал один из офицеров, «подобно ретирade побитой армии». В довершение неудач этого года в завоеванном Очакове началась чума. Миних приказал взорвать крепость, а гарнизон отвести к Днепровским порогам. Таким образом, кампания не только не завершилась победой, но и привела к потере опорных пунктов; в руках русских войск остался лишь Азов.

Свершение «главного дела»

Неизвестно, о чем думала и мечтала Анна, пока ее кавалер геройствовал в степи, но и по его возвращении «главное дело» по-прежнему не двигалось с места. Однако теперь препятствием стал фаворит императрицы и владетельный курляндский герцог Бирон — точнее, его честолюбивое стремление породниться с двумя династиями сразу. По-видимому, герцог колебался в выборе: женить своего сына Петра на Анне Леопольдовне, просить для него руки сестры Антона Ульриха или выдать свою дочь Гедвигу Елизавету замуж за кого-то из младших братьев брауншвейгского принца. Позднее сам он в записке императрице Елизавете признавал только то, что австрийская императрица через своих министров просила его похлопотать о бракосочетании принца, предлагая выдать за сына фаворита одну из вольфенбюттельских принцесс с ежегодным доходом в 100 тысяч червонцев из ее собственной кассы: «Хотя я и благодарил императрицу, отклоняясь молодостью моего сына, но все-таки успел в подозрении, что ищу женить его на принцессе Анне, чего никогда не приходило мне в голову».

К нему уже обращался зять Петра Великого, голштинский герцог Карл Фридрих, с просьбой о пособии в 100 тысяч рублей, предлагая взамен устроить брак дочери обер-камергера со своим маленьким сыном — будущим императором Петром III. Бирон показал письмо герцога императрице, но она терпеть не могла и «голштинского чертушку», и его родителя, а потому категорически отказала: «Этот пьяница ошибается, думая выманить у меня подобным предложением деньги. Кроме презрения, он ничего от меня не дождется». Сама она хотела выдать Гедвигу Елизавету за наследного принца Гессен-Дармштадтского; однако его отец, ландграф Людовик VIII, заявил, что никогда не примет в свою семью «внучку конюха».

Но мысль о женитьбе сына и наследника не шла у Бирона из головы. Первый вариант был самым желательным, однако и самым трудноосуществимым. Фаворит не мог не понимать, что попытка сделаться свекром будущей российской императрицы или дедом императора (в случае, если Анна Иоанновна оставит престол ребенку племянницы) резко выводила его из привычной «службы» и придворной среды, такого успеха не прощавшей. Он не мог не знать о судьбе замахнувшихся на подобную роль Меншикова и Долгоруковых. Кроме того, намерение императрицы передать престол Анне или ее потомству еще не было официально подтверждено. А давление на императрицу в столь важном и деликатном вопросе могло быть расценено ею как покушение на самодержавную власть, к радости всех его придворных «друзей» вроде Миниха, Волынского или Остермана.

Второй вариант был реальнее, поскольку у Антона Ульриха имелись две незамужние сестры — Луиза Амалия и София Антония. Выдать дочь за одного из братьев Антона Ульриха (Людвига Эрнста или Фердинанда) тоже было бы неплохо — только следовало дождаться, когда невеста подрастет (ей в 1738 году шел двенадцатый год). Возможно, Бирон продумывал и четвертый вариант — женитьбы Петра на прусской принцессе Ульрике.

Вопрос быстро приобрел международную значимость. В августе 1738 года британское правительство уже располагало сведениями о том, что герцог Курляндский намерен выдать принцессу за своего старшего сына Петра, а дочь — за принца Антона с «отступным» в виде звания российского фельдмаршала. Поскольку герцог в свое время помог заключить выгодный англичанам торговый договор с Россией, они такой «марьяж» одобряли, о чем британский резидент должен был поставить в известность самого фаворита⁶¹. Бирон в беседах с Рондо благодарил за оказанное доверие, но заверял, что подобного и в мыслях не держал, чему дипломат нисколько не верил...

Что же касается Анны Леопольдовны, то ее мнения никто из сильных мира сего спрашивать не собирался. Тот

же Рондо сожалел, что «самая завидная невеста в мире» достанется не английскому принцу. Но племянница императрицы неожиданно проявила характер — отказалась идти замуж за неказистого жениха из Брауншвейга. Возможно, именно это обстоятельство подтолкнуло Бирона к активным действиям. Однако в столь щепетильных делах герцог оказывался неискусным интриганом — действовал излишне прямолинейно и всегда уступал в этом отношении Остерману. Саксонский дипломат Пецольд передавал, что Бирон рекламировал мужские достоинства своего сына словами, «которые неловко повторить»⁶². В очередной раз пообещав принцу поддержку, он допустил промашку: на ближайший бал Петр Бирон явился в костюме из той же ткани, из которой было сшито платье принцессы Анны. Обиженный брауншвейгский посланник утверждал, что его чувства разделяли многие: «Все иностранные министры были удивлены, а русские вельможи — возмущены. Даже лакеи были скандализированы».

Лакеи, как и вельможи, стерпели бы и не такое. Герцог справился бы даже с брауншвейгской фамилией, но на стороне простоватого принца оказались особы более опытные и ловкие: вице-канцлер Андрей Иванович Остерман, кабинет-министр Артемий Петрович Волынский, австрийский посол маркиз Антонио Ботта д'Адорно и даже приятель самого курляндца дипломат Герман Карл Кейзерлинг, по словам брауншвейгского дипломата Гросса, передававший Остерману всю информацию о словах и поступках герцога.

Как позднее показало следствие по делу Волынского, амбиций Бирона не одобряли и другие вельможи. Князь А. М. Черкасский говорил: «Если б принц Петр был женат на принцессе, то б тогда герцог еще не так прибрал нас в руки. Как это супружество не сделалось? Потому что государыня к герцогу и к принцу Петру милостива, да и принцесса к принцу Петру благосклоннее казалась, нежели к принцу Брауншвейгскому; конечно, до этого Остерман не допустил и отсоветовал: он как дальновидный человек и хитрый, может быть, думал, что нам это противно будет, или и ему

самому не хотелось. Слава богу, что это не сделалось: принц Петр человек горячий, сердитый и нравный, еще запальчивее, чем родитель его, а принц Брауншвейгский хотя невысокого ума, однако человек легкосердный и милостивый».

На Антона Ульриха работало и время. Чтобы сохранить корону за старшей ветвью династии Романовых, Анна Леопольдовна обязана была в ближайшем будущем обеспечить старевшую императрицу наследником. Бирону-младшему же было всего 15 лет, а ждать, пока он повзрослеет, государыня не могла, тем более что рядом с ее племянницей находилась — в расцвете сил и красоты — дочь Петра Великого.

В условиях цейтнота Бирон пошел ва-банк — или был спровоцирован на опрометчивый шаг. Брауншвейгский историк Х. Шмидт-Физельдек в конце XVIII века на основе имевшихся в его распоряжении документов раскрыл сложную интригу, авторами которой, по всей вероятности, стали Кейзерлинг и Остерман. Чтобы подтолкнуть Бирона к действиям, некий «барон О***» сообщил ему: многие европейские дворы уверены в том, что затягивание сватовства принца — следствие происков обер-камергера. После этой беседы Бирон отправился к принцессе, убедился, что Антона она по-прежнему не терпит и даже просила «не ходатайствовать за принца так горячо, как будто он ему родной сын». Бирон пересказал содержание этого разговора «барону О***», и тот заметил, что про «родного сына» принцесса сказала неспроста, давая понять, что к сыну самого Бирона она отнеслась бы более благожелательно. Тогда курляндец послал к ней Петра с предложением руки и сердца. Анна Леопольдовна выгнала претендента, и оскорбленный отец поступил так, как и прогнозировал «барон О***»: объявил императрице, что пора наконец выдать гордую принцессу за Антона Ульриха. Очевидно, для императрицы это оказалось последним аргументом.

Тринадцатого января 1739 года Рондо докладывал в Лондон, что, по его сведениям, курляндский герцог лично явился к принцессе. Для начала он долго объяснял, что у его

сына и так есть из кого выбирать невесту — только что австрийский император выразил готовность отдать за него любую из двух дочерей. Бирон по-солдатски прямо спросил Анну о ее чувствах к жениху из Брауншвейга и получил честный ответ: «Принц мне не нравится».

О завершении брачной интриги подробно рассказала в письме супруга британского резидента, многознающая английская леди: «Во всяком случае, когда она (принцесса Анна. — *И. К.*) выказала столь сильное презрение к принцу Брауншвейгскому, герцог решил, что в отсутствие принца дело будет истолковано в более благоприятном свете и он сможет наверняка склонить ее к другому выбору. В соответствии с этим на прошлой неделе он отправился к ней с визитом и сказал, что приехал сообщить ей от имени ее величества, что она должна выйти замуж с правом выбора между принцем Брауншвейгским и принцем Курляндским. Она сказала, что всегда должна повиноваться приказам ее величества, но в настоящем случае, призналась она, сделает это неохотно, ибо предпочла бы умереть, чем выйти за любого из них. Однако если уж ей надо вступить в брак, то она выбирает принца Брауншвейгского. Вы догадываетесь, что герцог был оскорблен, а принц и его сторонники возликовали»⁶³.

Леди Рондо относила эти события к июню — но вопрос со свадьбой государственного значения явно был решен раньше. Во всяком случае, уже 8 марта принц Антон известил своего брата, герцога Карла, о предстоящей женитьбе. Самому жениху об этом сообщил не кто иной, как Бирон; несколько позже опять же герцог известил резидента Рондо.

Весной положение принцессы изменилось — из царской родственницы она превратилась в государственную фигуру. По указанию императрицы ее свиту укомплектовывали новыми чинами из штата большого двора. Двор наследницы увеличился с двенадцати до восьмидесяти четырех человек. Теперь при Анне Леопольдовне состояли: гофмаршал князь Черкасский, два камергера и два камер-юнкера, гоффурьер, два мундшенка, камердинер, два камер-пажа и четыре

пажа; из нижних служителей — два камер-лакея и 12 лакеев, четыре гайдука. У нее появились свои келлермейстер и келлершрейбер^[11], своя кухня с пятнадцатью мундкохами^[12], поварами, поваренными работниками, «конфектурный» мастер с учеником. Обслуживали этот маленький двор шесть истопников, привлекавшихся и к другим работам. Дамскую часть штата составляли гофмейстерина, четыре фрейлины, француженка-«мамзель», камер-фрау и две камер-юнгферы, кастелянша с шестью прачками. Делопроизводство двора вели секретарь, канцелярист, два подканцеляриста и два копииста⁶⁴.

Не зря кабинет-министр Волынский уламывал Анну-младшую на брак с Антоном Ульрихом; барышня откровенно выказала придворному, находившемуся тогда в зените карьеры, свои чувства: «Вы, министры проклятые, на это привели, что теперь за того иду, за кого прежде не думала», — не преминув заметить, что ее жених «весьма тих и в поступках не смел». Опытный царедворец галантно парировал укоры и разъяснил молодой женщине всю пользу такой ситуации, когда муж «будет ей в советах и в прочем послушен»⁶⁵.

Артеми́й Петро́вич старался на совесть. Его приятель, секретарь императрицы Иван Эйхлер, даже предостерегал своего «патрона»: «Не очень ты к принцессе близко себя веди, можешь ты за то с другой стороны в суспичию впасть: ведь герцогов нрав ты знаешь, каково ему покажется, что мимо его другою дорогою ищешь». Но предостережения не помогли — Волынский не скрывал радости от провала сватовства сына Бирона к Анне Леопольдовне, поскольку при его удачном исходе «иноземцы... чрез то владычествовали [бы] над рус [с] кими и рус [с] кие б де в покорении у них, иноземцов, были»⁶⁶. Его не смущало то, что брак мекленбургской принцессы и брауншвейгского принца трудно было назвать победой русских. Зато в будущем можно было рассчитывать на роль первого министра при родившемся от этого брака младенце-

императоре и его неопытной матери, что было исключено, если бы принцесса породнилась с семейством Бирона.

Для самого Волынского этот успех стал началом конца: через год Бирон расправился с соперником. Но в «главном деле» герцог безнадежно проиграл. Поставленная перед выбором принцесса согласилась на «тихого», но хотя бы безусловно породистого жениха. Двор готовился к свадьбе. «Всем придворным чинам и особам от первого до пятого класса оповещено, дабы они к означенному торжеству не только богатым платьем, но и приличным по их званию экипажем и ливреей снабжены были», — вспоминал об этих днях камергер Эрнст Миних, сын фельдмаршала. Пришлось потратиться и семейству жениха: брауншвейгский двор раскошелился на карету, гардероб, кольца и прочие аксессуары принца на кругленькую сумму — 200 тысяч гульденов⁶⁷.

Дамы выбирали ткани и шили новые платья (с непременно проводыванием, каковы туалеты соперниц). Предстояло также подобрать кареты, аксессуары, драгоценности и ливрейных лакеев; заказать новые парики, кружева, табакерки. Понятное дело, придворные кумушки обсуждали достоинства жениха и невесты. Антон Ульрих, кажется, симпатий у дам не вызывал — о его храбрости были наслышаны, но в обществе он не блистал. Леди Рондо дала его описание: «...он очень белокур, но выглядит изнеженным и держится довольно-таки скованно, что может быть следствием того страха, в котором его держали с тех пор, как привезли сюда: так как этот брак чрезвычайно выгоден для принца, ему постоянно указывали на его место. Это да еще его заикание затрудняют возможность судить о его способностях». Об Анне же судачили, будто ее отношение к принцу было уловкой, чтобы ввести в заблуждение герцога. «Она действительно никого не любит, — была убеждена информированная англичанка, — но поскольку не выносит покорности, то более всех ненавидит герцога, так как в его руках самая большая власть, и при этом принцесса обязана быть с ним любезной»⁶⁸.

Анна Иоанновна на радостях устроила в июле 1739 года пышные торжества. Посланник императора Карла VI маркиз Ботта д'Адорно на три дня принял высшее в дипломатической иерархии звание посла, чтобы от имени своего государя совершить формальное сватовство. После торжественного въезда в столицу (откуда он и не уезжал) маркиз со свитой явился на торжественную аудиенцию и в присутствии всего двора и дипломатического корпуса попросил руки племянницы русской императрицы для племянника австрийской императрицы.

На немецкую речь дипломата государыня по-русски ответила согласием. После этого перед Анной Иоанновной предстал посланник герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского, который, стоя у подножия трона с непокрытой головой, вручил письмо своего государя. По окончании этой церемонии Анна Иоанновна допустила к аудиенции и принца — в приличествующей случаю форме тот «изъяснил о желании своем сочетаться браком с принцессой Анной». Антон Ульрих, по мнению леди Рондо, смотрелся трогательно: «На нем был белый атласный костюм, вышитый золотом; его собственные очень длинные белокурые волосы были завиты и распущены по плечам, и я невольно подумала, что он выглядит, как жертва». Жених просил государыню милостиво вручить ему принцессу Анну в супружество, обещая беречь ее «всю жизнь с нежнейшей любовью и уважением», — и получил высочайшее соизволение. «Во всё это время в зале стояла столь глубокая, нарушаемая только речами, тишина, что можно было услышать, как упала булавка. Эта тишина вкупе с богатством одежд ее величества, величием ее особы и знатностью всего общества придавала церемонии особую торжественность и пышность», — отметила английская леди⁶⁹.

Сама виновница торжества вначале отсутствовала — как, кстати, и Бирон с супругой. Наконец настала очередь появиться принцессе. Обер-гофмаршал Р. Левенвольде и первый вельможа страны кабинет-министр князь А. М.

Черкасский ввели Анну Леопольдовну, и она, стоя напротив императрицы, объявила о своем согласии на брак.

Далее величественное зрелище превратилось в душещипательное. «Принцесса обняла свою тетушку за шею и залилась слезами. Какое-то время ее величество крепилась, но потом и сама расплакалась. Так продолжалось несколько минут, пока, наконец, посол не стал успокаивать императрицу, а обергофмаршал — принцессу. Ее величество, оправившись от волнения, взяла кольцо у принцессы, а другое — у принца и, обменяв их, отдала ей его кольцо, а ему — ее. Затем она повязала на руку племянницы портрет принца и поцеловала их обоих, пожелав им счастья. Потом принцесса Елизавета подошла поздравить невесту, как теперь называли принцессу, и, заливаясь слезами, обняла. Но императрица отстранила ее, и Елизавета отступила, чтобы другие могли подойти и поцеловать руку невесты, продолжавшей плакать. Принц поддерживал ее и действительно выглядел немного глупо среди всего этого потока слез» — таким общим ревом посреди поздравлений, по свидетельству леди Рондо, закончился этот торжественный акт⁷⁰. Хорошо еще, что среди потоков слез маркиз Ботта успел от имени своего императора вручить невесте склаваж — шейное украшение в виде банта с драгоценными камнями и жемчугом.

Началась подготовка к торжеству во дворце: заготовка провизии, уборка апартаментов, «сочинение» фейерверков и пр. В размещении гостей по пути следования кортежа, на процедуре венчания и во время дворцовых празднеств требовалось проявить особое искусство, чтобы никто из русской знати и иностранных персон не оказался на непочетном месте.

В назначенный день, 3 июля, в девять часов утра Антон Ульрих с небольшой свитой и без особой пышности первым проехал в церковь Рождества Пресвятой Богородицы, стоявшую на месте нынешнего Казанского собора. Следовавшие за ним знатные особы постарались блеснуть роскошью: «Их экипажи — и кареты, и ливреи слуг — были великолепны; перед каждой каретой шло по десять лакеев,

а у некоторых было еще по два скорохода и разнообразные ряженные на потеху публике. У одного экипажа, который мне очень понравился, двумя скороходами были негры, одетые в черный бархат, так плотно прилегавший к телам, что они казались обнаженными, и только, на индейский манер, были надеты перья». Здесь же пришлось присутствовать и Бирону, делая хорошую мину при плохой игре. Во время парадного шествия в церковь герцог ехал «в совершенно великолепной коляске, с двадцатью четырем лакеями, восемью скороходами, четырем гайдуками и четырем пажами — все они шли перед коляской; кроме того, шталмейстер, гофмаршал и два герцогских камергера верхами. У двоих последних было по своему лакею в собственных ливреях».

Далее двигался целый поезд государыни и ее племянницы-невесты. Наблюдательная английская леди описала его в подробностях:

«Первыми прошли сорок восемь лакеев, двенадцать скороходов, двадцать четыре пажа с их наставником, ехавшим верхом. Вторыми, тоже верхом, следовали камергеры, при каждом — скороход, державший лошадь под уздцы, и двое верховых слуг, каждый в своей ливрее; один из них вел в поводу лошадь. Третьими — обер-камергеры верхами, лошадь каждого вели два скорохода, и при них по четверо слуг в своих ливреях с тремя лошадьми в поводу; и ливреи, и сбруи лошадей были очень богатыми. Четвертым ехал обер-шталмейстер в сопровождении всех грумов, конюших и берейторов конюшен ее величества. 5) Обер-егермейстер, сопровождаемый всею охотничьей прислугой в соответствующих костюмах. 6) Унтер-гофмаршал двора со своим штатом. 7) Обер-гофмаршал со своим штатом, причем каждый еще имел при себе своих слуг в собственных ливреях подобно тому, как следовал обер-камергер. 8) Коляска, устроенная таким образом, что один человек должен был сидеть в ней спиной; коляска была исключительно богатая, запряженная восьмеркой лошадей. Императрица и невеста сидели в ней напротив

друг друга: императрица — лицом по ходу, невеста — спиной.

На невесте было платье из серебристой, вышитой серебром ткани с жестким лифом. Корсаж весь был усыпан бриллиантами; ее собственные волосы были завиты и уложены в четыре косы, также увитые бриллиантами; на голове — маленькая бриллиантовая корона, и множество бриллиантов сверкало в локонах. Волосы ее — черные, и камни в них хорошо смотрелись. 9) Принцесса Елизавета со своим двором в семи каретах и со всем своим придворным штатом, расположенным по чинам, как и у ее величества, только не таким многочисленным. 10) Герцогиня Курляндская, ехавшая в одной коляске с дочерью, со своим двором, как и принцесса Елизавета. 11) Жены знатных господ, в каретах и со слугами, как и их мужья, проследовавшие перед императрицей. Богатство всех этих карет и ливрей было неопишным. Все вернулись из церкви в таком же порядке, с той лишь разницей, что невеста и жених ехали теперь в коляске вместе, а ее и его двор, соединившись, следовали за ними сразу после императрицы».

Что чувствовала жарким июльским днем на этой ярмарке тщеславия юная Анна, «упакованная» в тяжелый роскошный роброн^[13] с бриллиантами? Она уже не плакала, но едва ли была счастлива, хотя бы потому, что безмерно устала. В храме блестящий проповедник, вологодский епископ Амвросий произнес приличествующее ситуации слово (оно было переведено на латынь и напечатано), в котором вспомнил о славянском происхождении мекленбургских владетелей и высоком достоинстве матери невесты, а также провозгласил, что от этого брака «великая Отечеству воспоследует польза». (Правда, всего через два с небольшим года тот же архиерей назовет обвенчанных им Антона Ульриха и Анну Леопольдовну ночными совами и нетопырями, а само «приветственное слово» по указу Сената от 18 ноября 1743 года будет изъято из библиотек и у частных лиц и уничтожено.)

По окончании церемонии раздалась пушечная пальба со стен Петропавловской крепости и с Адмиралтейской верфи и беглый огонь выстроившихся полков. Во дворце после череды витиеватых поздравлений в восемь часов вечера начался обед, а в десять часов открылся бал, продолжавшийся до полуночи. Из окон можно было наблюдать праздничную иллюминацию и ликование народа, на радость которому три фонтана били вином.

Только тогда императрица повела новобрачную в ее апартаменты, пожелав, чтобы за ними не следовал никто, помимо герцогини Курляндской, двух русских дам и жен послов тех стран, правители которых состояли в родственных отношениях с новоиспеченным супругом. Удостоившаяся этой чести леди Рондо рассказывала: «Когда мы пришли в апартаменты невесты, императрица пожелала, чтобы герцогиня (жена Бирона. — *И. К.*) и я раздели невесту; мы облачили ее в белую атласную ночную сорочку, отделанную тонкими брюссельскими кружевами, и затем нас послали за принцем. Он вошел с одним лишь герцогом Курляндским, одетый в домашний халат. Как только принц появился, императрица поцеловала обоих новобрачных и, простившись с ними самым нежным образом, отправилась в своей карете в летний дворец и приказала обер-гофмаршалу проводить меня домой, так как всё общество разъехалось, когда она увела невесту. Я добралась до дома около трех часов утра, едва живая от усталости»⁷¹.

Отдыхать долго не пришлось. На следующий день молодожены отправились обедать с императрицей в Летнем дворце. После обеда последовал переезд в Зимний дворец, куда вновь явились гости — «в новых, не в тех, что накануне, нарядах». На самой принцессе было платье с выпуклыми золотыми цветами по золотому полю, отделанное коричневой бахромой. Там их ждали ужин и бал, а через день — маскарад, представлявший собой, согласно описанию леди Рондо, чудесное зрелище: «Составились четыре так называемые кадрили из двенадцати дам каждая, не считая ведущего каждой кадрили. Первую кадрили вели новобрачные, одетые в оранжевые домино, маленькие

шапочки того же цвета с серебряными кокардами; маленькие круглые жесткие плоеные воротники, отделанные кружевами, были завязаны лентами того же цвета. Все их двенадцать пар были одеты так же; среди них находились все иностранные министры со своими женами — представители государей, связанных родственными узами либо с принцем, либо с принцессой. Вторую кадриль вели принцесса Елизавета и принц Петр (Бирон. — *И. К.*), в зеленых домино и с золотыми кокардами; все их двенадцать пар были одеты так же. Третью кадриль возглавляли герцогиня Курляндская и граф Салтыков (родственник императрицы) в голубых домино и с розовыми с серебром кокардами. Четвертую кадриль вели дочь и младший сын герцогини, в розовых домино и с зелеными с серебром кокардами. Всё остальное общество было в костюмах, какие кто придумал. Ужин был подан в длинной галерее только участникам четырех кадрилей. Вокруг стола стояли скамейки, украшенные так, что выглядели подобно лугу; стол был устроен так же. И стол, и скамейки были покрыты мхом с воткнутыми в него цветами, как будто росли из него. И сам ужин, хотя и совершенно великолепный, подавался так, что всё выглядело словно на сельском празднике». Непринужденности обстановки могла помешать разве что массивная фигура императрицы, которая весь вечер одна прохаживалась без маски.

В субботу опять был обед — уже у новобрачных, на котором по старинному обычаю «молодые» прислуживали за столом; затем они вместе с гостями отправились в оперу. В воскресенье состоялся еще один маскарад в Летнем саду. Набережная Невы озарялась иллюминацией и фейерверками, в свете разноцветных огней по обеим сторонам от изображения ангела с миртовым венком стояли аллегорические женские фигуры, олицетворявшие Россию и Германию, под надписью «Бог соединяет их вместе». Ниже была изображена плывущая по волнам в раковине Венера, похожая, как уверяли очевидцы, на Анну Леопольдовну. Профессор Академии наук Якоб Штелин в оде на немецком языке прямо объяснил, кто на свете всех милее: «Прочь,

Венера! Прочь с твоею красотою и славою! Пускай древность тобою веселится. То, что приятность принцессы Анны изъявляет, всю твою славу далеко превосходит».

Блестящее торжество являлось актом большой государственной политики, и молодые были лишь актерами — или даже статистами — этого действия. Уже не раз цитированная нами леди Рондо по-дамски подвела не слишком оптимистичный итог: «Все эти рауты были устроены для того, чтобы соединить вместе двух людей, которые, как мне кажется, от всего сердца ненавидят друг друга; по крайней мере, думается, это можно с уверенностью сказать в отношении принцессы: она обнаруживала весьма явно на протяжении всей недели празднеств и продолжает выказывать принцу полное презрение, когда находится не на глазах императрицы».

В заключение торжества 17 июля последовал указ Святейшего синода о поминовении на богослужениях его главных участников: «Понеже благоволением Божиим и соизволением всепресветлейшей, самодержавнейшей, великой государыни нашей, императрицы Анны Иоанновны всея России ее императорского величества вселюбезнейшая племянница, благоверная государыня принцесса Анна, законным браком с его светлостью принцем Антоном Улрихом, герцогом Брауншвейг-Люнебургским, сочеталась; того ради, по именному ее императорского величества указу, Святейший Правительствующий Синод приказали: всем ее императорского величества верным подданным вкупе за их высочества Господа Бога молить и во время Божественного священнослужения имена их высочеств, как в последующей форме изображено, воспоминать». Первой, как полагалось, надлежало упоминать об императрице, затем «о благоверной государыне цесаревне Елисавете Петровне, о благоверной государыне принцессе Анне и о супруге ея, о всей палате и воинстве их».

Таким образом, любимая племянница императрицы по-прежнему уступала по рангу красавице-цесаревне; супруг же ее даже не удостоился чести быть названным по имени (может, и к лучшему, поскольку не всякий провинциальный

батюшка смог бы без ошибки выговорить немецкое имя и непривычный титул принца — а там недалеко и до греха в виде оскорбления величества). Молодой чете было четко указано ее место — будущих родителей наследника престола и не более того. Однако уже через год с небольшим для нашей героини настала другая жизнь, которая вознесла ее к самому трону.

Глава третья

РОДИТЕЛЬНИЦА ИМПЕРАТОРА, ИЛИ ПУТЬ К ТРОНУ

Меня держат только для родов.

Анна Леопольдовна

Тяжелый 1740 год

Упомянутый выше академик Штелин в своей оде ясно обозначил цель брачного союза: «Светлейший дом, дай желанный росток!» Однако исполнить это пожелание оказалось не так-то просто — принцесса не беременела. Об этом сообщалось в депешах брауншвейгских дипломатов, а также о том, что принц Антон настолько проникся важностью стоявшей перед ним политической задачи, что даже заболел от усердия — и нуждался в «благотворных инструкциях» со стороны старших товарищей, чтобы «изрядно исполнять супружеские обязанности без ущерба здоровью»⁷².

Менее деликатные современники судачили о проблемах у принца по мужской части. Много лет спустя находившийся в ссылке в Казани полковник Иван Ликеевич поведал приятелям, что в 1739 году медовый месяц молодых начался с конфуза: императрице доложили, что «Антон Улрих плотского соития с принцессой не имел, и государыня на принцессу гневалась, что она тому причина. И после де того призывали лекарей и бабок, и Улриха лечили. И принцесса де с мужем своим жила несогласно, и она де его не любила, а любила с другими»⁷³. За неуместные подробности Ликеевич был навечно заточен в 1758 году в Свияжский Богородицын монастырь.

Пышная свадьба не улучшила отношений молодоженов, а скандальное начало супружеской жизни — и подавно.

Поэтому нам кажется неправдоподобным предположение маститого искусствоведа Н. М. Молевой, что знаменитый автопортрет художника Андрея Матвеева с женой на самом деле написан не в 1729 году, а на десять лет позже и изображает Антона Ульриха и Анну Леопольдовну⁷⁴. На портрете молодой с гордостью и нежностью обнимает юную супругу — зрителю и без пояснений понятно, что эти двое любят друг друга и счастливы. У наших же героев таких отношений не было никогда. Да и изображенный темноволосый и круглолицый

мужчина ничем не напоминает мужа Анны — щуплого блондина Антона Ульриха; женское же лицо повреждено и сильно записано позднее, что сделало его старше⁷⁵.

Начало брака племянницы огорчало и саму Анну Иоанновну, которая желала как можно скорее получить наследника престола. Неудачливый Антон Ульрих как назло постоянно попадал впросак — то являлся во дворец в черном туалете, хотя было известно, что государыня не выносит этот цвет; то залезал в долги, то ссорился с супругой. Бирон не преминул доложить обо всём императрице, та позвала принца к себе и обвинила его в скрытности: он-де более откровенен с чужими людьми, чем с ней, любящей его, как сына. Она уже не скрывала раздражения — и Бирон сообщил посланнику Кейзерлингу, что государыня не хочет допускать молодых к своему столу и намерена приказать им обедать в отведенных им комнатах⁷⁶.

Супружеские ссоры открывали фавориту простор для интриги, но он всё чаще не мог — или не хотел — скрывать своего раздражения. Например, герцог прямо заявил и так-то не обольщавшемуся насчет отношения к нему супруги Антону Ульриху: «Я, по крайней мере, знаю, что, когда вы за нее сватались, она сказала, что лучше бы положила голову на плаху, чем выходить за вас. Против вас у меня нет ничего; итак, вместо того, чтобы во всём слушаться жены, советую вам вытолкать в шею тех, которые делают ей такие прекрасные внушения. Я очень хорошо знаю, какие чувства она питает ко мне; но я в милостях ее не нуждаюсь, да и никогда нуждаться не буду». О самом принце в беседах с дипломатами он отзывался довольно презрительно: «Всякий знает герцога Антона Ульриха как одного из самых недалеких людей, и если принцесса Анна дана ему в жены, то только потому, чтобы он производил детей; однако он, Бирон, считает герцога недостаточно умным даже для этой роли».

Обиженный герцог горячился и портил отношения с «молодым двором», что для опытного придворного было недопустимо. К тому же он ошибся в оценке способностей

принца. Молодые исполнили свою династическую обязанность — 12 августа 1740 года не отходящая от роженицы ни на час Анна Иоанновна восприняла от купели долгожданного наследника, названного по прадеду Иоанном. 3 сентября в табель «высокоторжественных дней» в качестве официальных праздничных дат были вписаны дни рождения и тезоименитства «внука ее императорского величества, благоверного государя принца Иоанна» (соответственно 12 и 29 августа)⁷⁷.

С этим Бирон не мог ничего поделать. Но он отыгрался на претенденте на роль первого министра будущего царствования — Артемии Петровиче Волынском. Того, что называется, понесло. Кабинет-министр всё реже являлся к Бирону, жалуясь: «...пред прежним гораздо запальчивее стал и при кабинетных докладах государыне герцог больше других на него гневался; потрафить на его нрав невозможно, временем показывает себя милостивым, а иногда и очами не смотрит». «Ныне пришло наше житье хуже собаки!» — считал Волынский, сокрушаясь, что «иноземцы перед ним преимущество имеют».

Последним триумфом Волынского стал знаменитый праздник со строительством Ледяного дома и устройством в нем свадьбы шута императрицы Михаила Голицына с ее любимой калмычкой Авдотьей Бужениновой с участием диких животных «скотов» и подданных из разных концов империи. Торжество удалось на славу: «В день свадьбы все участвовавшие в церемонии собрались на дворе дома Волынского, распорядителя праздника; отсюда процессия прошла мимо императорского дворца и по главным улицам города. Поезд был очень велик, состоя из 300 человек с лишним. Новобрачные сидели в большой клетке, прикрепленной к спине слона; гости парами ехали в санях, в которые запряжены разные животные: олени, собаки, волы, козы, свиньи и т. д. Некоторые ехали верхом на верблюдах. Когда поезд объехал всё назначенное пространство, людей повели в манеж герцога Курляндского. Там, по этому случаю, пол был выложен досками и расставлено несколько обеденных столов. Каждому инородцу подавали его

национальное кушанье. После обеда открыли бал, на котором тоже всякий танцевал под свою музыку и свой народный танец. Потом новобрачных повезли в Ледяной дом и положили в самую холодную постель. К дверям дома приставлен караул, который должен был не выпускать молодых ранее утра». Из этого описания, сделанного Манштейном, между прочим, следует, что и Бирон должен был принимать участие в задуманном его соперником празднике, что едва ли его обрадовало.

Можно посочувствовать несчастному Голицыну-«Кваснику» (внуку фаворита царевны Софьи) и посетовать на пошлость развлечений — но надо признать, что «шоумейкером» Волынский оказался хорошим. Представление, несомненно, имело успех как раз потому, что отвечало вкусам не только императрицы, но и прочей публики. «Поезд странным убранством ехал так, что весь народ мог видеть и веселиться довольно, а поезжане каждый показывал свое веселье, где у которого народа какие веселья употребляются, в том числе ямщики города Твери оказывали весну разными высвистами по-птичьи. И весьма то было во удивление, что в поезде при великом от поезжан крике слон, верблюды и весь упоминаемый выше сего необыкновенный к езде зверь и скот так хорошо служили той свадьбе, что нимало во установленном порядке помешательства не было», — искренне радовался забаве вместе с остальными зеваками гвардеец Василий Нащокин.

Однако для того чтобы удержаться у власти, одних режиссерских способностей было мало. Неумеренными амбициями Артемий Петрович насторожил многих, а главное — настроил против себя ключевые фигуры аннинского правительства — Бирона и Остермана. После успеха Волынского Бирон нанес ему удар. В челобитной императрице обер-камергер и герцог предстал ее верным слугой, который «с лишком дватцать лет» несет службу, «чинит доклады и представления», тем более сейчас, когда один министр Кабинета «в болезни», второй «в отсутствии», а третий (Остерман) «за частыми болезнями мало из двора выезжает». Волынский же, подав письмо против тех, кто «к

высокой вашего императорского величества персоне доступ имеет», возвел «напрасное на безвинных людей сумнение». Бирон просил защитить его честь и достоинство и потребовать от Волынского, чтобы «именование персон [было] точно изъяснено».

Курляндец также обвинил кабинет-министра в происшествии 6 февраля 1740 года, когда Волынский посмел «в покоях моих некоторого здешней Академии наук секретаря Третьяковского побоями обругать». Как писал в слезной челобитной сам поэт В. К. Третьяковский, еще накануне «его превосходительство, не выслушав моей жалобы, начал меня бить сам перед всеми толь немилостиво по обеим щекам; а притом всячески браня, что правое мое ухо оглушил, а левый глаз подбил, что он изволил чинить в три или четыре приема». Министр всего лишь потребовал от него написать вирши на шутовскую свадьбу в Ледяном доме; но вызванный в неурочный час на «слоновый двор» (штаб подготовки этого «фестиваля») стихотворец возмутился, а Волынский, который никак не мог допустить помехи торжеству, лично «вразумил» его.

Когда же побитый поэт наутро явился в приемную Бирона с жалобой, то на свою беду «туда пришел скоро и его превосходительство Артемей Петрович Волынский, увидев меня, спросил с бранью, зачем я здесь, я ничего не отвечивал, но он бил меня тут по щекам, вытолкнул в шею и отдал в руки ездovому сержанту, повелел меня отвести в комиссию и отдать меня под караул».

Для Бирона Третьяковский был чем-то вроде шута, и в другое время он сам вместе с Волынским посмеялся бы над его злоключениями. Но теперь происшествие пришлось как нельзя кстати: Волынский рукоприкладствовал по отношению к просителю, не только прибывшему в приемную «владельца герцога», но и, самое главное, в «апартаментах вашего императорского величества». Это уже тянуло на оскорбление императрицы⁷⁸.

Виновного могло ждать обычное в таких случаях «падение»: пристрастное разбирательство, смертный приговор с заменой на ссылку в армию или в «деревни», с

последующим прощением и отправкой на вице-губернаторство куда-нибудь в Сибирь. Но Волынский, на свою беду, замечал «непорядки» и расстройство государственной машины. Вокруг него сложился кружок единомышленников; его друзьями-«конфидентами» стали в основном «фамильные», но образованные люди: архитектор Петр Михайлович Еропкин, горный инженер Андрей Федорович Хрущов, морской инженер и ученый Федор Иванович Соймонов, президент Коммерц-коллегии Платон Иванович Мусин-Пушкин, секретарь императрицы Иван Эйхлер и секретарь Коллегии иностранных дел Жан де ла Суда. Компания собиралась по вечерам в доме Волынского на Мойке: ужинали, беседовали, засиживаясь до полуночи.

Интеллектуальные беседы подвигли министра на сочинение обширного проекта, который он сам на следствии называл «Рассуждение о приключающихся вредах особе государя и обще всему государству и отчего происходили и происходят». Волынский предлагал расширить состав Сената и повысить его роль, передав на его рассмотрение часть дел из перегруженного делами Кабинета министров; назначать на все должности, в том числе и канцелярские, только дворян; ввести «шляхетскую» винную монополию, для горожан восстановить в городах магистраты, для духовенства устроить академии. В целях сокращения расходов он полагал сократить армию до шестидесяти полков с соответствующей экономией жалованья на 180 тысяч рублей; устроить военные поселения-«слободы» на границах; сочинить «окладную книгу», сбалансировать доходы и расходы бюджета⁷⁹. Ничего криминального во всём этом не было, но публичное обсуждение государственных дел было представлено Бироном как объединение заговорщиков...

Подлинным же организатором «дела Волынского» стал его главный соперник в Кабинете министров — Остерман. После ареста в 1741 году Андрей Иванович поначалу отрицал какое-либо отношение к судилищу. Но вскоре в бумагах вице-канцлера обнаружили «мнение и прожект ко внушению на имя императрицы Анны, каким бы образом

сначала с Волынским поступить, его арестовать и об нем в каких персонах и в какой силе комиссию определить, где между прочими и тайный советник Неплюев в ту комиссию включен; чем оную начать, какие его к погублению вины состоят и кого еще под арест побрать; и ему, Волынскому, вопросные пункты учинены». На прямой вопрос следователя: «Для чего ты Волынского так старался искоренить?» — Остерман ответил вполне определенно: «Что он к погублению Волынского старание прилагал, в том он виноват и погрешил»⁸⁰.

Тринадцатого апреля Артемия Петровича заключили под домашний арест и начали допрашивать перед «генералитетской» комиссией, в которой основными действующими лицами стали главный следователь империи — начальник Тайной канцелярии А. И. Ушаков и ставленник Остермана дипломат И. И. Неплюев. Поначалу министр держался уверенно — обвинял тех, кто ему «вредил», и просил себе другую должность. Следователи тоже понимали, что придворные дразги политическими преступлениями не являлись. Надо было обнаружить что-то более серьезное. И здесь на помощь комиссии пришли показания дворецкого Артемия Петровича — Василия Кубанца.

Перепуганный, но высочайше обнадеженный холоп вспомнил, что его хозяин читал книгу голландца Юста Липсия, сравнивая при этом средневековую неаполитанскую королеву Иоанну II и античных Клеопатру и Мессалину с отечественной государыней и заявляя: «Женский пол таков весь», — а также себя «причитал к царской фамилии» и даже «тщился сам государем быть»^[14]. Теперь Волынскому можно было предъявить обвинения не только в служебных грехах, но и «по первым двум пунктам» («о каком злом умысле против персоны его величества или измене» и «о возмущении или бунте»). Преступник был посажен в Петропавловскую крепость. На допросе он облегчил задачу следствию заявлением, что при составлении «картины» (родословного древа) «причитался свойством к высочайшей фамилии», а его дети или их потомки могли бы когда-

нибудь быть «российского престола преемниками». Подвешенный на дыбе, он понял свою ошибку и пытался объяснить: показывал то от страха, «боясь розыску, и такового умысла подлинно не имел»⁸¹.

Но было уже поздно — утром 27 июня 1740 года, в день годовщины Полтавской победы, ее участник Артемий Волынский, бывший обер-егермейстер двора и кабинет-министр императрицы Анны Иоанновны, стоял с вырезанным языком на эшафоте Сытного рынка — месте «торговых казней» в Петербурге. Секретарь Тайной канцелярии прочел приговор. Главная вина преступника звучала неопределенно, но страшно: его планы клонились «до явного нарушения и укоризны издревле от предков наших блаженные памяти великих государей... установленных государственных законов и порядков к явному вреду государства нашего и отягощению подданных и с явным при том оскорблением дарованного нам от всемогущего Бога высочайшего самодержавия и славы и чести нашей империи».

Государыня даровала преступнику милость — облегчила казнь: вместо посажения живьем на кол бывшему министру отрубили правую руку и сразу после этого голову. После «эзекуции» его тело отвезли на Выборгскую сторону и похоронили при церкви Сампсона Странноприимца. Кладбища давно уже нет, не сохранилась и могила Волынского и его друзей; на предполагаемом ее месте поставлен памятник, надпись на котором гласит: «Здесь погребены 27 июня 1740 года кабинет-министр, генерал-аншеф и обер-егермейстер Артемий Петрович Волынский, советник Андрей Федорович Хрущов и архитектор Петр Михайлович Еропкин, гоф-интендант. Сооружен в 1885 году по почину редакции журнала "Русская старина" многими почитателями памяти этих исторических русских людей». Так закончил свою жизнь и одновременно вошел в историю один из ярких людей XVIII столетия, «младший современник и птенец Петра Великого», как назвал его выдающийся русский историк В. О. Ключевский.

Процесс над министром сопровождался его дискредитацией в глазах общества. Дипломаты передавали своим дворам, что Волынский и его друзья хотели не просто захватить власть, но «возвратить Россию к прежним порядкам, изгнав из нее иностранцев»⁸². Едва ли Анна Леопольдовна, находившаяся в то время на последних месяцах беременности, не знала об аресте хорошо знакомого вельможи и его печальной судьбе, тем более что на следствии всплыла история о том, как Волынский уговаривал ее не выходить замуж за сына Бирона. Принцессе оставалось только гадать, действительно ли «павший» министр желал ей помочь или под видом сочувствия готовил для нее ловушку. Кровавая развязка интриги могла только усугубить отвращение чувствительной принцессы к придворным нравам.

Положение матери наследника престола обеспечивало молодой женщине неприкосновенность, но ее отношения с фаворитом оказались безнадежно испорченными. С «падением» Волынского принцессе больше не у кого было искать поддержки — не мог же служить опорой ее недалекий супруг. Место Волынского в Кабинете оказалось занято креатурой Бирона — будущим канцлером Алексеем Петровичем Бестужевым-Рюминым. Очередной взлет его карьеры был обусловлен желанием курляндского герцога найти достойного и вместе с тем послушного оппонента Остерману.

Тетка-императрица находилась всецело под влиянием герцога, а сын и будущий император должен был еще вырасти, иначе в случае смерти Анны Иоанновны неизбежно вставал вопрос о регентстве. Мы не знаем, что думала по этому поводу наша героиня, но всемогущий фаворит после появления наследника стал, по оценке саксонских дипломатов, так задумчив, что никто не смел к нему подойти⁸³. Ему было о чем задуматься: здоровье государыни в последние месяцы царствования пошатнулось — у нее усилилась подагра и началось кровохарканье.

Вокруг больной императрицы закручивались интриги большой европейской политики. Умерший в мае 1740 года

«пруссский Калита» — король Фридрих Вильгельм I — оставил сыну исправный государственный механизм и 76-тысячную армию, что в сочетании с амбициями молодого Фридриха II предвещало скорые изменения в европейском «концерте». Наметилось сближение Пруссии и Франции; правительства этих стран ожидали смерти австрийского императора, чтобы предъявить территориальные претензии (у Карла VI не было наследников по мужской линии, и престол должен был перейти к его дочери Марии Терезии). Накануне крупного международного конфликта позиция России имела принципиальное значение, и на нее нужно было воздействовать.

Первым в Петербург прибыл французский посол Иоахим Жак Тротти маркиз де ла Шетарди, чьей задачей было ослабить австрийское влияние при русском дворе. Данные маркизу инструкции уже предусматривали и такое средство, как устранение «иноземного правительства» России, в связи с чем ему рекомендовалось использовать недовольство старинных русских фамилий⁸⁴. В мае 1740 года приехал и английский посол Эдвард Финч, получивший указание информировать Лондон «об интригах и партиях, которые могут возникнуть при русском дворе»⁸⁵. За этим же внимательно следили их австрийский, шведский и прусский коллеги. Франция стремилась сделать Пруссию своей союзницей в будущем конфликте с Габсбургами и подталкивала Швецию к войне с Россией: о воинственных настроениях в Стокгольме русский посол М. П. Бестужев-Рюмин докладывал уже с начала 1739 года. В это тревожное время внешняя политика Российской империи нуждалась в твердой руке императрицы. Но судьба решила иначе.

«Безмятежный переход престола»

В воскресенье 5 октября 1740 года за обедом государыне стало дурно. Приглашенные во дворец кабинет-министры А. М. Черкасский и А. П. Бестужев-Рюмин после разговора с Бироном отправились к Остерману; «душа» Кабинета порекомендовал прежде всего издать распоряжение о наследнике престола. Споров по этому вопросу не было. Вечером Анна Иоанновна подписала манифест о наследнике, составленный секретарем Кабинета Андреем Яковлевым под диктовку Остермана: «Назначиваем и определяем после нас в законные наследники нашего всероссийского императорского престола и империи нашего любезнейшего внука благоверного принца Иоанна, рожденного от родной нашей племянницы ее высочества благоверной государыни принцессы Анны в супружестве с светлейшим принцем Антоном Улрихом герцогом Брауншвейг-Люнебургским, которому нашему любезному внуку мы титул великого князя всея России всемилостивейше от сего времени пожаловали. А ежели Божеским соизволением оный любезный наш внук благоверный великий князь Иоанн, прежде возраста своего и не оставя по себе законно рожденных наследников преставится, то в таком случае определяем и назначиваем в наследники первого по нем принца, брата его, от вышеозначенной нашей любезнейшей племянницы ее высочества благоверной государыни принцессы Анны и от светлейшего принца Антона Улриха герцога Брауншвейг-Люнебургского раждаемого, а в случае и его преставления других законных из того же супружества раждаемых принцов всегда первого таким порядком, как выше сего установлено»⁸⁶.

Предусмотрительный министр, как видим, продумал порядок обеспечения стабильности престолонаследия в случае смерти государя-младенца. Казалось, что восстанавливается и «нормальная», традиционная очередность перехода престола от природной государыни-

бабки к законному внуку. Но в том же манифесте вновь упоминался уничтожавший эту традицию петровский указ о престолонаследии 1722 года — а это означало, что в важнейшем для монархии деле возможны неожиданные перемены. К тому же было понятно, что младенец еще долго не сможет управлять страной, но о его родителях в качестве регентов в документе не говорилось. Уклонился от обсуждения вопроса о реальном правителе-регенте и Остерман; Анну Леопольдовну он рассматривал только как родительницу законных принцев-наследников, но и о Бироне не сказал ни слова, предпочитая образование регентского совета. Эта идея герцогу определенно не понравилась. «Какой тут совет! — заявил он вернувшемуся от Остермана обер-гофмаршалу Рейнгольду Левенвольде. — Сколько голов, столько разных мыслей будет»⁸⁷.

Как писал саксонский дипломат, «в манере герцога было так управлять делами, которых он более всего желал, что их ему в конце концов преподносили, и казалось, что всё происходит само по себе». В составленной уже в ссылке записке «Об обстоятельствах, приготовивших опалу Э. И. Бирона, герцога Курляндского» бывший правитель утверждал, что в тот же день, вернувшись домой, «нашел у себя множество особ, в том числе и фельдмаршала Миниха». «От него, — писал бывший фаворит и регент, — я узнал, что присутствующее у меня собрание — ревностные патриоты, которые, рассуждая по совести, кому бы приличнее было вручить правление на время малолетства императора в случае, если Господь воззовет к себе государыню, — после многих размышлений и единственно в видах государственной пользы нашли способнейшим к управлению Россией меня». «Само по себе» получилось так, что первые чины империи — Б. Х. Миних, А. М. Черкасский, А. П. Бестужев-Рюмин, А. И. Ушаков, А. Б. Куракин, И. Ю. Трубецкой, Н. Ф. Головин, Р. Г. Левенвольде — были единодушны в своем выборе; герцог же, естественно, стремился уклониться от государственных дел, ссылаясь на плохое здоровье, «истощение сил» и домашние заботы,

чем глубоко опечалил собеседников. Однако они не сдались — через два дня явились в опочивальню к больной государыне с просьбой назначить Бирона регентом и заготовленным проектом указа.

Анна Иоанновна — в интерпретации Бирона — несколько раз была готова исполнить желание министров, но он, «несмотря на продолжительные настояния ее величества, отклонял ее от такого исполнения». Тогда неугомонные просители «пригласили в собрание все чиновные лица до капитан-поручиков гвардии; таким образом, около 190 лиц, собравшихся в Кабинете, добровольно обязались действовать в пользу назначения моего к регентству» и подали императрице соответствующее прошение «в выражениях самых патетических». Сам он, понятно, об этом ничего не знал, а сутки спустя, явившись к государыне, был застигнут врасплох утверждением акта о своем назначении. Анна Леопольдовна же якобы капризничала, заявляла о своей тяжелой болезни и тем до того обидела умиравшую тетку, что, по словам Бирона, «насчет принцессы у ее величества часто вырывались такие выражения, что я о них умалчиваю». В то же время сам герцог лицемерно говорил принцессе Анне, что не огорчен тем, что может утратить влияние, поскольку у него остается «прекрасное герцогство»; принц Антон Ульрих и вовсе был убежден, что его супруга примет «главное участие в правлении»⁸⁸.

Остальные участники событий, давая показания после своего ареста в 1741 году или запечатлев в мемуарах последние дни царствования Анны Иоанновны, охотно уступали честь «выдвижения» Бирона друг другу⁸⁹. Первый историк «эпохи дворцовых переворотов» А. Ф. Бюшинг описывал, как фельдмаршал Миних убеждал его в том, что именно Остерман и Черкасский сделали Бирона регентом; в то же время сам ученый располагал сведениями, что именно Миних «ночи в одном покое с герцогом Курляндским проводил». Сын фельдмаршала выдвигал на первое место Черкасского и Бестужева-Рюмина; но, как выяснило следствие по делу Бирона, сам Миних-младший исправно докладывал курляндцу, что говорят о нем при дворе, да и

сам герцог «за шпиона его почитал»⁹⁰. Алексей Бестужев-Рюмин в те дни считал решающим в деле утверждения регентства свое участие, о чем рассказал секретарю саксонского посольства Пецольду, а на следствии после ареста поначалу указывал, что «первый предводитель к регентству» был Миних, но в конце концов признал, что сам выдвигал Бирона в регенты и вечером 5 октября писал «духовную» Анны Иоанновны с распоряжением о регентстве.

Стремительное развитие ситуации спутало карты сторонников брауншвейгской четы, которые делились на приверженцев Анны Леопольдовны и принца Антона; к первым можно причислить если не фельдмаршала Миниха, то его сына; ко вторым — Остермана, заинтересованного в сохранении русско-австрийского союза. Возможно, такой поворот был неожиданным и для самой императрицы, и для других лиц, чье единодушие в столь важном вопросе едва ли было искренним. Но открыто выразить свое несогласие с кандидатурой Бирона решились немногие.

Иностранные дипломаты в каждой депеше информировали свои правительства о политическом раскладе при российском дворе. Пецольд сообщал, что высшие сановники успешно надавили на Остермана, уклонившегося было от поддержки соперника. Мардефельд указывал на отсутствие сплоченности среди сторонников Анны и бестолковость ее ближайшей подруги-фрейлины — «прекрасной, но глупой Менгден»; он же узнал, что Остерман посоветовал принцессе просить для себя регентство у умиравшей императрицы, а та хотела, чтобы с этой просьбой к ней обратились кабинет-министры⁹¹.

Однако сама принцесса Анна проявила характер и отказалась поддержать прошение о назначении герцога регентом, поскольку, по данным английского посла, сама рассчитывала получить власть. На переданное ей то ли кабинет-министрами и фельдмаршалом Минихом, то ли некоей «известной особой» предложение Бирона поддержать его она учтиво ответила, что «никогда не мешалась в дела государственные, а при настоящих

обстоятельствах еще менее отваживается вступать в оные; что хотя императрица, по-видимому, в опасности жизни находится, однако с помощью Божией и учитывая ее возраст, может выздороветь, и потому, если ее величеству представить об упомянутом, то сие значит снова напоминать о смерти, к чему она, принцесса, приступить отнюдь не соглашается; что если ее императорскому величеству всемилостивейше благо-угодно было принца Иоанна избрать наследником престола, то и нельзя сомневаться, чтобы ее величество не соизволила сделать нужные и о государственном правлении распоряжения; потому всё оное и предоставляет она на собственное ее величества благоусмотрение; а впрочем, не неприятно ей будет, если императрица благоволит вверить герцогу регентство во время малолетства принца Иоанна». Этого было вполне достаточно. Как заметил Финч, «слова ее были перетолкованы в этом смысле»⁹².

Началось приведение подданных к присяге. В Петропавловском соборе в честь «благоверного государя, великого князя Иоанна» был совершен торжественный молебен. Однако дело с назначением регента обстояло, мягко говоря, не так гладко, как описано в рассказе Бирона. Императрица не только не просила своего фаворита занять этот пост — наоборот: составленное «клиентом» герцога А. П. Бестужевым-Рюминым (согласно его показаниям на следствии) «Определение» о регентстве Бирона с датой «6 октября» она не подписала и оставила у себя. Потерпев неудачу, Бестужев принялся за сочинение челобитной о назначении Бирона регентом, которую должны были подписать виднейшие сановники. Помогал ему генерал-прокурор Никита Трубецкой, а писал бумагу Андрей Яковлев. Одновременно Бестужев организовал еще одну «декларацию» в пользу герцога и призвал поставить под ней подписи более широкий круг придворных, включая старших офицеров гвардии «до капитан-поручиков»⁹³.

Чтобы избежать какого-либо проявления протеста, расторопный кабинет-министр установил очередь, «впуская в министерскую человека только по два и по три и по пять, а

не всех вдруг», хотя на следствии он показывал, что желающие сами толпились в очереди и их «такое число входило, сколько в министерскую вместитца». Миних-младший упоминал о полусотне человек, подписавшихся «понуждением». По данным саксонского посла, под «декларацией» были поставлены 197 подписей⁹⁴. Таким образом, помощники герцога подготовили обоснование провозглашения его регентом даже в том случае, если бы умиравшая Анна отказалась это сделать. В результате Бирон спокойно мог утверждать, что без всякого его участия почти 200 человек «добровольно» выдвинули его персону на высший государственный пост в империи, о чем сам он — сама скромность — якобы узнал только спустя сутки.

Применялись и другие, проверенные во время прежних «дворских бурь» меры. Принцессу Анну старались надолго не оставлять наедине с императрицей, а Антон Ульрих был допущен к ней лишь однажды, 8 октября. Не всегда пускали к умиравшей и Елизавету (это обстоятельство будет следствием поставлено в вину Бирону)⁹⁵.

По всей вероятности, ситуация была для курляндца и его окружения отнюдь не беспроектной. «Согласие» Анны Леопольдовны на регентство — даже если таковое и имело место — стоило немного, а отправить мать императора в застенки или ссылку было невозможно. Безуспешными остались и робкие попытки изменить ситуацию со стороны ее мужа: Антон Ульрих то посылал адъютанта разведать о происходившей в Кабинете подписке, то отправлялся за советом к Остерману. Опытный царедворец намекнул своему протеже, что действовать можно только в том случае, если у него есть собственная «партия»; при ее отсутствии разумнее присоединиться к большинству⁹⁶.

Но, видимо, перед Бироном были и более серьезные препятствия, чем брауншвейгско-мекленбургская чета. В донесениях Шетарди, Мардефельда и австрийского резидента Н. Гогенгольца от 14 октября, а затем и шведского посла Э. Нолькена опять появились сообщения о,

казалось, уже отвергнутой идее регентского совета из двенадцати человек, в котором принцессе Анне должно было принадлежать два голоса⁹⁷. Шетарди 15 октября отметил, что курляндский герцог ведет переговоры с Финчем, а шведский посол доложил, что целью этих переговоров является помещение состояния герцога в английские банки.

Правда, в опубликованных депешах Финча не сообщается о подобном визите — в них вообще нет сведений о событиях, происходивших в придворных сферах между 11 и 15 октября. Мардефельд же передал в Берлин, что Бирона не ввели в состав регентского совета и его слуги уже начали прятать имущество⁹⁸. Эти сообщения имели под собой основание: после свержения Бирона оказалось, что он успел значительную часть своих движимых ценностей отправить в курляндские «маетности», где их и пришлось разыскивать специально посланным чиновникам⁹⁹.

Но попытки изменить ход событий не удались. Как сообщали Шетарди и Нолькен, в среду 15 октября Бирон использовал последнее средство — бросился в ноги к Анне. Умиравшая государыня не смогла отказать единственному близкому ей человеку. Позднее герцог признавал, что был заранее извещен врачами о неминуемой смерти императрицы и желал любой ценой получить ее санкцию на регентскую власть¹⁰⁰. В тот же день или (согласно имевшейся в 1741 году в распоряжении следователей собственноручной записке Бестужева) на следующее утро «определение» о регентстве было подписано¹⁰¹. Если верить Мардефельду, то уже тогда, то есть еще при жизни Анны Иоанновны, регенту присягнули высшие чины империи¹⁰². 17 октября 1740 года императрица скончалась между 21 и 22 часами в полном сознании, успев ободрить своего избранника: «Небось!»

Манифест о вступлении на престол нового государя призывал от его имени подданных: «...пока мы достигнем в семнадцать лет возраста нашего, о управлении государственных как духовных, военных, так политических и гражданских дел вышепомянутый, учиненный от

любезнейшей нашей государыни бабки, блаженная и вечнодостойная памяти всепресветлейшей, державнейшей, великой государыни Анны Иоанновны, императрицы и самодержицы Всероссийской, устав, определение и всемилостивейший указ, без изъятия, по всеподда[н]нической своей вернорабской должности, свято и ненарушимо [бы] содержали». Далее следовал сам «устав» о регентстве Бирона, датированный 6 октября. Дата явно не соответствовала времени действительного подписания документа и давала основания заподозрить фальсификацию, о чем сразу же заговорили иностранные дипломаты¹⁰³.

О прямом подлоге, очевидно, речь всё же не идет, хотя подлинного рукописного текста распоряжения о регентстве у нас нет. Но вокруг умиравшей императрицы была сплетена столь густая сеть интриг, что даже если бы она отказалась исполнить волю фаворита или физически уже не смогла подписать документ, это едва ли изменило бы ход событий: в дело пошли бы заготовленные выражения «общественного мнения». В нужный момент активизировался генерал-прокурор Н. Ю. Трубецкой. Сохранился автограф его распоряжений Сенату: задержать почту, учредить заставы на выезде из столицы; гвардейские полки вызвать к восьми часам утра к «летнему дому», где скончалась императрица. Туда же часом позже надлежало явиться сенаторам, синодским членам и особам первых шести рангов. Не забыл генерал-прокурор распорядиться и о новом титуле «регента» для Бирона¹⁰⁴.

Так же быстро действовал и Остерман. В своем «мнении» Сенату он предложил немедленно отправить «циркулярные рескрипты» русским послам за границей и закрыть все дороги, чтобы опередить известия дипломатов из Петербурга. Самого же Бирона он просил подписать рескрипты, отправляемые в Турцию и Швецию, и направить личные письма султану и визирю, подчеркнув в них «твердость и непоколебимость» внешней политики империи¹⁰⁵. «Старших капитанов» гвардейских полков во дворец потребовали уже 16 октября — то ли для увеличения

количества подписей под бестужевской «декларацией», то ли для того, чтобы они находились на виду и была возможность контролировать их поведение.

Бирон позднее писал, что был безутешен и 18 октября весь день даже не выходил из своих покоев; однако мемуары Миниха-младшего запечатлели его стремление держать ситуацию под контролем: «Как скоро императрица скончалась, то, по обыкновению, открыли двери у той комнаты, где она лежала, и все, сколько ни находилось при дворе, в оную впущены. Тут виден и слышен был токмо вопль и стенание. Принцесса Анна сидела в углу и обливалась слезами. Герцог Курляндский громко рыдал и метался по горнице без памяти. Но спустя минут пять, собравшись с силами, приказал он внести декларацию касательно его регентства и прочитать пред всеми вслух. Почему, когда генерал-прокурор князь Трубецкой с означенною декларациею подступил к ближайшей на столе стоявшей свече и все присутствующие за ним туда обратились, то герцог, увидя, что принц Брауншвейгский за стулом своей супруги стоял, там и остался, спросил его неукоснительно: не желает ли и он послушать последней воли императрицы? Принц, ни слова не вешав, пошел, где куча бояр стояла, и с спокойным духом слушал собственный свой, или паче супруги своей, приговор»¹⁰⁶.

Извлеченный из ларца с драгоценностями документ гласил: «Мы, по всемилостивейшему нашему матернему милосердию к империи нашей и ко всем нашим верным подданным, во время малолетства упомянутого внука нашего великого князя Иоанна, а имянно до возраста его семнатцати лет, по данной нам от всещедрого Бога самодержавной императорской власти определяем и утверждаем сим нашим всемилостивейшим повелением регентом государя Эрнста Иоанна, владеющего светлейшего герцога Курляндского, Лифляндского и Семигалского, которому во время бытия его регентом даем полную мочь и власть управлять на вышеозначенном основании все государственные дела, как внутренние, так и иностранные, и сверх того в какие бы с коею иностранною

державою в пользу империи нашей договоры и обязательства вступил и заключил, и оные имеют быть в своей силе, как бы от самого всероссийского самодержавного императора было учинено, так что по нас наследник должен оное свято и ненарушимо содержать»¹⁰⁷.

Таким образом, обер-камергер императорского двора и владетельный герцог Курляндии Бирон получал «полную мочь и власть», сравнимую с властью российского самодержца. До семнадцати лет император считался несовершеннолетним, а его отец и мать в качестве обладающих властными полномочиями лиц не фигурировали. Им отводилась роль производителей «законных из того же супружества рожденных принцев», которые могли бы занять престол в случае смерти императора; на потомство женского пола эти права не распространялись. К тому же речь шла только о детях-наследниках, «из того же супружества раждаемых», что в случае смерти сына-императора исключало для Анны Леопольдовны возможность избавиться от нелюбимого супруга.

Кроме того, завещание предусматривало и вариант устранения брауншвейгской четы от престола: «...или предвидится иногда о ненадежном наследстве, тогда должен он, регент, для предостережения постоянного благополучия Российской империи заблаговременно с кабинет-министрами и Сенатом и генералами фельт маршалами и прочим генералитетом о установлении наследства крайнее попечение иметь, и по общему с ними согласию в Российскую империю сукцессора изобразить и утвердить, и по такому согласному определению имеет оный Российской империи сукцессор в такой силе быть, якобы по нашей самодержавной императорской власти от нас самих избран был». Такая формулировка давала регенту полномочия еще при жизни младенца-императора и его родителей начать процедуру выборов нового наследника, для чего он имел право «вольно... о всяких награждениях и о всех прочих государственных делах и управлениях такие учреждения учинить, как он по его рассмотрению

запотребно в пользу Российской империи изобретет». «Устав» предусматривал и возможность отказа регента от правления; в таком случае он устанавливал, с согласия Кабинета и Сената, новое правительство и отбывал в принадлежавшую ему Курляндию¹⁰⁸.

Вслед за поздравлениями и присягой Бирон принял поднесенный ему титул «его высочество регент Российской империи Иоганн герцог Курляндский, Лифляндский и Семигальский». Однако позднейшие допросы секретаря Кабинета Андрея Яковлева сохранили неосторожные слова генерал-прокурора Трубецкого, сказанные им перед смертью Анны Иоанновны: «Хотя де герцога Курляндского регентом и обирают, токмо де скоро ее императорское величество скончается, и мы де оное переделаем», — услышав которые, хитрый Остерман тут же дал распоряжение Яковлеву записать их¹⁰⁹. Другие выражали свое мнение открыто. Маркиз Шетарди в донесении от 21 октября отметил явное недовольство сторонников отстраненных от власти родителей императора. Шведский посол Нолькен тогда же сообщил о нежелании офицеров гвардии подписывать «декларацию» о назначении Бирона и даже о якобы имевшем место отказе новгородского архиепископа от присяги¹¹⁰. Мардефельд передавал слухи о намерении не названных по имени вельмож «ввести республиканское правление»¹¹¹.

«Безмятежный переход престола», который мог удивлять английского и других послов, скрывал за кулисами очередную «переворотную» ситуацию. Даже при определенном заранее наследнике власть в ответственный момент демонстрировала неустойчивость и зависимость от сиюминутного расклада политических сил. Если бы в минуту смерти императрицы принцесса Анна с сыном-императором на руках при поддержке нескольких вельмож и высших офицеров гвардии потребовала признать ее право на власть, герцогу нечего было бы возразить. Но на деле его сторонники действовали активно, а Анна Леопольдовна в борьбу не вступила, да и влиятельных лиц в ее окружении как будто не было. Однако логика придворных «конъектур»

скоро подтолкнула ее к действиям и образовала вокруг нее «группу поддержки».

Свержение регента

Переход власти произошел спокойно. Приказы по гвардейским полкам назначали сбор у дворца утром 18 октября; очевидно, до того присутствие солдат, помимо обычных караулов, не требовалось. В столице полицейские чины развешивали в людных местах — на рынках, у церквей, у почтового двора — свежееотпечатанные манифесты о начале нового царствования и «через барабан» объявляли обывателям о принесения присяги. Синод распорядился о новой форме «возношения» первых лиц государства. Впереди, конечно, именовался «благочестивейший, самодержавнейший, великий государь наш, император Иоанн Антонович всея России новый император». Далее поминались его родители — «благочестивейшая государыня принцесса Анна и супруг ея» — и только потом цесаревна Елизавета, перешедшая на положение представительницы боковой ветви императорской фамилии. После августейших назывался «его высочество регент Российской империи».

За три недели Бирон успел «апробовать» ровно 100 указов¹¹². Один из первых утвержденных им манифестов повелевал всем должностным лицам «во управлении всяких государственных дел поступать по регламентам и уставам и прочим определениям и учреждениям от благоверного и вечно достойные памяти государя императора Петра Великого... с чистой совестью, сердцем и радением» — новая власть стремилась объявить себя преемницей дел первого императора и стремилась (или, по крайней мере, декларировала намерение) утвердить приоритет закона в сознании российских чиновников¹¹³. Со ссылкой на петровский указ о роскоши 1717 года предписывалось «отныне вновь богатых с золотом и серебром платьев... дороже 4 рублей аршин никому себе не делать» и донашивать их до 1744 года, что, впрочем, не касалось «императорской фамилии и его высочества герцога регента»¹¹⁴.

Другие «милостивые» указы сулили податным сословиям сбавку в размере подушной подати за текущий год на 17 копеек, преступникам (кроме осужденных по «первым двум пунктам») — амнистию. Заступавшим на посты часовым во всех полках было разрешено носить шубы, дезертирам предоставлена отсрочка для добровольной явки, нерусское население Поволжья (татары, чуваш и мордва) избавлялось от уплаты накопившихся недоимок.

А. П. Бестужев-Рюмин получил в награду за труды на благо герцога дом казненного Волынского и 50 тысяч рублей. Антону Ульриху было пожаловано титулование «высочество». Брауншвейгскому семейству была назначена ежегодная сумма расходов — 200 тысяч рублей, а ничем не проявившей себя в октябрьские дни цесаревне Елизавете — 50 тысяч¹¹⁵. Регент демонстративно отказался от предложенного ему шестисоттысячного содержания, что, впрочем, не избавило его впоследствии от обвинения в неограниченном распоряжении казной.

Другие распоряжения регента огласке не предавались; но шведский посол, а вслед за ним и другие дипломаты стали сообщать своим дворам о начавшихся в столице арестах. По доносам были арестованы поручики Преображенского полка Петр Ханыков и Михаил Аргамаков, сержант Иван Алфимов и еще несколько офицеров и чиновников.

Знаменитый русский историк С. М. Соловьев видел причину гвардейского недовольства в патриотическом возмущении хозяйничаньем курляндца: «Какими глазами православный русский мог теперь смотреть на торжествующего раскольника? Россия была подарена безнравственному и бездарному иноземцу как цена позорной связи! Этого переносить было нельзя»¹¹⁶. Однако допросы арестованных показывают, что национальность и нравственность Бирона мало интересовали гвардейцев. Не только офицеров, но и рядовых солдат возмущало прежде всего то, что «напрасно мимо государева отца и матери (таких же иноземцев. — *И. К.*) регенту государство отдали».

Как только грозная императрица умерла, недовольство гвардейцев прорвалось, и первым его выразил «старейший» в первом гвардейском полку поручик Ханыков. 20 октября 1740 года (через два дня после присяги) он в разговоре с сержантом Иваном Алфимовым сокрушался: «Что де мы зделали, что государева отца и мать оставили, они де, надеясь на нас, плачютца, а отдали де всё государство какому человеку регенту, что де он за человек?»¹¹⁷

Подобные мысли — «не прискорбно ли будет» регентство Бирона принцессе Анне Леопольдовне — приходили и в другие офицерские головы. Но гвардейцы пошли привычным путем — искать покровительства авторитетного и чиновного лидера. Отставной подполковник Любим Пустошкин и капитан Василий Аристов обращались к тайному советнику Михаилу Головкину и главе Кабинета министров князю Алексею Черкасскому. Офицер-семеновец Иван Путятин и его друзья надеялись на своего подполковника — отца императора. Но принц оказался неспособным ни на закулисную интригу, ни на смелый поступок; в решающие дни накануне смерти Анны он осмелился только просить совета у брауншвейгского посланника Кейзерлинга, а на встречу с офицерами не отважился. Другие оказались еще трусливее: десятилетие бироновщины отбило у вельмож охоту к решительным действиям. Головкин уклонился от опасного предприятия: «Что вы смыслите, то и делайте. Однако ж ты меня не видал, а я от тебя сего не слыхал; а я от всех дел отрешен и еду в чужие край». Черкасский же лично донес на своих посетителей¹¹⁸.

Поручик Ханыков первым осознал, что он и его однополчане сами могут совершить переворот: «Учинили бы тревогу барабанным боем и гренадерскую б свою роту привел к тому, чтоб вся та рота пошла с ним, Ханыковым, а к тому б де пристали и другие салдаты, и мы б де регента и сообщников его, Остермана, Бестужева, князь Никиту Трубецкова убрали». Но идея еще казалась слишком дерзкой, и поручик с сожалением констатировал: «Какие наши офицеры, все де трусы, ни один по настоящей форме

не идет». Поэтому он и обратился к унтерам: «В полку надежных офицеров нет, не с кем советоваться о том; разве вы, ундер афицеры, об этом станете салдатом толковать». Он был уверен в успехе: «...они меня любят, и офицеры б, побоявшись того, все б стали солдатскую сторону держать»¹¹⁹. Однако солдаты тоже не решались на какие-либо действия: «...бранят нас, офицеров, также и унтер-офицеров, для чего не зачинают, что если им, солдатам, зачать нельзя...» Ханыков чуть опередил время. Через год, в ночь с 24 на 25 ноября 1741-го, девять храбрых солдат и унтеров Преображенского полка с гренадерской ротой арестуют младенца-императора, его родителей и министров и возведут на престол дочь Петра I Елизавету.

А в октябре 1740 года поручик был взят по доносу, как и другие офицеры. Вместе с ним в застенки попали не только гвардейцы, но и штатские, в числе коих был секретарь Кабинета Андрей Яковлев. Этот чиновник не только утверждал брауншвейгскую семью в мысли о подложности «Устава» о регентстве, но и лично пытался зондировать общественное мнение на предмет переворота: «...надевая худой кафтан, хаживал он собою по ночам по прешпективной и по другим улицам, то слышал он, что в народе говорят о том с неудовольствием, а желают, чтоб государственное правительство было в руках у родителей его императорского величества»¹²⁰. В следственном деле перечислены 26 фамилий офицеров и чиновников, против некоторых сделаны отметки: «Пытан. Было 16 ударов». К самому начальнику Канцелярии тайных розыскных дел А. И. Ушакову (под следствие попал его адъютант И. Власьев) герцог распорядился приставить верного человека: «...о непристойном и злодейственном рассуждении и толковании о нынешнем государственном правлении... исследовать и разыскивать обще с ним, генералом, генерал-прокурору и кавалеру князю Трубецкому»¹²¹.

Двадцать третьего октября Бирон в резкой форме потребовал объяснений от брауншвейгского принца: из показаний арестованных следовало, что Антон Ульрих якобы сомневался в подлинности завещания, мечтал о дворцовом

перевороте и хотел «арестовать всех министров». Принц признался, что «замышлял восстание», и «добровольно» согласился оставить посты подполковника Семеновского полка и полковника Брауншвейгского кирасирского полка. «...Понеже я ныне, по вступлении вашего императорского величества на всероссийской престол желание имею помянутые мои военные чины низложить, дабы при вашем императорском величестве всегда неотлучным быть, — подал он прошение на имя сына-императора, — того ради ваше императорское величество всенижайше прошу, на оное всемилостивейше соизволяя, от всех тех до ныне имевших чинов меня уволить и вашего императорского величества указы о том куда надлежит послать; также и всемилостивейшее определение учинить, чтоб порозжия чрез то места и команды паки достойными особами дополнены были».

Регент потребовал, чтобы присутствовавшие при разговоре вельможи публично подтвердили подлинность «Устава» о регентстве, и, в свою очередь, пригрозил отставкой в случае, если собрание сочтет герцога Антона более способным. Полномочия регента были признаны законными, и он — по просьбам участников собрания — согласился остаться на своем посту¹²².

Бирон не ограничился формальным подтверждением своих прав. 25 октября Шетарди сообщал в Париж, что «гвардия не пользуется доверием» и для охраны порядка в Петербург введены два армейских батальона и две сотни драгунов, а Мардефельд уведомил свое правительство о шести вводимых батальонах¹²³. Гвардейцы полагали, что регент собирался «немцев набрать и нас из полку вытеснить». После ареста Бирона попытки преобразовать гвардию были поставлены ему в вину; на следствии курляндец признал, что собирался «разбавить» неблагонадежные полки новобранцами-рекрутами, а дворян перевести офицерами в армию¹²⁴. Но даже если правитель и замышлял подобные шаги, то не успел их осуществить. Однако даже слухи о таких намерениях вызвали ропот в

полках, и самому фельдмаршалу Миниху пришлось успокаивать гвардейцев¹²⁵.

Продолжалось и открытое Тайной канцелярией следствие. Однако начинать новое царствование с репрессий было неловко. К 31 октября допросы были прекращены; некоторых подследственных (ротмистра А. Мурзина, капитан-поручика А. Колударова) просто выпустили, других (адъютантов А. Вельяминова и И. Власьева) освободили с надлежащим «репримандом». Граф М. Г. Головкин, к которому обращались арестованные офицеры, вообще был избавлен от допросов¹²⁶.

Розыск выяснил, что среди недовольных были и сторонники Елизаветы. Но принцесса вела себя примерно, и эти дела закончились безобидно: капрала А. Хлопова, сожалевшего, что дочь Петра I от наследства «оставлена», отпустили без наказания, а отказавшегося присягать счетчика М. Толстого сослали в Оренбург (при Анне Иоанновне за подобное могли и казнить). Не подтвердился и донос Преображенского сержанта Д. Барановского, согласно которому во дворце Елизаветы якобы «состоялся указ под смертною казнью, чтоб никто дому ее высочества всякого звания люди к состоявшимся первой и второй присягам не ходили» и оттуда были посланы «в Цесарию два курьера». Следствие выяснило, что такие слухи распространялись в среде придворной челяди, и назвало их «непристойными враками»¹²⁷.

Бирон (в записке, адресованной уже императрице Елизавете) сообщал, что Миних докладывал ему о подозрительных сношениях людей цесаревны с французским послом и советовал упрятать ее в монастырь. В достоверности этого свидетельства герцога о своем «злейшем друге» можно и усомниться; но, надо признать, к Елизавете он относился вполне доброжелательно и даже заплатил ее долги¹²⁸. Позднее сама цесаревна рассказала Шетарди, что получила от регента 20 тысяч рублей сверх назначенного ей содержания¹²⁹. (Елизавета оценила его доброту и хотя после восшествия на престол не

реабилитировала свергнутого курляндца, но перевела его из Сибири в Ярославль и заметно облегчила режим ссылки.)

Не исключено, что «милости» Бирона к дочери Петра I объяснялись не только ее лояльностью, но и планами самого регента. «Герцог Курляндский (давно уже желавший возвести на престол свое потомство) намеревался обвенчать царевну Елизавету со своим старшим сыном и выдать свою дочь за герцога Голштейнского», — писал в воспоминаниях Манштейн. Шетарди также стало известно, что герцог через духовника предлагал Елизавете брак с его сыном Петром, а дочь Гедвигу он планировал выдать за племянника цесаревны, Сам же Бирон из ссылки напоминал уже императрице Елизавете Петровне, как его после ареста допрашивали о ночных беседах с цесаревной и о якобы имевших место планах возведения на престол голштинского принца, наличие которых он, естественно, с негодованием опровергал¹³⁰.

Зато по отношению к родителям императора регент не считал необходимым стесняться. Манштейн и Пецольд сообщали, что герцог публично грозил Анне Леопольдовне, что отошлет ее с мужем в Германию, а из Голштинии выпишет представителя другой линии династии. На следствии он это подтвердил, хотя и оправдывался тем, что не допустил высылки Анны в «Мекленбургю», а о голштинском принце говорил исключительно из «осторожности»¹³¹. Бирон арестовал адъютантов принца и выслал за границу его камер-юнкера. Муж правительницы на некоторое время был посажен под домашний арест, но затем, по донесениям прусского и шведского послов, полностью помирился с регентом. Реестр именных указов Соляной конторе отчасти объясняет причину покладистости Антона Ульриха: курляндец оплатил его долги придворному «обер-комиссару» Либману (Липману) и купцу Ферману в размере 39 218 рублей¹³². Сама Анна в это тревожное время, по свидетельству Шетарди, вела себя по отношению к Бирону предупредительно и нанесла несколько визитов его супруге.

«Укрепив» Тайную канцелярию генерал-прокурором, регент назначил «главным по полиции» князя Я. П. Шаховского, обещав ему всяческую поддержку и даже право входить к нему без доклада. Сенатором стал В. И. Стрешнев (родственник Остермана), а И. И. Бахметев был назначен обер-прокурором. Произошло несколько кадровых перестановок в коллегиях. По докладу генерал-прокурора были определены к местам сразу 35 прокуроров. На уровне провинциальной администрации новый правитель успел только сменить архангельского вице-губернатора А. А. Оболенского (его отправили в Смоленск) на П. К. Пушкина; бригадир П. Аксаков стал вице-губернатором в Уфе.

Бирон занимал должность регента слишком малый срок, чтобы делать выводы о целенаправленном характере таких назначений. Но, похоже, сам он к началу ноября почувствовал себя увереннее и стал больше внимания уделять текущим делам. В своих апартаментах он устраивал совещания с сенаторами; 6 ноября вместе с кабинет-министрами А. М. Черкасским и А. П. Бестужевым-Рюминым явился в Сенат, где «изволил слушать доклады» и накладывать на них резолюции по-русски: «Иоганн регент и герцог»¹³³. Побывал он и в Адмиралтействе на закладке нового корабля. Бирон регулярно посещал заседания Кабинета министров, проходившие в доме Остермана, страдавшего приступами подагры либо притворявшегося больным в предчувствии очередных потрясений. Финч 8 ноября докладывал, что правитель затребовал отчеты о состоянии армии и доходах государства. Бирон настолько был убежден в любви к нему подданных, что даже заявил, что «спокойно может ложиться спать среди бурлаков»¹³⁴, и стал принимать непопулярные меры: назначил очередной рекрутский набор в 30 тысяч человек, а также распорядился поднять в столице цену на водку на 10 копеек за ведро ради быстреего строительства «каменных кабаков».

Знал ли герцог, кто такие бурлаки, неизвестно; но его уверенность в прочности своего положения вполне разделял близкий к нему английский посол. «Все здешние офицеры и полки гвардии за него, а также большая часть

армии. Губернаторы большинства провинций его креатуры и вполне ему преданы», — докладывал Финч в Лондон 1 ноября 1740 года. О том, что Бирон не сомневался в преданности ему гвардейских частей, писал и Миних: «Под моим началом находился майор Альбрехт, его ставленник и шпион; Семеновский полк был под начальством генерала Ушакова, весьма преданного Бирону; Измайловским полком командовал Густав Бирон, брат герцога, а Конногвардейским — его сын принц Петр, а так как он был слишком молод, то Ливен, курляндец»¹³⁵.

Однако не столь близкие к регенту Мардефельд, Нолькен, Шетарди и секретарь австрийского посольства Гогенгольц выражали сомнение в его способности удержать власть в своих руках. Прусский посол прямо предсказал, что герцога низвергнут те же, кто привел его к власти, а его государь Фридрих II накануне открытия военных действий против Австрии ожидал, что в России начнутся «движения» в пользу Елизаветы или брауншвейгской четы¹³⁶.

Русский посол в Париже Антиох Кантемир послал Бирону поздравления, но не лично, а присовокупив к письму третьему лицу, предусмотрительно попросив адресата передать их герцогу только в случае, «если духовная покойной государыни останется во всей своей силе, иначе же немедленно сжечь». Дипломат оказался прав — письмо дошло в Петербург уже после свержения регента. Опоздал и прогноз французского министра иностранных дел Амело, считавшего, что главную опасность для Бирона представляет его правая рука — Миних¹³⁷. Крайне честолюбивый фельдмаршал рассчитывал на одно из первых мест в государстве, но ни новых постов, ни ожидаемого звания генералиссимуса от регента не получил. Тогда Миних предпочел выступить на стороне матери императора.

Постаравшийся узнать подробности нового переворота саксонский дипломат Нейбауэр установил, что 7 ноября Миних имел беседу с Анной Леопольдовной. Оставшись с ним наедине, она заплакала и сказала: «Граф Миних! Вы видите, как обращается со мною регент. Мне многие надежные люди говорят, что он намерен выслать меня за

границу. Я готова и уеду; но если вы можете, похлопочите, чтобы по крайней мере отпустили со мною и моего ребенка». Тут Миних будто бы взял с нее клятву блюсти строжайшую тайну и дал слово освободить ее от тирана. На следующее утро он прибыл вновь и объявил, что намеревается схватить регента. Анна колебалась и говорила, что фельдмаршал ставит на карту свою жизнь и судьбу своего семейства; но Миних потребовал ее согласия, и она ответила: «Быть так! Делайте же поскорее, что хотите делать»¹³⁸.

Сам фельдмаршал в мемуарах писал, что не он, а некие «благонамеренные лица» убедили Анну в том, что «для блага государства необходимо удалить Бирона и его семейство», после чего она и поручила ему арестовать герцога. Он же, как старый солдат, честно исполнил указание матери императора. Однако сын Миниха и его адъютант Манштейн указывали, что не анонимные лица и не принцесса, а сам полководец взял на себя инициативу. Эрнст Миних отметил, что днем 8 ноября его отец поехал к принцессе, «представил ей, какой опасности не только все верные служители императорских родителей, но также и сама она подвержена в случае, если герцог Курляндский далее в регентстве останется, и вызвался, чтобы ей только угодить, предать герцога арестантом в ее руки, но дабы офицерам и солдатам, которых он к тому употребить намерен, придать больше бодрости, просил он благоволения присутствовать ей при том персонально».

Возглавить переворот Анна так и не решилась — в отличие от «сестрицы»-цесаревны, которая год спустя лично повела гренадерскую роту Преображенского полка на Зимний дворец. Правда, справедливости ради надо отметить, что Елизавета Петровна, похоже, не могла опереться ни на кого из известных генералов; к услугам же Анны оказался сам фельдмаршал и президент Военной коллегии. Однако санкция матери императора всё же была необходима для свержения законного правителя. По словам Миниха-сына, стороны договорились, «чтоб отец мой в наступающую ночь приехал опять к принцессе, взял от нее с

караула потребную команду и регента арестовал». После этого фельдмаршал, присоветовав Анне Леопольдовне никому, в том числе супругу, ни слова о том не говорить, откланялся и поехал прямо к ничего не подозревавшему герцогу «почтение свое отдать и, что того страннее, в тот же самый день у него обедал»¹³⁹.

Вскоре после этого обеда акция по свержению регента была осуществлена. Между 10 и 11 часами вечера 8 ноября Миних с адъютантом отправился в Зимний дворец. Принцесса вышла к ожидаемым ею посетителям одна, не поставив в известность мужа. Как вспоминал Манштейн, Анна Леопольдовна приняла вызванных фельдмаршалом караульных офицеров: «...ее высочество высказала им в немногих словах все неприятности, которые регент делал императору, ей самой и ее супругу, прибавив, что так как ей было невозможно и даже постыдно долее терпеть эти оскорбления, то она решила арестовать его, поручив это дело фельдмаршалу Миниху, и что она надеется, что офицеры будут помогать ему в этом и исполнять его приказания. Офицеры без малейшего труда повиновались всему тому, чего требовала от них принцесса. Она дала им поцеловать руку и каждого обняла». Кроме того, чтобы подогреть их решимость, мать императора объявила, что «их верность без награждения оставлена не будет». После этого напутствия фельдмаршал с тридцатью солдатами (по Миниху-младшему) или с восьмьюдесятью (по Манштейну) отправился к Летнему дворцу — резиденции Бирона.

Первое профессиональное описание дворцового переворота сделал один из главных участников события — боевой офицер Манштейн: «Шагах в 200 от этого дома отряд остановился; фельдмаршал послал Манштейна к офицерам, стоявшим на карауле у регента, чтобы объявить им намерения принцессы Анны; они были так же сговорчивы, как и прочие, и предложили даже помочь арестовать герцога, если в них окажется нужда. Тогда фельдмаршал приказал тому же подполковнику Манштейну стать с одним офицером во главе отряда в 20 человек, войти во дворец,

арестовать герцога и в случае малейшего сопротивления с его стороны убить его без пощады».

Бравый подполковник со своим маленьким отрядом без шума вошел во дворец; стоявшие внутри часовые пропустили его, поскольку адъютант фельдмаршала мог быть послан к герцогу по важному делу. Манштейн не знал, где именно находится спальня Бирона, но отважно двинулся вперед, пока не очутился перед закрытой дверью. Манштейн от третьего лица описывает происходившее после того, как он вломился в покои регента: «...он нашел большую кровать, на которой глубоким сном спали герцог и его супруга, не проснувшиеся даже при шуме растворившейся двери. Манштейн, подойдя к кровати, отдернул занавеси и сказал, что имеет дело до регента; тогда оба они внезапно проснулись и начали кричать изо всей мочи, не сомневаясь, что он явился к ним с недобрым известием. Манштейн очутился с той стороны, где лежала герцогиня, поэтому регент соскочил с кровати, очевидно, с намерением спрятаться под нею; но тот поспешно обежал кровать и бросился на него, сжав его как можно крепче обеими руками до тех пор, пока не явились гвардейцы. Герцог, став, наконец, на ноги и желая освободиться от этих людей, сыпал удары кулаком вправо и влево; солдаты отвечали ему сильными ударами прикладом, снова повалили его на землю, вложили в рот платок, связали ему руки шарфом одного офицера и снесли его голого до гауптвахты, где его накрыли солдатскою шинелью и положили в ожидавшую его тут карету фельдмаршала. Рядом с ним посадили офицера и повезли его в Зимний дворец...»¹⁴⁰

Затем Манштейн арестовал младшего брата регента, подполковника Измайловского полка Густава Бирона. Столь же легко был схвачен и другой приближенный Бирона — А. П. Бестужев-Рюмин. Главные события бескровного переворота, со слов самого Миниха, произошли между тремя и четырьмя часами ночи. На караулах в Зимнем и Летнем дворцах стояли солдаты и офицеры его Преображенского полка, и далее откладывать акцию было

нельзя, так как с 9 ноября на вахту должны были заступить семеновцы¹⁴¹.

Во время переворота принцессе было не до сна. Она от волнения не находила себе места и разбудила дежурного камергера, коим оказался Эрнст Миних, который пребывал «в приятнейшем сне, почему не мало ужаснулся, когда вдруг, пробудясь, увидел принцессу, на моей постели сидящую». Между ними состоялся разговор: «Я спросил о причине, она трепещущим голосом отвечала: "Мой любезный Миних, знаешь ли, что твой отец предпринял? Он пошел арестовать регента". К чему присовокупила еще: "Дай боже, чтобы сие благополучно удалось!"».

На этот раз удача благоволила к принцессе и фельдмаршалу. К пяти часам утра всё было кончено. Преображенский полк получил указание собраться у «зимнего дома», куда уже съезжались чиновники, и среди них — как обычно, вовремя выздоровевший Остерман. Высшие чины империи, еще недавно чествовавшие Бирона, «утрудили» принцессу просьбой принять правление с титулом «великой княгини Российской». Вслед за поздравлениями последовало принесение новой правительнице присяги — уже третьей за месяц. «В 5 часов гвардия собралась около Зимнего дворца и возвратилась по квартирам только в четыре часа пополудни... — сообщал Шетарди в депеше, отправленной 8 ноября. — Только что присяга, согласно указу, была произнесена принцессой Елизаветой и первыми чинами, каждый гвардейский батальон составил кружок и также приведен к присяге под знаменами. В силу этой формальности принцесса Анна признана правительницей на время малолетства своего сына. Потом это было возвещено народу тремя залпами крепостной артиллерии, чего не было при провозглашении герцога Курляндского».

К вечеру того же дня после совещания правительницы с Минихом и Остерманом регент с семьей был отправлен из Зимнего дворца в Шлиссельбургскую крепость, Бестужев-Рюмин — в Ивангород. Специальные курьеры были посланы с распоряжениями об аресте верных Бирону людей: его

старшего брата Карла, московского губернатора, и зятя — лифляндского вице-губернатора генерала Лудольфа фон Бисмарка, предка знаменитого германского канцлера.

Манифест от 9 ноября 1740 года (не вошедший в Полное собрание законов Российской империи) от лица младенца-императора впервые объявлял о свержении законного правителя-регента империи. Манифест не оспаривал его право на власть, но подчеркивал, что герцог обязан был «свое регентство вести и отправлять по государственным нашим правам, конституциям и прежним, как от ее императорского величества, так и от всепресветлейших ее императорского величества предков определениям и учиненным государственным уставам, и особливо ему же притом поведено не токмо о дражайшем здравии и воспитании нашем должное попечение иметь, но и к вселюбезнейшим нашим родителям и ко всей нашей императорской фамилии достойное и должное почтение оказывать и, по их достоинству, о содержании оных попечение иметь».

Бирону ставилось в вину, что он осмелился «тотчас по восприятию сего своего регентства и, не обождая еще, чтобы тело ее императорского величества земле предано было, не токмо многие государственным нашим правам и прежним определениям противные поступки чинить, но, что наивящше есть, к любезнейшим нашим родителям, их высочествам государыне нашей матери и государю нашему отцу такое великое непочитание и презрение публично оказывать, и при том еще со употреблением непристойных угроз, такие дальновидные и опасные намерения объявить дерзнул, по которым не токмо вышепомянутые любезнейшие наши государи родители, но и мы сами, и покой и благополучие империи нашей в опасное состояние приведены быть могли б». А потому младенец-император «принуждена себя нашли, по всеподданнейшему усердному желанию и прошению всех наших верных подданных духовного и мирского чина, оного герцога от того регентства отрешить, и по тому же всеподданнейшему прошению всех наших верных подданных оное

правительство всероссийской нашей империи, во время нашего малолетства, вселюбезнейшей нашей государыне матери, ея императорскому высочеству государыне принцессе Анне (которой мы отныне титул великой княгини Всероссийской придать соизволили) поручить и отдать во всё с такою властью и силою, и на таком основании, как по вышеписанному ее императорского величества блаженнейшей памяти определению правительство вести и отправлять учреждено и повелено было»¹⁴².

Рукописный лист манифеста подписали министры, члены Синода, сенаторы, генералитет, в том числе майоры гвардии. Но среди подписей можно встретить имена второстепенных чиновников и офицеров, оказавшихся в тот день во дворце и вместе с манифестом подписавших новую присягу¹⁴³.

Этот любопытный документ — манифест, представлявший собой высший правовой акт государства, — требовал от законного правителя (обладавшего на тот момент неограниченной властью) соблюдения «прав, конституций и прежних как от ее императорского величества, так и от всепресветлейших ее императорского величества предков определений и учиненных государственных уставов», то есть действия в рамках законности. Но он же объясняет устранение регента не нарушением конкретных законов, а абсолютно внеправовыми категориями — его низким «моральным обликом» и плохим поведением по отношению к «любезнейшим нашим родителям», то есть справедливость «отеческого правления» явно ставится выше любой формальной законности. Конечно, отрешает правителя «природный» и законный император — но он, согласно указанному в том же манифесте «определению» Анны Иоанновны, не является дееспособным да и совершает эту акцию едва ли не по принуждению — «по усердному желанию и прошению всех наших верных подданных духовного и мирского чина».

Таким образом, первый в отечественной истории «классический» дворцовый переворот, совершённый

группой солдат и офицеров под командованием предприимчивого генерала, получил официальное обоснование. Из него следовало, что существующая — может, и несимпатичная, но законная — власть может быть свергнута силой без сколько-нибудь серьезных доказательств ее вины и без всяких попыток воздействия на нее со стороны других законных учреждений. Необходимость таких насильственных действий объяснялась еще только предполагавшимся нарушением «благополучия» империи и уже состоявшимся «прошением всех наших верных подданных». Такое объяснение стало в дальнейшем неременным элементом публичного оправдания каждой последующей «революции», но одновременно «снижало» сакральный характер царской власти и подчеркивало ее зависимость от тех сил, которые выступали в качестве выразителей общественного мнения.

Грозная Анна Иоанновна, пожалуй, перевернулась бы в гробу, когда ее фельдмаршал и племянница так распорядились ее «наследством» — сместили ее любимца, но ей и этого сделать не позволили бы. Тело государыни 16 декабря в присутствии высочайших особ, министров и генералитета было положено в приготовленный гроб, покрыто золотым парчовым на белой тафте покровом. По совершении семи архиереями, двадцатью архимандритами и тремя протоиереями торжественной литии генералы перенесли гроб из малой залы старого Летнего дворца в «фюнеральный» (траурный) зал и установили на троне. После завершения панихиды начался впуск «всякого чина людей»; желавших поклониться или просто поглазеть на усопшую императрицу было так много, что за неделю пришлось дважды поменять истоптанную траурную обивку крыльца.

Похороны состоялись 21 декабря: фоб вынесли из дворца и поставили на траурные сани под балдахином. Торжественная процессия певчих, духовенства и придворных чинов в экипажах в сопровождении 2222 рядовых с факелами, 86 рейтаров Конного полка с протазанами, 128 гвардейских гренадеров, трубачей и

литаврщиков под пушечные залпы и колокольный звон двинулась в Петропавловскую крепость. При прохождении траурного кортежа мимо выстроенных полков их знамена преклонялись до земли, солдаты брали ружье на караул, а офицеры снимали шляпы. В соборе состоялось отпевание, но тело императрицы не опускали в землю аж до 15 января 1741 года — усопшая государыня и после смерти призвана была напоминать подданным о величии и единстве империи, какие бы дворцовые страсти ни бушевали среди ее наследников.

Через неделю после переворота в депеше французского посла Шетарди появилось известие о том, что регент сам собирался арестовать Миниха, Остермана, Головкина и других «во вторник или среду, чтоб лучше отпраздновать [9 ноября] день рождения своего», и выслать родителей императора из России; якобы именно достоверное сообщение об этом коварном намерении герцога заставило Миниха захватить его самого.

Существовали ли реально у свергнутого регента какие-либо «опасные намерения»? Изложенная в сочинении Манштейна и депешах Шетарди версия о «превентивном» характере переворота, призванного предотвратить действия Бирона, представляется сомнительной — она явно появилась позднее, уже для оправдания участников переворота. Во всяком случае, ни отец, ни сын Минихи не указывали на подобное обстоятельство в качестве причины ареста регента.

Бирон не предпринимал никаких шагов к тому, чтобы выслать родителей императора за границу, а самого Иоанна Антоновича «с престола свергнуть, а его королевское величество, принца Голштинского, на оный возвесть». Скорее всего, подобные угрозы являлись всего лишь мерой «воспитательного характера» в отношении претендовавших на политическую роль родителей царя. К тому же Антон Ульрих совсем отказался от борьбы и примирился со своим положением, потому ни Миних, ни Анна даже не сочли нужным посвятить его в свои планы.

Трудно сказать, насколько серьезными были матримониальные планы курляндца. По крайней мере, сам он на следствии ничего не говорил о своих планах относительно брака своего наследника с Елизаветой, признав только, что собирался выдать дочь за дармштадтского или саксен-мейнингенского герцога¹⁴⁴. Подобные планы были опасными для самого их инициатора. В стремлении породниться с династией, пойдя по стопам предыдущих временщиков, Бирон резко вырвался из своей среды, не прощавшей такого успеха. Правящая элита не воспринимала в качестве владыки не только выскочку Меншикова, но даже Рюриковичей Долгоруковых. Вокруг такой фигуры, несмотря на внешнее преклонение перед ней, образовывался вакуум патрональных, служебных и личных отношений.

Сейчас трудно представить, в какой атмосфере созревали и осуществлялись удачные и неудачные заговоры (имеется в виду не двор с его интригами — эта сфера, надо полагать, с тех пор едва ли принципиально изменилась, — а отношение к происходившему солдат и офицеров, городских обывателей разного статуса и достатка, чиновников многочисленных учреждений). Прочие подданные, рассеянные на огромном пространстве империи, едва ли представляли себе, какие события происходили в столице.

Кратковременное правление Бирона-регента не оставило даже таких специфических источников отражения общественного мнения, как дела Канцелярии тайных розыскных дел. Правда, в мае 1741 года крепостной Евтифей Тимофеев из подмосковной деревни попал в розыск по поводу высказанного им мнения о политических новостях: «У нас слышно, что есть указы о том: герцога в ссылку сослали, а государя в стену заклали», — но при этом решительно не мог пояснить, о каком герцоге идет речь¹⁴⁵.

«Шляхетство» разбиралось в событиях лучше. Дело 1745 года по доносу на капитана Измайловского полка Г. Палембаха показывает, что в новых гвардейских полках у регента были сторонники. По свидетельству Шетарди,

природная русская принцесса Елизавета Петровна также осуждала свержение «немца» Бирона; она даже объявила действия храбрых преоб-раженцев Миниха «позором» для русского народа — тогда она еще не знала, что те же гвардейцы точно таким же образом предоставят престол ей, станут ее любимыми «детушками» и будут считаться, понятное дело, не преступниками, а национальными героями¹⁴⁶.

Но вот в каком ряду событий описывается свержение Бирона в редком для первой половины столетия документе — дневнике отставного семеновского поручика А. Благово: «Воскресение морозец. Регента Бирона збросили. Крестьяня женились Ивонин внук. В 741 году в 34 побор Вас ил ей Марков в рекруты взят...» Бесстрастно фиксирует дворцовый переворот «записная книга» столичного жителя — подштурмана И. М. Грязнова: «Ноября 8 вышеобъявленной регент Бирон в ночи взят под караул фелтмаршелом Минихом и сослан в ссылку»¹⁴⁷. Свидетель многих дворцовых «революций» Н. Ю. Трубецкой в кратком повествовании о своей жизни не упоминал о падении Бирона даже тогда, когда сообщал о собственной «командировке» для описания имущества бывшего регента.

Свидетельства скупы и бесстрастны, как будто современники воспринимали «дворские бури» как далекие от их повседневных дел события — или даже наедине с собой не считали возможным дать им более эмоциональную оценку. Во всяком случае, еще в начале XIX века престарелые очевидцы сообщали молодому поколению, интересовавшемуся тогдашними настроениями: «Отец мой видел Бирона и так боялся, что не любил говорить о нем даже тогда, когда его уже не было в России»¹⁴⁸. Автор подробного дневника украинский генеральный подскарбий (казначей) Я. Маркович вымарывал и выдирал из него страницы, посвященные герцогу (вскоре пришла очередь быть уничтоженными и тем местам, где говорилось о «незаконном правлении» Иоанна Антоновича)¹⁴⁹.

Что касается оценок общественных настроений, даваемых иностранными дипломатами, то они в немалой

степени зависели от позиций их самих и их отношений с участниками событий, не говоря уже о кругозоре посольских информаторов (так, в донесениях Шетарди под «народом» очень часто подразумевался тот же придворный круг).

Наибольшее сочувствие к регенту проявлял английский посол Эдвард Финч, рекомендовавший своему правительству как можно скорее признать титул нового правителя и не раз указывавший на его «доброе отношение» к интересам Англии. Он же подчеркивал, что всячески искал расположения Бирона и был им отмечен. Успехи Финча вызывали даже неодобрение среди дипломатического корпуса: его французский, шведский и прусский коллеги не пользовались вниманием регента, а австрийского резидента тот даже отказался принять¹⁵⁰.

В свете этих обстоятельств английский посол видел вокруг «общее успокоение», наступившее при объявлении регентства. Финч был уверен в том, что новая власть установилась прочно и герцога «вообще любят, так как он оказывал добро множеству лиц, зло же от него видели очень немногие»¹⁵¹. Правление любимого подданными регента завершилось всего через три недели, и дипломат, не смущаясь противоречия с предыдущими депешами, невозмутимо доложил: «Переворот произошел со спокойствием, которому возможно приравнять разве общую радость, им вызванную». Дальнейшая судьба опального его не интересовала — возможно, потому, что падение герцога никак не отразилось на процессе подготовки и заключения союзного договора с Россией в апреле 1741 года.

Зато не симпатизировавшие новому правителю дипломаты сразу стали прогнозировать беспорядки; их донесения сообщали о «брожении среди народа» (под которым понималась прежде всего гвардия), недовольстве офицеров и направленных против них репрессиях. При этом назывались фамилии лиц, по-видимому, не замеченных ведомством А. И. Ушакова — по крайней мере не проходивших по сохранившимся документам Тайной канцелярии. «Опальный» австрийский резидент Гогенгольц, по словам Шетарди, открыто заявлял, что завещание Анны

есть подлог Бирона, но «зло не непоправимо»¹⁵². Вполне вероятно, что на подобные оценки повлияла поддержка — по инициативе герцога — территориальных претензий польского короля и саксонского курфюрста Августа III к Австрии¹⁵³. (Кажется, эта «декларация» от 27 января 1740 года, в которой Россия обязывалась «негоциациями и сильно» поддержать «права саксонского дома о аустрийском наследстве», является единственным фактом вмешательства Бирона в иностранные дела. Во всяком случае, на следствии он не отрицал своего участия в ее составлении, а правительство принцессы Анны, напротив, официально отреклось от документа, поскольку он был составлен герцогом «без приглашения нашего министерства»¹⁵⁴.)

В сообщениях дипломатов Франции, Швеции и Пруссии осенью 1740 года критическая информация в адрес регента явно преобладает по сравнению с оптимистическими реляциями Финча. Но насколько она отражает действительные настроения столичного общества той поры? При описании события дипломатов интересовали главным образом «технология» и действия ключевых фигур заговора, а не реакция окружающих. Однако Шетарди счел нужным отметить поведение гвардии: «Как в тот момент, когда герцог Курляндский был провозглашен регентом, они выразили своим молчанием и сдержанностью чувство уныния и скорбного удивления, так теперь они изъявили свою радость и удовольствие несмолкаемым криком и непрерывным подбрасыванием шапок на воздух»¹⁵⁵.

Из всех отечественных источников только мемуары князя Я. П. Шаховского рисуют картину «смятения» чиновной публики сразу после переворота. Только что при поддержке Бирона он стал действительным статским советником, «главным по полиции» — и через несколько дней был поражен неожиданным известием. Шаховской поспешил во дворец: «...следовал за другими, спешно меня оббегающими. Но большею частью гвардии офицеры с унтер-офицерами и солдатами, толпами смешиваясь, смело в веселых видах и, не уступая никому места, ходили, почему я

вообразить мог, что сии-то были производители оного дела».

Известие о состоявшемся перевороте, пишет Шаховской, «поразило мысль мою, и я сам себе сказал: "Вот теперь регентова ко мне отменно пред прочими милостивая склонность сделает мне, похоже, как и после Волынского, толчок; но чтоб только не худшим окончилось. Всевидящий, защити меня!" В том размышлении дошел я близ дверей церковных; тут уже от тесноты продраться в церковь скоро не мог и увидел многих моих знакомых, в разных масках являющихся. Одни носят листы бумаги и кричат: "Изволите, истинные дети отечества, в верности нашей всемилостивейшей правительнице подписываться и идти в церковь в том Евангелие и крест целовать"; другие, протеснясь к тем по два и по три человека, каждый только спешит, жадно спрашивая один другого, как и что писать, и, вырывая один у другого чернильницу и перья, подписывались и теснились войти в церковь присягать и поклониться стоящей там правительнице...».

В этой картине, врезавшейся в память молодого в то время человека, бросаются в глаза прежде всего лихорадочная суeta больших и малых чинов, их желание поскорее «отметиться», чтобы не превратиться в отверженного: «Некоторые из тех господ, кои в том деле послужить усчастливились, весьма презорные взгляды мне оказали, а другие с язвительными усмешками спрашивали, каков я в своем здоровье и всё ль благополучен. Некоторые ж из наших площадных звонарей неподалеку за спиною моею рассказывали о моем у регента случае и что я был его любимец. С такими-то глазам и ушам моим поражениями, не имея ни от правительницы, ниже от ее министров, уже во многие вновь доверенности вступивших, никаких приветствий, ниже по моей должности каких повелений, с прискорбными воображениями почти весь день таскавшись во дворце между людьми, поехал в дом свой в смятении моего духа»¹⁵⁶.

Сообщения дипломатов и рассказ Шаховского отражают еще одну интересную особенность — уверенное поведение

солдат и офицеров гвардейских полков на фоне всеобщей растерянности. Трудно судить об исключительно патриотическом характере оппозиции регенту — ведь в официальных сообщениях о перевороте «иноземство» поверженного правителя не ставилось ему в вину и Ломоносов в оде на день рождения императора Иоанна Антоновича осуждал бывшего правителя только за непомерное честолюбие:

Проклята гордость, злоба, дерзость
В чюдовище одно срослись;
Высоко имя скрыла мерзость,
Слепой талант пустил взнестись!
Велит себя в неволю славить,
Престол себе над звезды ставить,
Превысить хочет вышнюю власть...¹⁵⁷

Бирон сравнительно легко достиг высшей власти — но, видимо, только потому, что у него после казни Волынского не было достойных соперников. Расколота на враждующие «партии» придворная среда не могла ни оказать герцогу сопротивления, ни стать ему сколько-нибудь надежной опорой. С другой стороны, отчетливо проявилось недовольство гвардии, тем более что права и привилегии «старых» полков уже были ущемлены образованием при Анне Иоанновне двух новых полков и ползли слухи о дальнейших реформах.

Анна Леопольдовна могла торжествовать. Еще недавно бесправная и третируемая Бироном мать императора стала правительницей государства, которое преподнесли ей герой-фельдмаршал и его brave солдаты-гвардейцы; ее благословляла церковь, ей наперебой присягали чиновники. Операция по отстранению герцога прошла успешно, хотя и с определенным риском — в стиле Миниха, который, по словам хорошо его знавшего Манштейна, любил, «чтобы все его предприятия совершались с некоторым блеском». Расчеты регента на «нейтрализацию» гвардии силами

других частей — если таковые имелись — не оправдались. Армейские полки гарнизона вообще были не очень боеспособны. Их офицеры и солдаты ежедневно командировались на различные работы: шить мундиры и сапоги, «бить сваи» на строительстве, исполнять различные поручения в «главной артиллерии», на пороховых заводах, в провиантской и фортификационной канцеляриях и т. д., вплоть до уборки петербургских улиц. Армейцы узнали о совершившемся перевороте только утром 10 ноября, после того как Миних накануне вечером велел объявить о произошедших событиях собравшимся «при своих квартирах» полкам.

Переворот в ночь с 8 на 9 ноября 1740 года произошел не по инициативе обер-офицеров и рядовых гвардейцев: арестовывать Бирона их повел подполковник и фельдмаршал Миних. Но легкость, с которой был совершен переворот, имела и оборотную сторону. Изменившие только что принесенной присяге получили славу, материальные выгоды и чувство хозяев положения, перед которыми заискивал фельдмаршал: «Кого хотите государем, тот и быть может»¹⁵⁸. Теперь правительнице и ее советникам нужно было сохранить контроль над силой, которая так легко привела их на самую вершину власти.

Так лейб-гвардия — опора и охрана трона — начинала превращаться в опасный и непредсказуемый фактор. К 1740 году она уже осознала свое влияние. Во время последней болезни императрицы Анны Иоанновны гвардейские солдаты пеняли офицерам за бездействие; капитаны и поручики почти открыто искали себе предводителя, чтобы силой «исправить» завещание скончавшейся императрицы. Но чего стоили глава Кабинета министров князь Черкасский, доносивший на доверившихся ему офицеров, или боевой генерал и отец императора Антон Ульрих, отказавшийся от встречи с офицерами своего полка, а затем и от своего мундира? На этом фоне честолюбивый и решительный Миних уже казался настоящим вождем.

Как только лидер нашелся, произошел дворцовый переворот в гвардейском исполнении. В 1727 году

император Петр II сместил руководителя вооруженных сил и своего нареченного тестя Меншикова — но всего лишь обычного подданного. В 1730-м императрица Анна Иоанновна вернула себе по просьбе подданных самодержавную власть, утраченную в ходе государственного переворота. В 1740-м фельдмаршал и начальник военного ведомства Миних сверг законного регента уже без какой-либо формальной санкции верховной власти: благословение матери императора оставалось просьбой частного лица, не подкрепленной ни официальным документом, ни присягой. Но пока еще власть как бы возвращалась более законным, с точки зрения гвардии, претендентам на нее — родителям императора.

Глава четвертая ГОСУДАРЫНЯ ПРАВИТЕЛЬНИЦА, ИЛИ «РЕГЕНТИНА» АННА

*Тобою наш российской свет
Во всех землях как крин цветет.*

М. В. Ломоносов

Судьба поверженного

К утру 9 ноября 1740 года столица империи была извещена об очередном дворцовом перевороте, который иногда называют первым «военным переворотом» в истории России. Однако бескровный гвардейский «штурм» Летнего дворца не означал утверждения у власти какой-то военной группировки, отстранившей штатское правительство. В России XVIII столетия, да и более поздних времен армия не была особой, отдельной корпорацией, так или иначе противопоставлявшей себя обществу — скорее наоборот, в ходе Петровских реформ «регулярные» армейские порядки служили образцом для переустройства всех прочих сфер общественной жизни. Поголовная и бессрочная служба дворян вместе с массовыми наборами рекрутов из остальных сословий способствовали созданию такой системы власти, в которой военный элемент был неотделим от гражданского.

Поэтому неудивительно, что неотлаженность этой системы и ее внутренние противоречия преодолевались в послепетровское время сугубо силовыми методами. Руководители придворных «факций» сами обладали военными чинами (как «рейхсмаршал» Меншиков или члены клана Долгоруковых), а членами поддерживавших их «партий» были действительные или отставные офицеры. В этом смысле ноябрьский переворот 1740 года не внес ничего нового. Пожалуй, только сама фигура правителя (придворного, не имевшего за плечами военной карьеры и круга сослуживцев) была дополнительным раздражителем для гвардии, облегчавшим его исчезновение с политической сцены.

Однако в самой верхушке никаких принципиальных изменений, за исключением устранения ближайших помощников свергнутого Бирона, не произошло. Новой правительнице присягали и приносили поздравления те же самые лица, которые три недели назад приветствовали регента, во главе с Минихом, Остерманом и Черкасским.

Отреагировал на смену власти и Синод: из церковных поминовений было исключено имя свергнутого регента; зато после «благочестивой государыни правительницы, великой княгини Анны всея России» в официальной формуле нашлось место и для ее мужа — «благородного государя Антона, герцога Брауншвейг-Люнебургского» — как-никак законного отца государя.

Миних-младший оставил колоритный рассказ о том, как проходила очередная дележка милостей и чинов:

«Утром весьма рано приказал отец мой позвать к себе меня вместе с... бароном Менгденом и предложил, чтобы мы тех, кого считаем достойными к пожалованию или к награждению, представили ему и притом предложили, чем и как кто наилучше награжден быть может. Мы исполнили сие тут же, после чего приказал он мне взять перо и писать, что он мне говорить станет. Первое было, чтобы ее высочество великая княгиня и регентша благоволили возложить на себя орден Св. Андрея, и второе — генерал-фельдмаршала Миниха за оказанную им услугу пожаловать в генералиссимусы». Хорошо еще, что благоразумный сын отговорил отца-фельдмаршала от высшей и предназначенной лишь владетельным особам (в данном случае — отцу императора, принцу Брауншвейгскому) чести — и Миних-старший милостиво согласился удовольствоваться званием «первого министра». «После сего, — продолжал Миних-сын, — спросил он меня и барона Менгдена, как же может граф Остерман над собою терпеть первого министра. Мы отвечали, что надлежало бы и ему назначить достоинство, которое с высшим чином сопряжено, нежели каковой он по сие время имел. Отец мой сказал, что вспомнил, как граф Остерман в 1723 году, работая над новым положением для флота, намекал, что он охотно желал бы быть великим адмиралом.

— Да кто же будет великим канцлером? — спросил я.

Видя, что отец мой на сие ничего не отвечал, сказал я, что хотя князь Черкасский за свои поступки больше наказания, нежели награждения заслуживает, однако я думаю, что в начале нового правления милосердием и

великодушием скорее утвердиться можно, чем чрез меру строгим исследованием и наказанием уличенных преступников, и вследствие того ее высочество великая княгиня не может убедительнейшего предъявить довода своего великодушия, как если упомянутого князя Черкасского на вакантное великого канцлера достоинство возвысит. Наконец, дабы знатнейшие достоинства оставались в руках более у природных россиян, нежели у иностранцев, предложил я графа Михаила Головкина в вице-канцлеры».

Даже если Эрнст Миних и несколько преувеличил степень своего благородства и рассудительности, его рассказ всё равно передает куражную атмосферу удавшегося переворота, когда его участники поутру по-свойски делили высшие должности империи и раздавали награды друг другу, а также друзьям и родственникам. Остальным же — тем, «кто вход ко двору имеет» — оставалось быть очевидцами их торжества и рассчитывать на милости от победителей, для чего было «оповещено пред полуднем собраться в комнатах принцессы». Ее тоже не забыли — как было сказано, предложили «возложить» на себя орден Андрея Первозванного. В отличие от первых часов после переворота, когда никто не был уверен в прочности своего положения, теперь придворные могли изобразить отмеченное Шетарди «ликование». Его цену Анне Леопольдовне и ее ближайшему окружению придется узнать ровно через год, когда те же люди будут столь же искренне приветствовать свергнувшую брауншвейгское семейство Елизавету.

Ставшей полновластной регентшей и правительницей Анне Леопольдовне ничего не осталось, как утвердить решения победителей — что она и сделала. Миних-младший перечисляет награды, полученные участниками событий и их родственниками и окружением:

«Около 11 часов пред полуднем, когда все по учиненным повесткам в передних комнатах собрались, выступила великая княгиня в голубой ленте и со звездой ордена Св. Андрея и жаловала всех к руке. Потом от имени императора

читано расписание о пожалованных, в силу которого принц Брауншвейгский объявлен генералиссимусом всех сухопутных и морских сил. Далее пожалованы: фельдмаршал граф Миних первым министром, граф Остерман великим адмиралом и остаться ему при иностранных делах, князь Черкасский великим канцлером и князь Михайло Головкин вице-канцлером и кабинетским министром. Орден Св. Андрея получили: обер-шталмейстер князь Куракин, генерал-аншеф Ушаков, адмирал Головин и пребывающий в Гааге посланник Александр Головкин. Орден Св. Александра Невского пожалован президенту и камергеру барону Менгдену, камергеру Стрешневу, зятю графа Остермана, и в отсутствии находящемуся тайному советнику и камергеру князю Юсупову. Обер-маршал граф Левенвольде и дядя мой тайный советник Миних получили на уплату долгов своих первый 80 000 и другой 20 000 рублей».

Сам Миних-младший стал обер-гофмейстером двора с чином генерал-лейтенанта и жалованьем в три тысячи рублей. А. И. Ушаков сохранил свою должность начальника Канцелярии тайных розыскных дел. Не участвовавшие в перевороте фельдмаршал князь И. Ю. Трубецкой и генерал-кригскомиссар С. В. Лопухин довольствовались высочайшим прощением долгов и взысканий. Главный же виновник торжества, Миних-старший, получил немалую компенсацию за не доставшееся ему высшее воинское звание — «по окончании сей церемонии отец мой вторично принес принцессе свое благодарение, и она вручила ему ордер о принятии 100 000 рублей из рентереи, приказав притом перебраться близ дворца в тот дом, где прежде она сама пребывание имела»¹⁵⁹. Дождь из наград, щедро пролившийся в первые дни после переворота, продолжался на протяжении всего короткого правления Анны Леопольдовны.

Десятого ноября 1740 года младенец Иоанн III «принял» звание полковника всех четырех гвардейских полков. Муж правительницы получил высший военный чин генералиссимуса — не без оскорбительной выходки со

стороны Миниха, публично заявившего, что «отрекается» в пользу принца от по праву принадлежащего ему звания. Антон Ульрих стал также подполковником Конной гвардии вместо Петра Бирона, сохранив по просьбе офицеров шефство и над Семеновским полком¹⁶⁰. Особым манифестом от 12 января 1741 года сын-император пожаловал родителя титулом «его императорское высочество Антон Ульрих, герцог Брауншвейг-Люнебург-ской» — на документе Анна Леопольдовна написала: «Тако: именем его императорского величества Анна». На этом празднике жизни даже цесаревне Елизавете достался подарок — в свой день рождения (18 декабря) она получила от «сестрицы» браслеты, золотую табакерку с государственным гербом и 40 тысяч рублей¹⁶¹.

Одиннадцатого ноября 1740 года Остерман набросал план действий новой правительницы: первым делом следовало дать инструкции российским послам в Европе, прежде чем в места их аккредитации придет информация «от чужестранных министров»; самих же зарубежных дипломатов надлежало официально известить о перевороте. Для предотвращения сбоев в работе государственной машины надо было немедленно утвердить все «милостивые указы» Бирона и издать распоряжение об «отправлении дел по прежним указам и регламентам». Кроме того, Остерман советовал принцессе сразу же взять к себе «малиновую шкатулу» с письмами покойной императрицы и распорядиться о захвате бумаг регента¹⁶², что и было осуществлено исполнительным Манштейном.

Все, кто своими «ревностными поступками» обеспечил успех ночного похода на Летний дворец, получили награды 12–13 ноября. Офицеры отряда Миниха: капитан И. Орлов, капитан-поручик А. Татищев, поручики И. Чирков (эти двое командовали караулами соответственно в Летнем и Зимнем дворцах), П. Юшков и А. Лазарев, подпоручик Е. Озеров, прапорщики Т. Трусков, Г. Мячков, П. Воейков и М. Обрютин — получили следующие чины и щедрое денежное вознаграждение; унтер-офицеры и сержанты А. Толмачев, А. Яблонский, Г. Дубенский, И. Ханьков, Я. Шамшев стали обер-офицерами;

рядовые были повышены до унтеров и сержантов. Кроме того, пятидесяти двум гренадерам вручили по шесть рублей наградных, а 177 мушкетерам — по пять рублей, что составляло по штату 1731 года треть годового солдатского жалованья¹⁶³.

Большое число награжденных объясняется тем, что фельдмаршал решил оплатить нарушение присяги всем — и арестовывавшим Бирона, и бездействовавшим в ту ночь караульным. Количество желавших попасть в наградные списки явно превысило численность реального караула, поэтому приказ по полку от 18 ноября требовал от офицеров, «чтоб оные ведомости были поданы справедливые» и включали только тех, кто действительно стоял на постах¹⁶⁴.

Одновременно были восстановлены на службе и повышены в чине «за арест» семеновцы М. Сабуров, Д. Мерлин, С. Левашов, А. Булгаков и преображенцы И. Протопопов, Н. Голицын, А. Лосев, П. Головин, В. Измайлов. Они, очевидно, были уволены при регенте, но в застенки не попали — их имена не встречаются в делах Тайной канцелярии¹⁶⁵. Побывавшие же «в катских руках» А. Яковлев, П. Ханыков, М. Аргамаков, И. Путятин, И. Алфимов и другие именным указом были реабилитированы и прошли специальную церемонию «возвращения чести»: 10 декабря бывшие подследственные в штатском платье были выведены перед своими полками и трижды покрыты знаменем, после чего облачились в новые мундиры, получили шпаги и заняли свое место в строю. Несколько дней спустя особый манифест объявил, что упомянутые офицеры и чиновники «неповинно страдали и кровь свою проливали» и отныне любое «порицание» их чести карается штрафом в размере жалованья обидчика¹⁶⁶.

Некоторым из них открылись карьерные возможности: Грамотин стал директором канцелярии Антона Ульриха в ранге подполковника, а Вельяминов-Зернов — генерал-адъютантом принца. Андрей Яковлев получил чин действительного статского советника, секретарь Михайло Семенов стал ассессором в Коллегии иностранных дел,

Христиан Манштейн — полковником расквартированного в столице Астраханского полка, капитаны Василий Чичерин и Никита Соковнин пожалованы в секунд-майоры Семеновского полка¹⁶⁷. Засидевшийся в поручиках Петр Ханыков смог, наконец, получить не просто очередное звание, а «через чин» стать капитаном. Недавно прибывший в Россию паж герцога Брауншвейгского Карл Фридрих Иероним Мюнхгаузен благодарил Антона Ульриха за производство в лейтенанты Кирасирского полка¹⁶⁸.

Начался дележ имущества поверженного регента. Уже 11 ноября вчерашний подследственный капитан Чичерин и ассессор Тайной канцелярии Николай Хрущов получили указание составить опись конфискованных вещей Бирона, а на следующий день Манштейн изъясил его бумаги¹⁶⁹. Тогда же Кабинет послал указ лифляндскому генерал-губернатору П. П. Ласси об охране земельной собственности Бирона — 120 «амптов и мыз» с ежегодным доходом в 78 720 талеров¹⁷⁰. «Дело» герцога включает огромный список его гардероба и домашней утвари (в «бывшем доме бывшего Бирона» зубочистки и даже ночной горшок были из чистого золота), теперь интенсивно раздававшихся; но даже в 1759 году еще сохранялись нерозданные «бионовские пожитки», которыми интересовались придворные Елизаветы¹⁷¹.

В доме курляндца разместились камергер Иван Брылкин и камер-юнкер Эрнст Менгден. Там же Анна Леопольдовна пожелала устроить свою лучшую подругу. Указ правительницы, полученный обер-гофмаршалом Левенвольде 5 ноября 1741 года, повелевал «для свадьбы фрейлины Менгден, которая отдается в замужество за графа Ленарда», отделать спальню парадным образом.

А вот герцог Антон отказался от конюшни бывшего регента, поэтому лошади были переданы для продажи всем желающим¹⁷²; внесенные в опись имена герцогских кобылиц — Нерона, Нептуна, Лилия, Эперна, Сперанция, Аморета — кажется, подтверждают расхожее мнение о том, что к лошадям Бирон относился с большим расположением, чем к людям. Фельдмаршал Миних за «отечеству ревностные и

знатные службы» получил в придачу к 100 тысячам рублей серебряный сервиз весом в 21 пуд, а его скромный сын — дом арестованного генерала Бисмарка. Прочие кабинет-министры удовлетворялись сервизами поскромнее: Остерман — в 15 пудов, а Черкасский — четырнадцатипудовым¹⁷³.

Анна Леопольдовна явно проявила интерес к конфискованным драгоценностям Бирона. Придворный «брильянтик» Иеремия (Еремей) рассказал в мемуарах:

«...ей пришла охота сломать некоторые уборы, вышедшие из моды, чтобы переделать их по своему вкусу. Граф Линар, посланник саксонского двора в России, который пользовался большим расположением принцессы, зная меня по некоторым исполненным для него работам или проданным ему мною вещам, посоветовал правительнице послать за мною. Он тотчас же приказал одному пажу, моему знакомому, идти за мною и велеть мне явиться во дворец, куда я сейчас же и отправился. Паж ввел меня в ее покои, где я застал ее вместе с графом Динаром.

— Надо, — сказала она, — чтобы вы помогли нам сломать некоторые вещи, которые я хочу переделать по последней моде.

Я отвечал, что это скорее дело золотых дел мастеров; моя специальность заключается только в резке и оценке камней, так как я знаю хорошо их стоимость и достоинство.

— Более мне ничего и не нужно, — возразила она, — я уже начала ломать, можете продолжать с нами.

Я достал нужные инструменты и принялся за работу, которая заняла два дня; после чего я свесил брильянты и оценил их».

Принцесса удивила ювелира щедростью: «По желанию регентши я положил всю старую отделку в мою шляпу и спросил у нее, кому ей угодно, чтобы я отдал это золото? Она мне сказала, чтобы я оставил себе за труды, и что если я найду, что этого недостаточно, чтобы я поставил ей в счет то, что признаю нужным. Так как в старых отделках было много маленьких брильянтов всего на 1500 рублей, не считая золота и серебра, которого тоже было на 500 руб., то

эта находка прилась очень кстати для того, чтобы мне обзавестись». Предприимчивый швейцарец продал свой гонорар, а на вырученные деньги купил отличные драгоценные камни, которые принесли ему «хороший барыш». Своей любимой фрейлине Юлиане Менгден правительница пожаловала кафтаны регента и его сына с серебряными позументами¹⁷⁴.

Бывшему регенту пришлось провести в заключении три месяца, прежде чем его начали допрашивать. Но приговор был предreshен: 30 декабря на заседании Кабинета министров Бирона лишили имени (арестанта отныне было велено именовать Бирингом) и постановили сослать в Сибирь. В январе 1741 года специальная команда подпоручика Жана Скотта отправилась в Пелым строить дом для ссыльного; в деле Бирона сохранился даже его чертеж, заботливо сделанный Минихом (на заре своей карьеры фельдмаршал был военным инженером)¹⁷⁵. Простоватый принц Антон признавался, что Бирон — не такой уж страшный преступник, но прощение его означало бы «порицание правительницы»; к тому же он всё равно уже лишен герцогства, а имущество его конфисковано — не возвращать же их обратно¹⁷⁶.

Главное обвинение, предъявленное «бывшему герцогу», звучало вполне риторически: «Почему власть у его императорского величества вами была отнята и вы сами себя обладателем России учинили?»¹⁷⁷ На фаворита была возложена ответственность за болезнь Анны Иоанновны, ибо он «ее величество побуждал и склонял к чрезвычайно великим, особливо оной каменной болезни весьма противным движениям, к верховой езде на манеже и другим выездам и трудным забавам, не токмо в летние дни, но и в самое холодное время... от таких чрезмерных движений и в такое неудобное время приключившегося частого простуженья все те болезни таким образом умножались, что уже к излечению никакого способа не осталось».

Курляндцу вменялись в вину также подготовка «завещания» императрицы, обращение к родителям императора «с великим сердцем, криком и злостью», брань

в адрес «коронованных глав» и самого римского папы и даже... безбожие — поскольку «присмотрено, что он никакого закона не имел и не содержал, ибо он никогда, а особливо и в воскресные дни, в церковь Божию не хаживал, но в самое отправление службы Божией или партикулярные свои письма, знатно, нарочно читывал, или в своем на разных людей чрезвычайном сердце, по его обычаю, время продолжал».

Бывший фаворит, герцог и регент обвинялся в стремлении поссорить императрицу с Анной Леопольдовной: ведь племянница «по своим высочайшим достоинствам от ее величества как родная, любима», а он, злодей, «безбожно старался разными непристойными клеветами и зло вымышленными внушениями ее высочество как прежде, так и после совершения брака оной, у ее императорского величества в подозрение привести и милость и любовь от оной отворратить», на что подданные «все с крайним сожалением и ужасом видеть и смотреть [были] принуждены».

Следователи во главе с генералом Г. П. Чернышевым не только вспомнили, как Бирон пытался Анну «ко вручению ему регентства склонить», но также приписали ему желание «самому овладеть престолом», что якобы доказывалось его стремлением выдать дочь замуж за одного из немецких принцев¹⁷⁸.

Бирон в первое время заключения пал духом, но к началу допросов в феврале 1741 года оправился и отвечал на вопросы с достоинством, хотя это и было непросто. Он опровергал обвинения в преступно небрежном отношении к здоровью Анны Иоанновны и подробно рассказывал, как ему приходилось отговаривать государыню от верховой езды или «докучать, чтобы она клистир себе ставить допустила, к чему ее склонить едва было возможно».

Столь же твердо арестованный объяснял, что его избрание в регенты состоялось усилиями министров и вельмож, а он лишь дал в конце концов свое согласие. Свергнутый временщик заявил, что не имел при дворе «шпионов», за исключением сына самого Миниха; настаивал

на том, что напрасно никого не арестовывал и «до казенного ни в чем не касался». В ответ на обвинения в «обидах» и «разорениях» он попросил представить обиженных его «несытством», чего комиссия сделать так и не смогла. Свои переговоры с послами Бирон объяснял заботой «о российской славе»¹⁷⁹.

Следователи докладывали, что своего подопечного в Шлиссельбурге «сколько возможно увещевали, однако ж он, Бирон, почти во всём, кроме того, что хотел с высоким вашего императорского величества родителем, его императорским высочеством, поединком развестись, запирался». Тогда арестанту объяснили, что его «бренные слова» в адрес Анны Леопольдовны и ее мужа «довольно засвидетельствованы», и потребовали от него «всё то дело прямо объявить» — в противном случае его будут содержать, «яко злодея». Обвиненный в оскорблении величества, Бирон, как отмечено в материалах следствия, «пришел в великое мнение и скоро потом неотступно со слезами просил, дабы высочайшею вашего императорского величества милостию обнадежен был, то он, опамятаваясь, чрез несколько дней чистую повинную принесет, не закрывая ничего, а при том и некоторые свои намерения, о чем вашему величеству обстоятельно донесет... а ежели де что он и забудет, а после ему, Бирону, припамятовано будет, и о том сущую правду покажет без утайки, и того б ради дать ему бумаги и чернил, то он ныне напишет к высоким вашего величества родителям повинную в генеральных терминах, а потом и о всех обстоятельствах».

Обнадеженный «высочайшим милосердием», Бирон подал 5 и 6 марта 1741 года новые собственноручные признания; но никаких важных «обстоятельств», на которые надеялись следователи, они не содержали. Фаворит Анны Иоанновны согласился с тем, что «ближних их императорских высочеств служителей без доклада забрать велел», обещал призвать «голстинского принца», а дочь собирался выдать за принца Дармштадтского или герцога Саксен-Мейнингенского, но категорически отказывался от главного обвинения — в стремлении любой ценой получить

регентство: «Брату своему, ниже Бестужеву, челобитья и декларации готовить я не приказывал; ежели же он то учинил, то должно ему показать, кто его на то привел», — и настаивал, что никаких «дальних видов» не имел и собирался быть регентом только до тех пор, «пока со шведским королем в его курляндских претензиях раздается».

Арестант признал, что говорил обидные слова о теперешней правительнице, подтвердил, что называл ее «каприжесной и упрямой» (почтительно напомнив при этом, как она бранила придворных за опоздания «русскими канальями»), в чем просил «милостивого прощения» — теперь от Анны Леопольдовны зависело, окажется ли его голова на плахе.

В итоге главными уликами для следователей послужили прежде всего заявления темпераментного герцога в отношении его противников. Бирон признал, что произносил угрозы в адрес гвардии, обещал вызвать из Голштинии маленького внука Петра I, бранил принца Антона; не смог он опровергнуть и тот факт, что дата на «уставе» о его регентстве поставлена задним числом¹⁸⁰. Поскольку герцога обвиняли по тяжким статьям второй главы Соборного уложения 1649 года (умысел на «государское здоровье» и попытка «Московским государством завладеть») и петровского Военного артикула, то смертный приговор ему был обеспечен. Правительница еще в январе прямо «понуждала» к «скорейшему окончанию дела» судей, в числе которых находились подвергавшиеся аресту по распоряжению Бирона майор гвардии Н. Соковнин и секретарь А. Яковлев¹⁸¹.

В материалах следствия есть пробелы (во всяком случае, вопросы к герцогу и ответы на них приведены не полностью); в «экстракте» упомянуты разные даты подписания «Устава» о регентстве — 16 и 17 октября 1740 года. Судьи не стали углубляться в подробности даже тогда, когда А. П. Бестужев-Рюмин на очной ставке отказался от части своих показаний против своего бывшего покровителя. Зато следователи сумели собрать богатый

компромат на Миниха, чему в немалой степени способствовал сам Бирон; но в итоге его же и обвинили в «потакании» и «дружестве» с фельдмаршалом.

Вчерашнему всесильному временщику стали предъявлять имущественные претензии. В. К. Тредиаковский жаловался на невыдачу ему возмещения за публичные оскорбления, нанесенные кабинет-министром А. П. Волынским. «Изнурившемуся на лечение» придворному поэту пожаловали 720 рублей — вдвое больше его годовой зарплаты. Иск Бирону предъявили и Академия наук за взятые им бесплатно книги, и отдельно академик Крафт, требовавший платы за обучение детей регента математике. Бирон как настоящий вельможа расплачиваться не спешил — в следственном деле сохранился список долгов башмачнику, парикмахеру, портному, часовщику, столярам, придворному гайдуку, «турке» Исмаилу Исакову; даже собственному камердинеру Фабиану он задолжал 1099 рублей¹⁸².

Восьмого апреля 1741 года был составлен приговор о четвертовании «бывшего герцога». Как и полагалось, от имени сына-императора Анна заменила казнь помилованием и ссылкой в Пелым. В опубликованном 14 апреля манифесте курляндец сравнивался с цареубийцей Борисом Годуновым, а его утверждение у власти объяснялось тем, что Бог «восхотел было всю Российскую нацию паки наказать... бывшим при дворе ее императорского величества обер-камергером Бироном».

Кажется, у правительницы не нашлось толковых помощников в составлении столь важного документа. Причины, сделавшие фаворита императрицы орудием Божьего Промысла, как и вызвавшие небесный гнев грехи всей нации, в приговоре не разъяснялись, как не говорилось и об угрозе возвести на престол голштинского принца — упоминание дополнительных претендентов на престол было нежелательным. Зато подробно перечислялись прочие «вины» курляндца, в том числе и не подтвердившиеся на следствии: он будто бы украл «несказанное число» казенных денег, «наступал на наш императорского

величества незлобивый дом», подавал «вредительные» советы¹⁸³. После оглашения приговора окончивший свою миссию носитель божественной кары отправился вместе с семейством в Сибирь под конвоем семидесяти четырех гвардейских солдат и офицеров.

После занявшего несколько месяцев путешествия Бирон и его «фамилия» попали в затерянный в тайге поселок в 700 километрах от Тобольска с полуразвалившейся крепостью и четырьмя десятками домов обывателей. Их поместили в «остроге высоком с крепкими палисадами» вместе с не отличавшейся изысканным поведением и едва ли довольной «командировкой» охраной, которой приходилось терпеть нужду и тяготы вместе с поднадзорными. Жизнь ссыльных сопровождали лязг оружия, топот и разговоры солдат, сырость, дым из плохо сложенных печей, теснота (между внешней изгородью и стеной дома-крепости оставалась всего сажень). Слабым утешением служило то, что семейство Бирона было не первым, отбывавшим ссылку в этом месте, — за 140 лет до них там по воле Бориса Годунова томились братья Иван и Василий Романовы, племянник которых Михаил Федорович в 1613 году взошел на российский престол.

По воспоминаниям стариков, записанных декабристом А. Ф. Бриггеном, герцог ездил на охоту на собственных лошадях; по улицам ходил «в бархатном зеленом полукафтаны, подбитом и опушенном соболями», и «держался весьма гордо, так что местный воевода, встречаясь с ним на улице, разговаривал, сняв шапку, а в доме его не решался сесть без приглашения». Но архитектурных дарований Миниха, спроектировавшего острог, Бирон не оценил и, как рассказывали пелымские старожилы в 1830-х годах, дважды пытался от огорчения поджечь свою тюрьму¹⁸⁴. Для утешения узника Анна Леопольдовна в ноябре 1741 года распорядилась отправить ему в холодную Сибирь роскошный соболий мех¹⁸⁵.

Одновременно с манифестом о ссылке Бирона появилось от имени императора «Объявление» о персонах, способствовавших утверждению его регентства: Минихе,

Черкасском, Трубецком, Ушакове, Бестужеве-Рюмине, Куракине, Головине, Левенвольде, Бреверне, Менгдене — то есть почти всей российской верхушке, за исключением Остермана. Важнейшие вельможи были публично объявлены «вначале нам, а потом и всему отечеству первыми явными предателями», которые содействовали утверждению при младенце-императоре «правительства» не его родителей, а Бирона, «ведая не только его недостойную к тому природу, но и к российской нации во время бытности его в России злые поступки». Генерал-прокурор Никита Юрьевич Трубецкой, помимо того, должен был собственноручно написать покаянное объяснение о своем «преступлении».

Перечень прегрешений завершался угрозой «в конец доследовать» прощтрафившихся вельмож и объявлением о прощении¹⁸⁶. Трудно сказать, насколько публичное обвинение первейших сановников в государственной измене могло упрочить положение новой власти. Неисполнение обязанностей и поддержка главного преступника (Бирона) могли любого из перечисленных вельмож превратить в подсудимого; но, с другой стороны, существенного обновления правящего круга не последовало, что могло только укрепить уверенность его представителей в безнаказанности своих действий или бездействия.

Однако даже при отсутствии репрессий свержение бывшего правителя так или иначе должно было изменить ситуацию при дворе и в правительстве. На место Бирона теперь претендовал решительный и честолюбивый фельдмаршал Бурхард Христофор Миних.

Падение «великого визиря»

«Спаситель» принцессы имел полное право рассчитывать на ее благодарность. Но при этом, будучи способным военным инженером и средней руки полководцем, он не обладал качествами, необходимыми не только первому министру, но и любому придворному. Солдафонская прямолинейность и честолюбие в сочетании с полнейшей бесцеремонностью отличали его даже на фоне не слишком щепетильных персон той поры. Оправившись от свалившей его на время болезни (сам он был уверен, что его отравили), новый правитель перебрался в дом Бирона и развернул активную деятельность.

Сосредоточив в своих руках руководство армией (в качестве подполковника первого гвардейского Преображенского полка, президента Военной коллегии, командующего полками ландмилиции, директора Сухопутного шляхетского кадетского корпуса, начальника Инженерного корпуса), Миних потребовал — и получил — форменный «патент» на звание первого министра, добился назначения в Военную коллегию вице-президента, а для себя — переводчиков, чтобы работать с иностранной корреспонденцией. Добился он и указа о «нетребовании» с него никаких отчетов по расходам на строительство Ладожского канала. Первый министр обзавелся штатом в 30 человек: адъютантов, денщиков, секретарей, канцеляристов и прочих служителей. Своих адъютантов Миних пожаловал новыми чинами; его родственники Менгдены и Манштейн получили за услуги земельные владения. Другую свою креатуру, полковника Андрея Фенина, первый министр приставил к Анне Леопольдовне в должности рекетмейстера^[15]¹⁸⁷. Саму принцессу он держал под неусыпным до неприличия контролем. «...Не только непрерывно являлся к правительнице и ни на минуту не оставлял ее одну, но даже статс-дамам не позволялся вход в покой, где находилась правительница», — отмечал Шетарди.

К лицам, вызвавшим его неудовольствие, министр был беспощаден. В бумагах Бирона обнаружили давнишние доносы генерал-майора Ганса фон Иксуля, подозревавшего, что Миних при осаде Гданьска в 1733 году намеренно дал уйти из города несостоявшемуся польскому королю Станиславу Лещинскому. Узнав об этом, фельдмаршал немедленно принес формальную жалобу (с точным переводом оскорбительных для его чести писем) и распорядился об аресте доносчика и предании его военному суду, в состав которого сам подбирал судей. Иксуль доказать свои обвинения не смог и был признан виновным¹⁸⁸.

Не получив желанного звания генералиссимуса, Миних надумал стать герцогом Украины; только уговоры сына заставили его отказаться от этого намерения. Рассказавший об этом эпизоде Манштейн (в принципе вполне лояльный по отношению к своему командиру) не скрывал того, что Миних просто не умел сдерживать своего желания властвовать. Он игнорировал принятые нормы письменного обращения к высшему по рангу Антону Ульриху и, несмотря на прямые приказания Анны Леопольдовны, не сообщал тому никаких важных дел, кроме формальных запросов по чинопроизводству. Например, он не выполнил приказ генералиссимуса о предоставлении тому ведомостей о состоянии армии¹⁸⁹.

Фельдмаршал вторгся и в сферу Остермана, руководимую им уже 15 лет; его подпись появляется на бумагах Кабинета, отправляемых в Коллегию иностранных дел, — например, о замещении вакансий дипломатического персонала. В письме в Париж Антиоху Кантемиру Миних подчеркивал, что именно по его распоряжению русский посланник получил «подарок» в 20 тысяч рублей. Осыпанный почестями, обласканный вниманием коронованных особ, Миних быстро потерял чувство реальности. По сообщению Шетарди, фельдмаршал настолько бесцеремонно вел себя с правительницей, что та откровенно боялась своего «спасителя». Анна жаловалась саксонскому послу и своему старому поклоннику Динару,

что Миних не исполняет ее собственных приказаний, «а вместо того делает распоряжения противные».

Уже в конце ноября 1740 года Шетарди отметил, что под Миниха подкапываются Остерман и генерал-фельдцейхмейстер принц Людвиг Гессен-Гомбургский. В январе 1741 года саксонский посол докладывал об объединенных усилиях всех «важнейших особ» придворного круга (Остермана, Головкина, Левенвольде) в борьбе с влиянием первого министра¹⁹⁰. В феврале английский посланник уже счел возможным говорить о «заговоре» против Миниха во главе с его основным противником Остерманом. Саму же Анну, по-видимому, долго уговаривать не пришлось. «Хотя измена и мила, да изменник ненавистен», — привел Финч ее слова.

Сам же первый министр как будто ни о чем не подозревал и демонстрировал собственное величие. «У его высокографского сиятельства, г-на генерала фельдмаршала, первого министра и кавалера графа фон Миниха, в доме его сиятельства на Васильевском острове минувшего понедельника, то есть 16 числа, пребогатой трактамент был. Ее императорское высочество государыня великая княгиня и правительница всея Руси соизволила при сем случае высочайшим своим посещением его высокографское сиятельство генерала фельдмаршала по полудни почтить и до восьми часов вечера со всяким удовольствием в доме его сиятельства забавиться благоволила», — сообщали в феврале 1741 года «Санкт-Петербургские ведомости».

Растущая изоляция Миниха в правительстве привела к неожиданным для фельдмаршала последствиям. Не успел он получить патент на звание первого министра, как 28 января 1741 года вышел именной указ Кабинету, создававший новую конфигурацию верховной власти. Дела Кабинета впервые распределялись «по департаментам»: «первому министру» Миниху отводилось руководство лишь его же военным ведомством, да и по этим делам он должен был «рапортовать» Антону Ульриху; генерал-адмирал Остерман сохранял контроль над внешнеполитической

сферой, а канцлеру Черкасскому и вице-канцлеру Головкину оставались «внутренние дела по Сенату и Синоду и о государственных по Камер-коллегии сборах и других доходах». Отныне уполномоченные главы «департаментов» имели право самостоятельно рассматривать относящиеся к их компетенции дела и предоставлять проекты решений по ним в «общее собрание» Кабинета за своей подписью. Этот же указ предполагал назначение «известных дней» для «общего рассуждения» министров¹⁹¹.

Урезавший полномочия первого министра указ, возможно, имел и более серьезную цель: кажется, впервые после «затейки» министров Верховного тайного совета и шляхетских проектов 1730 года в нем прозвучало стремление отойти от обычая, при котором «персоны управляют законом», к несколько более строгому порядку принятия важнейших решений. Прерогативы самодержца не подвергались умалению, но предполагались некоторое разделение полномочий министров и их индивидуальная ответственность за предлагаемые решения; намечалось также разграничение функций Кабинета и других учреждений: дела, «не касающиеся» и «ненадлежащие» до верховной власти, предписывалось «отрешить» и решать их в соответствующих ведомствах.

Можно предполагать, что инициатором принятия столь важного акта стал самый опытный из министров Андрей Иванович Остерман. Этот шаг, пожалуй, мог бы освободить министров от «ненадлежащих» дел, сосредоточить их силы и внимание на разработке действительно важных вопросов. Однако сделать это можно было только при условии постоянного руководства со стороны правительницы — или иного уполномоченного ею и авторитетного лица. Но у Анны Леопольдовны для такой роли не имелось опыта — да и была ли она в силах давать указания своему «спасителю»-фельдмаршалу или испытанному администратору Остерману? Требовавший первенства Миних своими амбициями восстановил против себя коллег, а Остерман готов был подавать Анне советы, но не брать на себя ответственность. «Тело» Кабинета — князь Алексей

Михайлович Черкасский годился больше для представительства, а Михаил Гаврилович Головкин пользовался доверием принцессы, но в «команде» министров был младшим по возрасту и чину и претендовать на первую роль не мог.

Поэтому едва ли не самая важная политическая инициатива нового правления не получила развития в короткое царствование Иоанна Антоновича. Главные действовавшие при дворе лица восприняли ее прежде всего как обычную интригу против зарвавшегося «верховного визиря» — именно так это понял принц Антон Ульрих¹⁹². Муж правительницы попытался действовать самостоятельно и распорядился двинуть несколько полков по направлению к Риге. Согласно мемуарам фельдмаршала, это событие и вызвало его просьбу об отставке, которой предшествовали упреки со стороны Анны Леопольдовны: «Вы всегда за короля Пруссии». «С этого дня, — вспоминал Миних, — великая княгиня стала оказывать мне дурной прием, и так как я не мог помешать тому, чтобы двинуть войска в сторону Риги, то попросил отставку, которая была мне дана сначала немилостиво...»¹⁹³ Третьего марта 1741 года правительница «именем его императорского величества» объявила: «Всемиловнейше указали мы нашего первого министра и генерала-фельдмаршала графа фон Миниха, что он сам нас просит за старостью, и что в болезнях находится, и за долговременные нам и предкам нашим, и государству нашему верные и знатные службы его от воинских и статских дел уволить, и нашему генералиссимусу учинить о том по сему нашему указу»¹⁹⁴.

Анна и стоявшие за ее спиной советники решились на увольнение Миниха, хотя и опасались реакции предприимчивого фельдмаршала. Не случайно «оглашение» об отставке зачитывалось в столице под барабанный бой — так обычно объявлялось об очередной опале и ссылке (за это сенаторам пришлось перед Минихом извиняться)¹⁹⁵. В тот же день во все гвардейские полки был послан приказ, как ранее, в 1727 году, в отношении Меншикова: отныне «исполнения не чинить» любым исходящим от Миниха

распоряжениям. Причем все ротные командиры его собственного Преображенского полка представили письменные рапорты о доведении этого приказа до своих солдат¹⁹⁶. Опальный министр потерял реальную власть (то есть командование гвардией) столь же легко, как и Меншиков; в самой гвардии эта акция так же не вызвала никаких волнений.

Несколько месяцев спустя, когда шли допросы арестованных в ходе нового переворота, семеновский майор Василий Чичерин рассказал о полученном им приказе Анны Леопольдовны: подобрать десять человек переодетых гренадеров, поставить их наблюдать за домом Миниха, и как только отставной министр «поедет со двора своего инкогнито не в своем платье, то б его поймать и привести во дворец». Слежка продолжалась до тех пор, пока Миних, живший в опасной близости с дворцом, не переехал на Васильевский остров. По-видимому, виновником всех этих предосторожностей был сам Миних, накануне предупредивший вице-канцлера Головкина, что 4 марта в столице произойдет «бунт». Спешно начатое расследование ничего, за исключением слухов, не обнаружило, и заявление Миниха осталось без последствий¹⁹⁷.

В мемуарах фельдмаршал выставлял себя «старым солдатом», принципиально несогласным с опасными планами австрийской дипломатии и шедшей у нее на поводу правительницы. Тем интереснее сочинение Миниха-сына, передававшее его разговоры с австрийским послом: он объяснял маркизу Ботта все невыгоды отставки отца, который «внутренно никогда не отдален был австрийскому дому способствовать... немного стоило бы труда преклонить его на то, ибо он коль скоро однажды даст свое слово, то всегда оное сдержать старается; но что касается до графа Остермана, у него обещать и сдержать две вещи различные...»¹⁹⁸. Запоздалый торг и упреки были не в состоянии изменить положение бывшего первого министра; но в главном младший Миних оказался прав: с отстранением его отца внешнеполитический курс страны принципиально не изменился. Для Остермана первостепенное значение

имел не конфликт в Центральной Европе, а неуклонно ухудшавшиеся отношения со Швецией.

Трудно сказать, была ли отставка демонстративным жестом обиженного министра или рассчитанным шагом оказавшегося в изоляции политика. Однако можно отметить другое: человека, впервые осуществившего захват верховной власти военным путем, правительница «ушла» вполне по-европейски: получив указ об отставке, бывший первый министр сохранил свою движимую и недвижимую собственность, в том числе «маетности» и мануфактуры на Украине; его сын остался обер-гофмейстером двора. Фельдмаршалу назначили ежегодную пенсию в 15 тысяч рублей¹⁹⁹, он бывал при дворе и даже не потерял окончательно расположения правительницы, несмотря на все опасения, вызываемые его неумным честолюбием. Вместе с Минихом покинул свой пост и его ставленник рекетмейстер А. Фенин, повинившийся во взятках, которые принимал в любом виде: серебряной посудой, «мужиками и девками киргиз-кайсаками», часами, ложками и запонками²⁰⁰.

Чем был обусловлен этот первый и единственный в истории России до эпохи Екатерины II случай «цивилизованного» разрешения политического конфликта в «верхах»? Скорее всего — неуверенностью самой правительницы и отсутствием единства в ее окружении. Но еще и личным отношением к фельдмаршалу матери императора, обязанной ему своим высоким положением. Как известно, политика не признаёт благодарности и прочих сантиментов; тем более необычным в российских условиях «эпохи дворцовых переворотов» выглядит этот жест: ни опалы со ссылкой, ни следствия, ни конфискации. И ведь Анна оказалась права (хотя ее, вероятно, пугали последствиями придворные «друзья» Миниха) — фельдмаршал оставался лояльным брауншвейгской династии и пострадал вместе с ней при новом перевороте. Другое дело, что отставка Миниха не прибавила самой Анне компетентности и не сплотила правящую верхушку.

Государственные милости

Настала пора и нам приглядеться к правительнице. Молодая 22-летняя принцесса по праву заняла свое место, но едва ли к нему стремилась. Во всяком случае, в нашем распоряжении нет свидетельств о каких-либо ее честолюбивых намерениях и тем более попытках вмешиваться в дела при грозной тетке-императрице. И всё же в ноябре 1740 года ее сын стал императором великой державы, а она — регентшей, «благоверной государыней великой княгиней Анной, правительницей всея России».

Суждения маститых современников — прусского короля Фридриха II и фельдмаршала Миниха, — как мы уже знаем, были откровенно враждебны: принцесса ленива, беспечна, бестолкова, неряшлива и с детства усвоила «дурные привычки». Таким же был и приговор историков, начиная с С. М. Соловьева: «Не было существа менее способного находиться во главе государственного управления, как добрая Анна Леопольдовна... Не одеваясь, не причесываясь, повязав голову платком, сидеть бы ей только во внутренних покоях с неразлучною фавориткою, фрейлиною Менгден».

Именно такой она и изображена на хорошо известном портрете кисти Ивана Вишнякова из Русского музея: в оранжевом капоте с белой косынкой на плечах и повязкой на голове, сидящей в черном кресле. Она позирует живописцу одетой по-домашнему, без всяких официальных атрибутов. Перед нами как будто полное совпадение письменного и живописного свидетельств современников о ленивой и неопрятной барышне. Однако известная картина явно выпадает из портретного ряда «персон» того времени — изображать на официальном портрете пусть и не совсем царственную, но весьма высокопоставленную особу в затрапезном платье было не принято.

После исследований искусствоведов авторство и примерная дата создания картины были подтверждены — Вишняков действительно писал Анну Леопольдовну в 1740–1741 годах. Но лабораторный анализ с помощью рентгена,

инфракрасных и ультрафиолетовых лучей, позволяющих «увидеть» все слои живописи, показал, что сперва было написано другое, парадное платье с украшением на груди. А самое главное — в нижнем углу полотна проступило лицо ребенка, можно рассмотреть и фигурку в камзолчике. Получается, художник писал вполне обычный парадный портрет правительницы с сыном — императором Иоанном III Антоновичем, но так его и не закончил, а потом, по неизвестной нам причине, изображение было не уничтожено, а переписано: мальчик исчез с холста, парадное платье опальной Анны Леопольдовны обернулось домашним халатом, а она сама из правительницы Российской империи превратилась в частное лицо в домашнем интерьере²⁰¹.

На полотне опытного придворного живописца Луи Каравака Анна изображена уже как положено — гордо и чуть-чуть брезгливо с полотна смотрела холодная красавица в роскошном серо-голубом платье с андреевской звездой. «Первый придворный моляр» свое дело знал — не случайно караваковские портреты продолжали ценить императрицы Елизавета Петровна и Екатерина II, хотя при их дворах работали и другие достаточно крупные художники. Но нам всё же думается, что переписанный портрет Вишнякова точнее отразил характер модели — на нем Анна выглядит старше своих двадцати двух лет. В ее взгляде и позе ощущаются усталость, напряженность; чувствуется, что принцессе неуютно и беспокойно. Судя по вышеприведенным отзывам, так оно и было — принцесса не очень умела и не стремилась быть «публичным политиком».

Но так ли уж объективны свидетельства лиц, которые не могли испытывать к правительнице чувства признательности? Не повлияло ли на оценку историков отношение к «незаконному правлению» Анны Леопольдовны ее более удачливых преемниц? Свидетельства неплохо знакомых с правительницей и не имевших к ней политических претензий лиц представляют ее в несколько ином свете.

«Поступки ее были откровенны и чистосердечны, и ничто не было для нея несноснее, как столь необходимое при дворе притворство и принуждение, почему и произошло, что люди, приобывшие в прошлое правление к грубейшим ласкательствам, несправедливо почитали ее надменной и якобы всех презиравшей. Под видом внешней холодности была она внутренно снисходительна и чистосердечна. Принужденная жизнь, которую она вела от 12 лет своего возраста вплоть до кончины императрицы Анны Иоанновны (поскольку тогда кроме торжественных дней никто посторонний к ней входить не смел и за всеми ее поступками строго присматривали), породили в ней такой вкус к уединению, что она всегда с неудовольствием наряжалась, когда во время ее регентства надлежало ей принимать и являться в публиче.

Приятнейшие часы для нее были те, когда она в уединении и в избраннейшей малочисленной беседе проводила, и тут бывала она сколько вольна в обхождении, сколько и весела в обращении. Дела слушать и решить не скучала она ни в какое время, и дабы бедные люди способнее могли о нуждах своих ей представлять, назначен был один день в неделю, в который дозволялось каждому прошение свое подать во дворце кабинетскому секретарю. Она умела ценить истинные достоинства и за оказанные заслуги награждала богато и доброхотно. Великодушие ее и скромность произвели, что она вовсе не была недоверчива, и много основательных требовалось доводов, пока она поверит какому-либо, впрочем, даже несомненному обвинению. Чтобы снискать ее благоволение, нужна была больше откровенность, нежели другие совершенства. В законе своем была она усердна, но от всякого суеверия изъята. Обращение ее большей частью было с иностранцами, так что некоторые из чужестранных министров ежедневно в приватные с ней беседы приглашались ко двору. Хотя она привезена в Россию на втором году возраста своего, однако пособием окружавших ее иностранцев знала немецкий язык совершенно. По-французски понимала она лучше, чем говорила. До чтения

книг была она великая охотница, много читала на обоих упомянутых языках...» — эту характеристику дал принцессе ее обер-гофмейстер Эрнст (по-русски Сергей Христофорович) Миних, сын фельдмаршала, дипломат и придворный²⁰².

Принцесса Анна принадлежала к младшему поколению современников Петровских реформ, еще не имевших возможности похвастаться хорошим образованием и светским воспитанием (вспомним манеры и развлечения ее побывавшей в Европе матери, «дикой герцогини» Екатерины). Сверстники нашей героини допускали в светских беседах непарламентские выражения, а по отношению к домочадцам рукоприкладство. Новые веяния как будто застали врасплох и дам. «Непорядочная девица со всяким смеется и разговаривает, бегаёт по причинным местам и улицам, разиня пазухи, садится к другим молодцам и мужчинам, толкает локтями, а смирно не сидит, но поёт блудные песни, веселится и напивается пьяна. Скачет по столам и скамьям, даёт себя по всем углам таскать и волочить, яко стерва», — неодобрительно отзывалось о таких эмансипированных особах петровское наставление для молодежи — «Юности честное зерцало».

Чего стоят, например, соревнования придворных дам Екатерины I на скорость выпивания полуторалитрового кубка пива или нередкие происшествия вроде ссоры, случившейся во дворце в царствование Анны Иоанновны: «Всемилоостивейшая государыня! В день коронации вашего императорского величества... пришед... Чекин и толкнул его, Квашнина-Самарина, больно, отчего он, Квашнин-Самарин, упал и парик с головы сронил и стал ему, Чекину, говорить: "для чего-де ты так толкаешь, этак-де генералы-поручики не делают". И без меня в тот час оный Чекин убил (побил. — *И. К.*) дворянина Айгустова, с которым у него, Чекина, в вотчинной коллегии дело, а оный Айгустов в то число был у меня, а после того он же, Чекин, пошед к князь Ивану Юрьевичу и стал ему на меня жаловаться и бранил меня у него князь Ивана Юрьевича матерны и другими срамными словами».

Представители «высшего света» той поры пили неумеренно, били лакеев прямо во дворце, отличались грубым шутовством, жульничали в картежной игре и платили штраф за нежелание посещать театр даже в более изысканные времена царствования Елизаветы Петровны. На фоне пьющих дам или дерущихся во дворце генералов даже забавы придворных шутов не выглядят из ряда вон выходящими. А юная Анна сумела овладеть двумя иностранными языками; по-французски она не только «понимала», но и писала (о чем свидетельствуют ее собственноручные письма любезному другу Линару), да еще откуда-то получила пристрастие к «драматическому стихотворству», совсем не свойственному дамам того времени. Французский посол Шетарди заметил, что ей не нравилась еще одна привычка той эпохи — она не нюхала табак.

Уже потому она могла вызывать некоторое недоумение у современников и казаться «белой вороной» в кругу сверстниц. А уж «вкус к уединению», желание уклониться от публичных церемоний, нелюбовь к «притворству» и подавно разнились с принятыми при дворе нормами поведения. Добавим, что при этом она не была «синим чулком»: регулярно появлялась на придворных балах и маскарадах и за модой следила. Ее багаж, отправленный за границу в 1742 году (тогда ссыльная правительница и ее муж еще не теряли надежды на выезд из России), содержал десятки туалетов — робы, самары, «кафтаны», юбки, корсеты, шлафроки и полушлафроки, домино, шубы, епанчи^[16], платки, ленты, башмаки, уложенные в несколько огромных сундуков²⁰³.

Современники принцессы, знавшие ее лично, отметили ее доброту и великодушие, не только во времена дворцовых переворотов не слишком подходившие для придворных «обхождений». «Сострадательное и милосердное сердце правительницы устремилось к облегчению участи несчастных, пострадавших под грозным деспотизмом Бирона как в регентство его, так и в государственование Анны Иоанновны. Каждый день просматривала она дела о

важнейших ссыльных, предоставив Сенату облегчить судьбу прочих... Такое прекрасное вступление в правление, доказывая превосходство сердца правительницы, долженствовало бы предвещать благополучную участь самой великой княгини. Но в книге судеб предначертан был ей жребий самый злополучный», — писал об Анне неизвестный автор примечаний к запискам Манштейна. Да и по мнению самого Манштейна, скептически относившегося к правительнице, «Россия никогда не управлялась с большей кротостью, как в течение года правления великой княгини. Она любила оказывать милости и была, по-видимому, врагом всякой строгости. Она была бы счастлива, если бы домашнее ее поведение было так же хорошо, как в обществе, и если бы она слушалась советов умных людей»²⁰⁴.

И отрицательные, и положительные характеристики принцессы сходятся в том, что Анна Леопольдовна не вполне вписывалась в окружавший ее придворный мир с его этикетом, интригами, развлечениями. Она умела при случае проявить характер; пренебрежение условностями светской жизни и стремление замкнуться в кругу близких людей составили ей репутацию «дикой» и «надменной» принцессы. «Великая охотница» до книг должна была среди дам 1730-х годов выглядеть по меньшей мере странно — в этом кругу чтение отнюдь не было модным занятием. Другое дело, что отчуждение от «света», его дел и забот лишь усиливало с годами природную застенчивость Анны — и при этом мешало узнавать и привлекать к себе людей, не давало научиться пользоваться их пристрастиями и слабостями, что составляет важнейший элемент искусства управлять.

Однако ей действительно было присуще милосердие — не самое типичное качество для придворных нравов той эпохи. Свидетельства мемуаристов о пересмотре приговоров предшествовавшего царствования подтверждаются документально. 9 декабря 1740 года правительница потребовала к себе дело казненного Артемия Волынского, а 29 декабря Тайной канцелярии было предписано подать «экстракты» обо всех отправленных в

ссылку в годы правления Анны Иоанновны. 7 января следующего года Анна Леопольдовна повелела Сенату «облехчение учинить» сосланным «по первым двум пунктам», а семьям умерших в застенке или в ссылке «некоторое удовольствие пожаловать»; аналогичные указания о пересмотре дел и снисхождении к осужденным были даны Тайной канцелярии²⁰⁵. Такой милости по отношению к государственным преступникам практика тогдашней российской юстиции не знала. Анна сама читала следственные дела арестованных при Бироне офицеров и требовала их реабилитации.

В последующие месяцы Тайная канцелярия исправно подавала требуемые экстракты, а с мест приходили запрошенные сведения. Из них следовало, что в Оренбурге содержались 108 ссыльных, в Архангельске — 26, на заводах — 49 и в Иркутской провинциальной канцелярии — 184²⁰⁶. Судя по этим справкам, итоговый реестр был подан в Кабинет 2 ноября 1741 года — как раз накануне нового дворцового переворота.

Судя по сохранившимся документам, экстракты сначала рассматривал Кабинет. Министры выносили на высочайшее имя свои рекомендации, а Анна их утверждала. Так, 4 апреля 1741 года она завизировала доклад об освобождении из ссылки друзей Артемия Волынского — бывшего генерал-кригс-комиссара Ф. И. Соймонова и чиновника Коллегии иностранных дел И. де ла Суды, а 20-го постановила отпустить на свободу бывшего белевского воеводу Ивана Юшкова, прапорщика Семена Перкусова (осужден за «небытие» у присяги), живописцев Ивана и Романа Никитиных (сосланы за чтение памфлета на Феофана Прокоповича). Только заточенный в Соловках адмиралтейский магазейн-вахтер Дмитрий Мещерский был оставлен в монастыре, но в «свободном» состоянии — моряк вел себя совсем уж неприлично, публично заявляя, что знакомые офицеры уговаривали его поближе познакомиться с принцессой Елизаветой: «Она таких хватов любит — так будешь Гришка Рострига»²⁰⁷.

Одними из первых помилованных ссыльных стали сын и дочь Волынского и проходившие по его делу бывший секретарь императрицы Иван Эйхлер, архитектор Иван Бланк. Возвратились из ссылки «консультант» князя Д. М. Голицына и бывший вице-президент Коммерц-коллегии Генрих Фик, адъютант князя В. В. Долгорукова Николай Чемодуров. Вернулись уцелевшие после репрессий князя Голицыны и Долгоруковы и неизвестные канцеляристы Придворной конторы. Всего же в правление Анны Леопольдовны ее указами были освобождены 73 человека, проходившие по процессам 1730-х годов²⁰⁸. Среди них были и те, про кого ничего не знали даже сами следователи: в апреле 1741 года начальник политического сыска А. И. Ушаков распорядился доставить к нему из Выборгской крепости «безымянного арестанта» и хоть какие-то указы о нем, которых в самой Тайной канцелярии не оказалось.

Об участии Бирона мы уже говорили. Анна имела все основания сослать его первого «сообщника» А. П. Бестужева-Рюмина в сибирскую глушь, однако распорядилась не только помиловать его, но и всего лишь отправить с лишением чинов в белозерские вотчины, а все конфискованные «пожитки» отдать жене и детям опального²⁰⁹. Другой милостивый указ повелел освободить капитана Петра Калачова, угодившего при Бироне в Тайную канцелярию за то, что желал попасть к цесаревне Елизавете и убедить ее «принять» российский престол: «Вся наша Россия разорилась, что со стороны владеют!» — и отправленного на Камчатку²¹⁰. Калачов был прощен, но донесший на него племянник, Преображенский капрал Василий Кудачев, 25 февраля 1741 года получил «за правой извет» на дядю заслуженную награду (выполнение им гражданского долга было оценено в полсотни рублей).

Тайная канцелярия работала и при Анне Леопольдовне, но серьезных дел в ее короткое правление не было. Под следствие попадали неосторожные или загулявшие служивые вроде солдата Ивана Бабаевского из Ладожского канального батальона. Тот не мог скрыть удивления, когда узнал, что за царским столом подается

«нечистое» заячье мясо: «Мать де их гребу и выговорил посоромски прямо, что они такое кушанье кушают», — но вместо сибирской ссылки по милости правительницы получил всего лишь вразумление плетьюми. А рядовой Пензенского полка из гарнизона далекой Оренбургской крепости Иван Балашов во время дружеской гулянки брякнул: «Я-де пьян, да царь», но отделался шпицрутенами и продолжил службу в родном полку. Но так везло не всем. Иван Герасименок из Глуховского слободского драгунского полка за то, что лихо срезал своего капрала, гордившегося дворянским происхождением: «Ты де шляхтич, а я царевич», — отправился на каторгу в эстляндский Рогервик²¹¹.

Другие «сидельцы» оказывались в застенке «з глупа», «в пьянстве» и со страху, «боясь наказания» — к примеру, убегавшая от побоев мужа солдатка, избитый наглым гвардейцем служивый Выборгского полка или не слишком прилежные школяры. Малолетний Сила Иванов заорал «слово и дело», «убоясь школьного учителя из салдат» Федора Шпилова, а Ваня Маслов таким же образом спасался от «инженерной науки учителя», капрала Михаила Капустина — видно, в XVIII веке наука тяжело давалась подрастающему поколению. Случались и казусы, с которыми и многоумные чиновники не сразу могли справиться — например, дело грамотного и сообразительного доносчика — каргопольского посадского Афанасия Пичугина. Тот при угрозе разоблачения «лживое свое челобитье взял и сварил в ухе и выхлебал», за что был поставлен перед выбором — заплатить двадцатирублевый штраф или, «если не похочет», быть выпоротым батогами²¹².

Всего же за год «незаконного правления» было сослано только 40 человек «подлого звания»²¹³. Интенсивность работы Канцелярии тайных розыскных дел в 1741 году заметно снизилась, и по столице ходили слухи о предстоявшей ее ликвидации. Похоже, что и ее сотрудники при Анне Леопольдовне несколько расслабились, а потому их начальнику канцелярии Ушакову приходилось напоминать подчиненным о дисциплине. Гребцы

принадлежавшей канцелярии шлюпки позволяли себе в рабочее время заниматься «халтурой» — перевозить по Неве всех желающих. К иным же «клиентам» грозного учреждения, как видно, благоволила фортуна — лихой дезертир Афонька Семенов, попавшийся на грабеже в деревне Забытовке, вотчине Александро-Невского монастыря, объявил за собой «государево дело» — и безнаказанно ушел из-под стражи в Новгородской губернской канцелярии, подговорив отправиться в бег на вольную жизнь караульного солдата Емельяна Зайцева²¹⁴.

Указы Анны Леопольдовны и резолюции на делах, поступавших к ней через Сенат и другие учреждения, показывают, что она правила на редкость милостиво. Регентша разрешила подданным строить каменные здания по всей империи (что было запрещено Петром Великим) и отменила взыскание с них недоимок в размере 142 963 рублей и пяти с половиной копеек. Она даровала амнистию приговоренным к смертной казни «инородцам» при условии крещения (эту, признаться, не очень справедливую поблажку Елизавета потом отменила)²¹⁵.

Сохранились «отпуски» (черновики) некоторых «милостивых» писем принцессы. В одном из них (от 13 марта 1741 года) она благодарила черниговского архиерея за присланный им бочонок груш и заверяла в своей «высокой милости»; другим (от 6 июля того же года) отвечала на послание какого-то Александра Григорьевича (скорее всего, камергера и солепромышленника барона Строганова): «Письмо твое мы получили, за которое благодарствуем, и на оное в ответ к тебе иного не находим, кроме того, что мы неотменно в милости нашей тебя содержим и впредь не оставим, и во высочайшем нашем милостивом благоволении пребываем»²¹⁶.

Правительница продолжила традицию земельных и денежных раздач. Больше всех получили вдова и дети фаворита Петра II князя Ивана Долгорукова — вологодское село Старое Никольское с 1113 душами. Награды нашли и участников неудавшегося заговора против Бирона в октябре 1740 года Льва Пустошкина, Ивана Алфимова, Илью

Мячкова; бедный капитан Петр Ханыков стал помещиком «средней руки» — обладателем 284 душ из владений «бывшего Меншикова» в Пошехонском уезде. Обычных же конфискаций имений в ее короткое правление практически не было; лишь у бывшего обер-гофмейстера Олсуфьева по указу Сената были отписаны в дворцовые владения три деревни с 107 душами да у секретаря Коллегии иностранных дел Семенова взяты 82 души в Козловском уезде — впрочем, последнему тут же выдали взамен 95 душ под Москвой²¹⁷.

По именным повелениям Анны Сенат издавал столь же милостивые указы. К примеру, 2 декабря 1740 года сенаторы избавили от смертной казни бывшего уфимского воеводу и притеснителя башкир Степана Шемякина, «сложили» уже наложенные штрафы за злоупотребления по службе с бывшего тобольского обер-коменданта бригадира Алексея Сухарева, губернатора Плещеева, бывшего судьи и секретаря Сибирского приказа Михаила Владимиров и Михаила Морсочникова (оба в январе 1741 года получили новые назначения), воевод Серединина и Рукина, секретарей Баженова и Андреева; генерал-лейтенанту де Брильи «простили» деньги, «излишне выданные» по его приказу на жалованье казакам, а вдовам Анне Крамеровой и генеральше Декулон — недоимки. 28 января 1741 года сенатские распоряжения отправили в отставку с повышением в чине майора Семена Шишкина, назначили коллежского советника Семена Молчанова рекетмейстером при Московской сенатской конторе; пожаловали капитана Ивана Строева в майоры, ассессора Вотчинной коллегии Василия Полякова в надворные советники, коллежского советника Якова Маслова и советника Юстиц-коллегии Петра Квашнина-Самарина в статские советники, статского советника Бориса Неронова — в генералы (по чину действительного статского советника); «простили» вину взяточнику-чиновнику Алексею Владыкину, «начет» умершему комиссару «при канальной работе» Степану Путятину (вместе с возвращением его вдове уже отписанного было в казну имения мужа) и недоимки

московским питейным компанейщикам Гавриле Ключеву «с товарищи»; лифляндец майор Глазенап получил в аренду долгожданную мызу, а обер-директор Романчуков — невыплаченное жалованье²¹⁸.

В январе правительница подтвердила важный для дворянства указ 1736 года об отставке после двадцати пяти лет выслуги, исполнение которого «генерально остановилось», и охотно предоставляла отпуска и даже увольнения со службы²¹⁹. В числе прочих отставников был отпущен с майорским чином несчастный шут Анны Иоанновны — князь Михаил Голицын-«Квасник».

Протоколы Сената свидетельствуют о получении именных указов «за подписанием именем его императорского величества ее императорского высочества государыни правительницы великой княгини Анны всея России собственныя руки»:

«По 1-му, на докладе коллегии иностранных дел, о произвождении той коллегии ассесорам Михаилу Семенову и Василью Бакунину жалованья по 600 рублей каждому в год.

По 2-му, на докладе той коллегии о даче умершего кахетского князя Багратиона жене его с дочерью, для их чужестранства и сиротства, из определенного ему, Багратиону, жалованья каждой по сту рублей на год, по смерть их и по то время, ежели кто из них в замужество выйдет.

По 3-му, об определении мызы Центенгоф на чин перновскому коменданту, без платежа арендных денег, и об отдаче нынешнему коменданту Поникау, тако ж и впредь кто по нем там коменданты будут, таким же образом им ею о владении.

По 4-му, на челобитной двора его императорского величества бывшего камер-цалмейстера Александра Кайсарова, о пожаловании ему с женою и детьми на пропитание конфискованного у него движимого и недвижимого имения, которое по ныне еще не продано и никому не отдано, и о даче ему указа из Сената о непорицании его тем, что в Оренбург сослан был.

По 5-му, на докладе от кабинета его императорского величества, о освобождении из ссылок разных чинов людей, а именно: конного казацкого полка калмык четырех человек из Рогервика и о определении к кому они пожелают; секретаря Гаврила Замятина из Оренбурга и о определении к делам по рассмотрению Сената; по следственной комиссии о подлогах, офицеров, подпоручиков Никиту Назимова, Тимофея Култашева с краснойярских селитренных заводов, прапорщика Дмитрия Шолкова, каптенармуса Ивана Чоглокова, капралов Ивана Свешникова, Макара Журавлева из Сибири с железных заводов, туленина Родиона Горбунова из Сибири ж, и об отсылке на прежнее жилище; полковника Дорожня о свободе в Сибири из под ареста и о употреблении в сибирской губернии к делам, к каким способен по рассмотрению тамошнего губернатора; морского флота лейтенанта Ивана Чирикова, дворянина Перфирия Юрлова из Оренбурга и ни к каким делам не определять»²²⁰.

К примеру, только за период с 3 по 24 марта 1741 года Анна Леопольдовна направила в Сенат 41 такой указ, не считая присланных «из придворных рекетмейстерских дел» и «отданных от двора его императорского величества». Указы жаловали чины, разрешали отставку с повышением ранга, позволяли получить жалованье, даровали «деревни» с крепостными душами и мызы в аренду в Прибалтике. «Столярного дела мастер» Иоганн Еринг получил отсрочку на взыскание с него заемных денег, назначенный сибирским губернатором генерал-майор Шипов — 345 душ, а майор Михаил Бабтист «за службы и что он принял веру греческого исповедания, пенсия по смерти его, на год по 200 рублей, а когда умрет, то оставшим по нем дочери его, вдове с сыном о даче на каждого человека по 50 рублей на год»²²¹. Порой она даровала жизнь — олдерману (старейшине) серебряного цеха Матвею Боку, осужденному на казнь за убийство сторожа морского рынка, или «каторжному невольнику» дезертиру Федору Михайлову, который и в каторжной казарме ухитрился украсть штуку полотна. До самого конца правления Анны такие «милостивые» распоряжения (иногда

даже по несколько в день) повышали в чинах, освобождали от штрафов и «начетов», объявляли помилование²²².

Иногда к правительнице как-то попадали челобитные с самого «низа» — например, прошение прихожан Гавриловской слободы Суздальского уезда или слезная просьба «лакейской жены» Авдотьи Карповой; по рассмотрении последней принцесса велела московскому главнокомандующему С. А. Салтыкову выдать просительнице 200 рублей²²³. Через жену вице-канцлера М. Г. Головкина Анна жаловала деньги монастырям.

Выполнила она и просьбу служившего при Кунсткамере «монстра» Петра Воробьева. Тот был в 1737 году привезен отцом в Петербург из Тюмени. На левой ладони у него имелся нарост, постоянно увеличивавшийся, пальцы на руках росли неправильно, на правой ноге пальцы вовсе отсутствовали, а выше лодыжки пролежала опоясывающая впадина, словно ногу перевязали ниткой. Еще в августе 1739 года им была подана челобитная: «Во Академию наук доносит той же академии монстр Петр Воробьев, а о чем, тому следуют пункты. В прошлом 1737 году июня 6 дня прислан я, нижайший, при указе из Правительствующего Сената в вышеереченную Академию наук, при которой и поныне обретаюсь. А ее императорского величества жалованья получаю токмо денежное для пропитания по осмнадцати рублей в год, а мундира против бывшего монстра Фомы Игнатьева и поныне мне не дается, отчего ныне стал наг и бос. И дабы указом ее императорского величества повелено было против вышеозначенного бывшего монстра Фомы Игнатьева давать мне в три года мундир. К сему доношению Петр Воробьев руку приложил». Конференция академии постановила выдать мундир и добавить два рубля к жалованью, что так и не было выполнено. Бедный «монстр» вновь напомнил о себе в июне 1740-го, и вновь соответствующее решение залежалось, пока по императорскому указу в сентябре 1741 года заждавшийся Петр Воробьев не получил-таки долгожданный мундир зеленого сукна с шитьем и шляпу ценой в 9 рублей 97 копеек²²⁴.

Правительница и сама проявляла инициативу: вероятно, по ее просьбе Кабинет запросил Сенат и комиссию по составлению Уложения, «до которых лет малолетние от пытки... увольняютца»²²⁵. Перекрещенная лютеранка отменила ограничения при пострижении в монахи и фактически проведенную в 1740 году ее теткой секуляризацию церковных владений: «заопределенные» вотчины, управлявшиеся Коллегией экономии, были возвращены архиерейским домам и монастырям²²⁶.

Как и в предыдущее царствование, правительство стремилось поддержать спокойствие в столице: были установлены твердые цены на продовольствие, контролировавшиеся полицией. Вопрос о ценах в новой столице, где сосредоточена была масса мастеровых и работных людей и куда многие товары и продукты везли за сотни верст, всегда волновал власти. Комиссия о коммерции еще в 1733 году просила издать указ об установлении постоянной таксы на хлеб и мясо «знающими людьми купецкими» в общем присутствии Главной полиции, ратуши и Камер-конторы, но при Анне Иоанновне этого так и не было сделано, тем более что торговцы возражали. Петербургские рыбники объясняли: «...живую рыбу в садки покупают они на прибывших судах общим числом, а не считая по родам рыб, для того, что ежели живую рыбу покупать на счет — она перемнется, и от того станет скоро снуть; из чего им будет великий убыток. И затем сколько числом каких рыб купят, подлинно знать не могут. А с садков ту живую рыбу продают разными ценами; с весны, когда больше привозу, продают дешевле, а с Петрова дня, в июле, в августе и сентябре месяце та живая рыба снет скоро, и для того чтобы им возвратить свои истинные деньги, оставшуюся] за тем живую рыбу продают уже дороже. К тому же де ту живую рыбу одного звания и одной меры, и в одно время покупают сами и продают неравными ценами, потому что раннего лова, которая иссиделась и коя утомилась, продают дешевле, а последнего лова дороже; и затем умеренной цены той живой рыбе установить невозможно».

В июле 1741 года в Главной полицмейстерской канцелярии появилось особое отделение с целью «смотрения за продажей харчевых припасов и установления оным цен» и в Сенат была представлена «таблица, по каким ценам ныне в Санкт-Петербурге съестные припасы продавать велено». Согласно этому прейскуранту говядина в правление Анны Леопольдовны продавалась «по грошу фунт ссек^[17], костец и грудинка, по грошу без полушки за фунт бедра и по три деньга^[18] фунт — край, ребра и переды». Фунт свинины стоил три копейки; баранины — две-три копейки, солонина «московского привоза и соленья» шла за полторы копейки; за ветчину же надо было платить от трех до четырех копеек за фунт.

Свежая осетрина и черная икра продавались по три — пять копеек за фунт, «свежепросольная осетрина и белужина здешнего соленья» — по три-четыре копейки; «белужина коренная и косящета и теши матерые, засольные» шли за две с деньгой — три копейки, «сиги соленые» крупные — за четыре копейки, средние — за три, меньшие — за одну-две; «судаки и щуки по разновеску» стоили от одной до двух копеек, семга — четыре-пять копеек за фунт, полтора рубля за пуд. Дешевле всего стоила селедка — от полутора копеек до деньга за фунт. Лещи продавались «без веса», поштучно: большие — по пять копеек, средние и меньшие — от четырех до одной копейки.

Торговлю спиртным контролировали и того строже. 3 марта 1741 года в столице открылся новый питейный дом «близ двора купца Истомина». Не успел целовальник Иван Седельников вступить в должность, как попался на жульничестве: продал вина на пятак, а «по перемеру заорленными указными мерами» вышло всего на две с половиной копейки. Продавец утверждал, что ошибся исключительно из-за «многолюдства» в заведении, но ему не поверили. Наказание было строгим: целовальника водили по улицам и отпускали по четыре удара кнутом «перед каждою знатною фartiною», после чего вырвали ноздри и отправили в вечную ссылку «в страх другим целовальникам», поскольку не только была нанесена

«народная видимая обида», но и пострадал государственный интерес: «видя те обмеры, питухи, оставя казенные продажи, принуждены искать корчемной продажи»²²⁷.

Цены должны были устанавливаться по сезонам — зимой, весной, летом и осенью, — исходя из обстановки на рынке и количества завоза, и публиковаться в «Санкт-Петербургских ведомостях»²²⁸.

Солидный обыватель или дворянин с высоким жалованьем, которому к тому же высылали продукты из имения, вполне мог себе позволить вышеперечисленное продовольственное разнообразие. А не самые низкие «оклады» мастеровых уже заставляли экономить. Так, строившие новый летний дворец Анны Леопольдовны флотские охтинские плотники получали «по силе коллежских (Адмиралтейств-коллегий. — *И. К.*) определений по 3 рубля каждому на месяц, а за прогул вычиталось у них из одного месячного трехрублевого оклада каждому небытно... при работе... день втрое, а за небытие за болезнью при работе дачи... не бывает; а будующие плотники употреблены будут в работу в воскресные, праздничные и шабашные дни, производится же сверх их месячного трехрублевого оклада по 10 копеек на день». Так же оплачивался труд столяров, присланных из конторы строения Невского монастыря, — их годовая зарплата составляла 24 рубля в год; столько получал опытный мастер-работник на текстильных мануфактурах. Но каково было тем, кто отправлялся на заработки и за свой неквалифицированный труд получал 8—12 рублей в год при прожиточном минимуме в семь рублей?»²²⁹

Несостоявшаяся «Анна Вторая»

Остерман составил для Анны Леопольдовны обширную записку на немецком языке, содержащую перечень важнейших задач текущей и перспективной политики²³⁰. Опытный министр подчеркнул достоинства правительницы — ее благочестие, «врожденное милосердие» и любовь к правосудию, но предупредил, что правление — труд нелегкий. Он рекомендовал 22-летней великой княгине уделять не менее одного дня в неделю внешнеполитическим делам и ознакомлению с реляциями российских посланников за границей, а также не менее четырех дней в неделю лично собирать заседание «совета» с участием не только членов Кабинета, но и генерал-прокурора, сенаторов, высших военных чинов и духовных лиц из Синода. Министр наставлял свою подопечную: опытные советники, конечно, нужны, однако и их мнения не стоит слепо доверять; ей придется самой «всё выслушивать и всё исследовать».

Остерман наметил целую программу преобразований: составить, наконец, описание государственных доходов и расходов, так и не осуществленное при Анне Иоанновне. Желательно, считал он, с целью искоренения недоимок провести новую ревизию-перепись для установления количества налогоплательщиков. Для повышения казенных доходов надо бы проверить эффективность работы внутренних таможен, «истребить» легковесные медные пятаки; разобраться с «упадающими» питейными сборами, для чего, возможно, стоит несколько ограничить дворянское винокурение, а кабаки не отдавать на откуп, а передавать в городское управление. Хорошо бы также ввести свободную торговлю с Китаем и позаботиться о «вспоможении фабрикантам».

Для улучшения работы администрации необходимо было завершить сочинение «книги законов», составить новые штаты учреждений, увеличить жалованье служащим и решительно производить в чины «из народа, которые имеют

достоинства и заслуги». По отношению к церкви Остерман рекомендовал продолжать петровский курс, опираясь на Духовный регламент 1721 года, но в то же время повысить статус приходского священника ради «истинного и нелицемерного благочестия».

Министр осторожно предлагал некоторые новшества: не стоит ограничивать срок пребывания на посту воевод двумя годами, чтобы они не «прокладывали запрещенные пути» в целях быстрого обогащения. Для укрепления боеспособности армии следует регулярно проводить смотры дворян-помещиков и поощрять службу на флоте, не пользовавшуюся популярностью. Завершал записку внешнеполитический раздел, где опытный дипломат советовал избегать чересчур тесного сближения с какой-либо державой и прежде всего преследовать «свои особенные фундаментальные выгоды».

В целом выученик Петра I Остерман рекомендовал Анне Леопольдовне продолжать политику первого императора с небольшими коррективами и усилиями по упорядочению финансов. Но и предложенные им, и уже начатые в предыдущие царствования меры вроде составления нового Уложения и «окладной книги» требовали для завершения немалых усилий.

Первые шаги правительницы как будто свидетельствуют о том, что она руководствовалась этими советами и пыталась претворить их в жизнь. Все «милостивые указы» Бирона были подтверждены новыми актами — за исключением объявления рекрутского набора и награждения сторонников курляндца²³¹. Специальным указом «регентина» подчинила себе Тайную канцелярию, повелев ее доклады «подавать прямо нам, а не в Кабинет»²³². Именной указ от 11 ноября 1740 года повелевал Сенату рассмотреть ситуацию с недоимками — с единственной целью «бедным и неимущим людям высочайшее наше милосердие учинить». На следующий день Анна назначила пожалованного в полковники выдвигенца Миниха Андрея Фенина на должность рекетмейстера для приема и рассмотрения прошений,

которые «до собственной нашей резолюции касаются»; ему же поручалось рассматривать жалобы на волокиту при решении дел челобитчиков в других учреждениях. Манифест от 13 ноября отменял намеченное при Анне Иоанновне Артемием Волынским строительство конных заводов за счет архиерейских и монастырских вотчин, а именной указ Синоду напоминал его членам о необходимости назначать «добрых и искусных священников» и поддерживать училища и «нищепитательные дома». Еще один изданный в тот день указ даровал свободу от каторжных работ сосланным солдатам и матросам — им предписывалось жить в сибирских городах «на воле»²³³.

Двадцать седьмого ноября 1740 года Анна разрешила подданным подавать по субботам жалобы на работу коллегий и Сената «прямо нам и определенному для того нарочно при дворе нашему рекетмейстеру Фенину»; она наивно полагала, что эти затянувшиеся дела «немедленно имеют быть самими нами рассматриваны и решены». Впрочем, правительница очень быстро осознала неразрешимость такой задачи и издала более разумный указ об учреждении при Сенате специальной комиссии для решения неоконченных дел начиная с 1734 года²³⁴.

В декабре регентша потребовала от сенаторов представлять ей рапорты о решенных и нерешенных делах как в самом Сенате, так и в подчиненных ему коллегиях и канцеляриях, «дабы мы могли видеть, с какою ревностью и попечением данные наши указы и высочайшая воля исполняются»²³⁵. Затем последовали утверждение «Устава о банкротах», восстановление казенной монополии на экспорт смолы и разрешение постригаться в монахи тем, кому это было прежде запрещено — разночинцам, детям церковников, семинаристам, отпущенным на волю помещичьим крестьянам, а чуть позже постриг был дозволен «вдовам и девкам». Под самый Новый год правительница объявила двадцатитысячный рекрутский набор и облегчила подданным выезд за границу — паспорта должна была выдавать Коллегия иностранных дел и на них

не нужны были подписи всех членов Сената, как было прежде²³⁶.

После объявления указа о производстве дел в присутственных местах «без всякой волокиты», ограничивавшего срок рассмотрения шестью месяцами, последовали другие шаги в этом направлении. Именной указ Анны от 5 января 1741 года повелевал Сенату составить, наконец, «генеральную ведомость» о расходах и сочинить «штат о жаловании статским чинам»; указ напоминал, что все эти данные не раз строжайше требовались при Анне Иоанновне, но «что учинено — неизвестно». Другой указ Кабинету предписывал собрать со всех учреждений ведомости о наличии в их кассах поступивших с 17 октября денежных средств и сведения о произведенных расходах. Позже с целью составления штатов всем учреждениям было приказано подать в Сенат ведомости о чиновниках I–VII классов для составления «генерального именного списка». (Коллегия иностранных дел, к примеру, подала такой список в августе 1741 года.) Сенат должен был ежемесячно отправлять в Кабинет рапорт о приходе и расходе казенных денег. Еще несколькими днями позже последовало требование представить ведомость накопившихся недоимок²³⁷.

Распорядилась Анна и о подсчете своих собственных доходов по дворцовому хозяйству. Из поданного 10 февраля 1741 года реестра правительница узнала, что является хозяйкой 385 488 душ, проживавших в дворцовых волостях, познакомилась с их управляющими и суммой недоимок²³⁸.

На первых порах Анну Леопольдовну никак нельзя было упрекнуть в лени. Неплохо сохранившиеся — благодаря стараниям Елизаветы «арестовать» историю страны в период правления ее предшественницы — материалы Кабинета содержат сотни резолюций правительницы. Причем она не просто подмахивала поданные ей бумаги, а явно стремилась разобраться в них.

Параграф 31 утвержденного в декабре 1740 года «Устава о банкротах» безоговорочно требовал вешать злостных банкротов, «обманством» утаивавших имущество

или скрывавших от кредиторов свою неплатежеспособность, увеличивавших долги, неправильно ведших купеческие книги, торговавших без собственного капитала, получавших кредиты в преддверии несостоятельности, вступавших в совместное дело с явно нечестными людьми или ненадежными посредниками. Коммерц-коллегия обратилась к правительнице с просьбой облегчить суровое наказание за данные экономические преступления. Анна, видимо, была убеждена, что злостный мошенник заслуживает казни, но всё же сочла нужным избавить от нее тех, кто совершил преступление до издания нового закона: «По сему доношению, которые в банкротство впали с публикования вышеупомянутого нового устава и которые впредь банкротами явятся, с теми во всем поступать по тому новому уставу, а которые до состояния публикации того устава в банкротство впали, с такими поступать по Уложению и по тогдашним указам. Именем его величества Анна»²³⁹.

Иногда правительница просто утверждала поданные ей доклады — к примеру, 31 января 1741 года завизировала предложение генерал-фельдцейхмейстера и премьер-майора Преображенского полка принца Людвига Гессен-Гамбургского о произведении капитана Тимофея Болотова в армейские полковники и «выпуске» сержанта Бернского в ревельский гарнизон. В других случаях она решала по-своему. Тому же принцу, предлагавшему кандидатуры на офицерские вакансии в его Преображенском полку, она ответила: «Учинить по сему, токмо в капитаны порутчики определись] из маеоров Амплеля Шепелева» (вместо поручика Сергея Барятинского)²⁴⁰.

Иные ее резолюции вполне обстоятельны и подробны — например, на докладе Синода о необходимости расширить круг лиц для поступления в монашество: «По сему докладу, для снабдения монастырей монахами и школ учителями, постригать в монашество из нижеписанных чинов, кои пожелают: 1) из священного чина, 2) из церковников служащих, 3) из разночинцов, которые от команд своих вольные паспорта имеют и ни какими делами не обязаны, 4)

из помещичьих людей и крестьян со свободными отпускными за помещичью рукою, в которых бы именно написано было, что они отпущены для пострижения, 5) из семинаристов, окончивших свое учение, желающих и к тому достойных и о пострижении каждого человека требовать позволения монастырям в епархиях от своих епархиальных архиереев, а Синодальной области от Синода, однакож смотреть при том, чтоб постригали столько, коликое число потребно, без всякого излишества, и дабы без потребы излишних не постригали, для того велеть присылать в Синод ежегодно рапорты, с таким при том именным росписанием, в том году из каких чинов сколько пострижено и сколько ж в котором монастыре церквей, в которых повседневная служба бывает, и в коих не по вся дни, сколько священнослужителей крылошан (клирошан. — *И. К.*) и в больницах и в прочих званиях монахов порознь, дабы по тому возможно было Синоду видеть, не будет ли где излишних монахов, которым быть не надлежит; а впредь иметь Синоду прилежное старание, о всех монастырях учинить порядочный штат, коликому числу монахов в котором монастыре по званиям быть надлежит, что им из доходов употреблять, а остальные доходы определить на госпитали, на школы, на содержание сирот, показав, коликому числу где быть, и что на их довольство надлежит, росписать порознь, и для апробации подать в Кабинет. При сем же подтверждается Синоду о исправлении и порядочном содержании монашеского чина, чтоб из монастыря в монастырь не переходили и нигде не бродили, и дабы, как в том, так и в прочем благочинном поведении монахов поступано было по Духовному регламенту и по указу 1701 года и по другим в пополнение оных регламента и указа учиненным определениям»²⁴¹.

Другая написанная в тот же день 22 декабря высочайшая резолюция на докладе Сената показывает, что Анна Леопольдовна вникала и в довольно сложные экономические вопросы и при этом не спешила с выводами, а могла предложить перед принятием ответственного решения провести эксперимент: «Вышеобъявленный проект

о производстве смоляного торго по прежнему из казны апробуется, по которому и поступать надлежит, и стараться оное без упущения потребного к тому времени в надлежащее действо произвести усматривая для приращения государственной пользы лучшего порядка, и к тому делу для надзирания определить человека надежного и достойного, на которого б можно в том без сомнения положиться; а что принадлежит до учреждения в Архангелогородском уезде, где смола делается, хлебных магазинов, ныне оным впредь до будущего усмотрения удержаться; а между тем кто к оному определен будет, велеть в инструкции ему написать, дабы он по вступлении своем рассмотрел, каким образом те смоляные заводы или варение смолы к лучшей государственной пользе впредь произведено быть может, и о том со мнением доносить в Коммерц-коллегию, а особливо смотреть, в каких местах оное смоляное варение или смоляные заводы производится, дабы как корабельному строению у города Архангельского, так и в прочих казенных и обывательских лесных нуждах от того повреждения и остановки приключиться не могло; в том же проекте упоминается о делании той смолы в Воронежском уезде, или далее вниз, что Сенат для сбережения лесов за ненадлежащее признавает; а понеже в минувшую с Оттоманскою Портою войну в тамошних местах на строение судов и на прочие исправлении лесов весьма множественное число порублено; и тако, ежели ныне тамо делать смолу, то опасно, дабы вовсе лесов не искоренить, и для того на дело смолы стоячих лесов не употреблять, а иметь разсуждение, или хотя во первых пробу учинить, возможно ль смолу делать из пней и коренья, которых за порубкою в тамошних местах лесов находится множественное число, и буде возможно, то об оном надлежащее определение учинить»²⁴².

По указам правительницы «наверх» пошла затребованная информация, началось составление штатов целого ряда коллегий, была почти завершена первая («судная») книга нового кодекса законов; подготовлены «работные регулы» мастеровым на суконных фабриках с

подробным описанием распорядка рабочего дня (с девяти часов утра до восьми вечера по специально установленным песочным часам), ставок зарплаты и методов борьбы с тогдашними «несунами» — «фабричными ворами»²⁴³. В январе 1741 года Анна утвердила образцы новых монет с портретом сына в римской тоге и лавровом венке²⁴⁴.

Однако вскоре попытки преобразований в системе управления — например составление нового Уложения — без энергичного побуждения замерли. 17 июня правительница назначила дополнительных членов комиссии во главе с президентом Юстиц-коллегии И. Ю. Трубецким²⁴⁵. Работа вроде бы шла — состоялись заседания (20 июня, 4 и 25 июля, 22 августа, 11 сентября, 3 и 31 октября 1741 года); но, как следует из журнала, на некоторых из них присутствовал один только обер-секретарь Авраам Сверчков. За год члены комиссии так и не смогли довести до конца «судную» главу нового кодекса.

Кабинет составил «экстракт о сочинении окладной книги», где перечислил все предыдущие указы по этому вопросу с 1732 года²⁴⁶; но самой книги по-прежнему не было — Сенат так и не получил с мест ведомости об окладных и неокладных государственных доходах^[19].

Знакомство с перечнем актов правления Анны Леопольдовны в Полном собрании законов Российской империи показывает, что с каждым месяцем они «мельчают». Инициативы первых месяцев, о которых говорилось выше, уходят в «песок» административной рутины, сменяются всё более частными распоряжениями: об определении «грузинцов» в грузинские гусарские полки, нормах усушки и утруски провианта, расширении переулков на Васильевском острове... А сама правительница как будто больше о них не вспоминала — и не считала нужным «пришпоривать» государственную машину.

Так, в августе 1741 года именные указы Анны подтверждали прежние распоряжения об отпуске турецких пленных, о «вымене» старых серебряных гривенников и пятаков, разрешали Военной коллегии оставлять себе пошлины с портовых таможен. Манифест от 18 сентября

объявлял о новом рекрутском наборе по случаю войны со Швецией. Прочие распоряжения касались освобождения от платежа «поземельных денег» лютеранского прихода на Васильевском острове и содержания упряжных лошадей по чинам: генерал-лейтенантам и архиереям полагалось по восемь лошадей, генерал-майорам — по шесть, а низшие офицеры, от поручиков до прапорщиков, и попы с дьяконами должны были довольствоваться одной. «Регламент и работные регулы» для рабочих суконных фабрик она так и не утвердила.

В октябре Анна Леопольдовна подтвердила еще один указ тетки — о «нечинении обид» купцам и другим проезжим торговцам на внутренних таможах, мостах и перевозах, разрешила жителям-погорельцам в Алатыре, Астрахани и Черном Яре не платить пошлин с продаваемых в городах хлеба и леса и распорядилась о сборе драгунских лошадей (по одной с шестисот податных душ) для армии²⁴⁷.

В последний месяц своего правления «регентина» разрешила знаменитому заводчику Акинфию Демидову построить крепость «при Сергинских заводах», распорядилась выдать из Соляной конторы жалованье торским и маяцким казакам и дозволила по докладу Комиссии о санкт-петербургском строении соорудить на Выборгской стороне солдатскую слободу, таможенную и баню. Кажется, последним ее распоряжением стала бесцветная резолюция на докладе Сената: «О строении, вместо показанной перспективной, Сарской (Царскосельской. — И. К.) дороги вышеписанное представление апробуется»²⁴⁸.

Без движения остались многочисленные поданные на ее имя прошения. Даже такие не самые «мизерабельные» подданные, как архангельский губернатор и действительный статский советник Алексей Оболенский, годами не могли получить жалованье. Худо пришлось 78-летнему архитектору Христофору Конраду. В далеком 1700 году «иноземец Саксонския земли каменного и палатного дела мастер» поступил на российскую службу, строил кремлевский арсенал и петровский Кронштадт; выплата ему четырехсотрублевого жалованья «остановилась» в 1720

году, а сам мастер попал под следствие, тянувшееся без конца; в довершение невзгод его двор в Москве сгорел. Конрад просил выплатить ему причитавшиеся 2493 рубля или назначить «пензию», чтобы «престарелой государев служитель не был принужден более меж двор скитатца». Впрочем, денег не нашлось и для уже известного Франческо Бартоломео (Варфоломея Варфоломеевича) Растрелли, строившего замки для Бирона. В челобитной 1741 года архитектор жаловался: «В бытность мою при означенных работах упомянутого бывшего герцога за труды мои никакого вознаграждения не имел».

«Статс-комиссар» Григорий Полонский просил повысить сына в чине «за науки»: парень отцовским «коштом» выучился арифметике и геометрии и «по-немецки читать и писать», но продолжал служить простым солдатом Преображенского полка. Много лет пробывший в «новозавоеванных» российских провинциях в Иране бригадир Иван Шван просил об аренде небольшой мызы; его сослуживец и участник походов Миниха секунд-майор Афанасий Изъединов — о назначении управителем в какую-нибудь дворцовую волость; купцы из Вологды во главе с бурмистром Алексеем Рыбниковым — о защите от «тяжких оскорблений безвинно» со стороны товарища воеводы майора Осипа Засецкого.

Тамбовский канцелярист Василий Муханов боролся за справедливость: еще в 1734 году он доносил «про воровство в откупках и подрядах» секретаря провинциальной канцелярии Ивана Перепечина — и в Сенат, и в Ревизион-коллегию, и в Кабинет. По его словам, следствие выявило хищения на девять тысяч рублей, но сам он провел два с половиной года «под караулом», а дела непонятным образом сгорели. Но правдолюбец сумел сохранить их экстракты и готов был по-прежнему предстать «при оном доносу у доказательства», а в награду просил всего лишь назначение к каким-нибудь «дворцовым делам».

Содержатель суконной «фабрики» Иван Полуярославов оспаривал мнение чиновников, что его заведение в Путивле находится «в плохом состоянии» и его необходимо передать

другому владельцу. «Фабрикан» не отрицал, что его продукция не самого высокого качества, но зато она пользовалась спросом из-за дешевизны; что же касается мнения о ней московских купцов, так им просто досталась партия, сукно в которой отчего-то «замялось».

Совсем другие проблемы волновали крестьян дворцовой Шишедамской волости Пошехонского уезда. Их поверенный Трофим Третьяков «с товарищи» поведал, что из имевшихся по первой ревизии 2534 душ 942 человека померли, 176 были взяты в рекруты, 207 «разбрелись от хлебного недороду», когда «от нового плохова травинистова хлеба паки народу приключилась болезнь, которою болезнью сводило людей жылы и нестерпимой понос был», а с оставшихся чиновники правят налоги «с великим принуждением». «А в нынешнем 1741 году в помянутой Шишедамской волости посеянная рожь родилась весьма плоха, и для сеяния и семян не возвратили, косили косами вместо травы и в стоги метали, а протчие крестьяня для омолоту на овины собирали, и у тех в умолоте находилось по самому малому числу и тое с травою рознять невозможно. А еровой хлеб марозом повредило. А прошедшие и нынешние зимы за великою скудостью скоцких кормов скот весь свой изводили, так же и достальной хлеб, мешая с соломою, в корм оставшему[ся] скоту своему издержали. А промыслов у нас никаких не имеетца, довольствуемся пашенною своею работою и подати оплачиваем из продажи скота своего»²⁴⁹. Мужики, правда, наивно хитрили, умалчивая о количестве рожденных душ, но едва ли от этого их положение было легче. Все эти просьбы так и остались навсегда лежать в архивной тиши с канцелярским объяснением, что «по оным исполнения никакого не учинено за нехождением челобитчиков». А многие ли челобитчики имели возможность успешно продвинуть свое дело при дворе?

По-видимому, сделанные Анной в начале регентства «заявки» оказались не по плечу правительнице, одаренной, по мнению Финча, «умом и здравым рассудком», но не обладавшей ни компетентностью, ни жестким волевым

напором. Бумаги императорского Кабинета показывают, что Анну буквально захлестнул поток документов — и обычных докладов о работе центральных учреждений, и инициированных ее же распоряжениями о пересмотре дел по Тайной канцелярии или подаче сведений по финансовым вопросам.

Вот только одна из многих бумаг: поступивший от Остермана доклад (едва ли не им же и составленный в духе упомянутой выше записки) сообщал, что в пределах Российской империи население обслуживают 1324 городских кабака и 763 уездных, большая часть которых отдается «на вере» городским обывателям. Полную сумму продажи спиртного установить невозможно, поскольку не менее 300 тысяч рублей в год «остается в пользу партикулярных людей» из-за неучтенного производства на частных винокурнях и тайной («корчемной») продажи. Искоренить же корчемство, как следовало из доклада, невозможно: при тогдашних методах следствия страдали и сами доносчики, потому никто не желал доносить, а «корчемников» спасали от наказания высокопоставленные лица, являвшиеся крупнейшими винокурами и реализовывавшие на рынке тысячи ведер хмельной продукции в свою пользу. В докладе спрашивалось: не умножить ли число казенных винокуренных заводов (но так, чтобы при этом не снижалась цена вина при продаже) и не запретить ли ввоз импортной водки в Россию (но так, чтобы при этом потребители могли рассчитывать на качественный товар)?²⁵⁰ А тут еще Сенат извещал, что выстроенный в Москве для пресечения незаконного провоза вина и прочих товаров Камер-Коллежский вал обветшал — деревянные надолбы сгнили и «сами собою валятца» (при этом питейный доход от московских кабаков составлял 222 357 рублей и еще 102 810 рублей давали таможенные сборы)²⁵¹. Что могла ответить 22-летняя принцесса, обладавшая только «благородной гордостью»? Она приняла самое простое решение — избавить чиновников от непосильного бремени и отдать все кабаки на откуп.

Одновременно ей надо было постигать тонкости европейской дипломатии, разбираться в цифрах налогового обложения, назначать поставщиков мундирного сукна и позволять Военной коллегии эксперимент: давать кавалерийским лошадям сено «с убавкою» в четыре фунта, чтобы выяснить, «могут ли лошади... таким числом сена довольны быть»²⁵². Она должна была решать, стоит ли отдавать казенную смолу для реализации в Англии «в комиссию» голландским негоциантам Пельсам; что отвечать «венгерской королеве» Марии Терезии на ее настойчивые просьбы о помощи; разрешать ли иностранным купцам закупать хлеб в России. Из бумаг Остермана 1741 года следовало, что общие военные расходы страны составляли 4 500 746 рублей, а недоимки с 1724 года достигли такой же величины; что денег, как обычно, не хватало и Штатс-контора по-прежнему была в долгах перед другими ведомствами²⁵³.

По-видимому, Анна довольно быстро «сломалась». До последних дней своего правления она формально исполняла свои обязанности, но действовать самостоятельно или настоять на реализации одобренных мер уже не могла и по большей части просто утверждала предлагаемые ей резолюции визами «Быть по сему» или «Тако». При отсутствии в государстве хозяина снизилась административная и законотворческая активность власти: в январе 1741 года было выпущено 96 указов, в феврале — 62, в марте — 43 и этот уровень сохранялся до осени²⁵⁴.

Несомненно, на «угасание» деятельности нового правительства повлияла и очередная беременность Анны. 17 июля 1741 года подданных известили о рождении 15-го числа великой княжны Екатерины Антоновны. Забота о двух младенцах должна была отнимать у матери определенное время; к ней прибавлялись хлопоты по устройству собственного двора и апартаментов, обязательные приемы, празднества, аудиенции иностранным послам.

Наблюдательный Финч летом 1741 года подвел итог своим впечатлениям от деятельности Анны: «Не могу не признать в ней значительных природных способностей,

известной проницательности, чрезвычайного добродушия и гуманности, но она, несомненно, слишком сдержанна по темпераменту: многолюдные собрания ее тяготят, большую часть времени она проводит в апартаментах своей фаворитки Менгден, окруженная родней этой фрейлины». Но, констатировал английский посол, Юлиана Менгден не отличается умом, да и «хитрости в ней нет». Лучше бы, считал дипломат, Анна «чаще появлялась на людях, была обходительнее», как принцесса Елизавета — та «чрезвычайно приветлива и любезна, потому ее лично очень любят, она пользуется чрезвычайной популярностью»²⁵⁵.

Другие мемуаристы-современники также отмечали, что Анна стремилась искать спокойствие и уют в узком кругу близких людей. В комнатах любимой фрейлины Юлианы Менгден собирались за партией в карты Финн, маркиз Ботта, саксонский посол граф Линар и брат фельдмаршала Христиан Вильгельм Миних. От тяжких хлопот и массы скучных дел правительница пыталась укрыться за стенами своих резиденций.

Дворцовая жизнь

Покои Анны располагались в «среднем апартаменте» недавно выстроенного Растрелли нового Зимнего дворца, занимая 17 комнат, среди которых были две опочивальни, уборная и библиотека.

Одна из спален была отделана серебряной парчой; обои и кровать изготавливались под наблюдением Каравака. Вторую спальню принцесса обставляла уже по своему вкусу. 22 ноября 1740 года она через Левенвольде распорядилась: «...сняв в том покое обои штофныя алая, обить вновь обоями штофными желтыми с позументом серебряным, также и занавеси и кровать вновь сделать из такого же штофу и с позументом таким же». Нужные обои с подкладкой из «красной крашенины» (446 аршин) через неделю были уже готовы, а в декабре мастер-француз Антон Рожбарт и его работники закончили большую кровать «с болдахином французским маниром, желтого штофу с серебряным позументом», которую делали «с поспешением» днем и ночью. Анна приказала изготовить матрас с бумазейной наволочкой, покрывало из желтой тафты и атласное стеганое одеяло. Придворные столяры зимой 1741 года для этой спальни по требованию ее хозяйки изготавливали резные «панели» и два дубовых кресла.

Как только принцесса немного освоилась в своих новых покоях, она решила их усовершенствовать. Серебряную парчу и обои из прежней спальни она велела перенести в новую «и убрать вновь, а тот убор поручить тому же мастеру Короваку». Обер-гофмаршал приказал Камер-цалмейстерской конторе^[20] отпускать Караваку всё необходимое, «понеже она опочивальня имеет быть убрана вновь против прежней гораздо более, чего ради надлежит быть к прежним вещам довольному прибавку». В помещении появились новые предметы мебели — канапе, шесть кресел и 12 стульев.

Мастера и «золотошвейные мастерицы» (казенные и вольные из жен гвардейских солдат) требовали «к

вышиванию стенных богатых серебряных обоев» и для других работ сученого серебра, серебряных кистей, шнурков и ниток, гродетур^[21], фланели и шелка разных сортов, которых в наличии не имелось и пришлось приобретать у купцов. В итоге дизайнерская задумка правительницы осуществилась только в сентябре. К этому же времени была изготовлена и мебель, также обитая серебряной парчой. Пол в своей спальне Анна приказала застелить «овечьими серыми полостями» и покрыть коврами отечественной фабрики купца Затрапезного — но, по-видимому, потом передумала; в июле пол был обит тонким зеленым сукном. В июне в этой же спальне она решила установить перегородку, обить ее «бархатом малиновым с завесами такого ж бархата, обложка позументом широким и узким в два ряда, да полторы дюжины стульев обить тем же бархатом и обложить в два ряда позументом», что и было исполнено «гардемебелем» Петром Павловым «с крайним прилежанием».

Прочие покои принцесса также стремилась переделать по-своему. «Преображенского полку сержант Андрей Возницын» и 35 солдат шили для них обои малинового штофа, а адмиралтейские резчики изготавливали мебель. Осенью 1741 года Анна взялась за переделку интерьеров всерьез: 12 октября Левенвольде приказал «в прежних покоях принцессы Анны... обои камчатные^[22] снять, а обить шпалерами^[23]»; 5 ноября велено было в другой комнате одну дверь обить «полстями^[24] красными»; 13 ноября — в еще одно помещение поставить ширмы, обитые зеленым штофом и по борту позументом золотым узким, а с другой стороны тафтой^[25] или камкой.

Для своих апартаментов Анна заказала ночной горшок — судно, обитое красным тонким сукном, а сверху — малиновым бархатом, с медным тазом внутри. Был изготовлен также небольшой плетеный из камыша стульчик «в наволоках» — бумазейной^[26] и атласной и ломберный столик пальмового дерева с обивкой из малинового бархата и золотым позументом с бахромой. Другой столик, орехового дерева, она попросила оклеить зеленым бархатом и обить

золотым позументом, а еще один — переделать из четырехугольного в треугольный и на все столики сделать чехлы из зеленой тафты с фланелевой подкладкой.

В библиотеке Анна распорядилась покрыть пол шерстяными коврами, изготовить два шкафа и ширму желтого штофа, за которой стояла односпальная кровать. В «уборной палате» было поставлено «самое большое» зеркало в медной золоченой раме, а пол также застелен коврами. Сюда же она приказала доставить два ореховых кабинета^[27] и установить односпальную кровать на четырех столбах, с малиновыми штофными занавесами и золотым позументом по борту, «таким манером и мерою, как имелась в Летнем доме в ее спальне». Кровать в марте 1741 года была доставлена, но заказчица велела переделать ее так, «чтобы против прежнего была в ширину более 6 вершков». На окнах уборной Анна приказала сделать ставни с крюками для запираения²⁵⁶. Кажется, принцессу уже перестала устраивать односпальная кровать, а ставни должны были уберечь от любопытных взглядов...

Рядом с апартаментами правительницы находились опочивальня и кабинет ее сына-императора. Младенец-государь жил там под надзором постоянно состоявшей при его особе «генеральши суперинтендантши» Анны Федоровны Юшковой и кормилицы Катерины Ивановой. В опочивальне стояли изготовленные по указанию матери императора две дубовые обитые парчой и тафтой колыбели с маленькими матрацами, подушечками и одеяльцами; еще одну «колыбель из прутьев» Анна Леопольдовна повелела сделать в сентябре 1741 года. Юшкова заказала для царя маленькие дубовые кресла и табурет; у стен стояли покрытые алым сукном скамеечки с пуховыми подушечками. Имелось и деревянное высокое кресло «на колесцах» — очевидно, таким образом маленький государь мог совершать выход к гостям²⁵⁷.

Младенец-император, не ведая о том, уже исполнял государственные обязанности — мать устраивала «аудиенции», вынося его к своим гостям, например шведскому посланнику Нолькену, и малыш кивал головкой

незнакомому дяде. От его имени издавались указы и составлялись письма зарубежным правителям. «...Бог... изволил ее императорское высочество и любовь нашу, вселюбезнейшую государыню мать, великую княгиню и правительницу империи нашей 15 сего месяца пред полуднем от ее доныне имевшего супружественного бремяни милостиво разрешить», — извещал император Иоанн III своего испанского коронованного «брата» Филиппа V спустя два дня после рождения сестры, «благообразной принцессы и великой княжны российской» Екатерины²⁵⁸.

Для исполнения «служебных обязанностей» ему полагались кабинет и при нем «министерская комната», два покоя выделялись для советников и секретарей с переводчиками, «галерея в семь покоев» с зеркальными стеклами и два зала предназначались для разных придворных торжеств. Анна Леопольдовна посчитала необходимым и тут обновить обстановку. В апреле она через Левенвольде приказала в семи помещениях при галерее снять все прежние обои и сделать новые из французских и московских штофов разных цветов, с завесами, укладывая в два ряда золотым позументом «против того, как убрано в ея высочества опочивальне»; для каждого из этих покоев сделать по 12 стульев, обить их штофом под цвет обоев и обложить в два ряда позументом. Ремонт в императорских комнатах не прекращался: производились работы столярные, резные, малярные, золотарные, литейные, каменные (мраморные); делались печи и «камельки»; для живописных работ главный придворный художник и декоратор Луи Каравак требовал листового золота и пудами заказывал краски — «белил русских» и «немецких», лазури берлинской, охры, «бакану самого доброго», жженой слоновой кости, арпигиенту, киновари, «яри веницейской»^[28].

А принцесса уже давала новые указания. 2 июня 1741 года в новоубранные покои возле галереи были поставлены четыре больших французских зеркала, прежде находившихся в комнате маленького государя. На обитые штофом стулья были пошиты чехлы. 30 июля Левенвольде

объявил Камер-цалмейстерской конторе приказ правительницы: «...разос[т]латъ в галерее на пол от дверей до трону сукно красное, шириною в 7 полотнищ, обложу кругом по борту позументом золотным средним, да сделать три кресла, из них одно, которое имеет быть поставлено на трон, обить бархатом пунцовым и по краям позументом в один ряд широким, в другой узким, и два, для отсылки на двор генерала адмирала графа Остермана, обить штофом малиновым в один ряд позументом золотным широким». Размах работ был таков, что мастеров не хватало и гофинтендантская контора требовала их из гвардейских полков и других учреждений; но те присылать специалистов отказывались под предлогом имевшихся «нужных дел».

Кажется, парадные апартаменты полюбились правительнице. Здесь, сидя на троне, царственный младенец вместе с матерью-регентшей давал аудиенции турецкому и персидскому послам, в галерее же устраивались маскарады. В одном из покоев был в октябре 1741 года поставлен выписанный из Англии бильярдный стол с зеленым сукном. Играла ли на нем сама правительница или ее приближенные, нам неизвестно.

Судя по сохранившимся хозяйственным документам, работы в апартаментах принцессы и прочих дворцовых помещениях шли постоянно. Однако жить в обстановке непрекращавшегося ремонта было не слишком удобно, и правительница имела другую «квартиру» в «адмиральском доме» — отошедшем казне дворце генерал-адмирала Ф. М. Апраксина. Там в 1741 году размещались фрейлины ее двора, «суперинтендантша» Анна Юшкова, врач и находились покои Анны Леопольдовны, ее мужа и сына-императора, дежурная комната генерал-адъютантов, рекетмейстерская, а также бильярдная и мыльня. Однако в декабре 1740-го — январе 1741 года в тамошней опочивальне правительницы также проводились живописные, столярные и резные работы.

Юного государя и его мать окружали многочисленные придворные. В мае 1741 года Анна Леопольдовна утвердила придворный штат императорского двора из 517 человек. Его

«столпами» остались старые слуги почившей в Бозе императрицы — обер-гофмаршал граф Рейнгольд Левенвольде (с жалованьем 4188 рублей 30 копеек), гофмаршал Дмитрий Шепелев (получавший 2555 рублей 25 копеек), обер-гофмейстерина княгиня Татьяна Голицына (ей платили в год две тысячи рублей). Примечательно, что в списке отсутствовала должность обер-камергера, которую при Анне Иоанновне бессменно занимал Бирон. Молодая правительница не спешила заполнить вакансию; кажется, она собиралась даровать этот чин со всеми его дворцовыми привилегиями уже известному нам саксонскому посланнику графу Линару, однако не успела.

Под началом перечисленных лиц находились другие, тоже ответственные персоны: гоф-штаб-квартирмейстер (дворцовый комендант. — *И. К.*) Михаил Марков, заведовавшие напитками мундшенки Иван Владиславлев, Иван Стеллих и Андрей Федоров, кофешенк (смотритель за приготовлением кофе), зильбервартер (хранитель императорского столового серебра) Борис Пятин, келлермейстеры Петр Кармалин, Григорий Марков, Константин Карпов и Василий Татаринов; комиссары Афанасий Полунин и Иван Василевский, кухен-шрейберы Юрий Вундерлих, Федор Яковлев, Петр Палот и Федор Рязанов; кастелянши Варвара Габелянстина и Софья Фишбек; повара-мундкохи Яган Геве, Яган Дрейборн, Штицер, Отто Луке, Юрий Эрнст, Адам Эрнст и вновь принятые Яган Мор, Николаус Кненлен, Матис Керн и Яков Луэр.

Они ведали «кормовыми погребами», где хранились столовые припасы, поваренная медная, оловянная и железная посуда, повседневные и запасные «фряжские погреба» с винами и водками; там же спиртное разливалось из бочек в бутылки. В «овощной» и «конфектной» палатах содержались запасы чая и сахара, а также разные «овощные и конфектные принадлежности», кофе, шоколад, леденцы и фарфоровая посуда.

Дворцовый обиход обслуживали лакеи, гайдуки, скороходы, гоффурьеры, тафельдекеры^[29], прачки,

истопники, охотники, гребцы, музыканты, писари, пивовары, водочные мастера с учениками, купоры^[30] и подкупоры, бочары, поварята и поваренные работники, «скотники и скотницы», мясники, хлебники, «конфетные мастера» с подмастерьями, столяры, плотники, серебряники, медники, оловянники и их ученики, «швецы»-портные; резчик для «вырезания стекол в пирамиды», в которые укладывались конфеты и другие украшения; прочие служители — всего более четырехсот человек. Их годовое жалованье составляло весьма солидную сумму — 68 126 рублей 87 копеек.

Придворными часами ведал часовой мастер француз Яков Рокет, строительством апартаментов — «обер-архитектор де-Растрелли»; первым придворным живописцем по-прежнему состоял Луи Каравак. Охранял здоровье первых лиц государства назначенный Бироном «лейб-медикус Рейбер Санхос» — доктор Антонио Рибейро Санчес. Малолетнего императора окружал придворный штат — камергеры Яков Балк, Петр Салтыков, Карл Людвиг Менгден, Василий Стрешнев, Федор Апраксин, Алексей Татищев, Алексей Пушкин, Петр Шереметев и Иван Брылкин; камер-паж князь Иван Вяземский и пажи Иван Юшков, князь Федор Щербатов, Андрей Кошелев, Дмитрий Марков, Иван и Павел Нероновы.

Помимо императорского штата в распоряжении правительницы имелся свой собственный. В нем состояли обер-гоф-мейстер (хотя сам Миних-младший именовал свою должность «обер-гофмаршальской»); семь фрейлин, четыре камергера, два камер-юнкера (Петр Салтыков и Эрнест Менгден), два камер-пажа и четыре пажа; «мамзель» и три «вдовы» (Катерина Михайлова, Муторхина и Пелагея Ермолаева); камер-юнгферы Варвара Дмитриева, Анна Катерин, Марихен Бевен Рот и Марихен Штурм; гардероб-медхены Анна Степанова, Наталья Абакумова, Софья Степанова и Екатерина Дементьева; два камердинера — Грамкен и Лебрун, по два мундшенка и кофишенка с помощниками, гоффурьер Петр Клинк и лакеи, скороходы,

гайдуки, истопники — всего 70 человек с жалованьем в 16 950 рублей²⁵⁹.

«Регентина» сохранила при дворе два десятка бывших служителей и приживалок Анны Иоанновны и назначила им денежное содержание в 3250 рублей. Одна из них, Анна Юшкова, как сказано выше, стала «суперинтендантшей» и главной по уходу за младенцем-императором. Вместе с ней при дворе оставались колоритные аннинские «придворные», напоминавшие персонажей Измайловского двора: Федора Дмитриева, Анна Павлова, Домна Дементьева, Дарья Долгая, Акулина Лобанова, Пелагеюшка-карлица, безымянные «мать-безножка» и «девушка-дворянка», а также «персиянки» Анята, Параша и Катерина, «арапка», «баба материна», Фирсовна; «карлы» Петр Локтев и Яков Подчертков и карлицы Анна и Наталья Ивановы.

Кажется, правительница неформально относилась и к придворному духовенству. В апартаментах Анны Леопольдовны имелись иконы, в их числе — образ Богоматери Владимирской, для которого она приказала сделать венец с 266 бриллиантами, выданными из собственной «комнаты». Икона мучеников Фотия и Аникиты, память которых отмечается церковью в день рождения Иоанна Антоновича, по ее приказанию была заключена в дорогой оклад с двумя бриллиантовыми крестами. В Великий пост 1741 года в покоях правительницы совершались утрени, часы и повечерия с участием псаломщиков Петропавловского собора; сама же она заказывала в это время на кухню постное миндальное масло и тамарин^[31].

В январе 1741 года Анна Леопольдовна перевела своего прежнего духовника Василия Иванова в протопопы московского Архангельского собора. Его прежние обязанности исполнял теперь придворный священник Матвей Андреев, но «при комнате ее высочества, правительницы всея России», обретался еще один священник, Иосиф Кириллов, который служил принцессе еще при жизни ее тетки-императрицы. С октября 1741 года в штате дворцовых священнослужителей появилось новое

лицо — «обретающийся при дворе его императорского величества протопоп» Родион Никитин, имевший во дворце свои покои. Кроме них, имелись еще уставщик^[32] иеромонах Илларион и 24 певчих.

К нуждам своих духовных наставников принцесса относилась с вниманием — им щедро отпускались провизия и питания из дворцовых запасов, в том числе в пост — соленая рыба, конопляное масло и сушеные грибы, «для путного шествия» (паломничества) — водка «французская» и «боярская». Отцу Родиону полагалось по распоряжению Анны «в каждый день вина красного или белого по бутылке, пива или полпива по 4 кружки, квасу и кислых щей по 2 кружки»; в «мясоедные дни в каждый день говядины, баранины и ветчины по 2 фунта, яиц свежих 5 да в неделю сметаны 1,5 кружки, масла коровья по 3 фунта; в постные дни рыбы соленой по 2 фунта, окуней и плотиц трехвершковых по 5, щук десятивершковых по одной, сига шестивершковых по одному, да в неделю масла конопленого одна кружка, семги соленой 7 фунтов, да в каждую неделю хлебов ситных 7, луку репчатого четверть четверика, капусты белой 20 кочней, уксусу столового 3 кружки, соли 2 фунта, огурцов соленых четверть ведра, круп толстых гречневых и овсяных по 3 лопатки». Уставщик отец Илларион в октябре 1741 года получил (надо думать, на всю свою певческую команду) вина «красного 30 бутылок, полпива и меду по 60 бутылок, кислых щей 180 бутылок, водки боярской 4 кружки».

Принцесса указала в июне 1741 года выдать состоявшему «при комнате ее высочества священнику Иосифу Кириллову в награждение 100 рублей», а поповского сына определила в придворные лакеи. В именном указе, подписанном 14 ноября 1741 года «именем его величества рукой правительницы Анны», велено «обретающимся при дворе его императорского величества протопопу Родиону Никитину и другим придворным священнослужителям с оного числа впредь повсегодно выдавать в дни, когда кто из них будет именинником, оному по 50 рублей из Камер-цалмейстерской конторы». Выдачи

полагались и священникам Петропавловского собора и церковей гвардейских полков, которые по престольным праздникам в своих храмах ходили во дворец с поздравлениями.

Правительница особо отмечала некоторых известных ей архиереев. Так, погребавшему ее тетку архиепископу Новгородскому Амвросию она пожаловала столичный двор его предшественника, знаменитого Феофана Прокоповича на речке Карповке «со всем на оном строением и с дачами». При ней продолжали жить во дворце монахиня Александра Григорьева и ее приемный сын Илья, появившиеся здесь по милости Анны Иоанновны. Иногда Анна-младшая распоряжалась отпустить на послушание в тот или иной монастырь женщин из числа дворцовых служанок: «Всемиловитейше указали мы вдову Марфу Яковлеву и при ней одну девку-послушницу определить в Новодевичий монастырь и довольствие производить им: одной против монахинь, а другой против послушниц от того монастыря и повелеваем нашему Синоду учинить о том по сему нашему указу». Другими указами были устроены «девка Анна Абакумова» в Вознесенский монастырь, а «вдова Данеева» — в Новодевичий.

На фоне обширного круга придворных и служителей правительницы штат ее супруга-герцога Антона Ульриха выглядел скромно, насчитывая от единственного камер-юнкера до скороходов всего 17 человек; почти все они, за исключением двух скороходов, являлись иностранцами; на их жалованье расходовалось всего 2350 рублей в год.

Для молодой женщины, почти без ее участия оказавшейся на вершине власти — во главе огромной империи, ее придворное окружение было наиболее близким и привычным. Среди этих лиц были ее приближенные, как Миних-младший, и подруги, как верная Юлиана Менгден; в камергеры она пожаловала своего верного камер-юнкера Ивана Брылкина, пострадавшего во время памятной истории с Линаром. Может быть, именно поэтому правительница своими милостями поднимала статус придворных. 10 декабря 1740 года Анна «именем его императорского

величества» подписала указ о повышении придворных чинов в Табели о рангах: «Двора вселюбезнейшей его императорского величества матери, ея императорского высочества обер-гофмейстеру быть в ранге действительного армейского генерал-лейтенанта, камергерам в рангах армейских бригадиров, камер-юнкерам в полковничьих; двора ея высочества государыни цесаревны гофмаршалу в ранге армейского бригадира, камергерам в ранге полковничьем, камер-юнкерам и шталмейстеру в подполковничьих, и о том для известия сим указом всенародно публиковать»²⁶⁰.

Об этих людях Анна Леопольдовна заботилась и щедро их награждала. В декабре 1740 года она освободила придворных от «начетов» по приходу и расходу казенных денег. Почтенного шталмейстера (служившего с 1700 года) Родиона Кошелева по его прошению она пожаловала чином генерал-лейтенанта; вместо желаемых «деревень» приказала выдать деньги — жалованье за два года и семь месяцев, но зато произвела обоих сыновей из сержантов в прапорщики Ингерманландского полка. Регентша сделала камергерами президента Юстиц-коллегии князя Ивана Трубецкого и давно бывшего не у дел старого денщика Петра I Афанасия Татищева, чтобы «быть ему в отставке по-прежнему».

Вышедшая замуж за камергера Лилиенфельда фрейлина княжна Одоевская получила в подарок роскошную двуспальную кровать «с балдахинном и убором штофным французским желтым и серебряным позументом». В январе 1741 года Анна пожаловала офицерские чины камер-лакеям и лакеям, «выпуская» их в полевые полки или в отставку. Затем та же милость ожидала служащих конюшенного ведомства — берейторов, шталмейстеров и унтер-шталмейстеров, фуражмейстеров и футермаршалов (заведовавших кормами для лошадей).

Двадцать восьмого февраля 1741 года Анна повелела Сенату: «...келлермейстера Михаилу Ивина, который ныне обретается в Старой Руссе у смотрения тамошних соляных промыслов комиссаром, за многовременную при дворе

службу и прилежное при соляных промыслах смотрение наградить армейского майора рангом и быть ему у того ж дела, по-прежнему; кофешенка Осипа Филатова, который определен к смотрению рижских дворцов, наградить рангом действительного армейского майора; собственных придворных судов шкипера Ивана Щербачева за прилежную чрез немало продолжаемое время службу — в морские поручики и быть ему при тех судах по-прежнему, а жалованье производить ему по тому ж окладу, по чему прочим морским поручикам производится, от дворцовой конторы, из дворцовых доходов; келлермейстера Михаила Колошина наградить рангом армейского капитана и определить к штатским делам по усмотрению Сената; кухеншрейберов: Ивана Крутикова наградить рангом армейского поручика и определить в Можайский уезд на Гжатскую пристань или к другим делам по усмотрению Сената; Лаврентия Березина наградить рангом армейского поручика и определить к делам в дворцовые вотчины с жалованьем по усмотрению дворцовой канцелярии; тафельдекера Петра Волкова наградить рангом армейского поручика и определить, по его прошению, в город Калугу к смотрению полицейской должности, или к другим штатским делам по усмотрению Сената; лакеев: Федора Засецкого — в ранг армейского подпоручика и определить к штатским делам по усмотрению Сената, Григорья Алексеева от службы отставить вовсе и наградить подпоруческим рангом и определить ему пенсию из того места, где он жить пожелает, против получаемого им до ныне жалованья; придворной конторы подъячего Павла Пахомова определить в военную службу, в армейские полки, прапорщиком; бывшего Санкт-Петербургской счетной комиссии секретаря Михаила Остафьева наградить коллежским ассессором и определить, за его старостию, в город Пензу воеводою или воеводским товарищем, по рассмотрению Сената, и без именного указа не сменять; комнаты ея императорского высочества благоверных государыни великой княгини Анны, правительницы всея России, гофмаршальских дел копииста Александра Орлова определить к делам ведомства

Коммерц-коллегии в Санкт-Петербургскую портовую таможенную канцелярию; лакеи Семена Аврамова, Степана Ушакова, которые пожалованы к дворцовым делам с награждением подпоруческих рангов, определить жалованье и производить в дачу по тем окладам, по чему они в бытность при дворе до ныне получали». Камерцалмейстер Дмитрий Симонов стал полковником, а гофштаб-квартирмейстер Михаил Марков — подполковником²⁶¹.

Именно к регентше обратился в апреле 1741 года бывший камер-лакей Иван Котлеровский, служивший при дворе с 1719 года. В 1732 году бедняга пострадал — за неизвестную нам вину претерпел от двоюродной бабушки нынешнего государя «своеручное битье в покоях вашего величества ночной порою и топтание ножное и проломление мне, низжайшему, во многих местах головы» с последующей ссылкой из столицы в одну из подмосковных дворцовых волостей. Анна Леопольдовна постаралась утешить старого слугу — распорядилась выдать сотню рублей, дала чин поручика и определила сотником в один из украинских полков²⁶².

Однако не случайно Бирон, опытный придворный, в показаниях на следствии отмечал, что принцесса и в этом кругу вела себя «каприжно» и допускала опасные ошибки. Так, однажды она в сердцах выбрала нерасторопного камергера Федора Апраксина «русским канальею». Герцог был недоволен и тем, что принцесса «кушает одна с фрейлиною фон Менгденовою, а пристойнее было с супругом своим, и она же фрейлина у ее императорского высочества в великой милости состоит».

«Не бывало примера, — писал в Париж Шетарди после свержения Бирона, — чтобы двор был так многолюден и чтобы выражалось такое веселье на всех лицах, как сегодня. Это веселье увеличилось еще более от наград». Придворное ликование, скорее всего, призвано было радовать не слишком счастливую принцессу — но знала ли она истинную цену этим чувствам? Могли ли зависящие от монаршей милости и изменчивой «конъюнктуры» придворные быть молодой и неопытной правительнице надежной

опорой? Пройдет всего лишь год, и те же люди будут наперебой выражать восторг и приносить присягу Елизавете, которая свергнет их предыдущую благодетельницу с вершины власти и навсегда отправит в заточение.

Сделает же она это с помощью своих приближенных, тоже пользовавшихся милостями ее «сестрицы». По соседству с «большим» двором императора и его матери уже сформировался «малый» двор (или «комната») тридцатилетней цесаревны Елизаветы Петровны, к тому времени, несмотря на наименование, бывший уже довольно большим. В его рядах имелись высшие придворные чины — два камергера (Алексей Полозов и Яков Балк), семь камер-юнкеров (среди них братья Александр и Петр Шуваловы, Михаил Воронцов, Григорий Петрово-Соловово), гофюнкер (Андрей Шестаков), гофинтендант (Никита Возжинский), три камер-пажа и шесть пажей. Под их началом состояли три гоффурыера, три камер-лакея, 14 лакеев и трое гайдуков, команда гребцов, птичники, скотницы, садовники, истопники и другие служители; мадам Марья Францына и «камер-юнгфера» А. Селиванова с шестью прачками. Обслуживали хозяйку доверенный камердинер Василий Чулков со швейной командой из закройщика, двух портных, двух учеников портняжного дела, башмачным мастером с учеником. При доме «сестрицы» правительницы имелись часовой мастер, два иконописца, «моляр»-художник и ювелиры. О здоровье цесаревны заботились врачи — будущий заговорщик, знаменитый впоследствии Арман Лесток и его коллега Андрей Верре. За приготовление кушаний отвечал кухмистер Яган Фукс, когда-то служивший у Меншикова и Екатерины I, командовавший шестью поварами и четырьмя учениками, двумя хлебниками с двумя учениками, тремя скатертниками с учеником. Столы цесаревны сервировали собственный тафельдекер с помощником; у питей служили два келлермейстера, три мундшенка и кофешенк Карл Сиверс. Церковный штат состоял из священника, духовника ее высочества Федора Дубянского, дьякона, псаломщика и четырнадцати певчих с

уставщиком. Светские развлечения обеспечивали собственный придворный оркестр и охотничий штат. Именами цесаревны управляла ее вотчинная канцелярия в Петербурге с конторой в Москве.

«Комната» полуопальной принцессы сложилась при Петре II и Анне Иоанновне; здесь собирались фигуры двора ее матери и не слишком знатные, но преданные дочери Петра люди, которые не могли рассчитывать на карьеру при «большом» дворе. Именно при помощи молодых придворных Елизавета вступит в борьбу за власть, а после ее победы они станут министрами и вельможами. Но «регентина» Анна Леопольдовна, только что занявшая полагавшееся ей по праву место и принимавшая льстивые поздравления, едва ли осознавала опасность.

У нее были иные заботы. Следовало привести в порядок не только обстановку и убранство дворца, но и загородную резиденцию: «...в нижнем же апартаменте, где изволила в приезд в Петергоф присутствовать ее императорское высочество благоверная государыня великая княгиня Анна, правительница всея России, потолки починить и выбелить. Во флигелях по обеим сторонам палат внутри и снаружи, где обито и замарано, вычинить и выбелить. Перед палатами большой кашкад и гроты квадратною и гротическою работами, где водою повредило, починить и вновь раскрасить, також и руинской кашкад прибавить местами туфштейнами и украсить раковинами. У Монплезира у палат галдарей от моря кзымз (так в тексте. — И. К.) квадраторною работою вычинить, а внутри в тех палатах побелить. Подле оных монплеzirских палат кухни, где была конфектная, у потолка брусья и доски сгнили и во многих обваливается, и надлежит вновь плотничною работою переделать и подметать квадраторною работою, и подле оной кухни во всех покоях как потолки, так и стены выбелить».

Анна заботилась и об отделке и меблировке апартаментов мужа-генералиссимуса — давала указания о штофных обоях, занавесах, шпалерах, об изготовлении новых стульев и обивке их желтым штофом, о столе

красного дерева и «кадрильном» столике с ножками пальмового дерева и даже о «ночном судне», которое следовало обить алым бархатом с золотым узким позументом, а седалище — сукном «мужественного» лосинного цвета^[33]. Помещавшуюся на третьем этаже Зимнего дворца канцелярию Антона Ульриха Анна распорядилась отделать новыми обоями «фабрики Затрапезного», а две комнаты из этих апартаментов отдала камер-шрейберу его высочества Шубмейеру.

Другой мастер портновского дела (лейб-шнейдер) Шефлер шил ее сыну-императору «платьица» из фланели, белой тафты, голубого и алого атласа, разноцветные атласные «кафтанчики» и «душегреечки»; по заказу матери для мальчика были сделаны шелковые помочи «так, чтобы в середине была кожа, сверху бархат малиновый или пунцовый с позументом золотым узким, снизу тафта».

Особенно много заказов поступило осенью 1741 года. 11 октября портной затребовал для трех кафтанчиков — алого, померанцевого (оранжевого) и желтого — четыре аршина и восемь вершков белой тафты на подкладку, восемь аршин белых лент «средней руки», «штуку» шелковой бумаги; 14 октября — 12 вершков голубого атласа, четыре с половиной аршина белой тафты, четыре аршина белых лент на подкладку для бархатного померанцевого платьица; 20 октября были заказаны бархатные малиновые помочи, подложенные малиновой тафтой «таковою же мерою, как деланы были в июне и в июле» (они были готовы 16 ноября); 25 октября для трех желтых атласных платиц и одного голубого понадобилось бумаги шелковой две «штуки», а 17 ноября — еще две «штуки», полтора аршина атласа и четыре с половиной аршина тафты для шитья двух атласных платиц, а на два кафтанчика «канфы»^[34] желтой большой руки семь с половиной аршин, бумаги шелковой «штука», лент белых восемь аршин. 21 ноября поступил заказ на шитье шапочек из черного и белого «шелку сученого», а на следующий день — на изготовление кафтанчика штофного с шелковыми «цветными травами».

Второго октября из Коллегии иностранных дел доставили для «теплого платья» Иоанну Антоновичу «полмеха лисьего черного» (ценой в 400 рублей) на шубку, которую было приказано подбить соболями. Анна также дала указание изготовить кормилицам императора и его сестре великой княжне Екатерине Антоновне по «польской шубе на лисьих черевых (с брюха. — *И. К.*) мехах». Для новорожденной принцессы делали «пуховик», атласные «матрасцы», подушки с наволочками, камчатное одеяло, а в октябре 1741 года мать распорядилась сшить ей атласное голубое платье, шелковые чепчики и два желтых атласных «бострожка»^[35]. В комнате девочки при ней безотлучно находились любимая фрейлина правительницы — «Менгденша», кормилица и няня-«сидельница»; для каждой были сделаны столики и туалеты-«судна» с медными тазами внутри.

По указу Анны для ее детей золотых дел мастер Николай Дон в августе 1741 года изготовил серебряную и золотую посуду: кастрюльку с крышечкой, маленькую кастрюльку, жаровенку с крышкой, рукомойник, лоханку и золотую ложечку. Для игр венценосного младенца в следующем месяце были заказаны шесть мячиков «цветных бархатных на хлопчатой бумаге», а для будущих более серьезных занятий уже заготовлены четыре «печатные книжки с разными цветными фигурами» с завязками из алых лент²⁶³.

Позаботившись о детях, молодая правительница могла заняться и собственным гардеробом. Тому же Шефлеру весной 1741 года она заказала для себя четыре гризетовых^[36] «шлафора», а затем еще пять штофных и гризетовых «полушлафоров» с гродетуровыми юбочками — «первого штофного по темно-вишневой земле с разными шелковыми травами, другого по белому грезету с золотыми, серебряными и разных цветов шелковыми травами, третьего грезетового белого с черными травчатыми полосами, четвертого морового (муарового? — *И. К.*) белого с серебром, пятого морового померанцевого». Судя по свидетельствам мемуаристов и портретам, принцесса любила именно эту спокойную домашнюю одежду.

Но положение обязывало — Анна Леопольдовна должна была носить корсеты — «пунцовый грезетовый», «моровой желтый», «самарный» и прочие; одеваться в «кафтан золотой парчи», поверх них надевались тяжелые «робы парчевые» с фижмами^[37] и бархатные с горностаевой отделкой «кавалерские платья» носительницы российских орденов. Ее гардероб свидетельствует о том, что она предпочитала носить «Самары» — распашные платья более свободного покроя: для нее шили самары штофные, гродетуровые, гризетовые, бархатные — разных цветов (из которых ей, судя по всему, больше всего нравился «померанцевый») и с разной отделкой. Для зимы правительница в сентябре 1741 года заказала лисью шубу из «меха лисьего чернотупого», то есть чернотупки, ценой в тысячу рублей.

Явно для придворных костюмированных балов было предназначено «турецкое платье». К маскараду по случаю годовщины вступления на престол сына (20 октября 1741 года) Анна выбрала для себя экзотический «грузинский» костюм из гродетуровой пунцовой юбки и кафтана, обложенного собольим мехом и подбитого белой тафтой; к нему полагалась и какая-то загадочная «штучка бумажная, печатная, с разными травами» (вероятно, головной убор) из числа поднесенных в 1736 году персидским послом подарков. Прибытие ко двору посольств двух «ориентальных» империй — Османской и Иранской — явно вызвало у столичного бомонда интерес ко всему восточному. Во время упомянутого маскарада во дворце устраивались «персидские танцы» в исполнении членов свиты посла и русских «танцевальных учеников», за что Анна пожаловала им 100 рублей. Соответствие же собольего костюма грузинской моде того времени остается на совести правительницы и ее портного — француза Церпста.

Интересовалась Анна Леопольдовна и драгоценностями. В июле 1741 года она повелела сделать себе алмазные перстень и серьги, а всего за год своего правления приобрела через обер-гофкомиссара Исаака Либмана бриллианты и прочие украшения на 159 517 рублей²⁶⁴. В

комнате правительницы в обитом красной кожей сундучке хранились ювелирные изделия, которые она буквально накануне лишившего ее власти переворота повелела описать и перенести для хранения в Камер-цалмейстерскую контору. Согласно сохранившемуся реестру, там находились отнюдь не дамские «уборы» — золотые ковши и ковшички, украшенные жемчугом; золотой потир «с надписью и с резными камнями и с накладкою резною»; серебряные «финифтяные» чашки; золотые тарелочки и блюдечки; два «обложенных» золотом и алмазами кинжала, другие чашки, стопочки и прочие дорогие и не очень нужные вещи.

Правительница не одобряла шумных развлечений — верховой езды, пальбы из ружей и охоты — столь любимых ее предшественницей. Охота во времена Анны Иоанновны порой напоминала бойню — императрица изволила «едва не ежедневно по часу перед полуднем... смотрением в зимнем доме медвежьей и волчьей травли забавляться»; прямо перед зимним дворцом валили кабанов, а в Летнем саду свора гончих травила медведей, волков, лисиц.

Регентша предпочитала живых птиц — в ее апартаментах жили попугай, параклитка, египетский голубь, «ученый» скворец и два соловья; в комнате сына — канарейка, которая «выпевает куранты». Любила она и прогулки по столичным императорским садам с их статуями, гротами, фонтанами и оранжереями. В них пускали всех желающих, которые могли видеть матушку своего государя и правительницу империи на парковой дорожке — тогда особы императорской фамилии обходились без охраны. В тогдашних новомодных парках, как, впрочем, и сейчас, не все умели вести себя прилично: «скульптурный мастер» Иоганн Цвейгоф в январе 1741 года жаловался, что «в тех садах в летнее время ходит множество всякого чина людей и ломают своевольно у помянутых статуй персты и прочие мелкие вещи, а в зимнее время не токмо всякого подлого народа ходят множество денно и ночно, но и ездят на лошадях в санях и тем ломают и повреждают у оных статуй мелкие вещи, также похищали со статуй чехлы и мешки».

Анну огорчал беспорядок в садах, и в июне 1741 года она велела содержать их «во всякой чистоте»²⁶⁵.

Старый Летний дворец у устья Фонтанки, в котором был арестован Бирон, принцесса не жаловала — там жили ее фрейлины и придворный доктор и находились «оружейная палата» и прочие «казенные палаты» — хранилища всяких дворцовых припасов. Летом 1741 года обер-гофмаршал Левенвольде приказал приготовить здесь помещения «для трактования впредь турецкого посла». Для себя же Анна выбрала другое место — свой любимый «третий сад около речки Фонтанки»; там были разбиты парники, из которых круглый год доставлялись для дворцового обихода овощи (лук, капуста разных сортов, морковь, огурцы, редька, репа, свекла, спаржа), травы (базилик, майоран, салат, шалфей), смородина, малина, вишня, яблоки, дыни, только входивший в моду «тартуфель» (картофель) и даже фиги; оттуда же поступали и свежие цветы — тюльпаны, лилии, гиацинты, анемоны.

В июле 1741 года, накануне войны со Швецией, правительница приказала строить здесь «с крайним поспешением» новый Летний дворец — деревянный, в несколько этажей с двумя большими рундуками^[38], на каменном фундаменте, с погребами под всеми покоями и расположенными рядом каменной кухней, гауптвахтой и флигелем. Его проектировал и строил уже получивший известность архитектор Франческо Бартоломео Растрелли. По его проекту правительница должна была получить пышный дом на 92 «покоя», отделанный «карнизом с фризом и архитравом и при нем бюлюстрад (балюстраду. — *И. К.*) с педесталами (пъедесталами. — *И. К.*) мерою по длине на 470 сажень», с лестницами «с колоннами и резным балясом», «фронтосписами с фигурами и резными орнаментами», изразцовыми печами, нарядным крыльцом и крышей, покрытой белым железом. Строительство шло ударными темпами — к октябрю 1741 года было «освоено» 32 608 рублей 67 копеек²⁶⁶.

Очевидно, Анна быстро ощутила тяжесть свалившегося на ее плечи бремени. Шетарди писал, что уже в конце 1740

года она пожелала вызвать в Россию своего родителя, чем немало напугала правящую верхушку.

Просвещенная правительница, делящая свое время между близкими друзьями и председательством в работоспособном и сплоченном правительстве, — не самый худший вариант власти. Однако и в узком кругу покоя Анне не было. Задушевные разговоры оборачивались попытками искушенных иностранных дипломатов подключить Россию к разгоравшейся в Европе Войне за австрийское наследство, в то время как Швеция готовилась к реваншу за поражение в Северной войне, а шах Ирана Надир, только что покоривший Хиву и Бухару, приступил к завоеванию Дагестана вблизи границ России.

Глава пятая

АВСТРИЙСКОЕ НАСЛЕДСТВО И ШВЕДСКИЙ РЕВАНШ

*Наводит большой страх соседом
Твоя десница в первой год.*

М. В. Ломоносов

Между королем и королевой

Пока в Петербурге свергали герцога Бирона и Анна Леопольдовна принимала поздравления, Пруссия готовилась к большой войне. Молодой Фридрих II унаследовал от отца, «короля-солдата» Фридриха Вильгельма I, страну с трехмиллионным населением и 76-тысячной армией — это был европейский рекорд мобилизации в XVIII веке. Амбициозный Фридрих сразу же распорядился еще увеличить свои войска. Ему не терпелось пустить их в дело — бросить вызов гегемонии Австрии в Германии. Ресурсы находившейся под скипетром Габсбургов Священной Римской империи были несопоставимыми с прусскими, но лоскутная держава, состоявшая из 360 больших и малых германских княжеств, никогда не была единой.

Прагматическая санкция 1713 года (закон о престолонаследии, изданный не имевшим наследников по мужской линии императором Карлом VI) устанавливала нераздельность владений Габсбургов и разрешала в случае отсутствия у императора сыновей передавать престол дочерям. Этот акт был признан большинством европейских держав. Но едва Мария Терезия объявила о своих наследственных правах, как сразу же появились претенденты и на императорскую корону, и на земли Габсбургов в Италии, Германии, Нидерландах, что послужило поводом к Войне за австрийское наследство. Поскольку ее кузины Мария Йозефа и Мария Амалия (дочери старшего брата Карла VI императора Иосифа I) вышли замуж за саксонского и баварского принцев, их мужья и стали оппонентами «венгерской королевы».

Фридриха же юридические тонкости не очень волновали, но он воспользовался случаем, чтобы заявить права своего правящего дома на австрийскую Силезию. Однако намечавшееся нарушение баланса сил в Европе уже не могло произойти без участия России — официальной союзницы Австрии по договору 1726 года. Заинтересованные стороны стремились повлиять на

позицию петербургского двора — правительницы, первого министра Миниха и кабинет-министров. В Петербург срочно прибыл адъютант прусского короля и свойственник Миниха Винтерфельт с целью, как пишет Манштейн, «сделать всё возможное, чтобы отвлечь первого министра от венского двора и не щадить ничего для переговоров по этому важному делу», что подтвердил в мемуарах и сам Фридрих II²⁶⁷.

Главным плодом усилий прусской дипломатии стало заключение 16 (27) декабря 1740 года союзного договора с Россией. Было достигнуто соглашение о посылке на помощь друг другу корпуса из четырехтысячной конницы и восьми тысяч человек пехоты в случае войны с третьей страной; при этом Пруссия не обязана была выступать против Турции, Крыма и Ирана, а Россия — вести боевые действия на Рейне. Секретные статьи договора гарантировали неприкосновенность Курляндии, обязывали участников не допускать вмешательства со стороны третьих стран в польские дела и охранять права лиц православного и протестантского вероисповеданий в Речи Посполитой. В свое время Анна Иоанновна отказалась от подобного договора, не желая давать Пруссии гарантий в отношении новоприсоединенных княжеств Юлих и Берг. Ныне же Россия обязалась не заключать по этим спорным территориям соглашений, противоречащих интересам Пруссии, что в некоторой степени ставило русскую дипломатию на службу прусским интересам²⁶⁸.

Манштейн, сочинявший свои мемуары уже на службе у прусского короля, перечислял в них: «Госпожа Миних получила от короля кольцо, украшенное крупным бриллиантом, ценностью в 6000 рублей. Сын фельдмаршала получил 15 тысяч ефимков (талеров. — *И. К.*) чистыми деньгами и право на пользование доходами с майората в Бранденбурге, называемого Бюген. Король Фридрих Вильгельм подарил его князю Меншикову, затем им владел герцог Курляндский и, наконец, его получил граф Миних»²⁶⁹. Таким образом, можно, пожалуй, говорить о складывании традиции «наследственных» владений

российских временщиков за границей в качестве гарантии их внешнеполитических симпатий.

Миних-младший категорично заявлял, что его отец отказался от предложенных ему денег и «вотчины Биген», а сам он согласился их принять только с согласия Анны Леопольдовны. Однако иностранные дипломаты сомневались в бескорыстии фельдмаршала (тем более что его родной брат барон Христиан Вильгельм Миних состоял членом Коллегии иностранных дел), а австрийский резидент Гогенгольц даже грозил России разрывом дипломатических отношений. Однако подоспевший посол Вены маркиз Ботта решил действовать не кнутом, а пряником: он привез Миниху титул графа, а его сыну — орден Белого орла. Императрица Мария Терезия обещала первому министру графство Вартенберг на территории Силезии²⁷⁰.

Прусский король, в свою очередь, приказал своему послу сделать всё, чтобы «завоевать фельдмаршала», и для этого отпустил «кредит» в размере 100 тысяч экю. Самому Миниху и его «последующему потомству как по мужской, так и по женской линии» Фридрих II обещал, кроме уже названной «вотчины Биген», то же самое графство Вартенберг в уже захваченной его войсками Силезии. Уже отставленному от дел Миниху король просил передать, что лично присмотрел для него участок для постройки дома в Берлине²⁷¹.

Конечно, внешнеполитические решения определялись не только честолюбием или корыстью фельдмаршала. Переговоры о союзе начались еще при жизни императрицы Анны Иоанновны, в августе 1740 года, а Бирон в свое короткое правление дал письменные полномочия Кабинету министров на заключение этого договора, которые Анна Леопольдовна подтвердила²⁷². Договор был выгоден и России, поскольку предусматривал совместные действия по защите в Польше «диссидентов» (протестантского и православного населения) и ослаблявших эту страну шляхетских «вольностей», включая выборность короля. Заграничное баронское имение Вартенберг фельдмаршал действительно получил с формальной санкции правительницы и Кабинета — 19 января 1741 года оно было

вручено Миниху в «вечнопотомственное владение»²⁷³. Но, пожалуй, впервые за расположение министра Российской империи шел такой откровенный торг.

В итоге российская дипломатия в начале большой Войны за австрийское наследство (1740–1748) оказалась в непростой ситуации. В день подписания договора российские министры узнали, что войска Фридриха II вторглись в Силезию. Кабинет тут же отправил королю письмо с выражением удивления и просьбой остановить военные действия, которое адресат проигнорировал. Россия оказалась союзницей обеих воюющих держав, каждая из которых имела право на ее поддержку.

В рескрипте российскому посланнику в Вене Людовику Ланчинскому от 1 января 1741 года Анна Леопольдовна предписывала напомнить «любезнейшей государыне тетке» Марии Терезии и ее министрам о признании императорского титула Иоанна Антоновича, но умалчивала о выполнении Россией союзнических обязательств, хотя и упоминала, что австрийский резидент Гогенгольц на аудиенции 30 декабря обращался за помощью²⁷⁴.

Ланчинский докладывал, что австрийские министры после свидания с ним «в пасмурном молчании находятца». Сама Мария Терезия разговаривала с российским посланником, находившийся в Петербурге посол Ботта подал 15 января 1741 года «промеморию» о нападении Пруссии. Но официальный Петербург молчал — в России больше опасались не Фридриха, а внутренних «нестроений» и ближайших соседей. В январе кабинет-министры рассуждали о том, что «наше государство не в таком состоянии находится, чтоб в чужие места помощь давать, потому что оное многого внутреннего поправления требует»; к тому же необходимо было «принять в рассуждение шведов, шаха Надира, да и контайшинского (джунгарского. — *И. К.*) владельца, которые того и смотрят, чтоб Россия каким-либо образом себя обнажила и при первом случае какое нападение учинить»²⁷⁵.

Ответ Вене последовал только в рескрипте Ланчинскому от 15 февраля: для оказания поддержки российская

дипломатия предлагала Австрии сначала «соединиться» с морскими державами — Англией и Голландией. Дипломату конфиденциально сообщалось о том, что российское правительство опечалено небоеспособностью австрийских войск — «не без сожаления есть смотреть о слабом тамошнем к собственной обороне состоянии», а также о том, что без указанного «концертования» даже дружественные Австрии державы «тотчас маршировать» не станут. Документ намекал и на возможность уладить спор без войны, поскольку Фридрих II якобы готов к примирению²⁷⁶. Последнее заявление было результатом уловки короля, отличавшегося талантами демагога и пропагандиста, и его дипломатов. «[Король] весьма никаких дальновидных замыслов не имеет и... отнюдь не намерен тишину в Европе, особливо же в империи, изпровергнуть. Но, с другую сторону, имея важные претензии на некоторые земли в Силезии, не может он то так оставить, и для того б охотно он видел, ежели б другие державы королеву венгерскую к тому склонили, чтоб она его удовольствовалась», — передавал в январе 1741 года, уже после начала военных действий, граф Александр Головкин из голландской Гааги²⁷⁷.

Морские державы и сами не очень-то собирались помогать. Англия уже вела морскую войну с Испанией за право торговли в Испанской Америке, и экспедиция адмирала Вернона осаждала город и крепость Картахену в Колумбии. В Петербурге же с 1739 года тянулись переговоры о русско-английском союзе, однако англичане упорствовали в ключевом вопросе о немедленной помощи своим военным флотом. К тому же британское правительство весьма желало, чтобы русские войска учинили «диверсию» против Фридриха II, но не хотело ввязываться в войну на континенте. Так же вела себя и Голландия. Голландские министры после консультаций с Головкиным заявили: они согласны с тем, что сохранение стабильности империи есть «главнейший интерес» европейской политики, но в самой Германии многие «принцы» выступают против Марии Терезии; английский Ганновер и их собственная территория примыкают к

границам Пруссии и Франции — «и тако надобно нам на обе те стороны смотреть» и не предпринимать никаких «демаршей», пока не станут ясны намерения основных игроков — Пруссии, Франции и Австрии²⁷⁸.

Весной и летом 1741 года европейская тишина рушилась на глазах. Русский посол в Париже князь Антиох Кантемир доложил: первый министр кардинал де Флери заявил, что его страна не намерена соблюдать Прагматическую санкцию. В итоге Миних прямо заявил маркизу Ботте, что Россия «одна не в состоянии королеву венгерскую сутенировать»²⁷⁹. Одновременно русским посланникам в Дрездене и Вене пришлось оправдываться за заключение союза с Пруссией, а послу в Берлине было предписано заявить о недопустимости агрессивных действий в Силезии²⁸⁰.

Но оказывать помощь старому союзнику Россия не спешила — вместо этого ее дипломаты стремились содействовать заключению австро-польско-саксонского союза. При российском посредничестве шли тайные переговоры, однако «соединение» дрезденского и венского дворов шло туго; саксонский курфюрст, он же король Речи Посполитой, Август III набивал цену и требовал от Вены 40 миллионов талеров субсидий на 12 лет под гарантии России и Англии. У России с Августом III были свои проблемы: надо было решить «курляндское дело» — вопрос о преемнике Бирона, поскольку герцог Курляндии официально являлся вассалом польской короны; кроме того, он соглашался на участие Речи Посполитой и Саксонии в войне против Фридриха только при условии, чтобы русские войска «наперед через Пруссию в Померанию действительно вступили», что означало неизбежный конфликт России с Пруссией.

По поводу договора с Пруссией оппонентом Миниха выступил новый кабинет-министр граф М. Г. Головкин. В декабре 1740 года он полагал, что заключение договора хорошо бы «умедлить», а текст его сообщить австрийскому резиденту. Позднее в письмах Остерману граф выражал мнение о необходимости замены посла в Берлине Бракеля,

который в своих донесениях «прусской двор оправдать всячески тщится»; предлагал подтолкнуть к войне с Пруссией саксонского курфюрста и с помощью денег «угговорить» поляков, а затем вступить самим, чтобы в итоге Пруссию «на воеводства разделить». В его документах после ареста были обнаружены проекты «тайной конвенции» с Марией Терезией²⁸¹. Миних-старший указал в мемуарах, что правительница согласилась на участие в австро-саксонско-российском союзе против Пруссии, но он так и не был заключен²⁸².

Скорее всего, подобные размашистые планы едва ли могли вызвать сочувствие со стороны осторожного Остермана — и остались нереализованными. Отставка Миниха в марте не облегчила положения, поскольку австрийцы по-прежнему терпели поражения: 10 апреля 1741 года армия фельдмаршала Нейперга, удачно начав сражение, была разбита пруссаками под Мольвицем. Российские и австрийские дипломаты в конце концов проглядели образование антиавстрийской коалиции с участием Саксонии, Баварии и Франции.

Для Австрии настала черная полоса. В мае 1741 года в Нимфенбурге Франция вступила в союз с Испанией и Баварией; к нему присоединились Неаполь, Пьемонт и Модена — все они предъявили территориальные претензии к Австрии, а баварский курфюрст Карл Альбрехт провозгласил себя новым императором Священной Римской империи. К этому союзу примкнул так и не договорившийся с Веной Август III, претендовавший на Моравию. Фридрих II, со своей стороны, в июне заключил в Бреславле союзный договор с Францией. Летом 1741 года Карл Альбрехт двинул свои войска в Австрию; жители Линца присягнули ему как эрцгерцогу. Далее он направился в Чехию, куда уже вступили саксонские войска. Прага была взята, и 19 декабря курфюрст приказал приносить ему присягу как императору Священной Римской империи.

Марию Терезию поддерживали тогда лишь венгерские дворяне. Петербург же по-прежнему уклонялся от конкретных обязательств. Рескрипт от 19 мая разъяснял

Ланчинскому: если послать на помощь Вене войска сейчас, то «вся тяжесть на нас налагается», в то время как в Петербурге «ежедневно швецко-го наступления ожидать принуждены», а потому Россия начнет действовать только после выступления других союзников Австрии²⁸³. Согласно реляциям Ланчинского, австрийские министры просили о помощи и в июле, и в августе 1741 года. «Венгерская королева» на аудиенции 4 сентября вновь обратилась к посланнику за поддержкой — в это время к столице Австрии приближались баварцы.

Новости с другого театра военных действий также удручали: прусские войска занимали австрийские крепости в Силезии «без всякого знака супротивления», ее столица Бреслау (по-русски Бреславль) сдалась без единого выстрела; командующий австрийскими силами фельдмаршал-лейтенант Броун отступил в Моравию. Австрийцы вели себя странно: прибывший из Берлина в лагерь Фридриха II русский посол барон Бракегель докладывал, что наблюдал «притворную оборону» и сдачу 20 октября другой сильной крепости — Нейсе; прусские офицеры говорили ему, что у короля есть секретное соглашение с австрийцами. Престарелого посла поразила «страшительная» форма венгерских гусар с изображенными на ней черепом и костями, «якобы они в царствии мертвых на квартирах были»; но ее психологический эффект снижался тем, что гусары не просто дезертировали из рядов австрийской армии, но переходили к противнику²⁸⁴.

Войска Карла Альбрехта подступили к самой Вене, и непризнанная императрица со всем двором была вынуждена удалиться в Пресбург (Братиславу). В этих условиях Марии Терезии действительно ничего не оставалось, как вступить в сепаратные переговоры с самым опасным противником — прусским королем. По секретному Клейн-Штеллендорфскому соглашению Фридрих II взамен на остановку военных действий получал Нижнюю Силезию. Однако австрийская сторона дала об этом знать другим участникам Нимфенбургского союза, чтобы поссорить их с Фридрихом. В ответ король в ноябре 1741 года принял

торжественную присягу от жителей Силезии — новых подданных своего королевства.

Анна Леопольдовна так и не смогла обещать «государыне тетке» ничего утешительного — летом того же года Швеция начала военные действия против России. До самого конца регентства Остерман допускал российскую поддержку Австрии только при вступлении в боевые действия ганноверской армии английского короля вместе с датскими, гессенскими и саксонскими войсками²⁸⁵. Известные нам документы не содержат следов реального личного участия правительницы в решении этой проблемы, хотя короткое правление регентши, как назло, оказалось в международном плане довольно тревожным.

Драчливые паны

Самой спокойной из российских границ была польская. Речь Посполитая под властью саксонских курфюрстов клонилась к закату и представляла собой лишь тень некогда великой державы. Она еще простиралась от Балтики до Карпат и от Днепра до междуречья Вислы и Одера и имела население около двенадцати миллионов человек. Но ослабевшая шляхетская республика уже не играла сколько-нибудь заметной роли в международной политике и стала «заезжей корчмой» (базой снабжения) и театром военных действий для новых великих держав — сначала в Северной войне (1700–1721) между Россией и Швецией, а вскоре в Войне за польское наследство (1733–1734) между Россией и Францией. Такому положению дел способствовали и сами польские магнатские группировки, на выборах короля ориентировавшиеся на того или иного заграничного претендента.

Неудивительно, что появилась идея ликвидации этого несовершенного государства. Инициатором одного из первых проектов разделов Польши стал в 1721 году ее собственный король Август II. Желая превратить свою номинальную власть в наследственную и самодержавную, он подал прусскому королю идею присоединить собственно польские земли к Саксонии. В качестве компенсации Пруссия должна была получить так называемую Польскую Пруссию и Вармию — область в нижнем течении Вислы от города Торуня (Торна) до балтийского побережья; к России отошли бы Литва и «Белая Русь». Петр I настоятельно советовал прусскому королю Фридриху Вильгельму I не поддерживать эти планы, «ибо они противны Богу, совести и верности и надобно опасаться от них дурных последствий». Сам же русский государь в 1717 году с согласия сейма добился признания за Россией статуса гаранта политического устройства Речи Посполитой, то есть легального права вмешиваться во внутренние дела соседнего государства. Так раздираемая внутренними

конфликтами держава всё более подпадала под зависимость от соседей.

Амбициозные магнаты и шляхтичи уже не мечтали о далеких походах и войнах против турок, татар и восточных «схизматиков», но всё же доставляли последним немало неприятностей на пограничье. Слабость государственных структур давала широкий простор своеволию шляхты, совершавшей лихие «наезды» на усадьбы соседей, в том числе и в российских владениях, с вполне прагматичной целью вывоза чужих крестьян в собственные имения.

В 1741 году Смоленская губернская канцелярия писала в Коллегию иностранных дел о «наглых поляков наездах и грабежах и разорении пограничным российским деревням», свидетельства о которых содержались в четырех десятках челобитных смоленских, псковских и новгородских помещиков. К примеру, 17 марта пришедшая с польской стороны сотня человек под командованием старосты Чернавского явилась в деревню майора Петра Арента и увела с собой его крепостных. За похитителями погналась команда Тверского драгунского полка, но похитители от нее успешно «отбились». 11 мая люди князя Чарторыйского «наехали» на деревню Тарусино, вотчину капитана Андрея Мицкого, и беспрепятственно вывезли 14 душ. 11 июля отряд шляхтича Людвика Чудовского в 700 человек разгромил вотчины капитана Петра Куроша — деревни Вшивку и Дубравку. Нападавшие забрали не только мужиков, но и всю скотину и барские «пожитки»; посланные в погоню смоленские дворяне их «гнали», то есть сопровождали до границы, но ничего сделать многочисленному отряду «не смели»²⁸⁶.

Ветеран Северной войны (состоял на службе с 1706 года) отставник Петр Ильич Арендт, у которого польские разбойники вывезли крестьян и вещи, тщетно жаловался, объясняя, что честно служил «на многих баталиях и акциях и на приступах» и побывал «в полону в Хиве и в Бухарах шесть лет скован в кандалах и претерпевал несносной голод и тиранское мучение». Ему оставалось лишь просить об освобождении его пустого имения от подушной подати и

принятии его самого, чтобы дать возможность прокормиться, на службу «к штатским делам»²⁸⁷.

Польские «партии» постоянно уводили крестьян — и далеко не всегда против их воли; иные российские крепостные мужики сами были готовы покинуть своего барина и отечество. В Польше крепостнические порядки были те же, но отсутствие воинских «команд», полиции, сыщиков делало жизнь беглецов несколько более вольготной, да и сама надежда на лучшую долю была сильным стимулом для беглецов. Кто-то ее находил — под властью влиятельного пана, способного защитить своих «подданных» и недоступного для королевского правосудия. К тому же вольные шляхтичи широко использовали «подзывы и подговоры» крестьян, даже «закликали на ярмарках» желающих перейти границу и обещали всевозможные льготы.

Российские дипломаты жаловались на пограничные безобразия в Сенат; сенаторы обращались к военным, но Военная коллегия оправдывалась тем, что «на полской границе фарпосты веема редко розставлены и малолюдны находятся». В 1737 году на сотнях верст русско-польской границы находились всего 1514 драгунов и смоленских дворян. Военные просили у Анны Иоанновны еще как минимум две с половиной тысячи человек, но во время войны с турками лишних солдат у империи не нашлось. К тому же беглецы легко обходили пограничные посты «проселками и лесами», а то и просто шли напролом, «многолюдством собрався», — что могли сделать несколько драгунов? Подзывавшие крестьян шляхтичи со своими вооруженными рогатинами и пищалями слугами просто блокировали форпосты телегами и не давали служивым ловить беглецов. В результате крестьяне уходили «за литовской рубеж не токмо по одной или по две души, но дворов по 20, по 50 и болше, оставя целые усадища и деревни без остатку пусты, проходя между фарпостов ночным и дневным временем без всякого страху»²⁸⁸.

Проблема состояла и в том, что сама граница между двумя державами не была точно определена, а польская

сторона не спешила это делать. Начальник «комиссии для разобранья ссор» с российской стороны полковник Ф. Кошелев в декабре

1740 года докладывал, что его польские коллеги, комиссары Михал Яцковский и Лаврентий Потоцкий, вначале отбыли на сейм до февраля, затем стали просить об отсрочке «до доброй травы», да так и не явились. Кошелев рапортовал, что по его комиссии «производства дел не было два года»²⁸⁹.

Только с началом Войны за австрийское наследство, когда саксонский курфюрст и польский король Август III поддержал противников Австрии — союзницы России, Военная коллегия озаботилась более плотным прикрытием западной границы. По докладу фельдмаршала П. П. Ласси, военные 19 ноября

1741 года решили передвинуть на рубеж «для предосторожности от полской стороны» три драгунских и три пехотных полка, а также разместить там две тысячи украинских казаков и украинский же компанейский полк²⁹⁰. Утвердить это решение правительница уже не успела.

Дела турецкие

Большая Русско-турецкая война завершилась в 1739 году; при Анне Иоанновне отгремели торжества по случаю не слишком почетного мира. Однако подлинное спокойствие на южных рубежах не наступило. Ни размежевание новой пограничной линии, ни обмен пленными, ни «разрытие» укреплений Азова не были завершены. Для решения этих проблем стороны обменялись в 1741 году представительными посольствами.

Первым отправился в путь российский чрезвычайный и полномочный посол — старый граф генерал-аншеф Александр Иванович Румянцев, сподвижник Петра I и отец будущего знаменитого полководца. В январе 1741 года посольский обоз «с великим трудом» перевалил Балканы; там путешественников застала весть о перевороте, приведшем к устранению Бирона. Посол и его свита присягали новой регентше прямо в горах. 17 января Румянцев «с надлежащей честью» въехал в Адрианополь и с удовлетворением отметил, что турки стали «отменнее к лутчему с нами поступать». Самому послу доставляли в избытке шербет, «розовую воду», которой он ежедневно мыл руки, и «парфумы»; народ на улицах встречал посольство «в великом молчании» (раньше, бывало, русских «вслух бранивали»)²⁹¹.

Впрочем, без споров всё же не обошлось. Румянцеву пришлось удовлетворить турецкое требование уменьшить обоз, но и после сокращения посольский «поезд» выглядел внушительно — включал 328 телег с 950 волами и 265 лошадьми. В свите посла состояли блестящие гвардейцы (в их числе были братья Дмитрий и Александр Голицыны — будущие дипломат и фельдмаршал; Михаил Волконский — будущий сподвижник Екатерины II и московский главнокомандующий), а также три десятка армейских офицеров. Под началом «маршала посольства» Воина Римского-Корсакова находились музыканты (барабанщики, флейтисты, трубачи, гобоисты), мастера, сокольники,

кречетники и ястребники, лакеи, повара, студенты, столичный купец Яков Федоров, цирюльник Лукьян Афанасьев и юный кадет Алексей Обресков — через четверть века он станет российским послом в Стамбуле.

Четвертого февраля посольство отправилось в путь и через две недели достигло пригорода турецкой столицы — Сан-Стефано. Здесь его застигла обычная турецкая неприятность — «моровое поветрие»; между делом Румянцев сообщал в Петербург, что от чумы скончались майор Нагаткин и прапорщик Похвиснев, а оставшиеся в живых проветривали и «прокуривали» свои вещи. Главная же причина задержки состояла в том, что началось длительное обсуждение «письменной конвенции» о церемониале приема с разнообразными «турецкими коварствами» — например, турки требовали «число подушек софы (на ней предстояло сидеть послу. — *И. К.*) несколькими уменьшить» по сравнению с тем количеством, которое использовалось при встрече австрийского посла графа Ульфельда. Оскорбленная российская сторона заявила, что в таком случае и с турецким послом «у нас так поступлено будет». Члены посольства в отместку не отказали себе в удовольствии продемонстрировать дружбу с персидскими послами. Представители воинственного шаха Надира, одержавшего несколько побед над турецкой армией, вели себя непринужденно — публично поминали султана и его подданных «мерскими лаяньми», «явно и нагло рубили» турок прямо на улицах, — зато русских называли «братьями и друзьями». Вынужденное безделье не доводило до добра: 6 марта «умер от мороза, будучи пьян, сокольник Дмитрий Невежин», — видать, не дошел до дома после дружеского общения.

Наконец почти через месяц утомительных споров вопрос о приеме был согласован, и 17 марта посольство торжественно вступило в Стамбул сквозь строй янычар. Оно разместилось в европейской части города — в пригороде Пера, где обычно жили иностранцы-христиане (ныне это одно из самых популярных туристических мест Стамбула с

пешеходной улицей Истикляль, ретро-трамваем, бесчисленными магазинами, гостиницами и ресторанами).

Представление великому визирю Хаджи Ахмед-паше стоило послу роскошной собольей шубы и 120 кафтанов, розданных турецким придворным. При подготовке аудиенции у султана требовалось составить точную опись подарков — в их число вошли особо ценные меха чернубурой лисы и соболя (соответственно на шесть и семь тысяч рублей), три собольих сорока^[39] и пятнадцать «пар»; «богатые штофы», черный и зеленый чай, два пуда ревеня, «порцелиновые (фарфоровые. — *И. К.*) сосуды» из Японии и, пожалуй, самый дорогой для восточных владык презент — пять ловчих птиц, перенесших тяжелый путь. Румянцева под руки, с подобающими почестями, проводили к трону повелителя правоверных Махмуда I (1730–1754). Российский посол гордился тем, что грамоту от имени Иоанна Антоновича и Анны Леопольдовны взял сам янычар-ага, и считал, что своей твердостью в спорах о церемониале он «всех министров побудил впредь крепко стоять и требовать».

После торжественных церемоний началась обычная переговорная рутина. Турки как будто были готовы признать императорский титул, но жаловались, что не могут в срок представить российских пленных, тем более что некоторые из них уже «обрезались» — приняли ислам. Российские представители в ответ заявляли: «Мы можем и еще легче того: загнав всех пленных в реку, окрестить можно». Камнем преткновения стала судьба возвращаемого России Азова: Стамбул требовал немедленного «разорения» его укреплений, а Петербург соглашался сделать это не ранее, чем военные на Дону «место назначат» для новой крепости. Бесконечные споры вызвала и «конвенция» о линии новой границы. Российские дипломаты стремились увеличить нейтральную «барьеру» между своими и турецкими владениями и провести границу «от вершин той Большой Берды до устья миусского» даже за счет предоставления турецкой стороне «эквивалента» в другом месте²⁹². Но турки капризничали, их «комиссары» на

границе были недовольны и требовали прислать для разграничения хорошо известного им Ивана Ивановича Неплюева, долго бывшего посланником в Стамбуле.

Дело доходило до отказа признать титул императора, «пресечения негоциации» и задержки выдачи русских пленных. Визирь даже грозил пожаловаться на послов самому Остерману. Против «турецких коварств» Румянцев и его коллеги — статский советник Кангиони и сын Неплюева Андреян — боролись привычными методами: улещали турецких официальных лиц и добывали информацию у «секретных приятелей» — бывшего переводчика Оттоманской Порты, некоего бывавшего в России миралема (хранителя знаков власти и султанского знамени) и капиджи-баши (офицера придворной стражи) Якуб-аги, на что уходили немалые суммы.

Конфликты сменялись милостями. В один из таких моментов визирь вывез российское посольство на галере на увеселительный прием в парке «близ загородного султанского дворца» Саадабад («Обитель счастья»), копировавшего версальскую резиденцию французских королей. Посол и его свита расположились на софах и табуретах в «богатых великих шатрах». Их угощали восточными сладостями и кофе и «потчивали консервами»^); их развлекали «некоторая комедия с танцами», «плясуны», «силачи» и «шуты», которые удивили гостей, «пожирая целые вещи и стекла»; за ними последовали воинские упражнения — «бег на лошадях» и стрельба в цель по глиняным кувшинам с водой. Завершила сказочный майский вечер на Босфоре «травля медведя собаками»²⁹³.

Великий визирь сообщил, что за признание титула Иоанна Антоновича русским придется уступить в дипломатическом торге. Но Румянцев знал, что турки больше всего опасаются грозящей «войны с персианцами» (она действительно началась в 1743 году, и шах Надир разбил турок под Ереваном), и держался уверенно: отказывался разорять Азов и требовал выдать всех пленных,

настаивая на том, что обе статьи договора должны быть исполнены одновременно.

— Пусть разорят Азов, пленные сейчас же будут выданы, — говорил визирь.

— Между словом и делом большая разница, — возражал Румянцев, — не только в провинциях, но и здесь, в Константинополе, ни одного пленника от турка не взято.

Посол уверял начальство, что не видит со стороны турок никакой опасности: те только обещают шведам субсидии, но не дают их. Но в Петербурге думали иначе, и Румянцев получил указ завершить переговоры как можно скорее, не оговаривая сроков исполнения обязательств, в том числе времени на подыскание места для постройки новых российских крепостей. Румянцев отвечал, что указ исполнит, но прибавил: «Порте столько же, если еще не больше, нужно скорое окончание дел с Россией; хотя визирь по ненависти своей и желал бы всякие каверзы произвести но султан внутри сераля и народ не хотят слышать ни о каких столкновениях с Россией, а французы с шведами, несмотря на все свои усилия, ничего не сделают».

Двадцать шестого августа 1741 года граф подписал в турецкой столице конвенцию: турки признавали императорский титул российского государя; обе стороны взаимно обязались «как наискорее» вернуть пленных (за исключением поменявших веру); русская сторона обещала немедленно уничтожить укрепления Азова²⁹⁴. Обещание было исполнено: генерал-лейтенант Василий Репнин в присутствии турецких комиссаров взорвал стены крепости.

Пышное представительство, официальные и неофициальные подарки дорого обошлись российской казне. Румянцеву приходилось занимать деньги; всего в 1741 году он прислал А. Г. Головкину в Амстердам, центр международных финансовых расчетов, 11 векселей на сумму 140 250 гульденов²⁹⁵. Не менее дорого стоил и ответный прием — турецкое посольство Эмин Мегмет-паши до Новгорода двигалось по суше, а в новую столицу прибыло на яхтах по Неве и расположилось у стен оплота православия — Александро-Невского монастыря.

Двадцать девятого июня в Петербург по «большой перспективе» — Невскому проспекту — «чрезвычайный великий посол» торжественно въехал в столицу. Ее жители глазели на богатый «поезд» на лошадях из дворцовой конюшни. Вслед за ротой конной гвардии с обнаженными палашами двигались под «знаменем с бунчуком» сам паша, его советники и многочисленные чины свиты: «диван-чауши», «селихтары», «чегодары», «мухурдары», «кафтанджи», «джепханеджи», «кафенджи» и их начальники — «чауш-баши», «капичилляр булюк-баши», «кегая», «тютюнчи-баши», «чорбаджи» янычар. Вслед за оркестром под охраной янычар ехали 15 больших телег-«палуб» с подарками российскому императору; затем шел отряд из пятидесяти «арапов», а замыкала процессию еще одна рота конногвардейцев²⁹⁶. Процессия проследовала через город и под грохот салюта из крепости перешла по мосту через Неву на Васильевский остров к назначенным квартирам.

На следующий день посол сначала явился на прием (с кофе, конфетами и лимонадом) к принцу Антону Ульриху, затем к Остерману Торжественная аудиенция у младенца-императора и его матери состоялась 1 июля и прошла с должной «магнифи-циенцией». Ведомый Андреем Ивановичем Ушаковым, Эмин Мегмет-паша вошел в приемный зал, держа грамоту султана на голове, а его свита таким же образом внесла подарки. Анна Леопольдовна «изволила стоять под балдахинном на своем троне»; она милостиво выслушала речь посла о сохранении «вечного мира» с Россией и сама приняла у него грамоту султана.

После ответного слова канцлера турки передали «презенты салтанские», которые были выставлены на столе в «аудиенц-каморе». Правительница стала рассматривать подарки. Среди них были атрибут султанского одеяния — челенг, высший знак отличия в Османской империи: «перо золотом и финифтью, алмазами и жемчугом украшенное»; четыре «золотом шитых» ковра и один шелковый; лучшие в мире парчи; 15 «кусков» амбры; розовое и сандаловое

масло, «балзам демек», «аргача яги» (аргановое масло?) в серебряных сосудах; и драгоценные уборы для коней, также подаренных султаном. Сами же семь породистых «аргамаков» и роскошная шелковая палатка находились во дворе, и правительница милостиво изволила осмотреть их из окна²⁹⁷.

Во время переговоров посол был любезен и явно стремился к утверждению мира — несмотря на все усилия Шетарди спровоцировать осложнения в русско-турецких отношениях. Пребывание посольства в российской столице требовало ежедневной поставки провианта: 265 турецких ок^[40] баранины, 250 ок риса, 485 ок хлеба, 60 ок масла, 20 ок соли, трех ок сахара, восьми ок кофе, шестидесяти кур, десяти гусей, трехсот яиц, 150 возов дров, 195 возов сена и 240 рублей деньгами. Турки гуляли по улицам и осматривали город «водою в шляпке», посещали достопримечательности вроде Кунсткамеры, заводили знакомства с российскими служивыми «на кабаках» с последующими драками или «чинением блуда» с «мужиками» и «ребятами»²⁹⁸. Но мир на русско-турецкой границе стоил дорогих увеселений, тем более что на других рубежах империи было тревожно.

Персидские «беспокойства»

Армия персидского шаха Надира, бывшего союзником России, однако отказавшего ей в помощи во время Русско-турецкой войны, в 1739 году обрушилась на Афганистан, а затем ворвалась в Индию. Надир разгромил Великого Могола Мухаммад-шаха и разграбил имперскую столицу Дели. «Победоносное войско, сразу в числе ста тысяч человек, с оружием в руках атаковало кварталы, улицы, базары и дома жителей той местности и занялось убийством. Детей и взрослых, юных и старых, кого бы ни находили, не стеснялись убивать и лишать жизни; луноликих девушек и целомудренных женщин пленили рукою предопределения и пустили дым бесчестья из имущества каждого богатого человека», — описал эти события придворный историк шаха²⁹⁹.

Затем настал черед Средней Азии. Иранские войска подчинили Хиву и Бухару. Приход завоевателя принес свободу томящимся в рабстве русским пленникам. В их числе был 49-летний яицкий казак Никифор Резвой, в 1717 году взятый в плен во время разгрома хивинцами экспедиционного отряда князя Александра Бековича-Черкасского, бежавший из Бухары, но пойманный на берегу Каспия «трухменцами» (туркменами) и вновь проданный в рабство. Капрал Василий Кречетов, в 1730 году везший военную почту в русские владения в Иране, угодил в плен к «трухменцам», когда его корабль штормом отнесло к восточному берегу Каспия, а сам он отправился пешком исполнять свою обязанность. Целая команда молодых рекрутов после кораблекрушения на Волге попала в плен к российским подданным — калмыкам, а у тех была «отгромлена» «киргис-кайсаками» (казахами) и уведена в бескрайние степи. Другие бедолаги — солдаты и матросы, казаки, посадские и торговые люди — были захвачены на рыбных промыслах, в разгромленных в степи «киргиз-кайсаками» и «воровскими казаками» караванах или занесены штормами на «трухменский» берег. Консул в

Иране Семен Арапов докладывал в апреле 1741 года из Решта, что всего к нему по приказу Надира доставили 107 бывших рабов; каждому из них шах выдал пять рублей, два кафтана, две пары сапог, две рубахи, две шапки и еду на дорогу³⁰⁰. Для этих страдальцев воцарение Иоанна Антоновича и правление его матери оказалось по-настоящему счастливым.

Российский резидент в Иране Иван Калушкин в апреле 1741 года сообщил, что шах долго расспрашивал его о «кизлярской степи», о «положении российских мест» и о крепости в Астрахани, а затем во главе семидесятитысячного войска двинулся на север. Владыка Ирана безжалостно наводил порядок в собственных владениях. «Ни одного города, ни волости не проходит, где бы командиров не казнил», — передавал из ставки Надира резидент.

В мае он вручил шаху грамоту о вступлении Анны Леопольдовны в «правление» государством. Сразу после этого на шаха было совершено покушение: пуля повредила ему руку и убила лошадь. Стрелка же так и не нашли, хотя за его голову было обещано огромное вознаграждение. Надир нервничал («...всегда себя содержит в сердитом состоянии», — писал Калушкин): то «смертельно пил», то публично грозился дойти до Астрахани и Царицына — и тут же «дипломатично» высказывался, что «ис такого завоевания пользы не будет, понеже во всей России более казны расходится, нежели собирается». Повелитель Персии даже замыслил объединить всех своих подданных новой религией, для чего намеревался рассмотреть учения восточных и западных христиан, ислам и иудаизм и, «изо всех оных выбрав, зделать новую веру»; советники еле отговорили шаха от проведения подобной реформы до конца похода³⁰¹.

Грозный завоеватель двигался к российским границам. Его заявления заставили Кабинет министров и Военную коллегию весной и летом 1741 года готовить к обороне Астрахань и Кизлярскую крепость; к октябрю на южных границах «в персидской экспедиции» находился корпус из

семи драгунских, девяти пехотных и пятнадцати гарнизонных полков — вместе с терскими и гребенскими казаками 10 220 человек. Но принять под покровительство просивших об этом горских владетелей Дагестана Петербург так и не решился³⁰².

Тревожные новости приходили из казахских степей. Хан Среднего казахского жуза Абулмамбет враждовал с калмыками, и Военная коллегия сочла необходимым предупредить калмыцкого хана Дондук-Омбо о появлении казахских отрядов на «горной стороне» Волги. Но в феврале 1741 года тридцатитысячная джунгарская армия под командованием старшего сына хунтайджи Галдан-Церена Ламы-Доржи вторглась в Казахстан и с боями дошла до Тобола и Ишима. Абулмамбет потерпел поражение и вынужден был скрываться на Яике, а его полководец султан Абылай был захвачен в плен. Войско джунгар возвратилось с огромным полоном, и владетели Среднего жуза согласились на мир и вынуждены были дать джунгарскому хунтайджи аманатов (заложников).

Натиск Надира и джунгар заставил хана недавно принявшего российское подданство Младшего казахского жуза Абуль-хайира направить своих послов Кутыр-батыра и Байбека в Петербург. Хан желал получить помощь войсками и постройкой в его владениях укрепленного города и в противном случае угрожал, что «отдастся в подданство зюнгорским калмыкам» или туркам. Для укрепления русско-казахских связей в соответствии с инструкцией Оренбургской комиссии поручик Дмитрий Гладышев вместе с предприимчивым английским купцом Романом Гоком в октябре 1741 года направился из Озерной крепости в степь. В Петербург же тем временем прибыло джунгарское посольство Ламы-Даши и Науруз Казы, в задачу которого входило просить у России «на киргис-кайсацкие орды в причиняемых ими, зюнгорцам, обидах сатисфакции», а также изменения границы в пользу Джунгарии. Послы жаловались, что «с российской стороны, переступи оные границы, построены города Томск, Кузнецк, Красноярск, и

крепости по Иртышу, и заводы медные Демидова в Кузнецком уезде, и чтоб оные снести».

В Петербурге ожидали медленно двигавшееся на север иранское посольство — оно должно было прояснить намерения воинственного шаха. Под конвоем двухсот драгунов «великий посол» Мухаммед Хусейн-хан возглавлял огромный дипломатический караван из 2128 человек и четырнадцати слонов. Почти две с половиной тысячи лошадей съедали ежедневно 100 четвертей овса и тысячу пудов сена — фураж надо было заготовить по дороге, а также соорудить мосты через реки, обустроить места ночевки в поле, не потравить при этом полей или позаботиться о размещении массы людей в городах «без обиды обывателям». Начальник конвоя, премьер-майор гвардейского Семеновского полка Степан Апраксин (будущий фельдмаршал и неудачливый главнокомандующий русской армией в Семилетней войне) в заботах о провианте и квартирах для своих подопечных выбивался из сил, но свое дело знал. Он завязал неформальные отношения с «доброжелательными» лицами из свиты посла, информировавшими пристава о полученных из Исфахана грамотах, о действиях шахских войск в Дагестане и о настроениях самого Мухаммед Хусейн-хана.

Второго июля 1741 года посол вступил в Москву «с надлежащей церемониею»: для встречи были выстроены полки гарнизона, раздавалась пушечная пальба батарей у Кремля и церкви Григория Неокесарийского на Полянке. Посольский кортеж пересек Москву-реку по только что построенному мосту. Апраксину вместе с московскими властями пришлось немало потрудиться, чтобы разместить прибывших гостей по квартирам на Тверской, Дмитровке, Петровке и других центральных улицах, обеспечить их привычной пищей (рисом), добыть фураж для лошадей. Из Петербурга требовали «медлить», чтобы избежать одновременного содержания двух огромных посольств держав-соперниц. Апраксин сделал всё, что мог; он полтора месяца развлекал Мухаммед Хусейн-хана в Москве, но в

конце концов должен был уступить его требованиям и отправиться в путь.

В отличие от турецкого коллеги представитель шаха отказался ехать в Петербург «водой», чем только добавил головной боли администрации: дорога на Петербург («першпекгива») была в постоянной «починке», мосты — «в худости», на пути лежали «великие болота и грязи» Новгородчины. Последняя попытка задержать посла «до зимнего пути» в Новгороде не удалась. Процессия приближалась, хотя и «в самой тихости». В Петербурге стали срочно готовиться к приему гостя, повелитель которого стоял с многочисленным войском у южных российских границ. У европейских негодциантов закупили десять тысяч пудов риса и прочего провианта, начались строительство «амбаров» для слонов и поиск пригодных дворов для размещения членов посольства. Под дипломатический «постой» шли временно пустовавшие дома «генералитета» — И. П. Шафирова, А. Г. Головкина, И. А. Шилова; архитектор Джузеппе (Осип) Трезини срочно приводил в порядок «дома на Санкт-Питербурхском острове»; пошли в ход и казенные здания — из одного из них просто выселили канцелярию Святейшего синода.

Основную массу приготовлений успели завершить вовремя, хотя часть свиты посла (250 человек и 720 лошадей) пришлось оставить в Торжке. 29 сентября 1741 года Мухаммед Хусейн-хан столь же торжественно, как до него Эмин Мегмет-паша, въехал в российскую столицу. 2 октября последовала высочайшая аудиенция. Анна Леопольдовна, стоя под балдахином, выслушала речь посла и приняла шахскую грамоту с поздравлением по случаю вступления в регентство. Но по части пышности иранцы превзошли соперников-турок. Вместе с послом во дворец явилось целое стадо слонов: девять из них предназначались императору, одна покрытая серебряной парчой слониха — правительнице, другая — цесаревне Елизавете и еще один слон — принцу Антону Ульриху.

Вместе со слонами Надир прислал «презенты индейские» — «предрагие вещи» из разграбленной им

сокровищницы Великих Моголов. В их числе находились золотые «наручники» (два ножных браслета) с эмалью и драгоценными камнями, две «бутылки серебряные», «столик, золотом окованной», «цветок из рыбьей кости зделанной, украшен алмазами» — всего 22 предмета, 15 перстней — лаловых, яхонтовых^[41], изумрудных. Среди даров шаха имелись две «джики»-эгрета высотой 15,5 и 17,1 сантиметра (в реестре даров они названы перьями) из золота и нефрита с драгоценными камнями, ранее служившие украшениями головных уборов правителей Индии, а также золотое кольцо с рубинами, изумрудами и большим алмазом, принадлежавшее одному из самых могущественных из них, Шах-Джахану (1627-1658), которого до сих пор помнят за то, что он воздвиг на могиле любимой жены знаменитый мавзолей Тадж-Махал. Не все подарки шаха дошли до нашего времени, но хранящиеся поныне в Эрмитаже 16 предметов и перстень составляют одну из лучших в мире коллекций ювелирного искусства эпохи Великих Моголов, чьи богатство и роскошь поражали воображение. Так, золотой столик-подставка был отделан эмалью и украшен алмазами, рубинами, изумрудами и жемчугом (на поверхности столешницы и ножек сохранились 2783 драгоценных камня и 280 жемчужин)³⁰³.

К облегчению российского двора, воинственный шах никаких претензий к России не имел и просил лишь о «продолжении дружбы»³⁰⁴. На аудиенциях у Остермана 9 и 13 октября Мухаммед Хусейн-хан сообщил об успешном походе в Индию и беседовал «о некоторых делах, заключающих пользу обеих высочайших держав», однако содержание этих бесед в документах не раскрывается.

После триумфа в Индии и Средней Азии Надир вознамерился сделать то, на что не претендовали ни турецкий султан, ни прежние шахи, ни российские генералы: покорить горцев Дагестана. В июле 1741 года персидское войско шаха двинулось в горы, но встречало на своем пути лишь брошенные жителями селения. С изъявлением покорности к шаху выехали дагестанские владетели — тарковский шамхал Хасбулат, Сурхай-хан

Казикумухский и кайтагский уцмий Ахмед-хан. Но Надир желал не обычного номинального подданства, а полного подчинения и даже вознамерился переселить дагестанцев в Иран. Все решившиеся на малейшее сопротивление подлежали уничтожению, а их селения разорялись. Воины Надира разгромили знаменитый своими мастерами аул Кубачи, но в аварских горах попали в ловушку. Шах сумел вырваться, а его отступавшая армия в течение нескольких сентябрьских дней подверглась настоящему разгрому, потеряла тысячи воинов и отбитую горцами казну. Победители отправили Надиру послание, в котором вопрошали завоевателя: «Скажи для Бога, где твой ум? Для чего ты к нам в горы пришел и столько богатства в них оставил?»³⁰⁵

Иван Калушкин со страхом вспоминал ущелья, что «между ужасными крутыми горами находятца, где только по одному человеку надобно ехать каменистою рекою, в которую при дождях с верху гор великие камни падают». Лишь в начале октября Надир с остатками войска добрался до Дербента. Российский резидент был свидетелем того, как шах плакал от злости, «в шатре не умолкая, кричал», что «счастье от него начинает отступать», и даже «хулительные Богу нарекания произнес». Он в ярости обещал «в пепел обратить» весь Дагестан, но выполнять его угрозы было некому — потери убитыми, ранеными и пленными составили, по сведениям Калушкина, почти 30 тысяч человек. Горцам досталась значительная часть обоза, включая пушки и 33 тысячи голов лошадей, верблюдов и прочего скота. В ноябре от грозной армии остались всего 22 тысячи человек, умиравших от голода и болезней³⁰⁶. Лагерь шаха под Дербентом фактически находился в осаде, периодически подвергаясь атакам горцев.

После очевидного поражения «грозы вселенной» местные владельцы уже не только не изъявляли желания быть ему хотя бы номинальными «холопами», но в ответ на подобные предложения позволяли себе «поносительные» речи. Дошло до того, что Надира стали именовать «пастушым сыном», имея в виду его незнатное

происхождение и узурпацию шахского престола. Шах еще несколько лет безуспешно пытался покорить Ширван и Дагестан, в 1743–1746 годах опять воевал с Турцией, но былых успехов повторить не смог.

Российской же империи настоящая опасность грозила на севере — от Швеции, так и не смилившейся с поражением в Северной войне.

«Наглая и несправедливая война»

Заключенный в июне 1741 года франко-прусский союз предусматривал обязательство Франции подтолкнуть Швецию к войне с основной союзницей Австрии — Россией. Фридрих II даже грозил французскому послу, что, в случае если шведы не пойдут на Петербург, он не выполнит данных Парижу обязательств. Французская дипломатия не только провоцировала Швецию на войну с Россией, но и сама готовила выступление против Австрии. Но российский посланник в Париже Антиох Кантемир в начале 1741 года заверял Петербург, что Франция воевать не будет, и больше всего был озабочен смертью фаворитки короля Людовика XV Полины Фелисите де Майи-Нель, графини де Вентимий — та была «жена остроумна и злобного нрава», но поддерживала партию противников первого министра кардинала де Флери. Понял «французские коварства» он только к лету — и теперь уже докладывал о «здешнем недоброжелательстве», кознях Флери (который «по общему мнению и в Бога не верит») и французских субсидиях Швеции в размере 1 миллиона 100 тысяч талеров³⁰⁷.

Французы старались не зря. Шведское правительство успешно раздувало антирусские настроения. «Простой народ, — писал российский посланник в Стокгольме Михаил Бестужев-Рюмин, — всякими ежедневно вымышляемыми разглашениями возбуждается против России, а если бы кто эти лжи вздумал опровергать, то его сейчас называют изменником или русским». В апреле он докладывал в Коллегию иностранных дел: «...я здесь в таком поведении живу, якобы Россия с Швецией уже в действительной войне находилась, и страх от моего дома толь далеко распространился, что и бывшие поныне в моей службе шведы об апшите (увольнении. — *И. К.*) просили и меня оставили». В июне шведский посланник в Петербурге Э. Нолькен выехал на родину под предлогом «исправления партикулярных своих дел», а в июле Бестужев-Рюмин доносил о начале Швецией войны в самое ближайшее

время: «...да соизволит ваше величество во всякой готовности и осторожности быть. Если сначала шведам не удастся и они будут побиты, то и война может этим кончиться, ибо всему свету известно, что шведы войны долго выдержать не могут. Мне необходимо выехать отсюда как можно скорее, ибо нельзя ждать каких-либо объяснений и примирения».

Опасения Бестужева вскоре оправдались. 28 июля 1741 года посланник выслушал объявление войны и через несколько дней вместе со всем составом миссии выехал из Стокгольма, предварительно уничтожив дипломатическую документацию. Причинами войны в шведском манифесте назывались вмешательство России во внутренние дела королевства «для возбуждения смуты и для установления престолонаследия по своей воле вопреки нравам чинов», «варварское» отношение к шведским подданным в России, запрет вывоза хлеба в Швецию и убийство шведского дипломатического курьера. (После заключения в 1739 году шведско-турецкого союза российское руководство решилось на опрометчивый шаг: русские офицеры по приказанию Миниха выследили и убили в Силезии ехавшего под чужой фамилией из Стамбула шведского капитана Синклера. Убийство дипломата получило резонанс по всей Европе и стало для шведского правительства дополнительным поводом к войне.)

Война не была неожиданной — весной российские дипломаты присылали из европейских столиц сообщения о подготовке шведского выступления. Оправившаяся после рождения дочери Анна Леопольдовна 13 августа подписала манифест о войне, в котором выражалось возмущение действиями Швеции: «Между неверными и дикими, Бога не исповедающими погаными, не только между христианскими державами еще не слыхано было, чтоб, не объявля наперед о причинах неудовольства своего или не учиня по последней мере хотя мало основанных жалоб и не требуя о пристойном поправлении оных, войну начать, как то действительно ныне от Швеции чинится». В тот же день ею был подписан указ, гарантировавший находившимся в России шведам

неприкосновенность и обещавший «шведским подданным со всем принадлежащим им имением, пока они отсюда и из других мест Российской империи в свое отечество выехать не могут, все милостивейшую протекцию и защищение показать»³⁰⁸.

Манифест сообщал о выступлении русской армии и флота, чтобы защитить подданных «от сего мира нарушительного и злостного неприятеля». Состоявшийся в тот же день военный совет с участием кабинет-министров, фельдмаршала П. П. Ласси и генералов А. И. Ушакова, Л. Гессен-Гомбургского и В. Я. Левашова постановил сосредоточить войска у Выборга и пополнить полки, для чего рекомендовал провести новый рекрутский набор³⁰⁹.

В столице было тревожно. Генералы опасались шведских шпионов — на Выборгской стороне были выставлены пикеты и патрули. 17 августа принц Антон сообщил английскому послу Финчу о попытках поджога Арсенала³¹⁰. На следующий день генерал-полицмейстер Ф. В. Наумов известил Сенат о том, что у Гостиного двора был пойман человек, пытавшийся его поджечь горячей «тряпицей». Злоумышленником оказался, однако, не шведский агент, а костромской мужик Дмитрий Иванов, решивший с двумя подельниками устроить большой пожар и поиметь с этого немалый «пожиток». На пытках в Петропавловской крепости «зажигалычик» ничего нового не показал, получил смертный приговор, но по воле правительницы был милостиво отправлен на каторгу в Охотск³¹¹. Сенат постановил распределить драгунские команды по районам Петербурга в виде постоянных постов и разъездов³¹².

Планы шведского правительства были амбициозными — вернуть все земли, отошедшие к России по Ништадтскому миру 1721 года, а возможно, и присоединить новые территории. Однако шведские силы были невелики: в Финляндии находились шеститысячный отряд генерала Будденброка в районе Нейшлота и пятитысячный корпус генерала Врангеля у Вильманстранда. Этого было достаточно для обороны, но не для победного наступления

на Петербург. Российский же главнокомандующий П. П. Ласси собирался действовать активно. Главное наступление предполагалось развернуть в Финляндии, разбив шведские войска и оккупировав страну, затем выдвинуться десантной армией через Ботнический залив на побережье Швеции и идти на Стокгольм. В Выборге были сосредоточены 35-тысячная армия, гребной флот и военные склады-«магазины». Флот должен был прикрывать Финский залив и балтийское побережье от шведских кораблей. Допуская возможность шведского десанта, Ласси выставил отряд генерала Левендаля (девять тысяч человек) в районе Ораниенбаума и Красной Горки для оказания помощи Кронштадту в случае атаки. В самом Петербурге находились гвардия и два армейских полка.

Непосредственная угроза столице вскоре была ликвидирована. 20 августа «воинский консилиум» единодушно решил атаковать противника. На следующий день Ласси выступил из Выборга с десятью тысячами солдат и офицеров к Вильман-странду. Врангель отступил к городу и занял позицию у городских укреплений. 23 августа после убийства русских парламентариев войска Ласси стали штурмовать Вильманстранд. Взятый город был отдан на разграбление победителям. «Те солдаты, которые штурмом в город вошли, равномерное знатное число добычи денгами золотыми и серебряными, разную серебряную посуду, платьем, провиантом и иными разными вещами получили», — гласила победная реляция. Сражение завершилось полной победой: шведы потеряли всю артиллерию и запасы, из 5300 человек 3300 были убиты, а 1472, в том числе сам Врангель, взяты в плен, тогда как русские потери составили 529 человек убитыми и 1837 ранеными. Затем Ласси отступил к Выборгу, поскольку армия не имела достаточно провианта — всё продовольствие (на десять дней) солдаты несли в ранцах.

Правительница утвердила указ о наградах за баталию под Вильманстрандом: солдаты и обер-офицеры получали жалованье за три месяца «не в зачет». Молодой Михайло Ломоносов в победной оде воспел новую русскую победу

над давним соперником, не слишком политкорректно описывая шведские потери:

Вдается в бег побитый швед,
Бежит российской конник вслед
Чрез шведских трупов кучи бледны
До самых вилманстрандских рвов,
Без счету топчет тех голов,
Что быть у нас желали вредны.
Стигийских вод^[42] шумят берега,
Гребут по ним побитых души,
Кричат тем, что стоят на суше,
Горька опять коль им беда.
За нами пушки, весь припас,
Прислал что сам Стокгольм про нас:
Дает подарок нам в неволю.
При Вильманстранде слышен треск,
Мечей кровавых виден блеск.
Ты будешь скоро равен полю,
Дерзнешь в упрямстве ежели стать.
Подумать было кратко время;
В момент Славенско храбро племя
Успело твой отпор поправить.
Последней конник вспять бежит,
Оставшей труп и стыд смердит.
К себе скоряе в дом спешите,
Скажите там приятну весть,
Какую здесь достали честь,
Добычи часть друзьям дарите.
Не Карл ли тут же с вами был?
В Москву опять желал пробиться?
Никак вам это вправду снится.
Скачите вслед; он кажет тыл.

Но сдаваться Швеция не собиралась. Русская армия одержала победу, но российское правительство столкнулось с применением пропагандистского оружия. Шведский посол

в Париже граф Тессин распространял слухи, позорящие русскую армию, и кардинал де Флери выразил русскому посланнику А. Кантемиру удивление по тому поводу, что русские войска «жгут деревни и рубят людей без разбора пола и возраста». В октябре 1741 года Кантемир сообщал о необходимости опровержения «безстыдных лжей шведских министров», напечатанных в «Амстердамской газете», «к которым присовокупляют нареkanie на ваше войско, что при взятии города (Вильман-странда. — *И. К.*) безчеловечно сожгло всех больных и пленных, запертых в домах». Политикам и дипломатам приходилось оправдываться. Рескрипты из Петербурга инструктировали Кантемира, что в качестве контраргумента нужно обвинить шведов в нарушении норм ведения войны: «...когда по разбитии неприятельского войска генерал-фельдмаршал велел по воинскому обычаю предложить чрез барабанщика капитуляцию неприятельской крепости, то шведы не слыханным образом убили этого барабанщика и, не довольствуясь этим, показывали потом белое знамя будто для сдачи, а когда с нашей стороны тревога перестала, то не только стали еще сильнее стрелять, но и две мины зажгли; поэтому-то солдаты наши так осерчали».

Вторгшиеся в русские пределы шведские отряды оставляли воззвание «главного командира и генерал-аншефа над войски шведскими» Карла Левенгаупта: «Объявляю с сим всем и каждому от хвалного всероссийского народа, что королевское шведское войско токмо в том намерении в России прибыл, дабы с помощью Божиею как удовольствие о многократных несправедливостях, от чужестранного в прошедших годах царствующего в России министерство Швецию приключенных, так и надлежащая безопасность в пред нашему государству учиненна быть имела, да всероссийской народ освобожден от несносного ига и ярости, с кем вышепомянутая чужестранная министерия для собственной своей умысле, по долгом уже времени российских подданных досадна и утесняла, от чего де многие своему государству доброжелательные российские подданные не токмо лишились своего имения, но и

жестоким да россыским образом в конечное разорение и к тому доведены, чтоб и живот им не мил был, а некоторая часть в немилостию и в ссылку послана». Генерал извещал о предстоящем освобождении от тирании министров-иностранцев и избрании законного и справедливого правительства: «...королевское шведское войско тщитца будет, дабы хвалный всероссийской народ для собственной своей благополучия и безопасности к освобождению от иностранных тягостного утеснения и безчеловечного мучительство имел свободное и волное избрание законного и справедливого государя, под которово державу всероссийской народ к жизни да имению охранен быть может...»³¹³

«Хульный манифест» вызвал смущение в правящем кругу, задетом выпадами против «чужестранного министерства»; шведское правительство стало распространять этот документ и в других европейских странах вместе с прочими пропагандистскими материалами³¹⁴. Воззвание было согласовано с Елизаветой Петровной, с которой перед войной шведские дипломаты вели тайные переговоры о пересмотре условий Ништадтского мира в обмен на военную помощь.

Бороться с «мерзостными и ругательными экспрессиями» в условиях не слишком привычной для империи свободы слова было не так-то просто. Голландские «газетиры» на всякий случай попросили у российской миссии опровержение, а потом печатали вместе и те и другие материалы — дипломаты ничего не могли поделаться с частными издателями³¹⁵. Прусские «ведомости» «разглашали» о мнимых шведских успехах и помещали сообщения, что русский флот якобы заперт в Кронштадте, а «в России во всех местах бунт произошел»³¹⁶. Правительству пришлось рассылать через дипломатические миссии специальные «приложения», представлявшие шведов как «варваров и диких паганян», начавших войну без всяких причин, да еще вступивших в союз с «наследным врагом христианского имени» — турками³¹⁷.

Как Россия не спешила в 1741 году помочь Австрии, так и у правительства Анны Леопольдовны в нужный момент не оказалось союзника. Договор с Англией, подписанный еще 3(14) апреля 1741 года, подтверждал выгодные для британцев условия торгового договора 1734 года и предусматривал взаимную помощь в случае агрессии: отправку российского корпуса из десяти тысяч пехотинцев и двух тысяч кавалеристов при угрозе английским владениям на континенте и, соответственно, английской эскадры из двенадцати кораблей в случае опасности для России на Балтике. Однако «сепаратная» статья договора освобождала английскую корону от оказания военной помощи, если флот понадобится самой Британии для отражения агрессии, и заменяла ее денежной³¹⁸.

Вокруг этой статьи начались долгие споры. Уже в мае герцог Ньюкасл в Лондоне заявил русскому посланнику князю Ивану Андреевичу Щербатову: корабли у Британии есть, но не хватает матросов. Дипломат передал в Петербург, что в случае войны со шведами ожидать британскую эскадру «сумнительно» — похоже, в Лондоне сочли, что внутренняя нестабильность режима освобождает их от условий только что заключенного союза. Финч сначала сообщил русскому двору, что его правительство может предоставить только денежную субсидию, а затем попытался изменить «сепаратную статью» договора «без упоминания о деньгах взамен действительной помощи», но натолкнулся на противодействие Остермана. Андрей Иванович, собственно, настаивал не на субсидии, а на присылке британских кораблей, поскольку опасался прибытия на Балтику французского флота. Но начальник Финча государственный секретарь Уильям Стенхоуп барон Харрингтон уже в августе дал категоричный ответ: посылка английской эскадры на помощь России «решительно невозможна»³¹⁹.

Поведение союзницы вызвало разногласия в российских «верхах». Остерман признавал надежду на английскую помощь «весьма сумнительной», но всё же считал, что лучше избегать на этой почве конфликта и не

пересматривать не слишком выгодный русской стороне торговый договор 1734 года и «английскими обещаниями довольствоваться». Черкасский вопрошал: «Что в том пользы России есть, когда Англия толко едиными обнадеживаниями и обещаниями Россию усыпляет?» В сложившейся ситуации он видел основной союзницей Данию; от англичан же считал необходимым немедленно потребовать денег, как было предусмотрено договором в случае невозможности посылки британской эскадры. А Головкин категорически требовал отложить ратификацию договора и даже после четырех заседаний Кабинета министров по этому вопросу в октябре 1741 года остался при своем мнении, потребовав внести вопрос «к высочайшему рассмотрению»³²⁰.

Двадцать шестого октября 1741 года правительница предложила Кабинету ратифицировать договор, хотя на помощь Англии «точно надеяться невозможно». 7 ноября спорная статья о помощи наконец была подписана; она освобождала британское правительство от посылки флота на Балтику «в обстоятельствах крайней трудности», но обязывала выплатить в таком случае 100 тысяч фунтов стерлингов. 8 ноября стороны провели «размен» ратификаций, но с наступлением зимы рассчитывать на помощь уже не приходилось³²¹.

Споры ближайших советников регентши едва ли способствовали укреплению положения брауншвейгской династии на российском престоле. Неуверенность правительства маскировали непрерывные празднества. Правительница всё больше пыталась уйти от проблем в частную жизнь. Между тем в столице назревал очередной переворот.

Глава шестая

ПЕРЕВОРОТ ЦЕСАРЕВНЫ

*Если любовь погубила правительницу, то
более народная любовь, оказанная
Елисаветою Преображенским гвардейцам,
возвела ее на престол.*

Фридрих II Прусский

Российская империя в 1741 году

В августе только что прибывший из Германии Михайло Ломоносов посвятил оду победе над шведами «его величества Иоанна III, императора и самодержца всероссийского», сулившую России будущие успехи под милостивым правлением его матери, правительницы Анны Леопольдовны:

...Высокой крови царской дочь,
Сильнейшей что рукою дверь
Отверзла к славнейшим победам!
Тобою наш российской свет
Во всех землях как крин^[43] цветет,
Наводит больший страх соседям.
Твоя десница в первой год
Поля багрит чрез кровь противных,
Являет нам в признаках дивных,
Созреет коль преславен плод.

Доброт чистейший лик вознес
Велику Анну в дверь небес,
Откуда зрит в России ясно
Монарха в лавровых венцах
На матерних Твоих руках,
Низводит весел взор всечасно.
К Героям держит речь сию:
«Вот всех Моя громчайша слава!
Во днях молодых сильна держава,
Взмужав до звезд прославит ту»...

Предсказания ученого и поэта не оправдались. Уже через несколько месяцев император и его мать были свергнуты. Анне Леопольдовне предстояла скорая смерть в ссылке, а ее сын «взмужал» в тюремной камере и в конце концов погиб от рук своих охранников. После восшествия на

престол Елизаветы Петровны все сочинения и документы с упоминанием имен Иоанна Антоновича и его родителей уничтожались или прятались. От греха подальше канцелярия Академии наук распорядилась сначала «запечатать», а потом отправить на сожжение также оду адъюнкта Ломоносова, и ее старые издания являются библиографической редкостью.

Самому же Михайле Васильевичу в том же 1741 году пришлось вместе с академиком Якобом Штелином срочно складывать еще одну оду — уже во славу новой императрицы, в одночасье устранившей прежних правителей:

...Кто, равно как Елисавет,
От бед избавил целой Свет?
В един час сильных победила,
К Себе взяла, на Трон вступила.

Которой так веселой час
Приятен людям быть казался,
Сердце Тебе как верных глас
И Виват к верьху звезд промчался.
Твоих подданных миллион
Имели вдруг согласной тон
Благодарить Твоим щедротам
И дивным всем Твоим добротам...

Однако таким ли уж бедственным было положение страны под властью «немецкой» династии? Едва ли, конечно, Петр I мог представить внука мекленбургского и сына брауншвейгского герцогов наследником своей державы; но, окажись государь в Петербурге 1741 года, он бы увидел, что страна — пусть и медленнее, чем при нем — движется тем же курсом.

Экстенсивное освоение богатейших природных ресурсов восточных регионов дало толчок развитию российской промышленности. За время аннинского царствования в стране появилось 22 новых металлургических завода.

Россия увеличила производство меди до 30 тысяч пудов по сравнению с 5500 пудов в 1725 году и заняла прочные позиции на мировом рынке в торговле железом, вывоз которого за десять лет увеличился в 4,5 раза. Рос экспорт пеньки, льняной пряжи и других товаров³²².

В 1741 году крепостной крестьянин графа Шереметева Григорий Бутримов построил первую в селе Иванове мануфактуру, на которой работали вольнонаемные из крестьян-оброчников. Это положило начало развитию в Иванове легкой промышленности — сначала полотняной, а затем ситценабивной и хлопчатобумажной.

Однако становление российской индустрии шло непросто. Заведение «неуказных» (открытых без разрешения Берги Мануфактур-коллегий) предприятий преследовалось — часто по доносам конкурентов, получавших специальные «жалованные грамоты». Государство определяло обязательные поставки продукции в казну, качество и даже ассортимент изделий; заводчики были подсудны коллегиям. Несоблюдение условий грозило конфискацией предприятий — в русском языке той эпохи отсутствовало само понятие «собственность». Так, Путивльская суконная мануфактура (нынешняя Глушковская суконная фабрика, по-прежнему выпускающая сукно для армии) в 1732 году была отдана «в вечное и потомственное владение» купцу Полуярославову, но в 1741-м отобрана за то, что сукно и каразею^[44] хозяин делал «самым худшим способом».

Предприниматели оставались людьми «второго сорта» и жаловались, что их равняют с «подлыми» мужиками. Выход был один — становиться дворянами, что поощряли и власти. В сентябре 1741 года по представлению Коммерц-коллегии «за размножение суконных фабрик» их владельцы Степан Болотин и иноземец Шмидт, а также хозяин московской полотняной фабрики в Хамовниках Иван Тамес получили чин коллежского асессора, даровавший потомственное дворянство³²³. Само же благородное сословие еще не оценило выгоды заведения собственных предприятий. Кабинет-министр Анны Леопольдовны граф М. Г. Головкин

стал единственным из всего правящего круга основателем собственной полотняной мануфактуры, где работали 76 человек.

Создание промышленности «сверху» не дополнялось массовым развитием предпринимательства «снизу» — ему препятствовали высокие налоги, отсутствие доступного кредита и рынка рабочей силы. «Фабриканы»-недворяне покупали крепостных к своим мануфактурам, а суровый закон 1736 года навечно закреплял за предприятиями прежних вольных работников.

Попадая на российскую почву, передовые формы производства прочно «схватывались» сложившейся крепостнической системой. Даже формально считавшиеся вольными квалифицированные рабочие получали от восьми до двенадцати рублей, что ненамного превышало прожиточный минимум (семь-восемь рублей). Они обязывались не уходить с предприятия до истечения срока найма и признавали право хозяина «укрощать и наказывать» их за леность и прочие «непристойные поступки», чем тот и пользовался. Работники московской суконной мануфактуры упомянутого Болотина жаловались в Коммерц-контору на то, что, несмотря на несколько поданных властям челобитных, так и не получили «недоданных заработанных денег» с 1737 года³²⁴.

Члены комиссия, составившей в 1741 году «Регламент и работные регулы» для суконных предприятий, выговаривали предпринимателям: «...большее число мастеровых и работных людей так ободранно и плохо одеты находятся, что некоторые из них насили и целую рубаху на плечах имеют», — пеняя за то, что «срамно видеть» в Москве такую «некрасоту народа». Поскольку рассчитывать на то, что рабочий в ущерб и без того скудной пище сам оденется и обуется, не приходилось, комиссия предлагала мануфактуристам «той некрасоте народа упредить» и выдать «всем сплошь равную одежду» с вычетом ее стоимости из заработка³²⁵.

Завоеванный при Петре международный авторитет империи охраняла созданная им армия. В апреле 1741 года

принц Антон Ульрих завизировал расписание, из которого следовало, что в европейской части страны находится в строю 151 полк, не считая донских казаков, гусарских частей и башкирской конницы (всего 12 тысяч сабель). Фельдмаршалу и президенту Военной коллегии Бурхарду Миниху удалось объединить в рамках своего ведомства громоздкую систему управления, насчитывавшую семь канцелярий и контор, что можно считать шагом вперед в процессе централизации. Военная машина работала четко — полки заранее были расписаны по винтер-квартирам^[45] с указанием мест, где им надлежит получать провиант.

Список генералов и штаб-офицеров армии 1741 года не дает оснований утверждать о каких-то преимуществах иноземцев или о стремлении «брауншвейгских» правителей назначать на ответственные посты «немцев». В одном из указов Сенату в марте 1741 года правительница специально попросила выбрать кандидата «для определения в Смоленскую губернию губернатора из русских», поскольку вице-губернатору Бриммеру «по его иноземству во управлении в той губернии дел не без трудности быть может». Единственным генерал-аншефом стал в это время М. И. Леонтьев; из четырех произведенных в генерал-лейтенанты иноземцем был только П. Ф. Балк; из пяти генерал-майоров — А. Беренс и В. Бриммер; при этом, за исключением генерал-адъютанта Балка, все произведенные были старыми служаками, не связанными с придворными «конъектурами»³²⁶. Чтобы развеять миф о том, что иностранцы занимали высокие посты в армии не по заслугам, достаточно упомянуть о том, что решение о победоносном для русской армии Вильманстрандском сражении в августе 1741 года принял военный совет, шесть из восьми участников которого во главе с главнокомандующим П. П. Ласси были «немцами».

Сравнение этих назначений с аналогичным списком 1748 года показывает, что «национальное» правительство Елизаветы проводило точно такую же политику: среди пяти произведенных ею полных генералов были два «немца», из восьми генерал-лейтенантов — четыре, из тридцати одного

генерал-майора — 11³²⁷. Многие офицеры из прибалтийских губерний вынуждены были служить в имперской армии: их маленькие владения в один — три гака^[46] не оставляли иного выбора. Подпоручиками и прапорщиками в полевые полки отправлялись и их дети — выпускники кадетского корпуса (в 1741 году — 21 «немец» из семидесяти одного «курсанта»), не получавшие никаких особых преимуществ при распределении.

В ноябре 1740 года Анна Леопольдовна отменила намеченный Бироном рекрутский набор; но уже в декабре вышел указ о призыве двадцати тысяч человек; в январе и сентябре 1741 года последовали новые наборы³²⁸. Военная коллегия разверстала количество призывников по губерниям, и на места — «понуждать» местных подьячих и забирать собранных рекрутов — отправились офицеры гвардии. Набору подлежали молодцы от восемнадцати до тридцати шести лет и не менее двух аршин^[47] ростом, так что суворовские «чудо-богатыри» в массе своей были не выше полтора метров. Рекрутов приводили в местные гарнизоны, а уже оттуда им предстояло маршировать к своим полкам. Сельский «мир» и городское общество должны были обеспечить новобранца провиантом, полтинником денег и одеждой — кафтаном, шубой, шапкой, штанами, рукавицами, «упаками» — сапогами с грубыми голенищами из сыромятной кожи. Офицерам же предписывалось их «в работы ни в какие не употреблять» и во «всем с ними поступать, как обычай учителю с детьми».

Трудно сказать, насколько по-отечески относились офицеры к новобранцам, но многим из рекрутов отрыв от дома навечно давался тяжело. Они калечили себе «пальцы и другие члены» (таких, однако, от службы не освобождали, а сдавали в нестроевые — погонщики или извозчики) и бежали, но дезертиры не могли вернуться домой и чаще всего становились бродягами. В 1741 году из Угличской провинции капитан фон Кенгаген повел в Ригу 919 рекрутов; двое сбежали еще до выхода, а по пути отряд потерял еще 112 человек. Один из них, двадцатилетний крепостной подполковника Василия Суворова (отца

будущего полководца) Марк Григорьев сын Жуков («лицем смугл, круглолиц, широкой нос, глаза серые, волосы русые курчаваты»), в Кашине был пойман, наказан шпицрутенами, но как только с него сняли колодки, снова бежал — на этот раз удачно. У подпоручика Якова Сукина в Нижнем Новгороде из 1371 новобранца «утекли» 117, из которых удалось «сыскать» и вернуть в строй только 12 человек³²⁹.

Дезертиры из рекрутских команд и строевых частей пополняли ряды разбойников. Но мытарства на воле порой заставляли вольных и невольных беглецов возвращаться в родные места. В сентябре 1741 года на один из форпостов под Смоленском явился бывший солдат Вятского пехотного полка Федор Карамзин. Сын гвардейца-семеновца учился в «государевой школе», служил в кронштадтском гарнизоне, даже вышел в ротные писари, но заскучал и на марше из Киева сбежал, однако «амунии и мундиру не снес» (это считалось смягчающим обстоятельством). Беглец «шатался» по Курляндии и Литве, но скоро бродячая жизнь ему надоела и он, «раскаясь, из Полши вышел и явился на форпосте». Выходец из крепостных Степан Чекрыгин бежал из смоленского гарнизона, кормился за границей «черною работою» и на пути в родную деревню был схвачен, вторично ушел из-под караула вместе с тремя рекрутами и пробирался в Польшу, но попался по дороге. Солдатский сын Василий Евдокимов, напротив, служил исправно — пока, заснув на посту, не проворонил кражу казенных дров. «Убоясь штрафа», он подался в бега, но, проскитавшись два года по Речи Посполитой, решил сдаться. Военная контора повелела отправить Карамзина и Евдокимова к прежнему месту службы без наказания, а нераскаянного дезертира Чекрыгина ожидал военный суд — «кригсрехт»³³⁰.

Русский посланник при саксонском дворе Герман Карл Кейзерлинг доложил о явившемся к нему бывшем артиллерийском унтер-фурмейстере Василии Чирикове. Бравый артиллерист дезертиром не был — во время победного похода Миниха в Молдавию в 1739 году он попал в турецкий плен, из которого бежал — но не в ту сторону и оказался в Венгрии. Какой-то местный «князек» сдал

Василия рыскавшим по всей Европе вербовщикам прусского короля. В крепости Кюстрин русский служивый отказался приносить присягу: «Один солдат двум королям служить не может», — после чего был брошен в тюрьму, а потом неволей зачислен в полк — и сразу же бежал с группой из двадцати четырех таких же русских солдатиков. Друзья по несчастью отправились в Голландию, а Василий «пошел до Дрездена» и явился к российскому дипломату с единственной просьбой — «чтоб отправлен был куда надлежит в Российское государство»³³¹.

Поддерживать армию в боеспособном состоянии было всё же легче, чем флот. Строившиеся из сырого леса корабли быстро приходили в негодность. Созданная в 1732 году «Воинская морская комиссия» вместе с Сенатом сделала вывод о необходимости отказаться от петровской программы строительства больших военных кораблей в Балтийском море. Флоту отводилась более реалистичная вспомогательная роль: оборонять побережье от наиболее вероятного противника — Швеции. Тем не менее летом 1741 года адмирал Яков Барш вывел на кронштадтский рейд 14 линейных кораблей, три фрегата, два брандера и два бомбардирских судна. Существенным был на флоте кадровый некомплект — 1669 матросов и 1034 солдата³³². Не хватало и опытных морских офицеров и штурманов — их приходилось нанимать, как и прежде, за границей. Посланник в Голландии А. Г. Головкин получил при Анне Леопольдовне заказ на вербовку двадцати штурманов и пятидесяти боцманов; но желающих служить в российском флоте за десять рублей в месяц не нашлось — пришлось обещать 15. Его лондонский коллега И. А. Щербатов в сентябре 1741 года доложил о редких российских добровольцах — подштурмане Федоре Ватине и его товарище Иване Пастухове. Приятели спаслись с разбитого штормом на Балтике российского фрегата «Амстердам Галей», добрались до Лондона на английском судне, но обратно возвращаться не стали и решили продолжить морскую практику на английском флоте. Ватин сообщил послу, что в ожидании выхода в море живет в Портсмуте,

«харчуется» у адмирала Норриса на корабле «Виктория», учится языку, и просил только о жалованье — иначе «и рубахи переменить отнюдь будет нечем».

Основанный Минихом в 1731 году Сухопутный шляхетский кадетский корпус стал не только школой для подготовки офицерских кадров, но и одним из важнейших учебных заведений России той эпохи. Им бы Петр I точно был доволен, а вот своей гвардией — вряд ли. Участие в политической борьбе в «эпоху дворцовых переворотов» при отсутствии железной руки отца-основателя сделало гвардейцев ведущей силой придворных «революций». Поначалу — в 1725 и 1727 годах — в столкновениях придворных «партий» участвовали только высшие гвардейские офицеры, переворот 25 февраля 1730 года был совершен с помощью обер-офицеров гвардии, но основная масса гвардейцев оставалась вне политики. Как только не стало твердой руки Анны Иоанновны, дисциплина в частях упала; поручики и капитаны начали самостоятельно толковать о правах на престол тех или иных кандидатов. В «политику» вышли гвардейские «низы»: впервые гвардейские солдаты и унтер-офицеры свергли сначала законного регента, а потом и самого императора, возвели на престол дочь Петра I Елизавету и получили награды за нарушение присяги.

Петровский аппарат центрального управления проверку временем прошел — в столице по-прежнему работали Сенат, коллегии, канцелярии, конторы и другие учреждения. Интересно отметить, что в 1740 году «немцы» составляли всего 13 процентов ответственных чиновников центральных органов³³³.

При Анне Леопольдовне кадровые перемены ограничились устранением Миниха из Военной коллегии и назначением двух новых президентов отраслевых органов — Н. С. Кречетникова в Ревизион-коллегию и Г. М. Кисловского в Камер-коллегию. Из назначенных регентшей президентов и вице-президентов коллегий (К. Принценстерн, М. Т. Раевский, Б. И. Бибилов) только один был «немцем», к тому же давно находившимся на русской службе.

Не сменила правительница и командиров гвардии, за исключением арестованного Г. Бирона и уволенного Миниха: подполковником семеновцев остался А. И. Ушаков, Конной гвардии — «младший подполковник» Ю. Ливен и премьер-майор П. Б. Черкасский. В Измайловском полку вместо брата герцога Бирона командиром стал генерал принц Людвиг Гессен-Гомбургский. На своем посту остался клеврет Бирона Преображенский майор И. Альбрехт.

Донесший при Бироне на секретаря М. Семенова камергер А. М. Пушкин был назначен в Сенат. Финансовый советник Бирона «обер-гофкомиссар» Исаак Либман, предупреждавший, как полагали, своего покровителя о перевороте, остался при дворе. Правительница по-прежнему пользовалась услугами опытного «придворного еврея», поставлявшего теперь уже новой хозяйке драгоценности и товары с Лейпцигской ярмарки.

На местах кадровых перестановок было больше: новые губернаторы и вице-губернаторы появились в шести губерниях. Однако эти назначения трудно считать целенаправленной сменой кадров, поскольку новые должности не являлись для назначенных опалой, большинство (кроме А. П. Баскакова, попавшего под следствие за соращение собственной дочери) сохранило свои посты и после нового дворцового переворота 1741 года. Правительницу и здесь трудно упрекнуть в особом пристрастии к иностранцам. Все назначенные в 1741 году губернаторы (М. И. Леонтьев, А. Г. Загряжский, А. П. Баскаков, В. Н. Татищев, А. А. Оболенский, И. А. Шипов, главнокомандующий на Украине И. И. Бибииков), за исключением рижского вице-губернатора Х. Вилдемана, были русскими.

На нижних «этажах» административной машины порядка было куда меньше. Наиболее ярко слабость власти проявлялась в самом чувствительном для нее финансовом вопросе. Средств постоянно не хватало. Разорение центральных районов страны, по которым в 1732–1734 годах прокатился голод, вызвало гибель и бегство крестьян, а недоимки по подушной подати с 1735 года стали быстро

расти. Горожан, как и раньше, заставляли нести всевозможные «службы»: заседать в ратуше, собирать кабацкие и таможенные деньги, работать «счетчиками» при воеводах.

Анне Леопольдовне, как и ее предшественнице, так и не удалось собрать с мест сведения о всех полагающихся казне поступлениях и составить «окладную книгу». Недоимки стали хроническим явлением: по данным Военной коллегии, в 1741 году подушная подать была собрана в размере 2 919 078 рублей при недоимке в 1 571 128 рублей, что составляло треть от общей суммы сбора³³⁴. Кабинет и Сенат тщетно требовали их «взыскивать неотменно под опасением штрафа». В 1741 году за Владимирской провинцией числились неуплаченными 102 600 рублей; за Пензенской — 32 458; за Вологодской — 65 994³³⁵. Воевода Переславль-Залесской провинции докладывал, что за первое полугодие указанного года из недоимок по подушной подати за 1724–1736 годы собрал 169 рублей, после чего остались несобранными еще 3648 рублей; за 1737 год цифры составили соответственно два и 259 рублей; за 1738-й — 11 и 408 рублей. За 1741 год воеводская канцелярия отчиталась о сборе 25 005 рублей 14 копеек при недоимке 8712 рублей 52 копеек, то есть более четверти положенных поступлений. Воевода, премьер-майор Петр Лихарев, как будто и старался, но большего достичь не мог: в его подчинении для исполнения всех дел имелись два канцеляриста, два подканцеляриста, три копииста, два сержанта, фурьер (заготовитель провианта), три капрала и 40 солдат, служивших рассыльщиками³³⁶.

Обыватели платить тяжкие налоги не торопились, а немногочисленные и не слишком компетентные чиновники не справлялись с потоком руководящих указаний из центра. Даже в дворцовых владениях «исполнительская дисциплина» была из рук вон плоха. Управители «бесстрашно» игнорировали начальство и жили в свое удовольствие. «Хозяин» Алатырской дворцовой волости поручик Михаил Извольский присланного с указом о сборе недоимок капрала Бориса Иванова слушать не стал, а затем

вообще сбежал «неведомо куда», предоставив преемнику собирать неуплаченные 3233 рубля. Еще Анна Иоанновна в августе 1740 года жаловалась в Сенат на Дворцовую канцелярию, которая определяла «в дворцовые наши волости управителями и прикащиками не токмо из дворцовых служителей и из разночинцов, но из холопий, записывая их в дворцовые чины, людей самых убогих, которые, будучи в тех наших волостях, не о управлении по должности своей дел старались, но токмо собственной прибыли искали, и крестьян излишними сверх указов сборами и грабежем и взятками в конец разоряли, на которых по следствию нашей учрежденной комиссии явилось в начете с лишком 100 000 рублей». Императрица желала, чтобы в управители назначались только отставные офицеры, люди «пожиточные и безпорочные»...

Часто с мест присылались бумаги, где сумма платежей оказывалась «несходственной» с положенным «окладом», или объясняли, что деньги «за скудостью и за пустотою взыскивать не на ком». Последнее часто было правдой. «Сего февраля 1 дня 1741 году означенного господина моего из московского дому бежали крепостные ево люди два человека, а имянно Нефед Афанасев сын Повесин да Григорий Михеев сын Кобылской, и оные люди из оного дому воровски с собою внесли кражею два кафтана сермяжные, цена два рубли; две шубы бараньи новые, цена два рубли сорок копеек; две шапки, двои рукавицы козловые с вареги, двои сапоги новые, цена три рубли, да у меня выше именованного шубу мою баранью новую, цена рубль сорок копеек...» — так выглядит типичная жалоба на беглецов, прихвативших господское имущество.

В иных случаях ссылка на «скудость» являлась отпиской, но при административном «безлюдье» местные начальники порой даже не пытались проверить своих подчиненных. Посланный в том же году для подушного сбора в Белозерскую провинцию капитан Ушаков жаловался на воеводу: тот со своей канцелярией от дела устранился, а «видя обыватели такие их слабые поступки, не платят».

Пришлось капитану самому сажать «под караул» помещиков — владельцев неплательщиков.

Впрочем, и наказания не очень помогали. Как свидетельствуют протоколы Камер-коллегии, в ноябре 1741 года в Московской губернской канцелярии «секретарь и приказные служители содержатца под караулом скованы без выпуска, и из оной де губернской канцелярии письменно объявлено: за згорением де в губернской канцелярии дел и ведомостей и за неприсылкою московской провинции из городов тех требуемых ведомостей сочинить вскоре никак не можно». Так и осталась коллегия в неведении о размерах недоимок³³⁷. Сама Камер-коллегия, кстати, также находилась под штрафом — с 1738 года ее чиновникам не платили жалованье именно «за несочинение ведомостей».

При отсутствии реальной и твердой местной власти вольготно чувствовали себя шайки разбойников, не опасавшихся немногочисленных гарнизонных солдат-инвалидов и полицейских. В Первопрестольной и других городах империи уже вовсю «работал» знаменитый Ванька Каин — беглый дворовый, ставший к тому времени «славным воров». «И сего 741 году летом спознался он по сему делу с доносителем Иваном Каином и, как была полая вода, и в то время он, Губан, в лодках перевозил разных чинов людей чрез Москву-реку и... видел, как он, Каин, вынимал на пароме и в лодках у разных людей из карманов платки и деньги, а сам он, Губан, ничего не вынимал, только брал у него, Каина, пай по пяти копеек и по три и по две копейки», — рассказал на допросе двадцатилетний «фабричный» Петр Губан. «Авторитет» Каин снимал в Москве углы и целые «избы», посещал воровские притоны слепого нищего Андрея Федулова в Зарядье и солдатской жены Марфы Дмитриевой на Москворецкой улице и не особо беспокоился о сбыте добычи: торговцы покупали краденое даже у «ведомого» мошенника, ходившего «с великим собранием» подельников³³⁸.

Наведение порядка оказывалось делом весьма трудным, даже когда им занимались специально посланные воинские команды. В ноябре 1741 года Военную контору засыпали

прошения дворян — совладельцев села Большие Дебри Козельского уезда. Мелкопоместные господа жаловались, что на их владения с барабанным боем, «яко на неприятеля», напали солдаты прапорщика Ивана Онофриева и учинили над безвинными крестьянами «бой» и грабеж. Следствие выяснило, что прибывший отряд был командирован воеводой для отмежевания владения статского советника Протасова; соседи же не только воспротивились этой акции, но и содержали у себя множество беглых. Мужики ударили в колокол и «воровской партией» набросились на служивых с кольями, рогатинами и топорами. Тем пришлось действовать по уставу, поэтому они были признаны невиновными³³⁹.

Мирные обыватели часто выясняли отношения привычным способом. Когда майским днем 1741 года бесчиновный дворянин Андрей Головин, один из трех совладельцев села Хохлова Мещовского уезда, узрел, что крестьяне его соседа-поручика Поликарпа Внукова засеяли овсом его пустошь Канищево Болото, то отправился посоветоваться к третьему совладельцу — подпрапорщику Осипу Чертову. Внезапно появившийся поручик сгоряча избил Головина — порвал ему пятирублевый зеленый кафтан, подбил глаз и под «левой титькою» оставил «знак синий и багровый». После драки, не доводя дело до суда, соседи, «поговоря меж собою, полюбовно разобрались и помирились»³⁴⁰.

Жалоба могла обойтись дороже. Вдалеке от столицы местные начальники держали себя нестеснительно. Упоминавшийся нами товарищ вологодского провинциального воеводы майор Осип Засецкий в 1740–1741 годах вел себя на подчиненной ему территории, как в завоеванном городе. Показалось ему, что выборные от ратуши «к сбору с плавучего мосту» в «некоторые дни» на работе «у перевозу» не были — он приказал выпороть всех, не входя в объяснения. За «недоборные деньги» майор держал городских бурмистров не только «в железах», но и в «деревянных колодках, снятых з бывших пленных турецких, которые тогда из оных были свобожены» (отчего же не

употребить полезный воспитательный инструмент для соотечественников?). Разлилась весной река — Засецкий потребовал от купцов за их же счет построить наплавной мост из «кожевенных плотов». А окончательно войдя во вкус своего произвола, помощник воеводы созвал у себя в доме бурмистров и «купецких людей» и уже без всяких причин «знатно домогался от них неправедных себе корыстей и прибытков», подобно военной контрибуции. На возражения горожан он объявил, что «с ними так поступать будет, как со злодеями», и пущей доходчивости приказал своим людям бить городского рассыльщика «конским кнутом». Хорошо еще, что вологжане не смирились да и губернатор оказался на их стороне: по его представлению Сенат в июле отрешил лихого майора от должности и отдал под следствие³⁴¹.

В другом случае инициативу проявил Сенат. Простой подьячий Переяславль-Рязанской провинциальной канцелярии Иван Беляев по случаю проезда персидского посольства требовал от мужиков подвод вчетверо больше, чем было нужно, а потом милостиво разрешал некоторым не являться — понятно, за взятку. Таким нехитрым способом канцелярский «крючок» заработал 1100 рублей и еще 284 рубля получил на фальшивых подрядах провианта и фуража. Возможно, Беляеву всё бы сошло с рук, если бы он не стал неосмотрительно требовать подношений с крестьян самого генерал-прокурора Н. Ю. Трубецкого, знавших, кому жаловаться. Сенат в сентябре 1741 года послал разбираться советника Ревизион-кол-легии Ивана Таптыкова, но обнаглевший подьячий «в допрос не пошел». Только явившийся следом статский советник и бывший офицер-гвардеец Григорий Полонский отправил его под караул. Попутно вскрылось полное бездействие воеводы, асессора Петра Чебышева, который повинился следователю в том, что принимал от подьячего подачки в несколько десятков рублей «за неполучением вашего императорского величества жалованья». Воеводе повезло — он как раз успел попасть под объявленную Елизаветой Петровной после переворота амнистию и отделался всего лишь понижением в чине и возвращением полученных денег³⁴².

Однако зачастую не только обыватели, но и сами начальники (как правило, отставные офицеры) оказывались бессильны перед действующей армией — маршировавшими полками или воинскими командами, выполнявшими поручения по «понуждению» администрации к сбору налогов, «искоренению корчемств», «сыску воров и разбойников».

Четвертого января 1741 года в уездный городок Валуйки явился «Белозерского полку полковник фон-Стареншильд с несколькими офицеры и гранодеры и солдаты». Командир и его подчиненные строем пошли на «дом государев, где живут воеводы». Уездный начальник капитан Исупов спустя четыре дня доложил в Белгородскую губернскую канцелярию:

«И оный полковник, не требуя ничего, бранил его, воеводу, матерно и бил по щекам трижды и кричал барабанщиков с батожьем бить его; и от того бою он, воевода, ушел в хоромы. И вбежав в хоромы, он, воевода, заперся в передней светлице, а он, полковник, прибежал за ним в сени и кричал караульщику: подай топор двери той светлицы вырубать и вырубил с гранодеры из той светлицы двери с криком; а он, воевода, видя то, заперся в заднюю светлицу. И оный полковник, зашед задней светлицы к дверям и вырвав же с крючем двери, и вломился в ту светлицу и паки бил воеводу и жену его и выбил из рук жены его младенца. А его, воеводу, он, полковник, бил, взяв за волосы, а гранодеры за платье, и вытащили в переднюю светлицу; и бил же, как он, полковник, так и гранодеры кольцом, и разбил воеводы лицо до синя и всё распухло, и кричал гранодеры: "дай плетей бить его, воеводу", и заворотил кафтан с камзолом, чтобы бить плетьюми. И как гранодеры побежали за плетьюми, то он, воевода, устрася того, чтоб и до смерти не убил, вырвался из рук и бежал в канцелярию. И в тот час пограблено и пропало собственных его воеводских пожитков: шуба да епанча лисья женская — цена 46 рублей; 1 стакан большой, 3 стакана средних, 8 чашек больших серебряных, ценою 45 рублей; 6 малых чашек да 7 ложек серебряных ж, ценою 26 рублей; ковер

персидский новый, ценою 6 рублей; серьги одни золотые с яхонты, ценою 5 рублей 50 коп. И из того государева двора он, полковник, приезжал к канцелярии и пошел к тюремной избе, в которой содержатся колодники, и вшед в ту избу и обнажив шпагу, говорил, ходя по избе, — он-де, полковник, их всех переколю, и спрашивал колодников всех: "ты кто?"».

Выбив бревном дверь, полковник ворвался в воеводскую канцелярию, избил караульного при денежном ящике и кричал: «Подать бревно для выбивания дверей!» Бумаги, лежавшие на столах, были сброшены на пол и истоптаны ногами. Кажется, воеводская жалоба на дебошира осталась без результата³⁴³.

«Внутренний покой» на окраинах страны нарушали периодически бунтовавшие подданные. 27 января 1741 года генерал-лейтенант Л. Я. Соймонов доложил в Петербург об успешном подавлении последней вспышки «злодейственного и возмутительного бунта» — башкирского восстания 1735-1740 годов. Согласно генеральскому рапорту, с марта 1740-го было «побито» 3800, казнено 393, отправлен в ссылку и на каторгу 281 и «померло» 270 бунтовщиков; еще 1061 человека раздали «желающим». Всего же за время восстания были «искоренены» и розданы 5919 башкир³⁴⁴. Раненый предводитель восставших Карасакал (простой общинник Миндигул Юлаев, объявленный ханом Султан-Гиреем) вместе с частью повстанцев ушел в казахские степи.

На крайнем северо-востоке империи власти так и не смогли завершить покорение местных народов, не желавших становиться подданными и плательщиками ясака. На Камчатке восстания разрозненных родов подавлялись довольно быстро. Капитан-командор Витус Беринг в мае 1741 года, отвлекаясь от экспедиционных дел, послал прапорщика Левашова и «партии командира» Борисова усмирять «ясашных камчадалов», которые «забунтовали и 12 человек убили до смерти». Мероприятие прошло успешно, и вскоре Беринг с помощником капитан-лейтенантом Алексеем Чириковым «следовали» (допрашивали) захваченных пленных; часть из них были

признаны невинными, а семь человек оставлены под арестом «до указа»³⁴⁵.

На Чукотке в 1737–1740 годах объединившиеся отряды чукчей осуществили несколько крупных грабительских набегов на «верноподданных» оленных юкагиров и коряков и угрожали «в Анадырску русских людей смерти предать и острог Анадырской огнем зжечь и пуст сотворить». Справиться на просторах тундры с такими набегами, наносившими ущерб казне и подрывавшими авторитет русской власти, у правительства сил не было. Кабинет-министры летом 1740 года повелели иркутскому вице-губернатору с карательной экспедицией «итти на немирных чукч военною рукою и всеми силами старатца не токмо верноподданных ее императорского величества коряк обидимое возвратить и отмстить, но их, чукч, самих в конец разорить и в подданство ее императорского величества привести». Но уже 25 ноября сенаторы обратились в Кабинет с предложением отказаться от походов на Чукотку, «дабы в таком отдаленном и трудном пути, по которому потребного в пищу запаса возить с собою за неудобность признаваецца, напрасно людей не потерять и голодом не поморить». По здравом размышлении министры повелели: «...в Чукотскую землицу для разорения живущих тамо чукоч... за весьма дальним и неудобным путем... оружейных людей не посылать». Для предосторожности надлежало увеличить гарнизон Анадырского острога за счет «регулярных и нерегулярных лехких людей», но всё же впредь власти должны были стараться чукчей «наипаче ласканием, нежели суровыми поступками от того отвратить и усмирить и до дальнейших ссор не допустить»³⁴⁶.

Столица Российской империи — любимое детище Петра I — после недолгого запустения при его венценосном внуке снова стала быстро расти и развиваться, хотя в ее центре перед Адмиралтейством всё еще находились луга и огороды и паслось стадо дворцового ведомства. Невский проспект, «самая знатная и большая проезжая улица», пока не был застроен, а горожане позволяли себе голышом купаться в Фонтанке. Но население города к 1740-м годам достигло

семидесяти тысяч человек, из которых восемь-девять процентов составляли иностранцы. В 1741 году был издан первый русский печатный план города, составленный на основании топографической съемки, проводившейся Академией наук³⁴⁷.

Датчанин Педер фон Хавен уже сравнивал Петербург с Вавилоном: «Пожалуй, не найти другого такого города, где бы одни и те же люди говорили на столь многих языках, причем так плохо. Можно постоянно слышать, как слуги говорят то по-русски, то по-немецки, то по-фински... Нет ничего более обычного, чем когда в одном высказывании перемешиваются слова трех-четырёх языков. Вот, например: *Monsieur, paschalusa, wilju nicht en Schalken Vodka trinken. Izvollet, Baduska*. Это должно означать: "Мой дорогой господин, не хотите ли выпить стакан водки. Пожалуйста, батюшка"». Петербург определял новые стандарты повседневной жизни, и его обитатели могли раньше других жителей империи познакомиться с европейскими новинками, касающимися не только военных или морских дел. «Охотникам до садов объявляется, что у садовника Ягана Бурггофа всякие свежие и чужестранные как поваренные, так и разных цветов семена продаются; а он живет в большой улице насупротив старого зимнего дому в доме иноземца Дальмана», — гласило одно из объявлений, напечатанных в 1741 году в столичной газете «Санкт-Петербургские ведомости».

В провинции новое обхождение прививалось труднее. «Всегда имеет у себя трапезу славную и во всём иждивении всякое доволство, утучняя плоть свою. Снабдевает и кормит имеющихся при себе блядей, баб да девок и служащих своих дворовых людей и непрестанно упрожняетца в богопротивных и беззаконных делах: приготова трапезу, вина и пива, созвав команды своей множество баб, сочиняет у себя в доме многократно бабьи игрища, скачки и пляски, и пение всяких песней. И разъезжая на конях з блядьми своими по другим, подобным себе, бабьим игрищам, возя с собою вино и пиво, и всегда обхождение имеет и препровождает дни своя в беззаконных гулбищах з бабами»

— так воспринимались жителями далекого Охотска местные ассамблеи, которые в подражание столичным пытался проводить комендант Григорий Скорняков-Писарев.

И всё же реформы постепенно проникали не только в армию или государственные конторы, но и в самую плоть народной жизни. Когда в ноябре 1740 года Камер-коллегия обсуждала вопрос о взимании введенного Петром Великим налога с бородачей, оказалось, что «ярославское купечество бороды бреют и платье немецкое носят, и в приводе з бородами и в неуказном платье никого не было, и такому збору быть не с кого»³⁴⁸.

Работали старые и новые учебные заведения. Петербургскую академию наук к этому времени покинули наиболее выдающиеся ученые — прежде всего Д. Бернулли и Л. Эйлер. Но как раз 8 июня 1741 года в канцелярию академии явился доложить о своем прибытии из Германии Михайло Ломоносов. Молодой ученый получил казенную жилплощадь — две каморки в доме для академических служащих — и приступил к составлению «Каталога камней и окаменелостей Минерального кабинета Кунсткамеры Академии наук». Параллельно с описанием минералов он трудился над созданием солнечной печи, которой посвятил «Рассуждение о катоптрико-диоптрическом зажигательном инструменте». Закончив эту работу, написанную на латыни, Ломоносов передал ее вместе с другой своей диссертацией («Физико-химические размышления о соответствии серебра и ртути») в академическое собрание для получения профессорских отзывов.

Чуть раньше, в конце 1740 года, в столицу вернулись профессор Никола Делиль и адъютант Тобиас Кенигсфельд — члены астрономической экспедиции, отправившейся в далекий сибирский Березов для наблюдения за прохождением Меркурия перед диском Солнца. Экспедиция держала путь через Москву, города Козьмодемьянск Казанской губернии, Яранск и Орлов Вятской губернии, Соликамск в Предуралье, западносибирские Тюмень, Тобольск, село Самарово на берегу Иртыша (современный Ханты-Мансийск). Ученых радушно встретили в Тобольске.

«По большой улице для приема путешественников были расставлены рядами солдаты, и офицеры, ими командовавшие, отдавали честь, когда мимо их проезжал академик со своею свитою. По приезде Делиля в отведенную ему квартиру губернатор прислал офицера поздравить с прибытием и предложить всё, что от него зависело... На другой день Делиль со своими спутниками отправился к губернатору Петру Ивановичу Бутурлину. Здесь их угощали кофе, трубками и сушеной рыбой, вместо сластей...» — записал в дневнике Кенигсфельд. Добравшись до Березова, ученые устроили обсерваторию на берегу реки Сосьвы в таежной избушке. Они провели необходимые наблюдения, пережили ураган и стужу, осмотрели могилу Меншикова и благополучно покинули гостеприимное место. На прощание местные жители прислали им в дорогу множество припасов — пирогов, хлеба и пива³⁴⁹.

Другое путешествие оказалось намного труднее. В мае 1741 года после зимовки на Камчатке и «усмирения» камчадалов на совете экспедиции Беринга было принято решение о плавании к берегам Северной Америки. 4 июня из только что основанного Петропавловска вышли два пакетбота — «Святой Петр» под командованием самого Беринга и «Святой Павел» под командованием Чирикова. Экспедиция, исследовавшая гряду Алеутских островов, закончилась трагически. Команда «Святого Петра» во главе с Берингом вернуться не смогла и вынуждена была зимовать на безлюдном острове в ямах, покрытых звериными шкурами; там 8 декабря 1741 года начальник экспедиции умер от цинги, а его оставшиеся в живых спутники (31 человек) смогли добраться до Петропавловска только летом 1742 года на построенном из обломков корабля суденышке. Капитан Алексей Чириков, потеряв из виду корабль своего начальника, продолжал путь и 15 июля на широте 58°14' открыл берег Америки. Две шлюпки с матросами, отправленные одна за другой для высадки на сушу, не вернулись, и капитан вынужден был, прождав их, без осмотра американского берега вернуться в Петропавловск.

Научные достижения и открытия порой давались ценой многих жизней. «...И во всё время бытности нашей на море почти всегда были в смертной опасности и несли великий труд и претерпевали многую нужду, а именно страх от того, что плавание имели в незнаемом море и подле неизвестных берегов почти со всегда стоящими туманами, которые на здешнем море гораздо больше стоят, нежели на иных морях; а труд от продолжения времени, понеже безпрестанно имели паруса 4 месяца и 6 дней и от частых не покойных мокрых погод, а нужду претерпели от недовольства воды, которого ради недовольствия однажды давалась в неделю служителям каша, а в прочие же дни питались холодным и пить принуждены были, дивость, воду малою мерою, которою только 6 жажду утолить, да и та вода очень испортилась и издавала из себя дух весьма противный, при котором оскудении и я со всеми офицерами принужден был по однажды в день вареное кушать и пили только чаю по две или по три чашки в день, а всех трудностей наших и описать невозможно; от которых трудов и от оскудения пищи и питья и от всегдашняго сырого воздуха постигла всех нас жестокая цинготная болезнь, от которой многие слегли, а остальные с нуждою и насилу судном управляли, и я с 20 числа сентября и по возврат в здешнюю гавань за тяжкою болезнью уже не мог выходить наверх и был при самой смерти не токмо на море, но уже и на берегу и от не надежды жизни не однажды, по обычаю, приготовлен был к смерти, чему виновны многие мои грехи пред Богом; а сентября 26 числа помянутая злая болезнь лишила сего света Осипа Андреевича Катчикова, а октября 6 числа преставился премногосклонный ко мне благодетель Иван Львович Чихачев; после его через одне сутки преставился Михаило Гаврилович Плаутин, что случилось уже весьма незадолго до входа в Авачинскую губу; ибо по милости не до конца гневающегося на нас Бога октября 6 числа увидели Камчатскую землю, а 9 числа вошли в Авачинскую заливу и стали на якорь, а 10 числа уже в Авачинском заливе преставился астрономии господин профессор; между тем, еще умер Михайло Усачев, которого,

чаю, изволили знать, да один служивый; 11 числа вошли в здешнюю гавань, а осталось нас живых 50 человек, а 21 человек, по воле Божией, некоторые остались на удаленной земле в неизвестном несчастьи, а прочие померли», — писал по возвращении о пережитом капитан Чириков³⁵⁰.

Петровская и послепетровская эпохи, к великому сожалению, мемуарами небогаты: напряженное военное и государственное строительство, очевидно, не слишком способствовало гуманитарному духовному творчеству. Легче узнать о военных действиях или о государственных преобразованиях, но порой очень трудно представить себе историю «несобытийную»: как люди вели хозяйство, воспитывали детей, проводили досуг.

Автору этих строк, занимавшемуся поисками новых материалов об «эпохе дворцовых переворотов», довелось обнаружить в Государственной публичной исторической библиотеке «Санкт-Петербургский календарь на лето 1741 от Рождества Христова» (СПб., 1741), на листах которого некий москвич вел дневниковые записи прямо под указанными в календаре числами. Он ни разу не назвал своего имени, но из текста следует, что являлся он дворянином и чиновником средней руки, по-видимому, состоявшим при ратуше, неоднократно упоминаемой в связи с его служебными обязанностями. Аккуратные, сделанные мелким почерком записи свидетельствуют о том, что их автор владел собственным домом в Москве со «служителями», но имел и «двор загородный». В круг знакомств хозяина входили чиновники московских учреждений — Конюшенной канцелярии, конторы Коллегии иностранных дел. Он в числе прочих официальных лиц присутствовал «на поздравлении» московского губернатора князя Г. Д. Юсупова, посещал «гуляния» в лучших московских домах, однако водил знакомство с «сенатскими протоколистами» и не чуждался купцов.

Что же волновало в 1741 году добропорядочного московского обывателя? Автор часто отмечал, какая погода стоит на дворе — «вёдро», «вседневной дождь» или «великие морозы». В тот год на Москве-реке «лед тронулся»

8 апреля. Начались весенние хлопоты по хозяйству: в погреб «снег возить и метать зачали», «гусыня начала нестися»; надо было заниматься садом и огородом — прививать яблони, сажать «огурцов гряды и ретку со цветами». Уже в мае хозяин смог прикупить к столу «новых» огурцов (надо полагать, из чьего-то парника) по рублю за сотню штук. За выездом за город и заготовкой сена лето пролетело незаметно; осень оказалась короткой — 12 сентября уже выпал первый снег, а на следующий день «великий мороз с холодом и снегом, ветер северной всех в шубы загнал». Надо было готовиться к зиме: в хозяйстве самого автора дневника и его соседей «капусту зачали рубить и возить», а в городском доме — вставлять «вторые окончины».

Жизнь текла неторопливо и размеренно: хозяин с семейством исправно посещал церковь, лишь однажды жена не ходила к исповеди — была «больна ногою». При недомоганиях супруг применял обычное в XVIII веке средство — «пускал» кровь. Чиновник решил обновить гардероб — приобрел для жены «бархату 12 аршин», а себе заказал «шляфрок дымчатой». Подчиняясь моде, он попросил брата «о присылке калмыка» — как же обойтись без такого престижного атрибута в приличном доме? Но хозяин выказал и более существенные культурные запросы: он распоряжался «о присылке нотных книг ребятам», а книгу «Мир с Богом» из домашней библиотеки отдал в переплет. Поколения сменялись своим чередом: дочь в далекой Астрахани родила ему внука, а старый знакомый, советник Коллегии иностранных дел Семен Иванов, 27 сентября «скоропостижно скончался от апелепсии (апоплексии. — *И. К.*) в нужнике». Как и все москвичи, семья безвестного персонажа была ячейкой в густой сети родственных отношений — отсылала родне гостинцы и письма (нередко не по почте, а с оказией), принимала в доме и кормила обедом гостей, приносивших последние светские новости: 7 октября «оженился тайный советник и кавалер ордена Александра Невского Иван Иванович Неплюев на дочери генерал-лейтенанта Ивана Васильевича Панина».

Политические же вопросы москвичей, похоже, не беспокоили — куда важнее были городские заботы: предстояло с каждых ста дворов выбирать сотских и десятских. Правда, однообразие повседневной жизни иногда нарушалось. Так, 24 июля «было молебство о рождении великой княжны Екатерины», и ратуше пришлось раскошелиться на 500 рублей в подарок присланному с радостным известием гонцу. Как мы помним, по дороге в Петербург через старую столицу проезжали турецкое и персидское посольства; 2 июля московские обыватели наблюдали торжественное вступление в город шахского посла, перед которым «двенадцать слонов по три в ряд шли, затем на верблюдах и на мулах ево музыка: две сурны, два малых тулумбаса и два лукошка наподобие барабанов».

В ноябре хозяин был занят строительством новой «горницы». Едва плотники закончили работу, пришла весть об очередном дворцовом перевороте: 29 ноября в Москву «прибыл капитан гвардии Семеновского полку Петр Васильев сын Ча-[а]даев с объявлением о возшествии на престол Всероссийский ее императорского величества всемилостивейшей нашей императрицы Елисаветы Петровны». Тем же вечером Первопрестольная отмечала это событие: «...и оттого числа вседневно звон в соборе и у всех церквей целую неделю был, а нощию везде иллюминация. В приказах и в рядах в ту неделю не сидели». Автору торжество запомнилось принесением присяги в Успенском соборе Кремля в присутствии генерала М. Я. Волкова и тем, что пришлось срочно дарить капитану Чаадаеву тысячу рублей, а в Петербург отправлять депутатов от купечества вместе с 3500 рублей «в поднос» новой императрице.

Кажется, столичные события воспринимались им без особых эмоций, будучи далеки от его жизненных забот. По-житейски мудрые обыватели готовы были к выражению ожидаемых властью верноподданнических чувств, — вот только платить за торжество приходилось из собственного кармана. Но дневник скромного московского чиновника дает нам редкую возможность узнать о повседневности ничем не примечательного человека, который перед самым Новым

годом неторопливо записал на листе календаря: «Сий год
окончился слава Богу...»

«Брожение во внутренних делах»

Этими словами охарактеризовал ситуацию при российском дворе в 1741 году английский посол Финч. Подобные оценки будут встречаться и у других дипломатов вплоть до конца недолгого царствования Иоанна Антоновича.

Фактически главным членом Кабинета оставался Андрей Иванович Остерман, старавшийся привить принцессе представления об обязанностях правителя и ввести ее в курс государственных дел. Он, безусловно, был самым опытным и компетентным из советников Анны и мог бы при определенных условиях выступать в качестве первого министра при номинальном императоре и неопытной регентше. Но Андрей Иванович, при всём его административном опыте и аналитическом таланте, и по характеру, и по манере действий не годился в политические лидеры. Англичанин Финч точно подметил его манеру: «Как бы он ни был деятелен при установившемся правительстве, при правительстве колеблющемся он ложится в дрейф». Вице-канцлер привык действовать за спиной государя или другой «сильной» фигуры — и всегда мог эту фигуру подставить. В глазах других сановников и подчиненных он выглядел хитроумным и двоедушным интриганом. Даже его собственный секретарь Сергей Семенов на вопрос, что ему известно о планах шефа, ответил: «...человек хитрой и скромной, и не только ему, но и другим никому ни о чем знать никогда не давал»³⁵¹.

Помимо упомянутых выше «программных» документов Остерман и позднее подавал Анне докладные записки: по вопросам внешней политики, о разделении Сената на четыре департамента и, как сам упоминал на следствии, о преимущественном награждении «российских природных» подданных³⁵². Но, видимо, регентша не вполне доверяла «хитрому и скромному» министру — ему, в отличие от Миниха, она ничем не была обязана; к тому же Остерман покровительствовал ее мужу принцу Антону, отношения с

которым у правительницы становились всё более напряженными.

«Отца отечества отец» (по выражению Ломоносова) обзавелся собственным придворным и военным штатом. Под началом генерал-адъютанта полковника Адольфа фон Геймбурга служили три других адъютанта, штаб-фурьер, обер-аудитор, генерал-штаб-квартирмейстер, нотариус, регистратор и переводчик. Антон Ульрих носил высший военный чин, но был не прочь играть более активную роль и в гражданском управлении. Он овладел русским языком (во всяком случае, подписывал бумаги по-русски), стал посещать Сенат, задумал провести реформы в гвардии.

К сожалению, эти попытки не нашли освещения в написанной Л. И. Левиным обстоятельной биографии Антона Ульриха³⁵³. Материалы же Военной коллегии показывают, что принц добросовестно исполнял обязанности по руководству армией, хотя ему приходилось нелегко. Финч отмечал: Антон Ульрих храбр, честен, приветлив, прилежен; имеет «достоинство в манерах» — но совершенно не обладает «опытностью в делах». Как обычно, не хватало денег на жалованье, которые, несмотря на неоднократные указы и даже посылку «нарочных», не поступали в Военную коллегию. Армия не получала достойного пополнения — новобранцы, взятые в очередной рекрутский набор, были «малорослы, слабы, дряблы, а другие слепые и хромы»³⁵⁴.

Как и Анне Леопольдовне, ее мужу пришлось иметь дело с потоком челобитных, адресуемых «великой персоне» разнообразными просителями. Однажды пожаловался ему бедный вологодский помещик Никита Вараксин, у которого уже упомянутый наглый майор Осип Засецкий силой увез дочь Аксиною. Такие челобитные принц направлял в Сенат. Но поток просьб от военных заставил его издать приказ о том, чтобы штаб-, обер- и унтер-офицеры не подавали прошений лично ему, а обращались сначала «по команде» — к своим полковым командирам³⁵⁵.

Однако власть генералиссимуса была весьма ограниченной: его деятельность определялась присылаемыми от имени императора указами регентши, все

просьбы о производстве в штаб-офицерские ранги и награждении «деревнями» он направлял на рассмотрение Кабинета и правительницы, ей же посылал и доклады по всем делам подчиненных ему гвардейских полков (включая не только назначения, но и заготовку фуража и шитье мундиров), на которых Анна накладывала резолюции³⁵⁶.

Антон Ульрих подавал и проекты более серьезных преобразований — например, восстановления созданной при Петре I военной администрации с полковыми дворами, несмотря на все ее «непорядки». Подстрекал герцога к активным действиям отставной Миних, который на одном из торжеств во всеуслышание произнес вдруг тост за «соправителя», вызвавший недоумение присутствовавших дипломатов³⁵⁷. Особенно обострились отношения принца с Анной из-за фавора вернувшегося к российскому двору графа Линара.

Мориц Карл Линар (1702–1768) сразу же по утверждении правительницы у власти был отправлен Августом III в Петербург. В 1741 году правительница была уже свободна от опеки и не слишком стеснялась в проявлении чувств. Это позволило Миниху-старшему изложить в своих записках придворные сплетни о новом (точнее, старом) увлечении Анны: «Она часто имела свидания в третьем дворцовом саду со своим фаворитом графом Линаром, куда отправлялась всегда в сопровождении фрейлины Юлии... и когда принц Брауншвейгский хотел войти в этот же сад, он находил ворота закрытыми, а часовые имели приказ никого туда не пускать... Так как Линар жил подле ворот сада в доме Румянцева, то принцесса приказала построить вблизи дачу, что ныне Летний дворец. Летом она приказывала ставить свое ложе на балкон Зимнего дворца; и хотя при этом ставили ширмы, чтобы скрыть кровать, однако со второго этажа домов соседних с дворцом можно было всё видеть»³⁵⁸.

Зоркость фельдмаршала можно было бы объяснить обстоятельствами его отставки. Но письма принцессы содержат ее красноречивые признания в адрес галантного красавца. Анна в духе нравов того времени в августе 1741

года помолвила своего поклонника с наперсницей-фрейлиной Юлианой Менгден и произвела его в кавалеры высшего российского ордена Святого Андрея Первозванного. Когда Линар временно отбыл в родную Саксонию, вслед ему летели нежные послания возлюбленной.

В одно из них (от 13 октября 1741 года) Анна сама вписала помещенные ниже в скобках слова, чтобы граф не дай бог не подумал, что регентшу волнуют чувства ее подруги: «Поздравляю вас с прибытием в Лейпциг, но я не буду довольна, пока не узнаю, что вы уже на пути сюда. Ежели вы не получили писем из Петербурга, то пеняйте за то Пецольду, почто плохо их отослал. Если говорить об Юлии, то как могли вы хоть на мгновение усомниться в ее (моей) любви и нежности, после всех знаков, от нее (меня) полученных. Если вы ее (меня) любите, не делайте ей (мне) более таких упреков, коли ее (мое) здоровье вам дорого. Посол Персии со всеми своими слонами получил аудиенцию таким же манером, как и турок. Говорят, что один из главных предметов, ему порученных, — просить руки принцессы Елизаветы для сына Надир-шаха, и что в случае отказа он пойдет на нас войной. Что делать! Это, стало быть, уже третий враг, да хранит нас Бог от четвертого. Не почитайте сию просьбу перса за сказку, я не шучу: она тайна стала известна через фаворита посланника. У нас будет маскарад 19-го и 20-го сего месяца, но вряд ли я смогу (без вас, моя душа) предаваться сему увеселению, ибо уже предвижу, что моя дорогая Юлия, сердце и душа которой далеко отсюда, не станет там веселиться. Верно поется в песне: ничто ваш облик не имеет, но всё напоминает мне о вас. Известите меня о времени вашего возвращения и будьте уверены в моей к вам благосклонности (обнимаю вас и умираю вся ваша)»³⁵⁹.

Письмо не оставляет сомнений в искренности чувств молодой женщины, но из него же следует, что из всех государственных дел ее больше всего интересует маскарад, а дипломатические переговоры волнуют постольку,

поскольку могут привести к невиданному брачному предложению.

Борьба карьер и амбиций проходила на фоне чередовавшихся торжеств. 12 августа двор праздновал день рождения императора — с парадом, банкетом, спуском на воду линейного корабля «Иоанн» и вечерним балом с фейерверком, закончившимся за полночь. Михайло Ломоносов воспевал достоинства государя в не самой удачной из своих од:

...Целую ручки, что к державе
Природа мудра в свет дала,
Которы будут в громкой славе
Мечем страшить и гнать врага.
От теплых уж берегов азийских
Вселенной часть до вод Балтийских
В объятьи вашем вся лежит.
Лишь только перстик ваш погнется,
Народ бесчислен вдруг сберется,
Готов идти куда велит.

Вы, ножки, что лобзать желают
Давно уста высоких лиц,
Подданства знаки вам являют
Языки многи, павши ниц...

В те дни, пожалуй, многие знатные особы и впрямь гордились правом приложиться к ручкам и ножкам царственного младенца.

Влюбленная принцесса и ее двор веселились. Беспрерывные празднества маскировали неуверенность правительства и напряженную ситуацию в столице. 13 августа отмечали обручение саксонского посланника графа Динара и фрейлины Юлианы Менгден, 17-го — день рождения принца Антона. 20 и 21 августа турецкого посла возили в Адмиралтейство, а потом в Петергоф, где знатного гостя поили кофе в Монплези́ре, а его свиту «из потаенных под землею фанталов водою немало помочило». Эмин

Мегмет-паша был «немало удивлен» видом другого фонтана, где «утки и сабаки яко живые плавают». Завершилось чествование роскошным обедом в саду на коврах³⁶⁰. 29 августа последовал бал по случаю тезоименитства императора; пришлось улещать закапризничавшего турка — его якобы поздно известили да еще прислали за ним неукрашенную барку. 31 августа отмечался праздник ордена Святого Александра Невского. 4 сентября паше устроили обед в «летнем доме». 5-го было тезоименитство Елизаветы; Анна подарила «сестрице» драгоценный эгрет и золотой сервиз.

В апартаментах принцессы висел портрет графа. Сам он, вероятно, был настолько уверен в собственной неотразимости и чувствах к нему правительницы Российской империи, что позволял себе публично выговаривать ей: «Вы сделали глупость»³⁶¹. Вице-канцлеру Остерману и генералиссимусу Антону Ульриху пришлось решать сложную внешнеполитическую задачу: заставить австрийских министров повлиять на Августа III, чтобы тот отозвал своего посланника из Петербурга³⁶². В ответ правительница манкировала супружеским долгом. Шетарди сообщал, что верная Юлиана Менгден просто не впускала принца в апартаменты его жены. Порой и в государственных делах Анна жестко ставила генералиссимуса на место: манифест о победе русских войск над шведами под Вильманстрандом, напечатанный от имени Антона Ульриха, был изъят и заменен новым — от имени императора³⁶³.

Анна нашла себе союзника в лице М. Г. Головкина. Благодаря своей жене, приходившейся правительнице двоюродной теткой, граф сумел стать одним из самых близких к ней людей. На следствии после воцарения Елизаветы ему вменялось в вину, что он очень часто поутру был у принцессы на приеме, «а по полудни почти всегда». Долго находившийся не у дел, он стремился наверстать упущенное и подавал рассуждения и представления на самые разные темы: о рекрутах, беглых крестьянах, продаже леса за границу и т. д. Именно Головкина

современники связывали с проектами изменения завещания Анны Иоанновны и передачи короны самой правительнице.

Не терял надежд на возвращение к власти и Миних, чьей заступницей была не терпевшая Остермана фрейлина и лучшая подруга «регентины» Юлиана Менгден, состоявшая с бывшим первым министром в близком родстве.

При таком раскладе было мудро наладить сколько-нибудь серьезное сотрудничество внутри ближайшего окружения принцессы. На какое-то время всех объединила оппозиция Бирону, но затем интересы придворных группировок неизбежно разошлись.

Конечно, чиновники высшей администрации империи не могли пожаловаться на пренебрежение их заслугами. Президент Юстиц-коллегии И. Трубецкой, вице-президент Вотчинной коллегии А. Комынин, генерал-рекетмейстер Ф. Щербатов, руководители Сысного приказа (Я. Кропоткин), Ямской канцелярии (Ф. Сухово-Кобылин), Канцелярии от строений (И. Микулин), новгородский вице-губернатор А. Бредихин при Анне стали действительными статскими советниками. Следующие военные или статские чины получили и другие губернаторы и вице-губернаторы — А. Оболенский, Д. Друцкий, Л. Соймонов, С. Гагарин, П. Аксаков.

Но получившие от правительницы повышение в чине или должности не всегда становились для нее надежной опорой. Майоры Семеновского полка В. Чичерин, Н. Соковнин, пострадавшие при Бироне и обласканные Анной, а также действительный статский советник А. Яковлев, генерал-лейтенант М. Хрущов служили ей верно. Но командиры гвардейских полков (Измайловского — И. Гампф, Конногвардейского — Ю. Ливен и П. Черкасский, Преображенского — П. Воейков) в ноябре 1741 года не только не выступили в защиту правительницы, но ревностно выполняли все приказы Елизаветы, как и некоторые другие «назначенцы» Анны — ее камер-юнкер Иван Брылкин, ставший обер-прокурором Сената, или Ф. Наумов, сменивший Я. Шаховского на посту главы полиции.

Состоявшиеся назначения были, по-видимому, не всегда продуманными. Так, в сентябре 1741 года состав Сената был существенно пополнен: «Понеже в нашем Сенате для исправления врученных оному многих государственных дел сенаторов обретается недовольно, а которые и есть, но и те обязаны другими положенными на них комиссиями и следовательно в Сенате так часто, как того нужно исправление дел требует, присутствовать не могут, от чего в сенатских делах остановка происходит, и дабы оные без остановки и с лучшим успехом исправляемы были, того ради в прибавление к обретающимся ныне сенаторам всеилостивейше определили, присутствовать в нашем Сенате: астраханскому губернатору кн. Михаиле Михайловичу Голицыну, воронежскому губернатору князю Григорию Урусову, генерал-адъютанту графу Петру Салтыкову, камергеру Алексею Пушкину и действительному статскому советнику князю Якову Шаховскому».

Однако введенные в Сенат Пушкин, Шаховской, Салтыков, Голицын выражали недовольство и новыми обязанностями и тем, что перед назначением с ними не посоветовались³⁶⁴. Сама Анна, в отличие от Бирона, ни разу не удосужилась посетить Сенат. Да и работал он не лучше прежнего. Рапорты секретарей показывают, что, например, в октябре 1741 года на сенатских заседаниях ни разу не присутствовали А. И. Ушаков, сказавшийся больным, и Г. П. Чернышев без всякого объяснения. Из четырнадцати присутственных дней камергер В. И. Стрешнев пропустил десять, другой камергер А. М. Пушкин — шесть (находились во дворце); тайный советник В. Ф. Наумов (по болезни или по причине присутствия «в полиции») — семь; находившийся на дежурстве во дворце генерал-адъютант П. С. Салтыков — шесть. Таким образом, из отмеченных секретарем десяти действительных сенаторов половина исполняла служебные обязанности весьма неаккуратно³⁶⁵.

Общего количества повышений по службе за год правления Анны нам установить не удалось, но ясно, что оно измерялось сотнями. Только по спискам новопожалованных в чины статского советника и выше, подготовленным к

подписанию Герольдмейстерской конторой 17 и 22 сентября 1741 года, их оказалось 127³⁶⁶. Но всегда ли щедро даримые милости были уместны? Правительница пожаловала в генерал-майоры бригадира С. Ю. Караулова, участника всех войн и походов 1710—1730-х годов, вопреки мнению Военной коллегии. Вышедший после сибирской ссылки в отставку «арап Петра Великого» Абрам Ганнибал в 1741 году вернулся на службу подполковником артиллерии в ревельский гарнизон и получил от правительницы в аренду мызу «Ругола»³⁶⁷.

Анна не ленилась лично отпускать со службы: «По сему доношению оного полковника Скрыпицына отставить вовсе с награждением ранга. По указу именем его императорского величества Анна»³⁶⁸, — и ветеран Азовских походов по указу от 6 апреля 1741 года ушел на покой бригадиром. В этот день правительница вообще потрудились на совесть — сочинила целых 12 резолюций на поданные ей бумаги.

Как тут не вспомнить «учебник» придворной мудрости Бальтазара Грациана! Не зря его автор подчеркивал, что не стоит «всякому всё давать» и «сей пункт владеющим зело надобен, понеже приятной и учливой их отказ лутче грубого обещания». Анна, конечно, не грубила, но и едва ли осознавала, как могли восприниматься ее пожалования. Наряду с заслуженными военными и безвинно пострадавшими награды получали любимая фрейлина Юлиана Менгден и ее родственники: им были дарованы доходные посты и «мызы» в Прибалтике³⁶⁹. Статс-дама, жена камергера Степана Лопухина и любовница обер-гофмаршала Левенвольде Наталья Лопухина попросила полторы тысячи душ по причине «крайнего разорения» и стала обладательницей целой волости в Суздальском уезде — принцесса не могла обидеть фрейлину своей матери. Любопытно, что свое прошение первая красавица двора подписала «по-иностранному»: *Nataliya Lapuhin*; такая, видно, была при регентше придворная мода. Безвестному подпоручику Алексею Еропкину на оплату долгов брата правительница презентовала 556 душ, а проворовавшийся при Анне Иоанновне придворный камер-цалмейстер

Александр Кайсаров был не только возвращен из ссылки, но и получил назад все свои конфискованные деревни с 1198 душами³⁷⁰.

Другим же не доставалось ничего. Поданная в августе 1741 года челобитная не пользовавшегося доверием правительницы генерал-прокурора Никиты Юрьевича Трубецкого (вельможа жаловался на бедность, поскольку имел большую семью — семерых детей и троих «пасынков» — и всего две тысячи душ, и просил наградить его «деревнями») осталась без ответа³⁷¹. Вместе с боевыми офицерами чины и награды давались придворным кофишенкам, лакеям, кухеншрейберам да и просто по знакомству; так получил звание лейтенанта знаменитый впоследствии барон Мюнхгаузен³⁷².

Всегда ли милости правительницы были уместны? В одних случаях они спасали людям жизнь — к примеру, раскаявшемуся «коррупционеру», бывшему прапорщику ведавшей строительством в Петербурге Канцелярии от строений Прокофию Карлинцову. Выслужившийся офицер (состоял на службе аж с 1704 года!) постоянно имел дело с подрядчиками казны и однажды не удержался — взял с купца 100 рублей и «платье», закрыв глаза на недопоставку гвоздей. А дальше Карлинцов вошел во вкус — и понеслось: он пьянствовал и за вино, оловянную посуду, сахар, сукно и прочие подношения «не замечал» грехи поставщиков камня, щебня, леса и прочих стройматериалов. Но, видно, совесть Прокофия заела — 1 мая 1735 года он добровольно явился в Сенат и «вину свою объявил», за что после пяти лет следствия получил в августе 1740 года смертный приговор, который так и не был приведен в исполнение³⁷³.

В то же время наказаний избежали вдова Екатерина Кожина, обвиненная в умышленном убийстве незаконнорожденного ребенка, скупщики краденого, бывший лейтенант флота растратчик Иван Чириков и взяточник-ассессор Алексей Владыкин. Пойманных на подлогах чиновников петербургской воеводской канцелярии (комиссаров Михаилу Рукина, Михаилу Воинова, Антона Лихачева, Николая Пырского и их подчиненных-

канцеляристов) не только освободили от кнута и сибирской ссылки, но и отпустили «на свое пропитание... куда похотят» и даже разрешили вновь поступить на службу³⁷⁴. На енисейского воеводу-взяточника Михаила Полуэктова подавали десятки челобитных, обвиняя «в бою и в обидах», во взяточничестве и продаже пороха «в чужое государство», но лихой администратор «к суду не шел» девять лет и угодил под следствие только по линии Тайной канцелярии; Анна же в последний день 1740 года повелела «вину ему упустить»³⁷⁵.

К тому же окружавшие регентшу лица умело использовали массовые награждения для продвижения по службе своих людей, «не взирая на старшинство» (в этом признались на следствии Б. Х. Миних и М. Г. Головкин). Так, Никита Ушаков был пожалован в майоры (чин VIII класса по Табели о рангах), а через месяц стал уже статским советником (V класс); Иван Козловский «прыгнул» в майоры прямо из поручиков (XII класс). Произвольные повышения — через один и даже два ранга — нарушали сложившиеся традиции чинопроизводства. Не случайно после переворота 1741 года одним из первых актов правительства Елизаветы стал указ о соблюдении порядка повышения в чинах «по старшинству и заслугам»³⁷⁶.

Новые правители явно не умели выбирать помощников и удерживать сторонников. Еще в январе 1741 года был по прошению уволен в отставку Андрей Яковлев, в марте получили отставку капитаны Петр Ханыков и Иван Алфимов, вслед за ними ушел со службы только что ставший полковником и придворным Анны Любим Пустошкин — те, кто прошлой осенью шли на риск ради брауншвейгского семейства.

Прусский посланник Мардефельд в июле 1741 года резюмировал плоды «милостивой» политики правительницы: «Нынешнее правительство самое мягкое из всех, бывших в этом государстве. Русские злоупотребляют этим. Они крадут и грабят со всех сторон и все-таки крайне недовольны, отчасти потому, что регентша не разговаривает с ними, а отчасти из-за того, что герцог

Брауншвейгский следует слепо советам директора его канцелярии, некоего Грамотина, еще более корыстного, чем отвратительный Фенин, бывший секретарь Миниха»³⁷⁷.

Этот самый Фенин уже в марте 1741 года был отстранен от должности и сидел под арестом в Военной коллегии. Бывший рекетмейстер в длинной челобитной чистосердечно «исповедал» свои вины и объяснил, что брал-то с просителей по мелочам — серебряные чашки, кофейник, табакерки, деньги по сотне-полторы, а старый приятель подполковник Зиновьев «по дружбе... привел... малчика и девачку киргис кайсаков»³⁷⁸. Так же действовал и Грамотин. На следствии после переворота 25 ноября 1741 года он простодушно объяснял, что взятки «с принуждения или с уговоров» не вымогал, но если давали «без всякого принуждения», отчего было не взять золотую табакерку, коляску с парой лошадей, часы — исключительно «для одного своего неимущества»³⁷⁹.

Едва ли добавило Анне популярности и ее увлечение графом Динаром — слишком уж он напоминал только что свергнутого Бирона. К тому же придворные милости едва ли ощущались народом. Летом 1741 года полиция заставляла торговцев продавать мясо по ценам, указанным в специальных таблицах, вывешенных на всеобщее обозрение; проблемы стоимости и качества продовольствия обсуждались на заседаниях Кабинета министров. Однако при обычной зарплате неквалифицированных рабочих в 7–9 рублей в год даже «государственные» цены (четверть ржаной муки — 1 рубль 70 копеек; пуд говядины — 50–80 копеек) были для них слишком высоки³⁸⁰. Полиция, как и при Анне Иоанновне, брала с обывателей штрафы за поломку «линейных берез», регистрировала извозчиков — клеймила хомуты их лошадей, «с крайним прилежанием» ловила нищих, но по личному распоряжению правительницы освободила слугителей протестантских кирх от тяжелой повинности мостить улицы.

Фаворитизм, отсутствие твердого курса внутренней и внешней политики приводили к расстройству работы и без того несовершенного аппарата. Как известно, «пряников

сладких всегда не хватает на всех»: иные челобитчики, пробившиеся на самый «верх», по распоряжениям из Кабинета правительницы отведали кнута за жалобу на помещика или подачу прошения напрямую, минуя положенные инстанции. Принятые решения не исполнялись — к примеру, «Регламент и работные регулы» для рабочих суконных мануфактур (против них выступали предприниматели, недовольные ограничением своих прав) остались на бумаге — или сменялись противоположными.

В нарушение положения о подушной подати сверх нее с инородцев и черносозных крестьян стали собирать хлеб на довольствие армии³⁸¹. Подготовленное генерал-прокурором Н. Ю. Трубецким назначение новых прокуроров было отменено без объяснения причин — скорее всего, по проискам Остермана, на следствии оправдывавшего этот шаг бюрократическим аргументом: «От прокуроров в делах остановка». Несостоявшиеся прокуроры дружно били челом о скорейшем определении к делам; правительнице в срочном порядке пришлось решать, куда назначить 36 оставшихся без жалованья чиновников, притом так, чтобы новыми должностями не обидеть их перед «прочей братьею»³⁸².

Министры упражнялись в принятии частных — и не очень продуманных — решений. В сентябре 1741 года они издали указ «о содержании высшими и нижними чинами упряжных лошадей по классам», согласно которому генерал-фельдмаршалу дозволялось иметь 12 лошадей, полковнику — четырех, подпоручику и прапорщику — по одной; статским чиновникам — сообразно соответствующим классам по Табели о рангах. Лицам духовного звания полагалось: архиереям по восемь лошадей, архимандритам по три, попам и дьяконам по одной. Купцы первой гильдии имели право держать двух лошадей, второй и третьей — одну, а «нижним никому не иметь». По этому же указу владельцам «лишних» лошадей предписывалось их продать или отослать в свои деревни, «а ежели кто будет держать лошадей кому не надлежит, а кому и надлежит да сверх вышепоказанного указного числа излишних, и за указными

сроки у тех оные лошади взяты будут в казну безденежно»³⁸³.

Министры, похоже, желали сократить количество упряжных лошадей в столице, но указ сразу породил проблемы. Купцы стали обращаться в Сенат с жалобами, ведь они держали лошадей не для пышных выездов, а для дела. Столичный купец первой гильдии Чиркин объяснял, что владеет на Васильевском острове домом, где находятся пивные и медовые варницы, кожевенный и солодовый заводы, и по откупу имеет питейную продажу в нескольких местах, а потому содержит для доставки вина, пива и меда от пяти до восьми лошадей, а полагающимися по закону двумя обойтись никак не сможет. Сенаторы истолковали указ в том смысле, что владельцам предприятий и прочим деловым людям содержать нужное количество тягловой силы «чинить надлежит позволение», — и тем избавили город от транспортного кризиса. Едва ли ограничение количества упряжных животных прибавило правителям популярности (кстати, пришедшая к власти Елизавета поспешила его отменить)³⁸⁴.

«В настоящий момент все идут врозь», — характеризовал деятельность правительства в октябре 1741 года француз Шетарди, и такие же отзывы о русском дворе давал его английский коллега и соперник Финч. В донесениях той поры дипломаты сообщали, что Анна при поддержке Головкина выступает против мужа и руководившего его действиями Остермана, которого даже обвиняли в замысле посадить на трон Антона Ульриха. Головкин стремился создать в Кабинете противовес Остерману в лице осужденного вместе с Бироном, но уже возвращенного из ссылки А. П. Бестужева-Рюмина, который в октябре был принят Анной. В результате этих склок принц фактически потерял всякое влияние. «Внутренний разлад при здешнем дворе усиливается», — докладывал Финч 24 ноября, накануне переворота³⁸⁵. Остерман чуял недоброе, предупреждал Анну и ее окружение — ему не верили; с отчаяния он стал проситься в отставку и собирался отбыть

на модный заграничный курорт Спа — но впервые в жизни не успел...

По наущению Головкина (он признался в этом на следствии) и любимой фрейлины Юлии Анна решилась, наконец, изменить свой неопределенный статус и издать новый акт о престолонаследии. У себя в спальне она дала указание действительному статскому советнику Ивану Тимирязеву подготовить два манифеста: «Один в такой силе, что буде волей Божиею государя не станет и братьев после него наследников не будет, то быть принцессам по старшинству; в другом напиши, что ежели таким же образом государя не станет, чтоб наследницею быть мне»³⁸⁶.

Повеление правительницы было исполнено — были составлены два проекта без даты и без подписи, которые должны были определять судьбу престола в случае смерти императора до достижения совершеннолетия. Первый от имени Иоанна III с применением уже опробованной формулы («по усердному желанию и прошению всех наших верных подданных») гласил: «...учреждаем и определяем на всероссийский наш императорский престол наследницу — ее императорское высочество великую княгиню всероссийскую Анну, нашу любезнейшую государыню мать». Второй передавал трон «светлейшим принцам братьям нашим» от того же брака или, «если мужеска полу не будет», сестрам — Екатерине и тем, которые родятся после нее; в случае же и их смерти мать «наследника на всероссийский императорский престол избрать и определить имеет»³⁸⁷. Из доноса канцеляриста Дронова следует, что окончательная редакция этих документов принадлежала М. Г. Головкину³⁸⁸.

Очевидно, Анна понимала, что такое «домашнее» правотворчество в важнейшем для государственного устройства вопросе может вызвать возражения. В специальной записке, адресованной, вероятно, Остерману, она написала: «Для известного дела я признаваю за лутчее, чтоб вам з Головкиным сношение иметь, понеже он, Головкин, то дело зачал, и дабы в противном случае оттого

не произошли бы ссоры»³⁸⁹. 1 ноября 1741 года был подготовлен проект секретного указа Кабинету министров, требовавший созвать заседание с участием фельдмаршала Миниха, генералов Ушакова и Левашова, адмирала Головина, генерал-прокурора Трубецкого, чтобы «иметь рассуждение» по поводу престолонаследия: самой ли правительнице воцариться в случае смерти младенца-императора («мне ли быть, пока Господь наследника мною всей российской империи наградит») или сначала вручить престол дочерям. Анну интересовал также вопрос, будет ли круг наследников ограничиваться ее детьми только от данного супружества; можно полагать, что к тому времени она рассматривала брак с Антоном Ульрихом как явление временное³⁹⁰.

Предполагаемое совещание состоялось — но в более узком составе, без участия генерал-прокурора и военных. Запись происходивших 2–3 ноября разговоров А. И. Остермана с М. Г. Головкиным, А. М. Черкасским и новгородским архиепископом Амвросием Юшкевичем сохранилась; она явно была составлена самим страдавшим от подагры Остерманом: автор упоминал о том, что беседы происходили в его доме, а самого его периодически выносили в другую комнату «для известной моей болезни».

Согласно сделанному в то же время переводу, главный инициатор этого замысла кабинет-министр Михаил Гаврилович Головкин настойчивости не проявил, а, наоборот, 2 ноября заявил Остерману, что спешить не следует, и отправился домой «подумать». На следующий день кабинет-министры всё же съехались и стали обсуждать предложение с участием архиепископа Амвросия.

Документ свидетельствует о том, что участники отнюдь не спешили принять решение — и в итоге обратились за советом к тому же Остерману. Осторожный министр склонялся к тому, что «потребно наследство именно утвердить и на принцессе, сестре императорские», не упоминая о передаче престола матери. Амвросий настаивал, чтобы Анна Леопольдовна правительствовала «с полной

самодержавной властью», но поддержки не получил. Головкин опять от принятия решения уклонился, поскольку считал, что о принцессах-наследницах нужно вести переговоры с «генералитетом» и Сенатом, а затем вообще предложил отложить обсуждение на неопределенное время. В итоге присутствовавшие согласились распространить право наследования на сестру императора, а вопрос о воцарении матери остался открытым³⁹¹.

Очевидно, среди советников правительницы единства в данном вопросе не было. Остерман подвел итог трехдневному совещанию: «Всяк из них хотел о том деле у себя дома подумать». Но каких-либо следов последующего обсуждения проблемы престолонаследия не сохранилось.

Правда, Елизавета после нового дворцового переворота обвинила правительницу в подготовке «определения» о провозглашении себя «в императрицы всероссийские»³⁹². Вскоре после вступления на престол Елизаветы Мардефельд и Манштейн также сообщили, что ее соперница собиралась объявить себя императрицей к дню своего рождения 7 декабря 1741 года³⁹³. Затем уже в XIX веке эмигрант П. В. Долгоруков столь же определенно указывал на манифест о предстоявшей коронации Анны Леопольдовны 6 декабря³⁹⁴. Однако в числе дошедших до нас документов последних дней правления Иоанна III, связанных с проблемой престолонаследия, подобного акта не обнаружено. По-видимому, за три недели, остававшиеся до нового переворота, окончательное решение так и не было принято.

«Партия» Елизаветы?

Историки со времен С. М. Соловьева до работ последних лет связывают приход к власти Елизаветы с наличием хорошо законспирированного заговора с участием гвардейских офицеров, известных государственных деятелей и генералов. В представлениях современников и потомков к заговору имел отношение французский посол при русском дворе маркиз де ла Шетарди. Инструкции, полученные им от парижского начальства, предусматривали возможность «внутреннего переворота» в России со стороны старинных русских фамилий, «недовольных иноземным игом». О ситуации в правящем кругу речь пойдет ниже, пока же стоит отметить, что французская дипломатия исходила из признания переворотной ситуации как нормы российской политики.

После свержения Бирона центром притяжения интриг стали «малый» двор цесаревны Елизаветы и посол Шетарди. Уже в начале декабря 1740 года шведский дипломат Нолькен информировал французского коллегу о наличии у принцессы своей «партии», в которую якобы входили обер-прокурор Сената И. И. Бахметев, генерал-майор Г. А. Урусов, обер-комендант столицы С. Л. Игнатьев. Помимо названных выше лиц Елизавета рассчитывала на поддержку канцлера А. М. Черкасского и архиепископа Амвросия. В числе своих сторонников она назвала шефа Тайной канцелярии Ушакова, а также «всех офицеров гвардии русского происхождения», которых должны были поддержать полки петербургского гарнизона и сотни ее приверженцев в провинции. Позднее сама Елизавета назвала Шетарди, что на ее стороне князя Трубецкие (генерал-фельдмаршал и генерал-прокурор Сената) и гвардейский подполковник принц Гессен-Гомбургский³⁹⁵. Судя по заявлениям Елизаветы, она рассчитывала и на А. И. Остермана³⁹⁶. Не стал ли провал этих расчетов причиной расправы с прежде «непотопляемым» вельможей?

Контакты Нолькена с Елизаветой осуществлялись через ее доверенного врача Армана Лестока, который в ноябре 1740 года секретно посетил и французского дипломата. При личных встречах со шведским послом в начале января 1741 года цесаревна заявила о готовности ее «партии» к немедленному выступлению, «как только придут иностранцы с явным намерением поддержать права потомства Петра I». Под иностранцами принцесса подразумевала готовившуюся к реваншу Швецию, а наследником при вступлении на престол хотела объявить своего голштинского племянника.

Из донесений Шетарди следует, что уже в начале 1741 года против непопулярных правителей образовался заговор во главе с Елизаветой. Француз даже обратился к начальству за разрешением на свое участие в готовившейся акции. Елизавета же не решалась выступить без шведской поддержки, но в то же время упорно отказывалась подписать документ, содержащий обещание территориальных уступок Швеции в обмен на помощь в возведении ее на престол.

Насколько реальна связь деятельности «партии» Елизаветы с произошедшим в ночь с 24 на 25 ноября 1741 года переворотом, ставшим явной неожиданностью для французского посла? Что вообще нам известно о заговоре? Безусловно, в «переворотной» атмосфере конца 1740-х годов у Елизаветы вполне могла появиться мысль об изменении ситуации в свою пользу. Принца Антона она даже при солдатах его полка не стеснялась называть «дурачком»³⁹⁷. Ее отношение к правительнице угадать труднее. Манштейн указывал, что в первые месяцы после свержения Бирона «сестрицы» находились «в величайшем согласии». Елизавета стала восприемницей дочери правительницы; сама Анна делала подарки родственнице от себя и от имени младенца-императора, которому цесаревна, в свою очередь, подарила два пистолета и ружье³⁹⁸.

Однако в беседах с Нолькеном Елизавета уже в декабре 1740 года высказывала предположение, что ее соперница стремится провозгласить себя императрицей; этими же

опасениями делился с Шетарди Лесток. За домом цесаревны и посещавшим его французским послом по инициативе принца Антона Ульриха в январе 1741 года была установлена слежка — правда, из объяснений «сыщиков» (переодетых гвардейских солдат) следует, что главным объектом наблюдений была не Елизавета, а фельдмаршал Миних³⁹⁹.

В апреле английский посол Финч по поручению своего правительства конфиденциально известил Остермана и мужа правительницы: из полученных в Стокгольме докладов Нолькена следует, «будто в России образовалась большая партия, готовая взяться за оружие для возведения на престол великой княгини Елизаветы Петровны и соединиться с этой целью со шведами, едва они перейдут границу»⁴⁰⁰. В числе активных участников заговора были названы Шетарди и Лесток. Но эта информация не вызвала никаких мер предосторожности, если не считать неожиданного предложения, сделанного Остерманом англичанину: напоить Лестока для выяснения содержания ночных бесед принцессы с французским послом. Естественно, британский дипломат от подобного «задания» уклонился.

Остерман был прекрасно информирован о приближавшейся войне со Швецией и даже точно назвал Финчу дату ее начала, но не принял никаких ответных мер. Поведение министра кажется странным, ведь в это время, если судить по данным Шетарди и Нолькена, сложился заговор офицеров гвардии во главе с отвечавшими за безопасность столицы генералами. Однако сохранившиеся материалы Кабинета и Тайной канцелярии не содержат никаких распоряжений по этому делу. Канцлера Черкасского в августе 1741 года хватил удар, а Ушаков демонстративно уклонялся от контактов с Шетарди, чем даже вызвал беспокойство посла и его начальства. О каких-либо действиях (или хотя бы высказываниях) в пользу Елизаветы со стороны Трубецких и принца Гессен-Гомбургского также ничего не известно. Все названные царедворцы сохранили свое высокое положение с

воцарением Елизаветы, но ни один из них не принимал непосредственного участия в перевороте.

Однако цесаревна и не скрывала от дипломатов отсутствия у нее организованной поддержки: «На здешний народ не надо смотреть, как на прочие нации, где для успеха плана необходимо, чтобы все меры были обдуманы, приняты и обусловлены заранее, здесь же... слишком велико недоверие между отдельными лицами, чтобы можно было заранее привести их к соглашению; главное состоит в том, чтобы заручиться их сочувствием отдельно, а как скоро начал бы действовать один, всё двинулось бы, как снежная лавина: всякий с удовольствием бы присоединился к движению, считая, что он равным образом разделит и славу успеха; в худшем же случае она, принцесса, предложит себя в предводители гвардии»⁴⁰¹.

Дочери Петра Великого нельзя отказать в понимании трудности стоявшей перед ней задачи: в условиях склок и разброда создать сплоченную опору из высших сановников было едва ли возможно. Но интересно, что кандидатка на трон предполагала обратиться к гвардии только в «худшем случае». Очевидно, началом «лавины», которая должна была вознести ее к власти, могла стать смерть царя-младенца. В разговорах с Шетарди она не раз высказывала предположение (или надежду?), что мальчик «непременно умрет при первом сколько-нибудь продолжительном нездоровье»⁴⁰².

В этом случае — при отсутствии другого законного наследника «из того же супружества» — завещание Анны Иоанновны теряло силу, Анна Леопольдовна лишалась оснований претендовать на регентство, а Елизавета обретала бесспорные права на престол как дочь царствовавшего императора. В такой ситуации выступление нескольких высших должностных лиц, не выходящее за рамки придворного круга и без какого-либо насилия, вполне могло предоставить корону дочери Петра.

Но прогноз относительно близкой смерти императора оказался ошибочным, а переговоры с Нолькеном и Шетарди подталкивали принцессу к действиям накануне шведского

вторжения. Шетарди подробно докладывал в донесениях в Париж, как они с Нолькеном пытались добиться от Елизаветы согласия на ревизию условий Ништадтского мира. Но о конкретной подготовке переворота он мог сообщить очень немного — и то со слов Лестока или другого поверенного принцессы, саксонского искателя приключений Христофора Якова Шварца, успевшего съездить с посольством в Китай, поступить на службу в географический департамент Академии наук и состоявшего придворным музыкантом Елизаветы.

В переписке Шетарди не раз фигурировал «план принцессы Елизаветы», но о его деталях и исполнителях посол ничего сообщить не мог. Только в депеше от 19 мая 1741 года он упомянул о каких-то гвардейских офицерах, согласно информации Шварца, готовых к действию. Затем Шварц передал послу, что некие офицеры были взволнованы предполагавшимся браком Елизаветы с принцем Людвигом, братом Антона Брауншвейгского⁴⁰³.

Заявления Елизаветы о готовности ее «партии» стали вызывать сомнения у дипломатов. Перед отъездом Нолькен настойчиво пытался уточнить количество ее сторонников в гвардии, но цесаревна ограничилась лишь обещанием действовать со своей «партией» мужественно. Уже после начала военных действий в августе она поставила Шетарди в известность о том, что раздала своим приверженцам две тысячи рублей. В начале сентября Шварц занял у Шетарди две тысячи червонных, сообщив ему, что каждый из солдат, отправленных на фронт в составе сводного гвардейского отряда, получил от принцессы пять рублей⁴⁰⁴.

На этом вся информация французского посла о подготовке заговора заканчивается. 15 сентября Елизавета заявила Шетарди, что действия ее сторонников будут безуспешны, пока шведы не сделают всего, что обещано, то есть не объявят о появлении в Швеции голштинского принца и не распространят прокламацию против «иноземного правления» в России⁴⁰⁵. Обещание было исполнено. Однако на русскую армию шведский «пашквиль» впечатления не произвел — о нем молчат и доклады

главнокомандующего, и дела Тайной канцелярии. Зато реакция правительства была резкой: 22 сентября к главнокомандующему П. П. Ласси полетели указы о вскрытии в Риге и Ревеле поступавшей из центра почты и о расправе с распространителями «бесчестных писем» неприятельской стороны: «...живыми на кол посадить надлежит». Все солдаты и офицеры, обнаружившие подобные воззвания, должны были немедленно сжечь их «бес прочтения» под страхом жестокого наказания⁴⁰⁶.

С этого времени и до самого переворота Шетарди так и не смог сообщить в Париж ничего обнадеживающего о действиях сторонников Елизаветы. За день до переворота посол уже без всякого энтузиазма докладывал: «Если партия принцессы не порождение фантазии (а это я заботливо расследую, обратившись к ней с настойчивым расспросом), вы согласитесь, что весьма трудно будет, чтобы она могла приступить к действиям, соблюдая осторожность, пока она не в состоянии ожидать помощи...»⁴⁰⁷

Можно предположить, что инициаторы заговора скрывали свои планы и состав участников от Шетарди. Но тогда трудно объяснить тот факт, о котором французский посол сообщал 15(26) октября 1741 года: к нему в полночь явился камергер Елизаветы с заявлением, что, по сведениям принцессы, царь умер, и спросил, что делать⁴⁰⁸. Шетарди спросонья вынужден был давать инструкции: Елизавете нужно срочно «сговориться с членами партии» и лично возглавить их. И это при наличии якобы широкого круга заговорщиков-офицеров во главе с опытными генералами и при поддержке первых лиц государства?

Беспомощность, проявленная Елизаветой Петровной, как и отсутствие информации о ее сторонниках, заставляют предположить, что заговора с участием высокопоставленных лиц не было. Все сведения о нем содержатся лишь в донесениях Шетарди и Нолькена, которые получали их со слов самой Елизаветы, Лестока и Шварца и не имели возможности проверить. Напомним, что предупреждение о заговоре, сделанное Финчем Остерману

и Антону Ульриху, также основано на полученных англичанами в Швеции данных из донесений Нолькена, к которому они поступали из тех же источников.

Если усомниться в реальности заговора, становится понятным отсутствие каких-либо сведений о нем в делах Кабинета министров и Канцелярии тайных розыскных дел. В таком случае объяснимо и отсутствие правительственных репрессий и после сообщения Финча, и после письма Линара, в августе 1741 года предупреждавшего правительницу о «мятежных замыслах» иностранного министра. Ночные разговоры Елизаветы с французским послом беспокоили Остермана, но реальной опасности не представляли. Материалы следствия по делу министров Анны Леопольдовны не содержат никаких указаний на то, что слежка за домом Елизаветы, продолжавшаяся до осени 1741 года, дала какие-то результаты.

Главной причиной переворота традиционно считался патриотический подъем в обществе. Однако приводимые в доказательство факты относятся только к гвардии (точнее, к ее «старым» полкам) и так же, как свидетельства Миниха-отца и Манштейна, в значительной части извлечены из донесений иностранных дипломатов. Хотелось бы знать, какими в действительности были политические симпатии офицеров, чиновников и простых городских обывателей, но пока такой картины у нас нет. Что касается признания за Елизаветой прав на престол, то едва ли оно было единодушным; до нас дошли и совершенно противоположные отзывы. Так, например, в октябре 1740 года крепостные князя Мышецкого в избе обсуждали текущие политические новости и рассуждали, кому быть царем после Анны Иоанновны. Когда прозвучало имя Елизаветы, хозяин дома Филат Наумов, лежа на печи, «отвел» ее кандидатуру как недостойную: «Слыхал он, что она выблядок»⁴⁰⁹.

В делах Тайной канцелярии 1741 года нет упоминаний о правах Елизаветы на престол. Едва ли не единственным случаем такого рода стало письмо к ней «польской нации шляхтича» Петра Прокофьева о явленном ему «гласе с

неба»: он, как российский царь Петр, должен взять в жены «российскую цесаревну Елизавету». В сентябре 1741 года дело было передано в Синод, в чьем ведении состояли душевнобольные⁴¹⁰.

Очевидно, фактором, максимально способствовавшим новому перевороту, стала деградация самого режима Анны Леопольдовны летом — осенью 1741 года. Погруженная в личные и семейные проблемы правительница к этому времени, по-видимому, утратила контроль над своим окружением. Но толки о престолонаследии не могли не беспокоить Елизавету и ее сторонников, тем более что существовал проект выдать цесаревну замуж за младшего брата Антона Ульриха, принца Людвига, которого покорные чины Курляндии только что избрали своим герцогом вместо Бирона⁴¹¹. Надежды на поддержку шведов рухнули после поражения 23 августа при Вильманстран-де; опубликованный ими манифест о борьбе с министрами-иностранцами никакого отклика не вызвал. Единственная надежда у принцессы оставалась на гвардию — но не на командиров, а на «солдатство». Наутро после совершённого переворота Шетарди написал в Париж о том, что накануне со слов «доверенного лица» цесаревны узнал: «...основою партии [Елизаветы] служат народ и солдаты, и что лишь после того, как они начнут дело... лишь тогда лица с известным положением и офицеры, преданные принцессе, в состоянии будут открыто выразить свои чувства»⁴¹².

Солдатская конспирация

Как известно, дворцовый переворот произошел с триумфальным успехом и без какого-либо сопротивления. Каковы же были его пружины, если версия о заговоре выглядит не вполне убедительной? Серьезных аргументов в пользу всеобщих «патриотических» симпатий к Елизавете в обществе нет. Конечно, в гвардии дочь Петра Великого пользовалась популярностью, однако арестованные регентом Бироном офицеры не упоминали имени цесаревны в качестве достойной кандидатуры на престол. Нельзя также сказать, что утверждение у власти Анны Леопольдовны было встречено в полках с неудовольствием.

В первые месяцы правления Анны Леопольдовны не встречается случаев неуважительных отзывов о ней солдат, тем более что правительница явно стремилась добиться расположения гвардии. Напомним, что участники ареста Бирона получили следующие чины; 52 бездействовавших караульных гренадера — по шесть рублей, а 177 мушкетеров — по пять. Офицеров регулярно приглашали на приемы-куртаги. Парады на придворных празднествах сопровождалась распоряжениями Дворцовой конторе непременно обеспечить их участников двумя чарками водки и пивом, а при нехватке пива «неотменно взять где возможно за деньги, токмо при том смотреть, дабы то пиво было доброе и не кислое и чтоб нарекания на оное никакого быть не могло»⁴¹³. Полковые праздники отмечались особыми «трактованиями» от дворца для всех штаб- и обер-офицеров. Именно при Анне Леопольдовне гвардейцам стали выдавать по десять рублей за несение ночных караулов во дворце. В апреле 1741 года правительница распорядилась, чтобы работавшие на постройке казарм гвардейские солдаты получали оплату в размере четырех копеек в день⁴¹⁴. Новый генералиссимус также считал необходимым проявить заботу о гвардии: в том же апреле он распорядился сварить для солдат специальное пиво на

осиновой коре, сосновых шишках и можжевельнике для профилактики цинги.

Однако сохранившиеся книги приказов по полкам за 1740–1741 годы показывают: дисциплина в частях была явно не на высоте и взыскания по количеству namного превосходили поощрения. Из месяца в месяц повторялись приказы офицерам следить, чтобы их подчиненные «в квартирах своих стояли смирно и никаких своевольств и обид не чинили и без позволения никто никуда с квартир не отлучались». Но солдаты являлись на службу «в немалой нечистоте», «безвестно отлучались» с караулов, играли в карты и устраивали дебоши «на кабаках» и в «бляцких домах». Они «бесстрашно чинили обиды» обывателям, устраивали на улицах драки и пальбу, «являлись в кражах» на городских рынках и у своих же товарищей (к примеру, Кондрат Федулин из Семеновского полка был настоящим вором-рецидивистом⁴¹⁵), многократно «впадали» во «французскую болезнь» и не желали от нее «воздерживаться»⁴¹⁶. Обычной «продерзостью» стало пьянство, так что приходилось издавать специальные приказы, «чтоб не было пьяных в строю»⁴¹⁷.

Более серьезные проступки показывают, что гвардейцы образца 1741 года чувствовали себя хозяевами во дворце и столице. Семеновский гренадер Иван Коркин был задержан на рынке с краденой посудой из дома самого «великого канцлера» А. М. Черкасского; Преображенский солдат Иван Дыгин нанес оскорбление камер-юнкеру правительницы и офицеру Конной гвардии Лилиенфельду Разгулявшиеся семеновцы Петр и Степан Станищевы «порубили» на улице караульных, а заодно и вмешавшихся в драку прохожих. Преображенец Артемий Фадеев «в пребезмерном пьянстве» тащил на улицу столовое серебро и кастрюли из царского дворца, а его сослуживец гренадер Гавриил Наумов вломился в дом французского посла и требовал у иноземцев денег⁴¹⁸. Регулярное чтение солдатам «Воинского артикула» и обычные наказания в виде батога явно не помогали, как и внушения офицерам иметь «смотрение» за вверенными им подразделениями.

Навести дисциплину в гвардии попытался генералиссимус и гвардейский подполковник Антон Ульрих. Елизавета рассказывала Шетарди, что он заставлял бедных гвардейцев работать на строительстве собственных казарм. В мае 1741 года принц повелел восстановить в полках особые гренадерские роты (впервые они были созданы при Петре I, ликвидированы в 1731 году), которые должны были стать примером для всей гвардии. Книга приказов Преображенского полка свидетельствует, что принц лично отбирал в новую роту солдат и офицеров во главе с капитаном Иоганном фон Зихеймом. Новый командир под руководством самого принца сразу же приступил к муштре и «экзерцициям»⁴¹⁹. С лета 1741 года в адрес гренадеров и других солдат заметно увеличивается количество выговоров и наказаний: они выполняли приемы ружьем «не бодро», носили не положенные по форме шапки, «виски не потстрижены по препорции», «волосы не завязаны» и т. д. Было приказано новой роте снять мерки и делать новые мундиры и амуницию. В строившихся солдатских слободах принц запретил открывать кабаки⁴²⁰.

Все эти строгости вместе с тяготами военного времени (запретом отпусков и командированием в августе сводного гвардейского отряда на фронт) явно не способствовали популярности брауншвейгского семейства. Начиная с августа в Тайной канцелярии вновь стали рассматриваться дела о «непристойных словах» гвардейских солдат и прочих обывателей в адрес верховной власти.

Преображенский солдат Иван Ветчинкин жаловался, что гвардейцев с утра посылают на работу. Другой преображенец, Василий Бурый, усмотрел 23 августа на небе некое явление и объявил приятелю, что «швед восстает войной за едину правду, того для, что ваше императорское величество (то есть Елизавета. — *И. К.*) тогда были отставлены от вседражайшего по наследству вашему всероссийской империи престола самодержавству». В сентябре Измайловский солдат Андрей Псищев на упреки капрала заявил ему: «Тако ты чорту присягал, а не государю!» На допросе он пытался оправдаться, но вновь

помянул высочайшее имя не к месту, заявив, что «присягал как Богу, так и государю, а не другому какому чорту». Те же слова («чорту ты служишь») произнес и его сослуживец Леонтий Сокольников.

Столь же непочтительно отзываться об императоре («какому де вы чорту присягали») позволила себе и «штатская» старушка Татьяна Иванова. Казацкий сотник Дмитрий Балакирев заявил: «Лутче чорту служить, нежели этому государю, щенку; этот де щенок не успел из материна естества выпасть, да и стал де государь». А вотчинный крестьянин Троице-Сергиева монастыря Михаил Алексеев выразился еще более пессимистично: «Как государь настал, так и хлеб у нас не стал родитца». Такого поношения даже добрая Анна Леопольдовна не смогла стерпеть: ругатель-сотник и непочтительный мужик заслужили кнут и ссылку в Охотск. Обыватели не щадили и прочих высоких чинов. Музыкант Павел Муромцов был уверен, что «генерал-фелтмаршал фон Миних и другие генералы, и генерал-фелтцейхмистер, да и третей император дураки». «Гошпитальный надзиратель» Михаил Крюков выразился о властях предержащих еще более резко: «Только они Россию-ту нашу ядят»⁴²¹.

Причины, по которым младенец-император стал его верным подданным представляться «чертом», не вполне понятны, но само появление подобных разговоров показывает, что престиж власти к осени 1741 года упал. Тем не менее гвардейские штаб- и обер-офицеры, по-видимому, достаточно лояльно относились к режиму: нам неизвестно ни одного «антибрауншвейгского» выступления в офицерском корпусе, что особенно заметно по сравнению с «антибириновским» движением годом ранее. Однако пока «наверху» ссорились и интриговали, в гвардейских «низах» копилась критическая масса недовольства для очередного переворота. Решающая же роль гвардии в столице определялась слабостью полиции и небоеспособностью расквартированных в Петербурге армейских частей. Согласно рапорту обер-коменданта С. Л. Игнатьева, в июле 1741 года из четырех полков гарнизона (4135 строевых при

некомплекте в 1317 человек) в «ближних и дальних отлучках», то есть на различного рода работах, находился 2621 человек⁴²².

В сентябре гренадерская рота Преображенского полка (300 человек) была переведена с отдельных квартир в только что отстроенные казармы. Собранные в общих «светлицах» солдаты и унтер-офицеры уже без контроля со стороны начальства (офицеры в казармах не жили, а с 31 октября только посылались по одному человеку на ночные дежурства) могли обсуждать события во дворце. Помимо дополнительных «экзерциций» у солдат были и другие поводы для недовольства. Им не разрешалось топить печи «годными» бревнами и досками, у только что вернувшихся из похода в Финляндию отобрали казенные шубы; бдительный принц Антон лично распорядился сломать поставленные гренадерами «рогожные нужники», явно не украшавшие окрестности казарм. Солдатам было запрещено обращаться с просьбами непосредственно к герцогу, через голову нижестоящих командиров, гвардейцам-именинникам — являться с калачами во дворец⁴²³.

Сочетание кризиса власти с ее попытками навести порядок путем муштры и повседневных наказаний не могло не раздражать гвардейцев. Но «наверху» этого как будто не замечали. Праздники продолжались. 2 октября состоялся торжественный прием персидского посольства. Посол шаха Надира поднес Анне роскошные дары из захваченной в Индии добычи, в том числе, как мы помним, презентовал девять слонов.

На новой аудиенции 13 октября Мухаммед Хусейн-хан приветствовал правительницу восторженным комплиментом: «Это не женщина, это — ангел». Но затем «персидский гость» до такой степени увлекся шампанским, что под конец его пришлось унести из-за стола в карету⁴²⁴.

Годовщину вступления маленького государя на престол праздновали 18-20 октября: в первый день был наполнен поздравлениями и парадом, а два других — балами и маскарадом. По поводу последнего мероприятия принцесса распорядилась демократично — гости могли «платье и

маски выбрать своему соизволению», но при входе всё же были обязаны перед караулом «маску свою снять и себя караульному офицеру показать»⁴²⁵. 26 октября Анна Леопольдовна устроила свадьбу своего камер-юнкера Лилиенфельда с фрейлиной княжной Одоевской. 6 ноября состоялась прощальная аудиенция турецкого посла. 7-8 ноября 1741 года торжественно отмечалась годовщина переворота — день «восприятия всероссийского правительства» и «благополучно окончившегося первого года правления» Иоанна III; тогда же состоялась и свадьба племянницы М. Г. Головкина Марфы Ивановны и офицера Конной гвардии князя Петра Ивановича Репнина. 15 ноября был дан бал по случаю дня рождения отца правительницы, мекленбургского герцога Карла Леопольда; 20 ноября Анна устроила банкет для офицеров Семеновского полка⁴²⁶.

Сверкали фейерверки, повара готовили особенные блюда (например, «квашенину от трех скотин»), для увеселения гостей члены иранского посольства демонстрировали «персидские танцы». Правительница блистала в «грузинском» костюме на собольем меху и готовилась к новым балам: на праздник Андреевского ордена (30 ноября) ей срочно шили «кавалерское платье», а к дню рождения (7 декабря) уже были заказаны сюжеты для фейерверка и разучивалось представление с участием придворных слонов. Одним из последних своих распоряжений она указала выдать тысячу рублей приставу при иранском после генерал-майору Александру Брюсу за то, что он мужественно терпел причуды гостя, «угождая во всё их восточным обычаям».

Радовали и новости с фронта. С наступлением морозов российские отряды гусар и казаков совершали успешные рейды на территорию шведской Финляндии — рубили сопротивлявшихся, жгли и грабили деревни, пригоняли пленных.

Скорее всего, в те веселые дни поздней осени 1741 года и сложился настоящий заговор, который привел Елизавету к власти. Только составили его не министры и гвардейское командование, а «солдатство», уже насмотревшееся, как

приходят к власти в «эпоху дворцовых переворотов». Манштейн, неизвестный автор примечаний на его записки и немецкий ученый Антон Фридрих Бюшинг, спустя 20 лет тщательно собиравший сведения о послепетровской истории России, определенно указывали на то, что агентам Елизаветы Лестоку и Шварцу удалось привлечь на свою сторону нескольких гренадеров Преображенского полка⁴²⁷. Находившийся в это время в Петербурге брат Антона Ульриха принц Людвиг сообщал о ведущей роли в «революции» шестерых гренадеров. В литературе называется разное количество солдат, но наиболее обоснованным выглядит суждение С. А. Панчулидзева о том, что застрельщиками выступили девять человек, которые после переворота были первыми пожалованы Елизаветой в сержанты Лейб-компании⁴²⁸.

Во главе предприятия стал Юрий Грюнштейн. Разорившийся в России саксонский купец-авантюрист успел побывать в татарском плену и в 1741 году тщетно пытался добиться правого суда с недобросовестными компаньонами у самой Анны Леопольдовны⁴²⁹. Осенью того же года обиженный купец каким-то образом поступил в гвардейские гренадеры и нашел общий язык с Лестоком и Шварцем. Они-то и стали главными организаторами заговора, не возбуждая особых подозрений; «засветился» при своих контактах с Шетарди только Лесток. В бумагах М. Г. Головкина сохранились распоряжение об установке наблюдения за придворным лекарем цесаревны и соответствующий доклад принцу Антону. Но в этом отношении ничего конкретного не было сделано, и связи агентов Елизаветы с гвардейской казармой так и остались невыявленными. Заговорщики же обладали информацией о поведении противников. Из донесений Шетарди и опубликованных в «Архиве князя Воронцова» анонимных сообщений некоего дипломата — очевидца событий из свиты посла — следует, что «камер-юнгфера» Анны и слуга принца Антона докладывали Лестоку и Шварцу о всех происшествиях во дворце и даже о поступавших к их хозяевам деловых бумагах⁴³⁰.

Елизавета и раздраженные новыми порядками гренадеры быстро нашли общий язык — недовольство казармы обрело формального вождя. Иных сведений о заговоре у современников нет, если не считать известия Манштейна о намерении Елизаветы обратиться к войскам с речью о своем праве на трон во время крещенского парада 1742 года, что с точки зрения тактики совершения переворота было по меньшей мере неразумно⁴³¹.

Кое-какую информацию можно извлечь из пропагандистских сочинений начала царствования Елизаветы, созданных с целью оправдать совершённый ею захват власти. Имеются в виду «Краткая реляция» (якобы разосланная русским послам записка с описанием переворота, которую они должны были неофициально пересказывать со ссылкой на полученное из Петербурга частное письмо) и проповеди на ту же тему, предназначенные для формирования общественного мнения внутри страны. Тенденциозность этих явно заказных сочинений очевидна, но тем интереснее встретить в них «технические» подробности самого переворота, неизвестные по иным источникам.

Так, и «Краткая реляция», и анонимное, но явно составленное неким духовным лицом «Историческое описание о восшествии на престол Елисаветы Петровны», несмотря на все усилия представить ее действия вынужденными, проговариваются, что контакты гренадеров во главе с Грюнштейном и цесаревны начались задолго до самого переворота. Упоминается и договоренность, согласно которой переворот должен был произойти в период, когда наступит черед нести караулы во дворце самим заговорщикам-преображенцам⁴³². Подобный план имел более реальные шансы на успех, чем театральная задумка обращения Елизаветы к войскам на параде. Однако события пришлось ускорить из-за непредвиденных обстоятельств.

В литературе не раз отмечалось, что Анна Леопольдовна получала предупреждения о готовившемся перевороте из разных источников, но не придавала им значения⁴³³. Впоследствии на допросах Остерман и Левенвольде

сообщили, какими сведениями располагало правительство за несколько дней до событий. Главной «уликой» Остерман назвал переданную ему еще весной информацию Финча, которая была доведена до сведения Кабинета министров и самой правительницы. Другими «престорогами» Остерман назвал полученное им 20 ноября года письмо своего агента Совплана из Брюсселя и сообщение посла А. Г. Головкина из Гааги, также переданные Анне. С письмом Совплана Остерман посылал к правительнице Рейнгольда Левенвольде; но Анна Леопольдовна, прочитав его, заявила, что ее обер-гофмаршал, наверное, сошел с ума⁴³⁴. Позднее немецкий ученый Бюшинг записал в Петербурге историю о том, что принцесса признавала права Елизаветы на престол и якобы, споткнувшись перед ней во дворце, заявила своим дамам: «Мне, конечно, должно будет унижиться перед великою княжною»⁴³⁵. Но такие легенды слишком часто возникали задним числом, а реальная Анна Леопольдовна, кажется, не слишком волновалась по поводу своего положения.

Все названные документы, как и письмо графа Линара, были посвящены преимущественно интригам Шетарди и шведского правительства и их контактам с Елизаветой. Но об этом при дворе и так давно знали — принц Антон еще в июне рассказывал Финчу о ночных визитах к цесаревне переодетого Шетарди и о его контактах с Лестоком. 17 октября 1741 года Анна Леопольдовна собственноручно написала Линару: «Ожидаю Вашего возвращения с тем большим нетерпением, что мне хочется услышать суждение Ваше о некоторых вещах, которые сильно изменились наружно с Вашего отъезда. К нам сюда явился какой-то человек из Франции, предпринявший эту прогулку единственно ради того, чтобы нанести визит г-ну Шетарди, как утверждает он сам. Хорош предлог! И весьма достоверен. За всё время своего здесь пребывания он ни разу не показался при дворе, но всякий день наведывался к Щринцессе] Ели [завете], а также к Шетарди. До сих пор нам неизвестно, какова была цель поездки сего визитера. Мне дают столько советов, что я уж и не знаю, кому верить:

порой было бы лучше и не знать всего, ибо половина наверняка ложь, никогда в жизни не было у меня столько друзей, или именующихся ими, как с тех пор, как я регентство приняла. Щастлива бы я была, коли всегда могла отличить истинных от ложных! Напишите мне, что Вы думаете о манифесте шведском. Берегите здоровье Ваше и любите меня по-прежнему, иного я и не желаю»⁴³⁶.

Именно об этих обстоятельствах и беседовала с Елизаветой правительница во время куртага в понедельник 23 ноября 1741 года. Таинственным визитером, возможно, был некий Давен, прибывший в Россию просить руки Елизаветы для французского принца Луи Франсуа де Конто, но так и не рискнувший обратиться лично к принцессе. Как со слов Лестока описал этот разговор Шетарди, Анна якобы просила Елизавету не принимать посла, а та смиренно предлагала через Остермана указать на это самому дипломату. В «Краткой реляции» дочь Петра Великого выглядит чуть ли не жертвой происков соперницы; обуреваемая несправедливой «ненавистью и злобою» правительница, сама стремившаяся стать императрицей, якобы обвинила цесаревну: «Что это, матушка, слышала я, что ваше высочество корреспонденцию имеете с армиею неприятельскою и будто вашего высочества доктор ездит ко французскому посланнику и с ним вымышленные факции в той же силе делает», — на что Елизавета конечно же с негодованием заявила, что у нее «никаких алианцов и корреспонденции» с противником нет и в помине, а если доктор Лесток зачем-то встречался с Шетарди, то она о том его спросит. После этого разговор перешел во взаимные упреки и дамы расстались недовольные друг другом. По данным брауншвейгских дипломатов, таких бесед было две (15 и 23 ноября), но они опять же касались только Шетарди и Лестока. Саксонский резидент Пецольд 24 ноября сообщил в Дрезден, что правительница предъявила Елизавете упоминавшееся выше «письмо из Бреславля»⁴³⁷.

Спустя почти 300 лет невинность цесаревны выглядит не такой уж очевидной, но как бы ни был неприятен Елизавете разговор, состоявшийся тем осенним днем 1741

года, трудно было предъявить ей конкретные обвинения. Шведского посла уже давно не было в России, и все упреки в контактах с представителями враждебной державы она могла решительно отвергать; визиты Шетарди продолжались уже целый год и никаких последствий не имели. Никаких «сигналов» на офицеров-заговорщиков не было. В 1741 году у Тайной канцелярии вообще было немного работы — большей частью по делам о ложном произнесении «слова и дела». Информацией же о «солдатских» связях Елизаветы ни правительница, ни Остерман не располагали — во время последней встречи принцесс-соперниц о них не было и речи.

И всё же Анне стоило бы насторожиться и лично «разведывать дела» соперницы, ибо, как писал Бальтазар Грасиан, «в иных одно простосердечие, а в прочих предосторожность надобна». Но она предпочла остаться «простосердечной». Елизавету же эта беседа, должно быть, подтолкнула к немедленным действиям. Может, ей и удалось убедить правительницу в своей невинности (та даже якобы послала к Остерману человека — передать, что Елизавета «ничего не изволит ведать»), но Лестоку грозил арест. Опыта конспирации у гренадеров не было, а Елизавету поддерживала далеко не вся гвардия — у нас нет данных о выступлениях в ее пользу в рядах измайловцев и конногвардейцев. (Кстати, в ночь переворота цесаревна отправилась из своего Смольного дворца на полковой двор пре-ображенцев, хотя рядом с ее резиденцией находились казармы Конной гвардии⁴³⁸.) Дела Тайной канцелярии показывают, что не все служивые из других привилегированных частей одобряли совершённый преображенцами переворот. «Честь себе заслужили тем, что пришед в ношное время во дворец и напали на сонных с ее императорским величеством», — осуждал их семеновский гренадер Алексей Павлов, а его сослуживец Максим Судаков называл героев переворота «бунтовщиками и стрельцами»⁴³⁹.

В тот же день 23 ноября, по сообщению «Краткой реляции», Елизавета послала за гренадерами, которые

заверили ее в своей готовности. В эти дни преображенцы не дежурили, а потому не стояли в дворцовом карауле. Утром 24-го один из заговорщиков, Петр Сурин, отправился во дворец договариваться с несшими охрану солдатами Семеновского полка. Согласие было достигнуто, и гренадер предупредил солдата Степана Карцева: «...в сию ночь будет во дворец государыня цесаревна», — о чем сам Карцев сообщил в 1742 году при приеме в Лейб-компанию⁴⁴⁰.

Последним толчком к перевороту стало поступившее в гвардейские полки как раз 24 ноября повеление принца Антона быть «к походу во всякой готовности»: гвардии предстояло поздней осенью отправляться из столицы на финскую границу⁴⁴¹. Этот приказ едва ли был вызван какими-либо опасениями по поводу заговора — отправить на фронт две тысячи гвардейцев Анне рекомендовал сам главнокомандующий, фельдмаршал П. П. Ласси, и она его доклад одобрила: «Быть по сему»⁴⁴². Незадолго до этого кабинет-министр М. Г. Головкин также подал Анне Леопольдовне представление о необходимости начать активные военные действия в Финляндии (благо тамошние болота замерзли) и предлагал отправить экспедиционный корпус на Фридрихсгам, чтобы «в тишине» подойти к шведской крепости и взять ее лихим штурмом.

Двадцать четвертого ноября переворот «созрел». Но цесаревна не сразу отправилась в гренадерскую казарму. Сначала, присягнув Елизавете в ее дворце, туда пошли главные инициаторы предприятия во главе с Грюнштейном — солдат необходимо было подготовить к приезду главных действующих лиц. Затем Лесток с помощью своих агентов во дворце удостоверился в том, что правительница ни о чем не подозревает, и встретился с французским дворянином из свиты Шетарди, от которого получил (как засвидетельствовали оказавшийся в том же доме придворный ювелир Позье и сам Шетарди) две тысячи рублей для раздачи солдатам. Французский дипломат не слишком щедро финансировал цесаревну; прусский посол Мардефельд сообщил в Берлин, что Елизавете пришлось

заложить свои драгоценности⁴⁴³. После десяти часов вечера Лесток покинул дом купца, и следующие два часа были посвящены приближенными Елизаветы последним приготовлениям к перевороту. Вероятно, тогда и был составлен «памятный реестр» для ареста сторонников Анны Леопольдовны, о котором упоминает «Краткая реляция».

Ни военные, ни гражданские власти в столице 24-го числа ни о чем не подозревали. Принц Антон подписывал очередные доклады Военной коллегии. В Тайной канцелярии допрашивали ложно объявивших за собой «слово и дело» солдат Вятского и Нижегородского полков. Двор Анны Леопольдовны веселился на последнем в это царствование балу, устроенном в честь именин статс-дамы, жены кабинет-министра Екатерины Ивановны Головкиной. Шетарди в очередной депеше в Париж обещал выяснить, не является ли «партия» Елизаветы «порождением фантазии».

«Назначенцы» Анны — командиры гвардейских полков — не проявили активности ни в ее пользу, ни в пользу Елизаветы. Начавшееся следствие не смогло установить никакого «шпионства» и «разведывания» со стороны семеновского майора Никиты Соковнина, генерал-адъютанта принца Антона полковника Федора Воейкова; статский советник и обер-секретарь Сената Авраам Сверчков, близкий к М. Г. Головкину, категорически утверждал, что не имел отношения к планам министра по изменению порядка престолонаследия.

Между тем, прибыв вместе с М. И. Воронцовым и Лестоком в казармы, Елизавета застала там уже подготовленных к ее появлению солдат. Любимица гвардии знала, как с ними говорить. «Знаете ли, ребята, кто я? И чья дочь?» — воспроизводит ее первые слова проповедь новгородского архиепископа Амвросия, произнесенная в дворцовой церкви 18 декабря 1741 года. Затем принцесса обратилась к гвардейцам за помощью: «...Моего живота ищут!»

Верных присяге оказалось немного; за Елизавету выступили большинство унтер-офицеров (В. Храповицкий, Н. Скворцов, П. Щербачев, И. Блохин, В. Вадбольский, М.

Ивинский, Ф. Хлуденев, Е. Ласунский, С. Шерстов, Ф. Васков, И. Козлов, Г. Куломзин), которых, по иронии судьбы, отобрал в образцовую роту сам принц Антон⁴⁴⁴. Опытные служаки — у большинства гвардейский стаж составлял более десяти лет — сумели быстро организовать гренадеров, арестовали единственного дежурного офицера подпоручика Берхмана. Были взяты под стражу также гвардейцы, которым принц Антон поручил надзор за самой Елизаветой; в феврале 1742 года П. Хахин, А. Ходолеев и А. Мошков указывали на свои заслуги во время переворота: «...брали сержанта Обиручева»⁴⁴⁵.

После принесения новой присяги рота выступила в поход. По дороге к Зимнему дворцу (по Манштейну — после его занятия) от колонны отделялись отряды для ареста Левенвольде, Миниха, Головкина, Менгдена, Остермана и близких к ним лиц, в том числе генералов Стрешневых, Петра Грамотина — директора канцелярии принца Антона, Преображенского майора Ивана Альбрехта.

Семеновский караул Зимнего дворца не оказал сопротивления. По данным Бюшинга и Шетарди, офицеры, не спешившие выказать преданность Елизавете, тут же были арестованы. Однако стоявшего в ту ночь на посту П. В. Чаадаева (деда знаменитого «басманного философа») цесаревна отправила с известием о перевороте в Москву, а через год сделала премьер-майором и членом суда по делу Лопухиных; так что, по всей вероятности, он не противодействовал перевороту.

Гренадеры под руководством Лестока и Воронцова отправились в дворцовые покои и арестовали ничего не подозревавших «немцев» вместе с императором. Автор примечаний на записки Манштейна и Я. П. Шаховской называли в числе участников переворота Шуваловых, Разумовских и В. Ф. Салтыкова; но в чем именно состояло их участие, не вполне понятно⁴⁴⁶. Основную часть операции по захвату престола гвардейцы проделали быстро, умело и вполне самостоятельно; для Шетарди, как и для прусского посла Мардефельда, переворот стал неожиданностью.

Накануне вечером подполковник гвардии принц Гессен-Гомбургский отказался примкнуть к заговорщикам. О его отказе сообщал брауншвейгский принц Людвиг. Согласно семейным преданиям, Елизавета прибыла к гвардейцам со своей подругой, женой принца, урожденной княжной Трубецкой. Сама А. И. Гессен-Гомбургская в письме признавала: «Во время самой революции мой возлюбленный принц придерживался чисто пассивной роли»⁴⁴⁷.

Высшие военные командиры — генерал-фельдмаршал Петр Ласси и гвардейский подполковник Людвиг Гессен-Гомбургский, — вызванные уже после описанных событий, распорядились стянуть к дворцу части гарнизона и гвардейские полки, в то время как спешно созданные вельможи (А. П. Бестужев-Рюмин, А. М. Черкасский, А. Б. Куракин, Н. Ф. Головин, Н. Ю. Трубецкой) приносили Елизавете поздравления и сочиняли манифест о ее вступлении на престол.

Вслед за ними к Елизавете в ее прежний дворец, где уже сидели под арестом брауншвейгское семейство и его «партизаны», устремились прочие чиновники; в их числе был Яков Петрович Шаховской, незадолго до того сумевший войти в доверие к М. Г. Головкину и считавший себя «от всяких злоключений быть безопасным». Как и год назад, после свержения Бирона, вчерашний «любимец» вынужден был ночью спешить во дворец «сквозь множество лиц с учтивым молчанием продираясь, и не столько ласковых, сколько грубых слов слыша».

Одно и то же событие очевидцы воспринимали по-разному. Сенатор Шаховской обращал внимание в основном на поведение «знатных господ» и их нынешний «вес» в придворном раскладе. Только на периферии происходившего он замечал восклицания солдат: «Здравствуй, наша матушка, императрица Елизавета Петровна!»⁴⁴⁸ Безвестный же польский дворянин и офицер на русской службе, также оказавшийся в открытом для всех дворце, видел прежде всего победителей-гвардейцев: «Большой зал дворца был полон Преображенскими гренадерами. Большая часть их были пьяны; они,

прохаживаясь, пели песни (не гимны в честь государыни, но неблагопристойные куплеты), другие, держа в руках ружья и растянувшись на полу, спали. Царские апартаменты были наполнены простым народом обоего пола... Императрица сидела в кресле, и все, кто желал, даже простые бурлаки и женщины с их детьми, подходили целовать у ней руку»⁴⁴⁹.

Сам Шетарди, метрдотель его посольства и автор анонимного французского донесения от 28 ноября (9 декабря) 1741 года сообщали о ликовании на улицах, какое «никогда не было видано ни при коем случае». Английский же посол не замечал в народе никакой «общей радости». С Финчем был согласен и адъютант арестованного в эту ночь Миниха Христофор Манштейн, чьей карьере в России переворот положил конец: «Когда свершилась революция герцога Курляндского, все были чрезвычайно рады: на улицах раздавались одни только крики восторга; теперь же было не то: все смотрели грустными и убитыми, каждый боялся за себя или за кого-нибудь из своего семейства»⁴⁵⁰.

Едва ли можно объяснить эти разноречия только предвзятостью указанных сочинений: и у их авторов, и у других представителей круга, к которому они принадлежали, реакция на очередную «революцию» могла быть на самом деле неоднозначной. Но одно обстоятельство осталось памятным для всех — небывалое доселе выдвижение гвардейского «солдатства». «Они и считают себя здесь господами, и, быть может, имеют для этого слишком много оснований», — передавал свои впечатления от начала нового царствования английский посол Финч.

К восьми утра «генеральное собрание» в старом дворце Елизаветы завершилось составлением новой формы титула, присяги и первого манифеста нового царствования. В манифесте объявлялось, что в правление младенца-императора произошли «как внешние, так и внутри государства беспокойства и непорядки, и следовательно, немалое же разорение всему государству последовало б». Поэтому все верные подданные, «а особливо лейб-гвардии нашей полки, всеподданнейше и единогласно нас просили, дабы мы... отеческий наш престол всемилостивейше

воспринять соизволили». Это было сделано по «законному праву»: как «по близости крови», так и по «единогласному прошению»⁴⁵¹. Вслед за тем Елизавета приняла орден Святого Андрея Первозванного, объявила себя полковником всех четырех гвардейских полков и показалась с балкона войскам и толпе.

В третьем часу пополудни, согласно записи в придворном журнале, пути двух принцесс окончательно разошлись. Елизавета в качестве новой императрицы переселилась во взятый ею ночным «штурмом» Зимний дворец. После состоявшегося под гром пушек молебна и официальных поздравлений должностные лица и собранные вокруг дворца полки присягнули новой государыне. Анна Леопольдовна с мужем, сыном и дочерью остались ждать решения своей участи, а их сторонники к вечеру «переехали» в казематы Петропавловской крепости.

Победители и побежденные

Приказы, полученные полками гвардии в течение 25–27 ноября 1741 года, обещали солдатам «материнскую милость» и покровительство Елизаветы, вновь позволяли, как при Петре Великом, приходить во дворец именинникам и обращаться с просьбами о крещении детей, но и напоминали о неременной обязанности принести государыне присягу и явиться с поздравлениями к «ручке ее императорского величества». Правда, «дойти до ручки» удалось не всем — 26-го началась раздача вина по ротам. Последующие приказы требовали, чтобы командиры «унимали» загулявших гвардейцев, которые «по улицам пьяные шатаютца»⁴⁵². Гулять было на что: полки получили жалованье «не в зачет» (72 178 рублей), гвардейцам вновь стали раздаваться «крестинные» (8517 рублей) и «именинные» (25 551 рубль) деньги⁴⁵³.

На высочайшие милости рассчитывали не только они. На императрицу обрушился поток челобитных, только в 1742 году их поступило более двух тысяч⁴⁵⁴. Просили о выдаче жалованья, о пересмотре судебных решений, а прежде всего о наградах и чинах, заслуженных и незаслуженных. Возник даже новый литературный жанр: со всех сторон отправлялись Елизавете письменные поздравления со «счастливым восшествием» на престол, составившие увесистый том⁴⁵⁵.

Однако щедрых денежных пожалований после переворота было немного, если не считать подарков доверенным фрейлинам и «чрезвычайных дач» А. П. Бестужеву-Рюмину, принцу Л. Гессен-Гомбургскому, барону И. А. Черкасову и лекарю А. Лестоку, получившим соответственно 19 833, 10 тысяч, 7 тысяч и 15 тысяч рублей⁴⁵⁶. Зато в 1742–1744 годах прокатилась очередная «волна» раздач недвижимости. По уже сложившейся традиции имения и дома Миниха, Остермана, Левенвольде, Головкина, Менгденов частью попали в состав дворцовых

земель, частью достались новым владельцам. В их числе были и возвратившиеся из ссылки В. В. Долгоруков, дети А. П. Волынского, родственники его «конфидентов», А. М. Девиер и лица из окружения новой императрицы — ее фавориты А. Г. Разумовский и А. Я. Шубин, В. Ф. Салтыков, М. И. Воронцов, А. П. Бестужев-Рюмин, духовник Елизаветы Ф. Дубянский, секретарь И. А. Черкасов, камергер Н. Корф, генерал Д. Кейт, будущий фельдмаршал С. Ф. Апраксин⁴⁵⁷.

Среди награжденных за «известные ее императорскому величеству заслуги» были и гвардейские офицеры: капитаны Преображенского полка А. Аргамаков и И. Мячков, капитан Измайловского полка В. Нащокин; однако трудно сказать, связаны ли эти «заслуги» с их участием в перевороте, так как в самой акции 25 ноября они не были задействованы. В 1742 году было роздано 48 879 душ; из них главные герои — гвардейцы — получили 8773 души, а их предводители (девять человек во главе с Ю. Грюнштейном) — 5518 душ; таким образом, гвардейцам досталось более четверти всех пожалований. Всего же в 1742–1744 годах в раздачу пошла, по нашим подсчетам, 77 701 душа (включая крепостных, возвращенных вместе с прежде конфискованными вотчинами В. В. Долгорукову, родственникам Д. М. Голицына, детям А. П. Волынского и попавших в опалу его единомышленников)⁴⁵⁸.

Официальные документы и донесения послов позволяют говорить о сложившемся при новой императрице «совете одиннадцати», куда вошли и деятели прежних правительств — И. Ю и Н. Ю. Трубецкие, А. М. Черкасский, А. И. Ушаков, опытные придворные Н. Ф. Головин, А. Б. Куракин, А. Л. Нарышкин, и елизаветинские выдвинутые — только что возвращенный из ссылки А. П. Бестужев-Рюмин, старый петровский генерал Г. П. Чернышев, фельдмаршал П. П. Ласси, генерал В. Я. Левашов⁴⁵⁹. Это была временная комбинация: в кругу вельмож выдвигались новые лидеры, прежде всего Бестужев-Рюмин. Ему был возвращен чин действительного тайного советника, в декабре он был назначен сенатором и вице-канцлером, а в марте 1742 года — заведующим почтой империи. Лесток занял пост лейб-

медика с чином действительного тайного советника. Вслед за ними получили свои первые должности камергеров двора братья П. И и А. И. Шуваловы и М. И. Воронцов — им принадлежало будущее елизаветинского царствования.

Новому совету Елизавета поручила «иметь рассуждение как о Сенате, так и о Кабинете, и какому впредь правительству быть». Никаких проектов нового государственного устройства не требовалось. Воля императрицы была ясно выражена в «словесном указе» 2 декабря 1741 года: государство должно быть «возобновлено на том же фундаменте, как оное было при жизни» ее отца Петра I. В итоге вельможи (в их числе два кабинет-министра) осудили деятельность Верховного тайного совета и Кабинета, поскольку в этих учреждениях всем заправляли по своему желанию несколько лиц и помимо Сената утверждались важнейшие решения, законы «и прочее к вечности надлежащее». Присутствовавшие осмелились только просить «учинить обстоятельную сенатскую должность», то есть создать закон, определявший полномочия Сената⁴⁶⁰.

Однако последовавший 12 декабря указ о восстановлении Сената эту просьбу не учел. Зато вместо упраздненного Кабинета министров восстанавливался Кабинет ее императорского величества — личная канцелярия монарха. Руководить его работой был призван старый слуга Петра I барон Иван Антонович Черкасов.

Елизавета отнюдь не спешила расставаться с деятелями прежнего режима. Сохранили свои посты канцлер А. М. Черкасский и ветеран «эпохи дворцовых переворотов» генерал-прокурор Н. Ю. Трубецкой, встречавший без единой опалы уже шестое царствование. Сомнения в лояльности последнего были; сохранился рапорт бывшего уфимского вице-губернатора Петра Аксакова, докладывавшего новой императрице: «Вашего императорского величества всемилостивейшим указом от его светлости принца Гессен-Гоумбургского мне объявлено, не имею ли я подозрения на господина генерал-прокурора князя Трубецкого, на которой всеподданнейше нижайше доношу, что подозрения на него

никакого не имею»⁴⁶¹. Не доверяли князю и гвардейцы: в 1743 году Преображенский солдат Евдоким Вицаков сообщил лейб-компанцам, что «злодей» Трубецкой «собирался з гранодерской ротою и хотел в Петергоф итить и государыню взять»; правда, впоследствии на допросе отговорился пьянством⁴⁶². (Ловкий царедворец пережил не только Елизавету, но и очередной переворот 1762 года, приведший к власти Екатерину II. Только перед смертью в 1767 году он раскаялся в том, что с его помощью многие не столь гибкие «персоны» потеряли в придворной борьбе честь, имущество и жизнь...) Заверения в высочайшей милости были даны и дяде Анны Иоанновны московскому главнокомандующему графу С. А. Салтыкову. «Безотлучно» состоял при императрице глава Канцелярии тайных розыскных дел А. И. Ушаков — необходимость его услуг была для Елизаветы очевидной, и 2 декабря она отменила уже состоявшееся назначение главного следователя империи в действующую армию.

Расправа над поверженными соперниками проходила во вполне традиционных рамках: опала министров сопровождалась устранением их «конфидентов». Были арестованы некоторые офицеры Семеновского и Преображенского полков (майоры И. Альбрехт, Н. Стрешнев, Н. Соковнин, В. Чичерин); другие, в том числе капитаны И. А. и Ф. А. Остерманы, М. Аргамаков, И. Путятин, были переведены в армию или отправлены в отставку. Их сослуживцы майоры П. Воейков, Ф. Полонский, Д. Чернцов, П. Черкасский уже 29 ноября получили приказы опечатать и описать имущество отца и сына Минихов, Головкина и Остермана, а наиболее ценные «пожитки» перевезти во дворец.

Первого декабря была образована комиссия по «описи пожитков и деревень» арестованных, а через два дня их движимое и недвижимое имущество было конфисковано. 12 декабря по делу арестованных «партизантов» бывшей правительницы была создана следственная комиссия во главе с А. И. Ушаковым и Н. Ю. Трубецким; в ее состав вошли также А. Б. Куракин, В. Я. Левашов, А. Л. Нарышкин и ряд

других чиновников. Но еще 26 ноября Елизавета отдала первые распоряжения С. Ф. Апраксину о допросах Остермана и Головкина по наиболее интересовавшему ее вопросу о «проекте наследства»⁴⁶³. Подчиненные арестованных (И. О. Брылкин, канцелярист И. Дронов) тут же доложили обо всех подготовленных по делу документах, и следователи располагали точной информацией о роли каждого из опальных вельмож в этом неудачном предприятии.

Головкин и Остерман признали свою вину, в чем Елизавета могла лично убедиться, присутствуя на допросах. Ее интересовали и поступавшие в адрес Анны Леопольдовны предостережения о заговоре, и организация слежки за ее собственным домом. Прочие обвинения (в подкупе со стороны иноземцев, «скрытии» завещания Екатерины I, предпочтении иноземцев при назначениях на должности и т. д.) носили откровенно риторический характер; как и годом ранее, когда шло следствие по делу о Бироне, результат был предрешен. Посланник Финч писал: «... следственная комиссия собирается для своих заседаний в самом дворце императрицы. Ее величество всегда сидит в покое рядом, откуда она всё может слышать, сама никому не показываясь, для того, чтоб (по ее собственным словам) помешать протекции или несправедливости». «Там поставили перегородку или ширмы, откуда, не будучи видимою, сама она может всё видеть, всё слышать и даже передавать тайно секретарю приказания, которых немедленно потребовали бы обстоятельства допроса», — передавал в Париж Шетарди. Впрочем, в состав комиссии под началом генерал-прокурора Трубецкого входили Ушаков, Куракин, Нарышкин, уже не раз участвовавшие в подобных процедурах.

Указ Сенату 13 января 1742 года предписал судить преступников; в реестр судей были при этом включены многие выдвиженцы «незаконного правления»: П. С. Салтыков, В. Ф. Наумов, П. П. Воейков, Я. П. Шаховской. Уже через три дня был вынесен приговор. Миних был приговорен

к четвертованию, Остерман, Головкин, Левенвольде, Менгден, Тимирязев — к «обычной» смертной казни.

Утром 18 января на эшафоте осужденные выслушали манифест о своих «винах», заключавшихся в поддержке «незаконного» правления Бирона и Анны Леопольдовны, «искоренении знатнейших фамилий» в годы царствования Анны Иоанновны, растрате казенных средств и «возведении» на должности чужеземцев. В момент, когда Остерман уже положил голову на плаху, все получили высочайшее помилование и отправились в сибирскую ссылку: Левенвольде — в Соликамск, Головкин — в Германг (Среднеколымск), Остерман — в Березов, на место преданного им много лет назад Меншикова; Миних — в спроектированную им для Бирона тюрьму в Пелыме. Остальные — сенатор В. И. Стрешнев, генерал М. С. Хрущов, майор-семеновец В. Чичерин, секретарь принца П. Грамотин — отделались переводом в армию или удалением со службы и ссылкой в свои имения.

Пятнадцатого февраля в Сенате Н. Ю. Трубецкой объявил следствие законченным; при этом частные бумаги и письма подследственных было приказано сжечь. Имущество осужденных — имения (например, Остерман владел более чем двумя тысячами крепостных душ в прибалтийских, подмосковных, украинских и прочих имениях), дома, загородные дачи — было быстро поделено. Дома Остермана в Москве и Петербурге «по наследству» перешли к новому канцлеру и главе Иностранной коллегии А. П. Бестужеву-Рюмину⁴⁶⁴. «Пожитки» нестеснительно выгребали из домов арестованных и свозили прямо в Зимний дворец. Имущество Миниха даже не стали перевозить — императрица решила осмотреть содержимое его «лично в означенном доме». Посмотреть было на что: в «Ведомостях» объявлялось, что, к примеру, у Миниха «оказалось одного серебра 700 пуд да золота 5 пуд», а у Юлианы Менгден, лучшей подруги и фрейлины правительницы, «явилось алмазных вещей на 300 тысяч, белья на 40 тысяч, а кружева на 20 тысяч»⁴⁶⁵.

Но поиски ценностей встретили препятствие: Остерман признался следователям, что за месяц до переворота, в

октябре 1741 года, перевел через своих доверенных агентов, английских купцов Шифнера и Вульфа, крупные суммы в Англию и Голландию и разместил их у «банкера» Пельса: во-первых, чтобы его дети могли «ездить по чужим государствам для наук»; во-вторых, для возможного перевода денег обратно, «когда вексель низок», то есть получения выгоды от разницы курсов валют⁴⁶⁶. Фирма Шифнера и Вульфа была солидным торговым предприятием и давним агентом русского правительства на западноевропейском рынке, а банкирская контора «Пельс и сыновья» — их поручителями и компаньонами по операциям с продажей русских казенных товаров. При их посредничестве сбывались крупные партии поташа, железа, ревеня; они же брали подряды на поставку серебра на российские монетные дворы и сукна для армии⁴⁶⁷. Коммерсанты сообщили властям необходимую информацию, благодаря которой можно представить себе бюджет и обороты пользовавшихся их услугами вельмож: самого Остермана, Миниха и Головкина.

Оказалось, что министр уже давно переводил свои деньги за границу — очевидно, и в расчете на проценты, и с целью уберечь свои средства при возможных переменах придворных «конъектур». Происхождение некоторых переводимых сумм не поддается объяснению (например, пять тысяч рублей от Я. Евреинова или 5400 рублей «от тайного советника фон Крам»), но в основном они состояли из вполне законных доходов от лифляндских и прочих вотчин. В среднем за год на счет Остермана поступало около 100 тысяч рублей. Владелец постоянно снимал со счета деньги на закупку необходимых вещей (вин и другой «провизии», тканей, посуды, драгоценностей, географических карт и пр.); небольшие суммы шли в адрес родственников (например, свояка, князя И. А. Щербатова) и других лиц. В итоге иногда приход равнялся расходу, как в 1741 году.

К Пельсу поступил и последний вклад Остермана в размере 117 660 гульденов. Кроме того, сбережения министра находились у английского банкира Джона Бейкера

(в ценных бумагах на сумму 11 180 фунтов стерлингов); но и они в 1741 году были переведены в банк Пельса под три процента годовых. Этими деньгами и заинтересовалось новое правительство, полагая, что теперь, как заявил русский посол в Голландии А. Г. Головкин, они «никому не принадлежат, кроме как моему (Елизаветы Петровны. — *И. К.*) двору». Однако почтенные банкиры логики превращения частных денег в казенные, минуя законных наследников, не понимали и учтиво требовали правительственные гарантии на случай возможных претензий вкладчика, формальное согласие наследников и заверенную копию завещания владельца счета. Ничего из этого российские власти предоставить в голландский суд так и не смогли... Дело об «остермановых деньгах» завершилось только в 1755 году, когда младшего из братьев, секунд-майора Московского полка Ивана Остермана, отпустили-таки за отцовским наследством — с тем, чтобы по возвращении «взять» вместе с деньгами. Но тот — по тайному совету посла А. Г. Головкина (брата кабинет-министра Анны Леопольдовны, умершего в сибирской ссылке) — договорился с банкиром о том, чтобы «не трогать капитала»⁴⁶⁸.

Анне Леопольдовне теперь предстояло из жертвы ночного переворота превратиться в его виновницу, ведь хотя новая государыня и была дочерью Петра Великого, но всё же ее гренадеры впервые свергли не плохого министра, а самого российского императора, которому сами только недавно приносили присягу. Для объяснения случившегося простое «прошение» подданных, хотя бы и в лице гвардии, не очень подходило — мало ли кого и о чем могут попросить другие «верноподданные рабы» завтра?

Новый манифест от 28 ноября 1741 года поведал душещипательную историю об отстранении от власти законной наследницы — Елизаветы. Он «реанимировал» благополучно забытое с 1727 года завещание Екатерины I, по которому право на корону принадлежало исключительно потомству Петра I — его внуку Петру II и дочерям Анне и Елизавете. Так и случилось бы, но в дело вмешались иноземцы, прежде всего Остерман. Он-то и скрыл после

смерти Петра II «тестament» императрицы, и «его ж Остермана происком, дабы мы, яко довольно зная уже его коварные и государству нашему вредительные многие поступки, всероссийского престола не наследовали, избрана на престол всероссийской империи мимо нас (яко всему умному свету известно есть, законной отеческому престолу наследницы) блаженной памяти императрица Анна Иоанновна». Тот же злодей сочинил и заставил умиравшую государыню подписать «определение о наследнике» и тем самым возвел на трон «принца Антона Ульриха Брауншвейг-Люнебургского от светлейшей принцессы Мекленбургской Анны рожденного сына (никакой уже ко всероссийскому престолу принадлежащей претензии, линии и права не имеющего), еще только двумесячного младенца суца Иоанна».

Мало того, Анна с мужем при поддержке Остермана, Миниха и Головкина (в их руках находилась «вся сила» в лице армии и гвардии) нарушили присягу и «насильством взяли» правление империей в свои руки. Затем узурпаторша «не устыдилась» присвоить себе титул «великой княгини» и стала править, «от чего, как всем же довольно известно есть, не токмо немалые в нашей империи непорядки и верным нашим подданным крайние утеснения и обиды уже явно последовать начались». Анна вместе с теми же советниками вознамерилась сочинить еще одно «определение», которое делало бы ее императрицей — при жизни родного сына! Такое неумное честолюбие и коварство просто не могли не вызвать внешних и внутренних «непорядков», а потому угнетенные подданные обратились к Елизавете, которая милостиво «восприяла» принадлежавший ей по праву престол в ночь на 25 ноября 1741 года.

Этот наскоро сделанный манифест несколько неуклюж — как, впрочем, и сочинения министров Анны Леопольдовны по поводу свержения и наказания Бирона; не случайно над противоречиями между первым и вторым манифестами Елизаветы потешалась в «предосудительных пассажах» вольная зарубежная пресса⁴⁶⁹.

Остерман, может, и был виноват, но царствование Анны Иоанновны признавалось в манифесте от 28 ноября незаконным, а принесение священной присяги императору Иоанну Антоновичу и правительнице Анне Леопольдовне, оказывается, определялось не законом, а «силою». Имя Бирона в документе даже не называлось, поскольку, будь оно упомянуто, выходило бы, что его устранили от власти сами же «немцы». Какие «крайние утеснения и обиды» терпели от Анны-правительницы подданные, никак не разъяснялось — сказать по этому поводу явно было нечего. И всё же отныне доброй Анне Леопольдовне была предписана роль властолюбивой злодейки типа шекспировской леди Макбет, а свергнувшая ее Елизавета, истинная наследница великого государя, олицетворяла саму доброту: не только не стала мстить «сестрице» и ее семье, которые «сами нисколько к российскому престолу права не имеют», а, наоборот, «не хотя никаких им причинить огорчений, с надлежащею им честью и с достойным удовольствием, предав все их вышеизъясненные к нам разные предосудительные поступки крайнему забвению, всех их в их отечество всемилостивейшее отправить повелели»⁴⁷⁰.

Однако счастливого конца у этой истории нет — действительность оказалась совсем иной.

Глава седьмая

ПАДШИЕ ПЕРСОНЫ

...Команда моя обстоит благополучно.

Рапорт В. Ф. Салтыкова

«Внутренний неприятель»

Свергнуть «незаконного» (а на самом деле вступившего на престол вполне легитимно на основании петровского указа 1722 года) императора было нетрудно — сложнее было искоренить память о нем. Власти и раньше уничтожали отдельные документы (например, в 1727 году манифест по делу царевича Алексея); теперь же правительство Елизаветы решило устранить всю информацию о предшественнике, «вычеркнуть» его царствование из истории. Сразу же после переворота стали изыматься из обращения монеты с изображением Иоанна Антоновича, публично сжигались печатные листы с присягой, а с 1743 года началось систематическое изъятие прочих официальных документов с упоминанием свергнутого императора и его матери-правительницы — манифестов, указов, церковных книг, паспортов, жалованных грамот и т. п.⁴⁷¹

Поскольку уничтожить годичную документацию всех государственных учреждений не представлялось возможным, целые комплексы дел передавались на особое хранение в Сенат и Тайную канцелярию; ссылки на них давались без упоминания имен. Наследник Елизаветы Петр III, вступив на престол, повелел после снятия необходимых копий уничтожить все дела «с известным титулом», и только очередной переворот не дал выполнить это распоряжение⁴⁷².

Первые учебники по всеобщей истории Вейсьера де ла Кроца и Гильмара Кураса, изданные как раз в годы правления Елизаветы («русские» события добавлялись к основному тексту переводчиками), упоминали только об угрожавшем «погибелью» России «незаконном правлении», которое было пресечено Елизаветой. Забвению подлежали также имена бывших министров — и не только в России. Когда в Германии стали появляться в продаже биографии Миниха, Остермана и Бирона, А. П. Бестужев-Рюмин в 1743 году предписал русским послам в европейских странах

добиваться запрещения торговли подобными изданиями и «уведать» их авторов. Попавшие же в Россию экземпляры «пашквилей» должны были немедленно конфисковываться и сжигаться.

Масштабную кампанию по «умолчанию» дополняла серия пропагандистских акций. В церковных проповедях евангельские образы и риторические обороты убеждали паству в законности власти Елизаветы как преемницы дел отца и защитницы веры от иноземцев. К этому жанру примыкали другие публицистические произведения, призванные оправдать произведенный переворот: уже упомянутые «Краткая реляция» и «Историческое описание о восшествии на престол Елисаветы Петровны» или «Разговоры между двух российских солдат, случившихся на галерном флоте в кампании 1743 года».

В проповеди на день рождения Елизаветы 18 декабря 1741 года владыка Амвросий (тот самый, который еще недавно благословлял брак Анны Леопольдовны, а затем предлагал ей стать императрицей) оправдывал действия дочери Петра I борьбой с врагами России, которыми представляли Миних, Остерман и другие «эmissарии диавольские»: «...тысячи людей благочестивых, верных, добросовестных невинных, Бога и государство весьма любящих втайную похищали, в смрадных узилищах и темницах заключали, пытали, мучали, кровь невинную потоками проливали», назначали на руководящие должности иноземцев, а несправедливо нажитые деньги «вон из России за море высылали и тамо иные в банки, иные на проценты многие миллионы полагали»⁴⁷³. Антона Ульриха и Анну Леопольдовну владыка теперь величал «сидящими в гнезде орла российского ночью совами и нетопырями, мыслящими злое государству».

Усердие сочинителей приводило к тому, что история свержения императора — «благополучнейшей виктории» над «внутренним неприятелем» — иногда представляла в совершенно кощунственном виде. Так, согласно «Историческому описанию», сам Бог «влия благодать свою в немощного и неимущего дома и родителей и мало ведомого,

в чине солдатском служащего Георгия Федорова сына Гринштейна» и его приятелей и вдохновил их на подвиг во имя «многострадальной» Елизаветы. Ночной захват власти выглядел священной миссией, которую взяла на себя гвардейская «блаженная и Богом избранная и союзом любви связуемая компания, светом разума просвещенная». Во главе с Елизаветой «по вооружении силой крестною и ишествии из казармы сия блаженная компания... утвердиша слово: намерения не отменить и действие исполнить». После чего заговорщики «поспешением силы крестныя без всякого сопротивления вшед в чертоги царские, принцессу Анну и чад и супруга повелением великия государыни Елисавет Петровны взяша, и отвезены бысть в дом ее величества и лишися власти и санов»⁴⁷⁴.

В торжественном «Похвальном слове» на день восшествия Елизаветы на престол М. В. Ломоносов в 1749 году вещал: «Чудное и прекрасное видение в уме моем изображается... что предходит с крестом девица, последуют вооруженные воины. Она отеческим духом и верою к Богу воспаляется, они ревностию к ней пылают...»⁴⁷⁵ «Дворская буря» явно повлияла на творчество ведущего драматурга эпохи Александра Сумарокова, по совместительству генерал-адъютанта фаворита Елизаветы Алексея Разумовского и начальника канцелярии Лейб-компании. Его «Гамлет», в отличие от подлинника, изображал близкий к российскому вариант событий — подготовленное друзьями принца «силою присяг» народное восстание, в ходе которого герой захватывает дворец, убивает Клавдия и арестовывает главного злодея Полония⁴⁷⁶.

Осуждение и шельмование деятелей свергнутого правительства сопровождалось традиционной раздачей милостей. Была объявлена очередная амнистия (но уже без снисхождения к осужденным «по первым двум пунктам»), «сложены» по десять копеек штрафов с подушной подати за 1742 и 1743 годы и «казенные доимки» за 1719–1730 годы; ликвидирована сама Доимочная комиссия⁴⁷⁷. Тайная канцелярия получила распоряжение «наказаний не чинить» обвинявшимся в оскорблении брауншвейгской фамилии и

ложно объявившим «слово и дело» духовным лицам, коих надлежало отныне передавать в Синод. На несколько дней, судя по протоколам, деятельность сыскного ведомства замерла, прекратились допросы и пытки; но уже в декабре канцелярия продолжила обычную работу в прежнем составе и с прежним жалованьем.

Из своих защитников-гренадеров Елизавета 31 декабря 1741 года создала Лейб-компанию — привилегированное воинское соединение телохранителей. Сама она стала ее капитаном; принц Гессен-Гомбургский — капитан-поручиком, Грюнштейн — прапорщиком; прочие офицерские должности в этой «гвардии в гвардии» получили самые близкие к императрице люди: А. Г. Разумовский, М. И. Воронцов, братья П. И. и А. И. Шуваловы. Сержантами, капралами и вице-капралами были назначены наиболее активные заговорщики. Все лейб-компанцы «никакой породы» получили дворянство, гербы с девизом «За веру и ревность» и по 29 крепостных душ. Лейбкомпанцы постоянно сопровождали императрицу в поездках, несли дежурство во дворце — и были убеждены в своем особом положении, перед злоупотреблением которым бывшие гвардейские «продерзости» выглядят детскими шалостями.

Гренадеры буянили, резались в карты, пьянствовали и валялись без чувств, находясь на карауле в покоях императрицы, приглашали туда с улицы для угощения «неведомо каких мужиков»; гуляли в исподнем по улицам, устраивая при этом грабежи и дебоши; могли потребовать, чтобы их принял фельдмаршал, или заявиться в любое учреждение с указанием, как надо решать то или иное дело; их жены считали себя вправе брать «безденежно» товары в столичных лавках⁴⁷⁸.

Много лет спустя Державин писал про правление «царь-девицы»:

Слава доброго правленья
Разливалась всюду в свет.
Все кричали с восхищенья,

Что ее мудрее нет.

Брауншвейгскому же семейству была уготована роль злодеев. Сторонники Елизаветы в процитированных выше сочинениях выглядели боговдохновенными спасителями отечества, а сама она — исполненной христианского смирения, не помышлявшей о престоле и даже целовавшей руку заведомому злодею Бирону — «свинии в вертограде». Анна Леопольдовна, напротив, была представлена недостойной власти — разве могла дочь мекленбургского герцога тягаться с прямой наследницей Петра Великого, у которой «тысяща таковых служащих князей в рабстве престола российского обретается»? Анна же не только угнетала «страждущую Елисавет», но и стремилась присвоить себе царский венец!

Торжествующая добродетель обязана если не быть, то выглядеть милосердной. Арестованную семью несколько дней держали во дворце Елизаветы, а потом посадили в закрытые возки и повезли в Ригу, ведь манифестом было публично обещано отправить ее в немецкое «отечество». В один день 29 ноября 1741 года начальнику конвоя генерал-лейтенанту В. Ф. Салтыкову были вручены одна за другой три инструкции. Первая требовала как можно быстрее доставить свергнутого императора и его семью (через Нарву, Дерпт, Ригу) в курляндскую Митаву, оказывая «их светлостям должное почтение, респект и учтивость» и обеспечивая в пути «всякое довольство». Вместе с принцессой предстояло ехать сестрам-фрейлинам Юлии и Якобине Менгден, трем камер-юнгферам, карлице Катерина, «сидельнице» Катерине, кормилицам, прачкам и прочему обслуживающему персоналу. Вторая инструкция приказывала ехать «с величайшею поспешностию», объезжать крупные города или проезжать через них ночью, не останавливаясь; не допускать каких-либо разговоров Анны Леопольдовны и Антона Ульриха с окружающими и, формально не запрещая переписки, все письма «отбирая, присылать в Кабинет, однако так осторожно поступать, чтоб

они признать не могли». Последняя, «секретнейшая», инструкция предписывала «ради некоторых обстоятельств» везти арестантов, наоборот, как можно медленнее; в Нарве пробыть не меньше восьми — десяти дней, а в Риге держать их под строжайшим караулом до получения дальнейших указаний о выезде в Митаву, которого так и не последовало⁴⁷⁹.

Перед отъездом императрица велела спросить Анну, нет ли у нее каких-либо просьб. Опальная принцесса попросила только одного: не разлучать ее с фрейлиной Юлианой Менгден. Елизавета не возражала.

Несбывшийся отъезд: Рига и Динамюнде

Близкий в то время к Елизавете маркиз Шетарди сообщил в конце ноября в Париж, что императрица решила не выпускать брауншвейгское семейство за границу, пока в Россию не доберется ее племянник Карл Петер Ульрих, герцог Голштинский. Поскольку ехать будущему императору Петру III предстояло через Мекленбург или Брауншвейг, «потому решено для безопасности особы герцога в пути задержать в Риге принца и принцессу Брауншвейгских с детьми их до тех пор, пока тот не достигнет русских пределов». С его прибытием новая императрица рассчитывала уладить принципиальный вопрос о престолонаследии.

Пленницу должно бы было насторожить прибытие гонца-сержанта с предписанием: «...объявить принцессе Анне и ей сказать, чтоб она по тому нам в верности присягу, в присутствии вашем и нашего лейб-гвардии Измайловскаго полку майора Гурьева, учиня, крест и Евангелие поцеловала. И в том за себя и за сына своего, принца Иоанна, и дочь ее, принцессу Екатерину, ибо они все в нашем законе, подписала». Ведь хотя она и состояла в православном «законе», но, отправляясь в заграничное изгнание, становилась иностранкой, и в этом случае обязательство «верным, добрым, и послушным рабом и подданным быть» являлось излишним. Тем не менее Анна Леопольдовна подписала присланную бумагу: «Принцесса Брауншвейг-Люнебургская Анна с детьми своими принцем Иоанном и принцессою Екатериною по сему присягали и своеручно а и в место детей мои подписуюсь».

Огромный «поезд» под конвоем из трехсот гвардейских солдат и офицеров прибыл в Ригу 27 или 28 декабря 1741 года. Но вместо отправки в «заграничное отечество» семейство почти год томилось в рижском замке под бдительным надзором В. Ф. Салтыкова.

Между тем в столице Елизавета занялась поисками монарших драгоценностей, в исчезновении которых подозревала Анну Леопольдовну и ее окружение.

Уже по пути, в Нарве, был учинен допрос наперснице принцессы. Юлиану Менгден для острастки обвиняли в умысле об «отмене наследства престола российского, ибо чрез тебя принцессе Анне и штатской советник Темирязев представляем был», и предлагали признаться под угрозой «высочайшего и правосудного гнева»; но главные вопросы не касались политики:

«Известно есть, что по арестовании бывшего герцога Курляндского блаженныя памяти ея величества государыни императрицы Анны Иоанновны все алмазные вещи взяты принцессою Анною Брауншвейг-Люнебургскою. А ныне многих из них, яко то: жемчужной гарнитур на платье бывшей герцогини Курляндской и купленный у Рондовой жены алмаз, тако ж бывшей герцогини Курляндской золотой сервиз и многих присланных с персидским послом алмазных и золотых вещей не находится и прочего. Но как ты всегда была при ней и для того о всём тебе о том не ведать нельзя, того ради имеешь объявить самую истинную правду, не утаивая ни для чего, куда что из того девалось. Кому как чрез тебя, так и чрез кого других что брано, тайно и явно?

Сколько денег ты от нея, принцессы, из Соляной конторы, тако ж из других мест получила и куда их девала?

Не переводила ль ты каких денег и в чужие края, сколько и чрез кого?

Потому ж, сколько графу Линару или другим кому денег и алмазов отдано? И у кого в России и в других местах такие вещи и деньги, от тебя данныя, в сохранении имеются?..»

(Добрая принцесса, как вспоминал ювелир Позье, не мелочилась, даря «камни», а слухи еще преувеличивали ее щедрость. Шетарди передавал, что отбывавший в сентябре 1741 года на родину Линар увез с собой «на 150 000 бриллиантов; драгоценности фаворитки стоят по крайней мере столько же»; правительница осыпает подарками любимицу-фрейлину и тайно посылает драгоценности отцу, изгнанному из собственного герцогства.)

Юлиана подробно отвечала:

«На 1-й. Жемчужный гарнитур в казенной, у камердинера Гранкина, весь сполна, в красном ларчике, оклеян опойком; а что купленный алмаз у Рондовой жены, того заподлинно не знаю и какого величества — не видала, а сервиз золотой, бывшей герцогини Курляндской, остался в зеленой комнате в моржевой бауле, привезенной персидским послом. Алмазы и золотые вещи и прочие алмазы принцесса изволила к себе положить в кабинет, который за стеклами в желтой комнате, и золотые вещи, которые им привезены, тут же в кабинете положены. А прочее всё отдано в казенную, Симонову, токмо из оных привезенных персидским [послом] вещей вынуты из перстней два алмаза, и которые отданы мне, и оные положены в серебряное блюдечко с крышкой и остались в комнате моей, на столе уборном. А из алмазных вещей складень и перстень бриллиантовые отданы жениху моему для переделывания, о котором объявлено от принцессы князю Куракину, который перстень был покойной государыни Анны Иоанновны; да брату принцу отдан орден и кавалерия бриллиантовые, фельдмаршалу Миниху две табакерки золотые, осыпаны искрами бриллиантовыми, да сыну его, обер-гофмейстеру Миниху, дана одна табакерка золотая с бриллиантами ж, которые табакерки были герцогини Курляндской; да ему ж, гофмейстеру Миниху, даны пряжки бриллиантовые бывшего герцога Курляндского, ценою в 2000 рублей. На сей мой ответ объявляю самую истинную правду, не утаивая ни для чего, чрез меня и чрез других ни тайно, ни явно никому не дано.

На 2-й. Получила я от принцессы, когда [она] приняла титул великой княгини, 10 000 [рублей]; да перед рождением принцессы Екатерины пожаловала мне 30 000, и оные деньги браты из Соляной конторы. И после изволила мне жаловать в разные числа по тысяче, по две и по три; а куда она мною сумма употреблена, об оном объявляю: жениху своему отдала 35 000 для положения в Дрезден в банк, да 12 000 зятю Миниху, да 10 000 рублей и 4000

червонных остались в моей комнате, а больше оной суммы из других мест ни откуда денег я не получала, как выше от меня показано. Да и по взятии герцога Курляндского дано от принцессы фельдмаршалу Миниху 100 000, обер-маршалу 80 000; да в то ж время, как приняла титул великой княгини, гехеймрату (тайному советнику. — *И. К.*) Миниху 20 000, Анне Юшковой 6000, Авдотье Андреевой 4000, а из какой суммы — заподлинно не знаю, а больше разумею, что из соляной суммы. Да изволила ж посылывать принцесса по церквам от 500 и до 1000 [рублей], а сколько оных дач было, не знаю. А как принашивались из Соляной конторы деньги, были в ведении за замком у самой принцессы, и больше онаго расхода не знаю.

На 3-й. В чужие край денег мною никуда не переваживано, кроме тех, о которых показала во 2-м пункте, что отдала жениху своему 35 000.

На 4-й. Графу Линару от принцессы дано: на покупку разных товаров 20 000, да я его ж подарила алмазными пряжками, которыя ценою стоили 2000 рублей, а для сохранения денег, алмазов и других вещей в России никому не отдавала.

На 5-й. Тайных советов, предприятий и умыслов я ни с кем не имела, токмо штатской советник Темирязов приходил ко мне в октябре месяце и объявил мне: покойная государыня Анна Иоанновна изволила сделать testament о наследствии российской короны на одного сына принцессина. А о дочерях в том testamente о наследствии не упомянуто; надобно-де, не упущая ныне времени, делать, чтоб и дочери по брате были наследницами российской короны. И об оном сказав мне, пошел от меня, и о вышеписанных словах его я принцессе сказала, на которые мои слова изволила сказать, что я об оном знаю: говорил мне прежде Михаил Головкин. И спустя неделю оный же Темирязов приходил ко мне в другоряд и спрашивал, сказывала ли я о его словах принцессе, и я сказала, что докладывала. И в то время принцесса его у меня зашла и, взяв его от меня, пошла в покой к принцессе Екатерине, и что там говорили, того я не слыхала; токмо мне изволила

сказывать принцесса, что оной Темирязев о том наследстве ей говорил. О утверждении ж в наследстве дочерей подано было письменно от Остермана и Головкина, а в какой силе, об оном я не знаю, для того, что при мне не читано, а ведали об оном архиерей новгородский и князь Алексей Михайлович Черкасский. И пропустя некоторое время, оный архиерей меня спрашивал: об оном знаю ли я, на что я ему сказала, что ведаю, а о других ни о ком не знаю, ведали ль или нет. А других предприятий ни с кем не советовала и ни о каких не знаю.

На 6-й. Привезенные из Шлюсенбурха (Шлиссельбурга. — *И. К.*) пожитки бывшего герцога Курляндского майором Вульфратом и полковником Манштейном внесены в комнату к принцессе и открываны сундуки при мне и при других девушках камердинером Гранкиным и лакеями, и из оных пожитков никому ничего не давано, токмо принцесса взяла к себе все алмазы, и те алмазы выломав, положила к прежним алмазам к государыниним вместе; а золото и червонных 10 000, из оных пожаловала мне 4000 червонных, о которых я объявила выше, что остались в моей комнате, а прочие употреблены на оклады св[ятых] икон. А о золоте мною же показано, в бауле моржовом положенной сейф; а деньги рублевой монеты отданы Андрею Ивановичу Ушакову на дачу жалованья служителям герцога Курляндского, а сколько тех денег было, не знаю. А которое было привезено платье, оставила у себя (а кому что давано из онаго платья, о том не знаю), только по церквам давано на ризы и девкам, который отдаваны замуж».

Императрица этими объяснениями не удовлетворилась. Следователи стали трясти оставшихся в Петербурге служителей принцессы, и 22 декабря поручик гвардии Суворов прискакал в Дерпт с новыми вопросами. Вновь подруге Анны Леопольдовны приходилось вспоминать про ту или иную вещь, упомянутую камер-медхенами и прочим персоналом. Избавляя читателя от подробных описаний давно исчезнувших вещиц и перечня людей, через чьи руки они проходили, можно сказать только, что правительница и в самом деле любила одарять приближенных — платьем,

деньгами, вещами — и щедро награждала за заслуги. Но ни она, ни фрейлина Юлиана не пытались каким-либо образом перевести капиталы и ценности за границу — они явно не собирались спасаться бегством.

Еще, пожалуй, можно отметить стремление принцессы переделать по своему вкусу украшения, доставшиеся ей от императрицы и Бирона. Правительница Российской империи с увлечением выковыривала драгоценные камни из оправ и отдавала их ювелирам. «Видела я, что алмазы ломали из часов, из трясил^[48] и из перстней... и как выломают алмазы, тогда принцесса к себе изволила брать», — показывала камер-медхен София. Она же говорила, как Анна с подругами «бывшаго регента и детей его с платья позументы спарывали и выжигали, а из выжиги^[49] делали шандалы и к уборному столу коробки, и всё осталось на том уборном столе, а сколько тех вещей сделано числом, того сказать не упомню, а не выжженный споротый позумент остался в коробке под кроватью фрейлинской, в спальне, а со скольких кафтанов того позументу спорото и сколько весом — того не знаю».

Документы следствия над «павшими персонами», наполненные упоминаниями о подобных «мелочах» (имея в виду не ценность вещей, а обыденность происходившего), показывают не только нравы главных действующих лиц. За ними вырисовывается картина придворного мира как своего рода распределителя, где милость высокопоставленной особы конвертировалась в материальные ценности, которые по стоимости могли существенно превышать официальное жалованье их получателя. Таким путем обеспечивалась верность слуг, решались служебные дела и формировались придворные «партии».

При новом допросе Менгденша «в пополнении» рассказала: «...алмазных вещей ломано самою принцессою, при котором и я была, и Юшкова: бывшаго регента бриллиантовую шпагу, тряселки, складни старыя и другия многия вещи ломаны, которых порознь сказать не упомню, при котором был и обер-гофмейстер граф Миних и другия тутошныя девицы, и оныя алмазы выломав, положила сама

принцесса к прежним алмазам, в черепаховой доскан^[50], в оправленный серебром, и оный доскан положен в красный шкаф, который был в почивальне». Прочее «ломанное золото и серебро» осталось у фрейлины: «...и то серебро употреблено в нижеупомянутые шандалы и в прочее, а из золота сделан стаканчик». Однако Юлиана настаивала, что не раздавала «алмазных и других вещей» жене фельдмаршала Миниха, своему жениху Динару и другим знатым персонам, тем более что сама Анна Леопольдовна охотно делала дорогие подарки (золотые табакерки, «алмазные вещи») ее матери, брату, сестре Якобине. А ей самой принцесса пожаловала «из старых четыре кафтана его, регента, обложенные позументом, да бывшего принца Петра три кафтана, с которых я позумент спорола; 4 шандала, 6 тарелок, 2 коробки, и оное серебро осталось на столе в комнате моей»⁴⁸⁰.

Щедрость правительницы подтверждает и список заказанных придворному гофкомиссару И. Либману дорогих изделий⁴⁸¹. Брауншвейгская чета на допросе подтвердила, что ювелирные вещицы были изготовлены, и указала, кому из придворных или дипломатов они были подарены. Согласно подсчетам поставщика, принцесса осталась должна за сырье и работу мастеров 4681 рубль 10 копеек; принц Антон заказал изделий на 24 тысячи рублей, а заплатил только десять тысяч. Относительно самих вещей Анна Леопольдовна объявила, что подарила по бриллиантовой табакерке австрийскому посланнику Ботте и обер-гофмаршалу Левенвольде; «камень и прочие вещи остались при дворце, а что меня принц подарил на рождение принцессы Екатерины трясилкой бриллиантовой, из той трясилки сделан перстень, о котором известно ее и[мператорскому] в[еличеству]».

Елизавета этими ответами по-прежнему осталась недовольна — и, кажется, не без оснований. Спустя несколько дней принцесса вынуждена была признать: «Графу Динару для покупки разных вещей дано от меня денег 20 000 рублей, да для переделывания складень бриллиантовый, да перстень бриллиантовый же, о чем я

сказывала при отъезде из С[анкт]-Питербурха князю Куракину. А больше как денег, так и алмазных вещей ему, графу Линару, от меня не дано». Конвойному же поручику она призналась, что «хотя из оставших после бла-женныя памяти императрицы Анны Иоанновны, также и после бывшего регента алмазных вещей ныне в наличности и не имеется, токмо из тех алмазных вещей она, принцесса, переломав, сделала себе складень, да на руки складни из больших камней, да часы бриллиантовые ж, а оставшие выломанные бриллианты остались в шкафе, в табакерке черепаховой»⁴⁸².

И опять гонец вез к сосланным очередные пункты и бывшая фрейлина Юлиана (сердитая императрица называла ее Жулькой) припоминала, куда могла деться та или иная вещица, которая оказалась «не сыскана»: «Слышала я от принцессы, что две коробки золотыя большия с нахттиша (ночного столика. — *И. К.*) положены к золоту бывшего герцога Курляндскаго в баул, который стоял в зеленой комнате, а сколько на тех коробках граней, того я не знаю». Председатель комиссии «по описи пожитков» генерал-прокурор Трубецкой 3 марта написал Салтыкову: «Оныя коробки и поныне нигде не отысканы. И для того ныне ея и[мператорс]кое в[еличест]во, желая в том совершенную справедливость сыскать, всемилостивейше указать изволила в подтверждение у принцессы Анны достоверно о... упоминаемых коробках спросить, чтоб о том она истину объявила, где оныя сыскать можно».

«Золотые две коропки от нахтыша, как я прежде говорила, что положены были в баул к золотой посуде бывшего герцога Курляндскаго, — заявила бывшая правительница, — и ныне я по сущей справедливости подтверждаю, хотя и под присягою сказать, что конечно оные две коропки положены мною в тот баул. А куда оные оттуда девались, того я поистине не знаю; и для чево б мне не объявить, ежели бы я кому их отдала, но я объявила и о таковых вещах, которые их могли выше стоять, кому были от меня даваны», — и гордо подписалась: «Принцесса Анна»⁴⁸³.

Пресловутые коробки так и не отыскались, а Елизавету уже интересовало другое — куда могла деться отданная графу Линару золотая цепь ордена Святого Андрея Первозванного. Анна не без иронии отвечала: «Та цепь отдана ею, принцессою, графу Линару, а что она, принцесса, прежде не объявила, и то думала, и без оно-де знать могут, понеже-де те кавалерии отдаются всегда с теми золотыми цепями».

Получаемые из столицы и пока не слишком грозные придирки всё же несколько разнообразили для ссыльной четы и ее окружения скучные дни практически тюремного заточения. В рижской цитадели (там теперь находится резиденция президента Латвийской Республики) Антон Ульрих и его супруга провели целый год — до января 1743-го. Судя по словесному обороту, содержавшемуся в присланном из Кабинета императрицы указе от 22 апреля: «...а когда оные принц и принцесса из Риги поедут...» — можно предполагать, что Елизавета и ее министры такой вариант в принципе допускали — или же пребывание брауншвейгского семейства на границе призвано было успокоить зарубежную «общественность» в лице коронованных «братьев» и «сестер».

В марте узников посетил один из близких к императрице людей — камер-юнкер Роман Воронцов. Как докладывал Елизавете начальник охраны Салтыков, «оной господин камор-юн-кар с господином майором Гурьевым у принцессы были и высокую вашего и[мператорс]кого в[еличест]ва милость ей, принцессе, они объявили», а заодно сообщили о скором прибытии ее гардероба. Содержание этой беседы в делопроизводстве не отражено, однако сам Воронцов доложил повелительнице, что Анна якобы заявила ему: «... мне де ее императорского величества высокая милость болше всего может веселит[ь] на свете»⁴⁸⁴. Багаж сосланных, 4 апреля 1742 года благополучно прибывший к ним, был отправлен дальше, в Брауншвейг, с камердинером Грамке и надолго застрял в прусских Эльбинге и Мемеле.

Но желанный отъезд так и не состоялся. Елизавета то ничего не спрашивала у Салтыкова и ничего ему не

приказывала, то требовала, чтобы он получил у своих подопечных разъяснения о нахождении очередной драгоценной безделушки. Вначале генерал распорядился содержать супругов раздельно, но 1 февраля государыня милостиво разрешила «свести» их вместе: «Уведомились мы, что вы принцессу Анну еще доныне с ее мужем не в одном месте, но порознь и каждого в особых покоях содержите. Но понеже о сем в данных вам от нас указах и инструкциях не написано, то мы вам сим повелеваем, оным вместе быть, извольте токмо в содержании их так поступать, как в вышеупомянутых указах и инструкциях изображено». Салтыков по-военному отрапортовал об исполнении: «Всепоподданнейше вашему императорскому величеству доношу, именной вашего императорского величества указ сего февраля 5-го дня получил, по которому принцессу Анну с ее мужем вместе в одни покои свел». Заточенной принцессе ее удачливая соперница время от времени присылала продукты со своего стола, вино, отрез на платье.

Заключенные поначалу рассчитывали на обещанную свободу и даже развлекались. Салтыков доносил, что в теплые дни во внутреннем дворе замка принцесса катается на качелях, принц же с девицами играет в кегли и даже «вздумал ныне щеголять и волосы подвивать, и клещи тупейные по требованию его купили». Антон Ульрих каким-то образом ухитрился передавать на волю письма родственникам: в июне, августе и сентябре он безуспешно просил брата-герцога Карла Брауншвейг-Вольфенбюттельского похлопотать о его освобождении. Для Анны же последствием царского разрешения проживать совместно с супругом стала очередная беременность. Но в ночь на 15 сентября 1742 года у нее случился выкидыш, по заключению докторов — «месяцев трех, мужеска полу».

За каждым шагом семьи бдительно следили. Охранники «стучали» друг на друга; над ними стоял бдительный Салтыков (его рапорты неслись в столицу каждые три-четыре дня), а за ним самим присматривал кто-либо из ближайшего круга императрицы: на смену уехавшему Воронцову прибыл генерал-лейтенант Александр Бутурлин.

Любой крик младенца Иоанна Антоновича подробно описывался в доносах: «Играючи с собачкою, бьет ее по лбу, а как его спросят: "Кому-де, батюшка, голову отсечешь?" — то он отвечает, что Василию Федоровичу (Салтыкову. — *И. К.*)». В день коронации Елизаветы Петровны Салтыков устроил обед для офицеров рижского гарнизона и администрации — он был пожалован орденом Святого Андрея Первозванного. На следующий день после торжества поступил донос на обер-кригскомиссара Никифора Апушкина, который «пьяный шел в квартиру свою мимо квартиры, где стоит принцесса Анна с фамилиею»: «... и в то время она, принцесса, стояла у окна. И зашед против окон, поклонился ей, принцессе, он, Апушкин, и просил, чтоб ему показать маленького принца, котораго в то время она, принцесса, держала на руках. И сказал: "Будь над ним благословение Божие"». Апушкин вынужден был оправдываться: «...был чрезмерно пьян, ничего не помню, да не точию оного, но и того не помню, что я упал и убился грудью пред крыльцом квартиры моей, а причины я никакой к тому не имел и ее, принцессу, от роду моего не видал, понеже я от [1]728 году в Санкт-Питербурхе не бывал, а находился всегда при армии».

Серьезной вины за подгулявшим офицером не нашлось, но рижскую «команду» Салтыкова всё время трясло: солдатики не раз объявляли — по пьяни или «отбивая побои» — «слово и дело» и предавались неуместным размышлениям. Так, рейтар Кирилл Карташов вопрошал: «Как де у нас ныне будет наследство — болшим братьям или по частям?» В мае того же года императрица вдруг предписала Салтыкову арестовать находившегося в его подчинении доктора Азарити: «...и письма его все, что найдется в карманах и в квартире его, тако ж прислать к нам, и сие надобно сделать так тайно, чтоб о том никто, а особливо принцесса, не ведал». Врач был отправлен в Москву вместе с отбывавшим Воронцовым под «пристойным конвоем», а его переписку императрица «изволила взять к себе». В июне был задержан бывший камер-шрейбер принца Антона Шопмейер, почему-то не высланный, как другие

слуги, за границу, а оказавшийся сначала в команде Салтыкова, а потом под следствием. Наконец, в декабре «имеющаяся при принцессе девка» Наталья Абакумова «в беспамятстве и в великой горячке» не давала пустить себе кровь, объявила «за собою слово» и была отправлена под надзором гвардейского капрала «бережно».

Ни причины арестов этих людей, ни их дальнейшая судьба в архивных документах о ссылке брауншвейгского семейства не отражены. Слухи же ходили нехорошие. Саксонский посланник Пецольд писал: «...многие, между которыми находился и итальянский врач Азарити, сопровождавший в Ригу принцессу Анну и присланный сюда скованным, казнены втайне». Почтенный врач и генерал-штаб-доктор Иоанн Арунций Азарити на самом деле не пострадал — он благополучно жил и практиковал в Москве и умер в 1747 году.

Голштинский принц, племянник Елизаветы Петровны, без помех прибыл в Петербург и 7 ноября 1742 года был объявлен наследником. Но Анна Леопольдовна и ее родные напрасно ожидали своей «депортации». Пецольд еще весной передавал, что лейб-медик и один из ближайших сподвижников императрицы Лесток исключал для опальных такую возможность. «Если при восшествии на престол императрицы Елисаветы, — говорил он, — обещано было в манифесте свободно отпустить из России принцессу Анну, то это произошло единственно от того, что сначала не довольно основательно обсудили этот предмет; теперь же, конечно, никто, желающий царице добра, не посоветует ей этого, да и никогда тому не бывать, пока он, Лесток, жив и что-нибудь значит. Россия есть Россия, а так как не в первый раз случается на свете, что публично объявленное не исполняется потом, то императрице будет решительно всё равно, что подумает об этом публика». В том же был уверен и Шетарди, докладывавший в феврале 1742 года парижскому двору: «Принц Иван, по словам царицы, никогда не будет в состоянии осуществить какой-нибудь замысел, если только остановиться на мысли, которою, по-

видимому, министры очень поколебали царицу, именно: не выпускать его вовсе из России»⁴⁸⁵.

В конце концов подозрительная государыня решила перевести своих высокопоставленных пленников в более надежное место, чем чересчур открытая портовая Рига. 13 декабря 1742 года она подписала указ о заключении Анны Леопольдовны с семейством в старую шведскую крепость Динамюнде (впоследствии Усть-Двинск, ныне Даугавпили, находящаяся в городской черте Риги в устье Даугавы. — *И. К.*). В том же указе императрица вполне по-дамски опять требовала узнать от соперницы — куда могло деться опахало «с красными камнями» — подарок Бирона Анне Иоанновне? «...а буде станет отговариваться, что не знает, тому верить не можем, — заявляла государыня. — Ибо доныне неизвестны будучи о том подлинно, и не спрашивали; а ныне уже мы подлинное известие получили от бывшего герцога Курляндского, что оное опахало от него подарено блаженной памяти императрице Анне Иоанновне на ее именины». — «...А я его к себе не брала и никого им не подарила, в чем могу бесстрашно и присягнуть», — привычно парировала упреки Анна Леопольдовна.

Второго января 1743 года пленники и их охрана переехали в новое место заключения. Крепость («Динаментшанец») напоминала Петропавловскую или Шлиссельбургскую, была окружена водой и вполне подходила для изоляции опасных поднадзорных. Оттуда Антон Ульрих уже не мог передавать весточки на волю. Режим содержания ужесточился, надежды на возможный отъезд рухнули. «С начала приезда моего в Динаментшанц морские ворота заперты наглухо, и ключи от оных ворот всегда имеются у меня. А для проходу одни Рижские ворота оставлены, и сверх гарнизонного караула стоит гвардия у тех ворот», — докладывал В. Ф. Салтыков. Указ императрицы категорически воспрещал допускать кого-либо к заключенным или вручать им письма и прочие передачи «под видом яко бы к Жулии от матери ее кушанье или иное что прислано не было».

В доме коменданта в Динамюнде узники провели еще один тяжелый год. Беспокойств, подобных рижским, уже не было, и рапорты Салтыкова неизменно сообщали: «... команда моя состоит благополучно». На всякий случай провести его «команду» в августе прибыл камер-юнкер Карл Сиверс. 1 января 1744 года принцесса родила девочку, названную Елизаветой. Согласно рапорту Салтыкова, был вызван «динаминтшанцекой крепости священник, который и крестил при... поручике Сукине того ж числа; а восприемниками были оной принцессы духовник и Жулия».

Как только Анна Леопольдовна оправилась от родов, последовал новый царский указ о переезде в неизвестном направлении. Надо сказать, на то были причины. Уже в январе 1742 года Финч счел нужным отметить ропот в гвардии — не все были довольны возвышением лейб-компанцев, да и «переворотная» атмосфера эпохи кружила гвардейцам головы; царицыны «детушки» устраивали в 1742 году форменные побоища и нападения на офицеров-иностранцев и только вызванные армейские части смогли навести порядок⁴⁸⁶. Тем же летом Преображенский прапорщик Петр Квашнин, камер-лакей Александр Турчанинов и Измайловский сержант Иван Сновидов обсуждали возможность собрать «партию человек в триста или и больше, и с тою бы партией идти во дворец и государыню императрицу свергнуть с престола, а принца Иоанна возвратить». На вопрос, что делать с Елизаветой, Турчанинов прямо пояснил: «Где он их увидит — заколет»⁴⁸⁷. Виновных били кнутом и отправили в Сибирь, но во дворце было беспокойно, «...не могу достаточно описать вам весь страх и ужас, распространившиеся с тех пор при дворе. Куракин несколько дней сряду не смел ночевать у себя дома; сама императрица распорядилась так, что часов до 5-ти утра не ложится спать, сидит с компаниею и потом спит днем, отчего со всяким днем всё более и более растет беспорядок в делах и докладах», — докладывал Пецольд в марте 1743 года.

«Дело Лопухиных» выявило подобные настроения и в придворных кругах: подполковник Иван Лопухин летом 1743

года не стеснялся заявлять о скорых «переменах» в правительстве и воцарении опять же «принца Иоанна», при этом называл многих недовольных происшедшим переворотом офицеров⁴⁸⁸. Одним из главных действующих лиц в этом кружке с участием австрийского посланника Ботты выступила уже известная нам первая придворная красавица и щеголиха Наталья Лопухина. Настоящего заговора не было — но виновные в предосудительных разговорах угодили под следствие с пытками в Тайной канцелярии. Обычный в такой ситуации смертный приговор был заменен сечением кнутом; Лопухиной «урезали язык» и всех участников кружка сослали в Сибирь. По настоянию разгневанной Елизаветы австрийская императрица Мария Терезия на полгода посадила в заключение вовремя отбывшего из России имперского посла, маркиза Антонио Отто Ботта д'Адорно.

Колоритный рассказ капитан-поручика Преображенского полка Григория Тимирязева, служившего перед тем в команде Салтыкова в Риге, передает настроение многих гвардейцев. В декабре 1742 года, возвращаясь из отпуска вместе с солдатом Иваном Насоновым, офицер расчувствовался и поведал подчиненному всю новейшую историю России с ее интимной стороны: «"Что де о нынешней государыни? Я де... знаю, что де она сначала еще каво любила... Аврамка арапа". И он, Иван, спросил того Тимирязева: "Кто таков Аврамка?" И оной Тимирязев сказал: "...Петрович арап, которого де крестил государь император Петр Великой. Другова, Онтон Мануиловича Девиера, третьяго де ездова (а имени, отчества и прозвища ево не сказал); четвертова де Алексея Яковлевича Шубина; пятова де ныне любит Алексея Григорьевича Разумовского. Да эта де не довольно; я де знаю, что несколько и детей она родила, некоторых де и я знаю, которые и поныне где обретаютца". И он де, Тимирязев, знает ту и бабу, которая при оных рожденных случаях находилась».

Осведомленный офицер рассказал и про «превеликого блудника» Петра I, и про роман его жены Екатерины с камергером Вилимом Монсом, и про фавор Бирона у Анны

Иоанновны. «Смотри де, что монархи делают, как де простому народу не делать чего (а чего имянно, не выговорил)», — завершил он, согласно доносу Насонова, свой рассказ. Капитан-поручик, видно, обиделся, что новая императрица не оценила его трудов по охране высокопоставленных узников: «А когда де заарестовали принцессу с ея фамилиею, меня де в ту пору определили к ней для охранения. Обещали-де мне неведомо што; в ту же де пору ко мне приезжали Шуваловы и сулили-де мне очень много, ан де вот и поныне ничево нет, да и впредь не будет — какой-де кураж служить?» Тимирязев размечтался: «Боже мой, ежели ж де принцесса с своим сыном по-прежнему будет, то де, конечно, я бы был кавалер Святого Андрея или, по крайней мере, Святого Александра»⁴⁸⁹.

Карьера гвардейца, информированного об альковной стороне жизни первых лиц государства, похоже, и впрямь не задалась — за 20 лет в гвардии он стал только капитан-поручиком. Но он же не хуже Бирона или Разумовского. Раз его усилия по охране свергнутой правительницы, вопреки обещаниям, не оценили (в сентябре 1742 года офицер покинул Ригу без всяких наград), можно вернуть Анну Леопольдовну во власть — а там будут и чины, и «кавалерия»... Правда, обиженный офицер рассказал собеседнику не всё; следствие (со слов ревливой жены Тимирязева) выяснило, что подкараульная принцесса «к любви и воли его очень была склонна». Так ли оно было на самом деле, неизвестно; но не судьба была капитан-поручику совершить подвиг — молодой и шустрый солдат уже подал донос. Тимирязеву вместо чинов и орденов достались кнут и заточение в Верхнеколымском зимовье, где он жаловался на «мучительные поступки» охраны.

А тут еще лукавый король Фридрих II передал Елизавете через российского посла в Берлине Петра Чернышева «полное свое убеждение в том, что план маркиза Ботты о низвержении настоящего русского правительства был составлен по положительному предписанию австрийского двора и что он, король Прусский, как по своему дружескому расположению к императрице, так и для потушения

последних искр тлеющей под золою опасности, считает своим долгом посоветовать: принца Иоанна, содержимого с родителями и сестрами его в Дюнамюнде, тотчас же оттуда отправить во внутренние губернии империи, в такое отдаленное место, чтоб никто не мог больше ни видеть их, ни что-либо о них слышать».

Так императрица и поступила. Кажется, Елизавета искренне верила в существование заграничного заговора — ведь сама-то она и ее окружение пошли на контакты с Шетарди и Нолькеном и содержание их разговоров, будь оно открыто, вполне могло послужить основанием для сурового приговора.

«Известная экспедиция»: Ораниенбург — Холмогоры

Указ от 9 января 1744 года предписывал Салтыкову везти бывшую правительницу с семейством по ночам, не заезжая в Ригу, а «через озера на Псковскую дорогу». Однако отъезд пришлось отложить: штаб-лекарь Михаил Манзе объявил, что «принцесса, вследствие недавних своих родин и не кончившихся еще вполне болезненных припадков, не в состоянии пускаться в дорогу, но должна для этого подождать еще от 10 до 14-ти дней». Государыня согласилась, и тюремный «поезд» выехал из Динамюнде 31 января. Сопровождавший его капитан-поручик Максим Вындомский в своих донесениях обозначал конечный пункт назначения как «Оренбурх» или «Аренбурх». В Петербурге сообразили, что brave офицер может отправить подопечных на Южный Урал — в Оренбург, и капитану разъяснили: «Ежели вы разумеете Оренбург тот, что на Яике, построенный бывшим статским советником Кириловым, в том ошибаетесь, ибо сей, до которого вы отправлены, Ораниенбурх, отстоящий от Скопина в 60 или 70-ти верстах, как и в именном ее императорского величества указе, данном вам при отправлении, именован Ораниенбурхом, а не Оренбурхом»⁴⁹⁰. Для офицера это был только пункт назначения, оказавшийся ближе, чем он думал; для его подконвойных — полное и окончательное крушение всяких надежд. Больше не было и речи о том, что они когда-либо смогут покинуть Россию.

«Поезд» двинулся из Лифляндии в лютую стужу — через Псков, Смоленск, Вязьму, Калугу, Алексин, Серпухов, Тулу. В тяжелых каретах-«берлинах» везли еще не оправившуюся от родов Анну Леопольдовну и отдельно от нее — грудную Елизавету. Позднее Антон Ульрих рассказал дочери, что дорога была тяжелая, она мерзла в холодной повозке, «отчего-де и мать ея, яко еще тогда ж в родах находящаяся и от оной новорожденной дочери ехав в отдалении, в такой

беспокойной коляске везущую ее виде, много сокрушалась...».

Согласно инструкции бывшего императора везли отдельно от родителей, не допуская их свиданий. Салтыков поначалу усомнился: «Когда отправляться будем в путь, а принцесса Анна принца Иоанна паче чаяния давать с рук своих по разным воскам (возкам. — *И. К.*) не будет, что поведено будет чинить?» Ответ был жестоким: «На ваш репорт вам повелеваем, ежели принцесса при отправлении в путь принца с рук своих давать не будет, то, несмотря ни на что, поступать вам по прежнему нашему указу, ибо она не может по своей воле делать что хочет...» Опасного для спокойствия империи ребенка надлежало отныне навсегда изолировать от семьи. «Когда вы прибудете в Ораниенбурх, — требовала та же инструкция, — то принцу Иоанну с его мамками определите палаты у Козловских ворот, по правую сторону оных... а принцессе с мужем и с детьми и служителями — палаты [у] Московских ворот... И принца Иоанна к отцу и матери носить, тако ж и им к нему ходить не допускать». Одновременно было приказано уменьшить штат сопровождавших пленников слуг, «понеже в свите у принцессы много лишних есть». В Ораниенбурге в то время уже хозяйничал посланный наперед подполковник Василий Чертов, занимавшийся ремонтом и обустройством заброшенных помещений.

Елизавета — то ли из любопытства, то ли с тайным злорадством — потребовала от Салтыкова непременно сообщить ей о том, будут при отъезде Анна и ее муж «печальны ли или сердиты, или довольны». Главный тюремщик исправно доложил: когда принц и принцесса увидели, что их намерены рассадить по разным кибиткам, они «с четверть часа поплакали», так как подумали, что их хотят разлучить. «А потом, вышед, с учтивостью они ему сказали, что в воле вашего императорского величества состоит... больше ничего не говорили, и виду сердитого в них не признал». «Сердиться» пленники, видимо, уже не могли — теперь они боялись быть разлученными с близкими людьми и исчезнуть поодиночке.

Крепостца Ораниенбург (Раненбург, нынешний районный центр Чаплыгин Липецкой области), построенная в начале XVIII века для обороны от турок района воронежских верфей, уже служила тюрьмой ее бывшему владельцу — светлейшему князю А. Д. Меншикову. Здесь он с семьей после свержения в 1727 году пробыл недолгое время, пока не был отправлен в сибирский Березов.

Указы из Петербурга требовали строгой изоляции узников: «И понеже палаты все сделаны задними стенами к валу, того для надобно иметь и на валу, позади палат, караул; тако ж по болваркам и у подъемных мостов иметь караулы, и дабы служители принцессы никто из города не ходил никогда, да и вашей команде без ведома вашего ни в город, ни из города никто не ходил». Мосты на ночь поднимались, ворота и калитки запирались, а ключи от них находились у начальника команды. Пленников охраняли почти три сотни солдат, выбранных из всех четырех гвардейских полков. Солдаты дежурили как внутри зданий, так и снаружи. Царский указ Сенату повелел даже перевести ярмарку из Ораниенбурга в соседнюю Лебедянь. Правда, как это часто бывает в России, о месте тайного содержания арестантов вскоре уже знали иностранные дипломаты...

Лишних, по его мнению, слуг Салтыков отослал, «... лакей Вульф с женой и с матерью его, лакей Стампель с женою и с дочерью и тещею и все, кто при них обретались, посланы от меня в Митаву к полковнику Воейкову для отправления их за границу, понеже они уроженцы разных земель. А которые где в России родились, оные отправлены в те места: лакей Шумахер с женою и с детьми в Дерпт, кухер-шрейбер Вундерлих и лакей Ломан в Ревель, лакей Талианде дистрикту вильман-страндского в деревню Токсмоер, которым за моею рукою даны пашпорты, чтобы им в тех местах безвыходно жить; да две девки, Софья и камор-юнферская Маргарита, отпущены с таким же подтверждением жить в село Рождественское, которое от С[анкт]-Питербурха расстоянием в 90 верстах, ибо оне сестры родныя и родились во оном селе, и обо всех оных

писано от меня к вице-губернатору князю Долгорукову, отправить их из Риги в показанные места, которые из Риги и отправлены. А девка Марья, калмыцкой природы, в законе нашем (то есть православной веры. — *И. К.*), отослана в Ригу ко оному вице-губернатору и велено ему держать и кормить ее до указа в Риге; Жулиина девка Софья отдана Жулииной матери для того, что она девка лифляндской мызы уроженица, а принцесса оставила камор-юнкеру Штурм», — доложил он императрице в январе 1744 года. Но и после этого «двор» принца и принцессы оставался немалым — 55 человек, включая адъютанта, тафельдекера, мундшенка, кофишенка, карлиц, камердинеров; духовно окормлял и утешал Анну Леопольдовну дворцовый протопоп Родион Никитин⁴⁹¹.

Потянулись скучные дни заточения в провинциальной глуши. Сохранившиеся бумаги дела о брауншвейгском семействе молчат о их повседневном житье-бытье в «красных» деревянных хоромах с изразцовыми печами и доставленными из Москвы креслами и столами. Режим заточения явно был более суровым, чем в Динамюнде; в марте 1744 года особым указом императрицы охране разрешалось «по требованию принцессы Анны окончины на двор открывать позволить». Впрочем, летом она могла гулять в саду и кататься на качелях — но непременно под надзором охраны из шести солдат во главе с офицером.

Длительная командировка подорвала здоровье Салтыкова. «Грудь ломит, мокрота в груди загустилась», — жаловался он государыне. Вскоре он выпросился в Москву, а его место занял майор Измайловского полка Иван Гурьев. Новый начальник охраны занялся ремонтом запущенных помещений. Из Петербурга не приходило никаких указаний об ужесточении режима поднадзорных — о них как будто забыли. Казалось, жизнь замкнутого мирка ссыльных налаживалась, насколько это было возможно в тюремной обстановке маленькой крепости. «Вашему императорскому величеству всемилостивейшей моей государыне всеподданнейше доношу, команда состоит благополучно», — рапортовал Гурьев. Но 10 августа 1744

года в Ораниенбург прискакал камергер двора Николай Андреевич Корф. Доверенное лицо государыни (Корф был женат на ее двоюродной сестре Екатерине Скавронской) должно было взять на себя руководство тюремной командой и доставить пленников, «куда по указу нашему повелено».

Указ Елизаветы от 27 июля 1744 года предписывал осуществить секретную операцию по перевозке брауншвейгского семейства в Соловецкий монастырь — одну из самых надежных тюрем империи. Опыт такого рода у камергера уже имелся: он привез в Россию из Голштинии племянника императрицы и наследника престола Карла Петера Ульриха, будущего императора Петра III, а потом доставил из Цербста его невесту, принцессу Софию Фредерику Августу, будущую Екатерину II. Корф был отличным придворным — сумел завоевать признание первого и не потерять доверие второй — и до конца жизни сохранил пост начальника полиции империи.

Пока же ему предстояло выполнить грозный указ. Экс-императора надлежало передать майору Пензенского полка Александру Миллеру. Тот должен был ждать в трех верстах от города и везти четырехлетнего малыша под именем Григорий в закрытом экипаже на север, никому не показывая и не выпуская из коляски. Через день после отправки главного арестанта нужно было так же тайно, ночью, организовать отъезд на Соловки бывшей правительницы, ее мужа и детей с прислугой из двух десятков человек. Подготовкой транспорта ведал капитан-поручик Семеновского полка Максим Вындомский. На Соловки был послан армейский полковник Василий Чертов — ему предстояло обозреть монастырскую территорию и приготовить для знатных узников четыре полностью изолированных «покоя». По дороге полковник мог объявлять о будущем проезде на север некоей знатной особы для обозрения соляных промыслов Поморья.

Корф по прибытии в Ораниенбург взялся за дело. Он доложил императрице, что «как команду, так и известных персон нашел в добром состоянии», но в письме вице-канцлеру М. И. Воронцову сообщил, что у принца Иоанна

понос от дурного питья (в крепости закончились продукты, и заключенные пили лишь пиво пополам с водой), а мать его, по-видимому, опять беременная, уже несколько дней лежит в постели. Он нанес визит своим знатным узникам, но, заметив их тревогу, не решился объявить о цели своего прибытия. Сделать это он поручил Гурьеву. Анна и ее муж рыдали, говорили, что отправление их свидетельствует о немилости императрицы, что им лучше умереть, нежели навлечь на себя ее неудовольствие, но они покоряются воле государыни и просят лишь довести до ее сведения их горестные чувства.

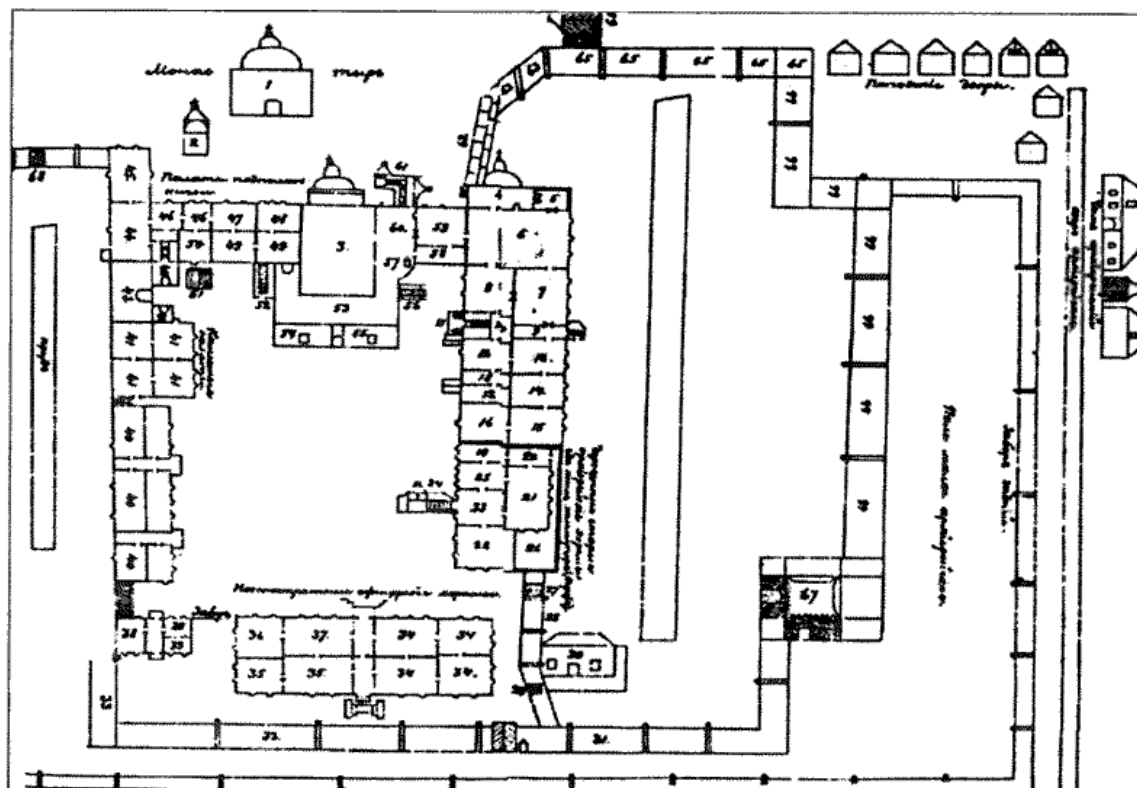
Однако потомок ливонских рыцарей Корф не был ретивым служакой-исполнителем. Еще перед отправкой в Ораниенбург он просил выделить для сопровождения Иоанна няньку-«сидельницу» и кормилицу, чтобы мальчик, находясь в окружении знакомых людей, не плакал. Проект указа был послан М. И. Воронцову, сопровождавшему государыню в поездке на Украину. Вице-канцлер из Орла прислал ответ: императрица, «прочтя тот указ, издрать его изволила, объявля, чтоб господин Корф по силе прежнего ее величества соизволения, которое неотменно пребыть имеет, поступал»⁴⁹². Нянька и кормилица так и остались в Ораниенбурге.

Приготовления к отъезду затянулись. Оказалось, что повозки неисправны, а в Ораниенбурге иссякли столовые припасы. Пришлось дожидаться прибытия из Придворной конторы обоза из девяти телег с едой и питьем — винами, «французской» и «гданьской» водками, черным и зеленым чаем, пудом кофе, сахаром, рисом, крупитчатой мукой, пряностями, каперсами, лимонами и сухими сморчками.

Корф взял в конвой своей «известной экспедиции» 74 солдата — не из гвардейских, а из армейских полков и разобрался со свитой принца и его жены: для путешествия на север были отобраны 23 человека — фрейлина и камер-юнгфера Штурм, помощники тафельдекера и мундшенка, два камердинера, две кормилицы, две прачки, два повара с двумя учениками, копиист, писарь, фореитор, портной, башмачник и четыре «ученика». С принцессой уезжала

Якобина Менгден; Юлиане же и адъютанту принца Геймбургу надлежало оставаться в крепости, о чем Корф так и не решился сказать Анне Леопольдовне. Он писал в столицу, что если не взять «Жулию», принцесса впадет в отчаяние, но ответа не последовало. Пришлось схитрить: камергер объявил, что нехватка лошадей не позволяет ехать всем вместе и фрейлина догонит их позже. Анна уже не рыдала, но пришла в «крайнее уныние», и Корф не без оснований опасался за ее здоровье. Когда по дороге Анна поняла, что повозка с Менгден их так и не нагонит, она едва не потеряла сознание, и пришлось пускать ей кровь.

Выехать удалось только в самом конце лета — 29 августа на север повезли Иоанна Антоновича, а 30-го отправили его родителей. Их «поезд» из-за дождей, раскисших дорог и «худых мостов» поначалу двигался крайне медленно — 8 сентября только выбрался из Касимова. Дальше стали двигаться несколько быстрее: 12 сентября проехали Владимир, 20-го прибыли в Данилов, а 25-го проехали Вологду. 5 октября встали в 140 верстах от Шенкурска. Корф рапортовал, что реки замерзают и добраться до Соловецких островов едва ли будет возможно. По получении разрешения «поезд» с заключенными принцем и принцессой 9 ноября остановился в Холмогорах на архиерейском дворе.

План Холмогорского острога:

1 — соборная церковь; 2 — колокольня; 3 — каменная церковь, в которой службы нет; 4 — крестовая церковь; 5 — галерея; 6 — зал у известных персон; 7 — палата, где Менгден; 8 — кормилиц дети живут; 9 — сени темные, из которых ход в огород; 10 — сени темные; 11 — крылец на двор и два часовых; 12 — передняя, где кушанье набирается, только в оной не кушают; 13 — палата выходная, где известные персоны; 14 — палата детинная; 15 — палата, где известная персона живет; 16 — кладовая; 17 — сени глухие; 18 — сени глухие; 19 — сени; 20 — сени; 21 — зал; 22 — задняя светелка; 23 — сени; 24 — крылец на двор; 25 — архиерейская старая спальня; 26 — площадка; 27 — забитые ворота; 28 — забор внутри двора, вышина шесть аршин восемь вершков; 29 — калитка в огород; 30 — баня в огороде; 31 — забор через плотину, вышины семь аршин шесть вершков; 32 — ворота задние, в которые вся команда обыкновенно ходит; у них будка и часовой; 33 — забор от задних ворот, вышина $5\frac{1}{4}$ аршин; 34 — капитанские покои; 35 — лекарские покои; 36 — подпоручик; 37 — прапорщик;

38 — кухня; 39 — хлебные; 40 — солдатские покои; 41 — служительские покои; 42 — конюшня; 43 — сарай каретный; 44 — сени; 45 — солдат Козлов; 46 — спальня подполковничья; 47 — передняя его ж; 48 — людская; 49 — сени; 50 — кладовая; 51 — передние ворота под палатами подполковничьими; 52 — крылец на двор; 53 — галерея каменная; 54 — кофишенкская; 55 — покои каменные; 56 — лестница на двор; 57 — часовой и будка; 58 — сени; 59 — караульня, где при известных персонах солдаты живут; 60 — площадка каменная; 61 — выход каменный, заколочен; 62 — каменная стена; 63 — забор вышиною шесть аршин девять вершков; 64 — забор восемь аршин без трех вершков; 65 — ворота, в которые все ходят в соборную церковь; 66 — забор вышиною 8¼ аршин; 67 — амбары архиерейские; 68 — ворота забитые; 69 — школа.

Копия XIX в. ГЛРФ

Тихая кончина

По прибытии в Холмогоры Корф донес, что двигаться далее невозможно — по Северной Двине шел лед. К тому же Холмогоры были безопаснее и удобнее для содержания пленников, чем намеченный ранее для зимовки Николо-Корельский монастырь в устье реки, с ветхими деревянными стенами и недостатком помещений (конвой пришлось бы располагать в избах за монастырем); к тому же туда трудно было бы доставлять съестные припасы и дрова. «В Холмогорах, — писал камергер, — принц Иоанн помещен так, что если б для содержания его и нарочно где дом построить, то лучше сыскать не можно, ибо архиерейский дом построен как маленькая крепость или цитадель, холмогорские палаты на острове, где вода кругом, и никому ни туда, ни оттуда вблизи виду никакого нет». Резиденция архиепископа Архангельского и Холмогорского недавно была перенесена в Архангельск, и дом в Холмогорах пустовал.

По размышлении императрица согласилась оставить ссыльных здесь: «За неспособностью Корельского монастыря быть до весны на Холмогорах и в том доме, где обретается», — но в обстановке строгой секретности. Даже на богослужении священник и причетники не должны были не только говорить с «известными персонами», но и видеть их. Те не должны были допускаться и к исповеди — разве что «кто заболит к смерти»; в этом случае священник сам становился арестованным «безвыходно» и должен был отправиться вместе с узниками в Соловецкий монастырь. Посланный туда полковник Чертов отпрапортовал о выполнении задания и прислал план монастыря с указанием на нем отремонтированной тюрьмы, готовой принять знатных узников.

Анне уже никогда больше не довелось увидеть верную «Жулию». Фрейлина Менгден осталась в Ораниенбурге вместе с карлицей, кормилицей и несколькими дворцовыми служителями и коротала время за рукоделием и игрой в

карты с полковником Геймбургом. Эта «безызвестная экспедиция» состояла под охраной «трезвого и постоянного человека», капитана Степана Ракусовского, и тринадцати солдат его команды. Столь малый гарнизон даже не мог толком нести караулы, и капитан просил о прибавке солдат, но его просьбы оставались без ответа. Впрочем, и особых оснований для беспокойства не было: заключенные жили мирно, ими никто не интересовался, так что начальнику охраны приходилось заниматься преимущественно хозяйственными делами и коротко рапортовать: «Арестанты обстоят во всяком благополучии». Как только им разрешили иметь бумагу и чернила, Адольф Геймбург сочинил прошение об «отпуске».

Чувствовала ли Елизавета за собой вину по отношению к свергнутой и заточенной сопернице? «Работа» монарха не подразумевает подобных сантиментов. Скорее ее могла интересовать реакция зарубежных родственников брауншвейгской четы — особенно в том случае, если бы с ней что-то произошло. Тем не менее государыня иногда вспоминала о заточенном семействе и посылала ему подарки. Под Новый год к ним прибыли «три антала^[51] венгерского вина и две дюжины разных гданских водок». «Я не в состоянии вашему превосходительству донести, — писал Корф руководителю Кабинета ее императорского величества И. А. Черкасову 5 января 1745 года, — какое обрадование при моем объявлении у известных персон было, когда я им объявил ее и[мператор]ского в[еличест]ва высочайшую милость о позволении службы Божией и о присылке вин; они с радости сами не знали, что на то мне ответствовать, но сказали: "Обрадуй и заплати Господь Бог ее и[мператор]ское в[еличест]во всемилостивейшую государыню, так как мы, бедные, ныне чрез вас высочайшею ее и[мператор]ского в[еличест]ва матернею милостью порадованы, и удержи Бог впредь ее и[мператор]ского в[еличест]ва милость к нам бедным!"». Были ли эти похвалы искренними или их посоветовал выразить искушенный в придворной науке Николай Андреевич, судить не нам.

Камергер Корф беспокоился и о здоровье принцессы — вовремя, хотя и с трудом нашел в Архангельске повивальную бабку Анну Ренард и кормилицу-немку Христину Крон. 19 марта 1745 года Анна Леопольдовна родила слабенького мальчика, которого «по худости его здоровья» поспешили окрестить и в присутствии Корфа и Гурьева нарекли Петром. Обряд совершал иеромонах Иларион Попов, давший подписку в том, что был приглашен «к неизвестной персоне для отправления родительских молитв, которое как ныне, так и впредь иметь мне скрытно, и ни с кем об оном, куда призывай был и зачем, не говорить под опасением отнятия чести и лишения живота». Анна Ренард также обязалась: «...не открывать и не сообщать о том, что я там видела и делала, и в бытность мою при вышеупомянутой неизвестной особе я ничего важного не слыхала и не узнала, в чем свидетельствуюсь Господом Богом и святым его Евангелием».

Обходительный Корф сумел уговорить императрицу не отправлять его подопечных в Соловки, куда трудно доставлять всё необходимое по причине отдаленности и отсутствия более полугода надежной связи с материком. Зная богомольность Елизаветы, он использовал и другие аргументы. «При сем не могу преминуть вашему и[мператор]скому в[еличест]ву всеподданнейше донести, — писал камергер 5 января 1745 года, — что я здесь между разговорами о узаконениях Соловецкого монастыря от здешняго архиерея слышал, который там лет за 20 чернцом и архимандритом был, что почивающие в том монастыре св[ятые] отцы Зосима и Савватий, между прочим, узаконили, дабы во оной лавре не токмо в монастыре женского полу, но и мужчин без бород, тако ж де и из скотов женскаго полу на тамошнем острове содержать запрещено, которое и поныне по их узаконению тако ж содержится; и приезжающих по обещанию женскаго полу богомольцев, как скоро на остров приедут, то оных того ж часу от мужскаго полу на построенном при берегу гостином дворе в особливые покои отлучают, понеже на том острове, кроме монастыря, жила никакого не имеется. Откуда их за приставом в монастырь

для службы Божией в церковь впускают, а по окончании службы таким же образом отводят, и более одной ночи на том острове жить не допускают. Как и в прошедших годах при князе Василье Долгоруком был приставлен гвардии поручик Салтыков, который имел при себе жену, и как скоро оный поручик с своею женою туда прибыл, то ее в монастырь не пустили, и жила в гостинном дворе; а от онаго монастыря в Синод представлено было, что по узаконению упоминаемых святых противно на оном острове женского полу содержать, а из Синода о том в высочайший Кабинет донесено, откуда резолюция воспоследовала, оную жену с того острова сослать, которая по силе указа выслана и вывезена, а я, как раб вашего и[мператор]ского в[еличест]ва, ведая усердное вашего и[мператор]ского в[еличест]ва снисхождение ко всем святым, угодившим к Богу, об оном не посмел не донести, чтоб я, слыша о вышеписанном, за недоношение не мог после на себе понести вашего и[мператор]ского в[еличест]ва гнева»⁴⁹³. Можно предположить, что благочестивый Николай Андреевич и сам не очень-то желал отправляться на Соловки. Охранники в реальности были теми же заключенными — не случайно оставшийся после отъезда Корфа Гурьев так постарел и впал в меланхолию, что не пришел в себя и после приезда в Холмогоры в феврале 1745 года его жены и дочери.

В итоге Елизавета разрешила «известных персон содержать впредь до указу в Холмогорах в том же доме». На Соловки же было отправлено указание «гостей» не ждать, но приготовленные для них «покои» содержать в готовности и «во всякой чистоте» — а вдруг понадобятся? Ссылное семейство разместилось в архиерейских палатах, однако Иоанн по-прежнему жил отдельно — в соседнем доме под бдительным надзором майора Миллера. Видимо, таким образом государыня желала не столько унижить его родителей, сколько не дать им воспитывать сына как свергнутого с престола императора. Без ухода и заботы мальчик мог умереть или стать «Иваном, не помнящим родства».

Семейству разрешали гулять на территории двора — с условием, что посещаемый обывателями Спасо-Преображенский собор будет огорожен высоким забором, «чтобы никто на архиерейском дворе и где команда расположена ничего видеть не мог, и с тою же целью вход к этой церкви сделать с одной стороны, прорубя в деревянной ограде одни небольшие ворота, а прежние с северной стороны оставить для входа и выхода одной лишь команды».

Закончилась затянувшаяся командировка Корфа — он возвращался ко двору, где его ждала награда за службу — немалые «деревни». Ведать охраной оставались уже известные нам исправный строевик майор Иван Гурьев и капитан-поручик Максим Вындомский. С собой Корф вез письмо Анны Леопольдовны, исполненное нетвердым почерком человека, отвыкшего от письменных занятий: «За всевысочайшей к нам бедным вашего императорского величества показанный матерний милосердии рабски благодарствуем о допущении в крайней моей болезни ка мне бабки и о пожаловании для воспитания младенца кармилицы, чрез что мы всеподданнейшия вашего императорского величества раби видим высочайшую к нам матернюю милость и со всеусердием молим Бога о вашего императорского величества дражайшем здравии. И впред, подвергая себя со всеглубочайшим подчтением, припадая к стопам вашего императорского величества, просим по природному вашего императорского величества милосердию нас бедных милосердыми вашего императорского величества щедротами помиловать. Всемиловитейшая государыня вашего императорского величества всеподданнейший раби Антон Улрих, принцесса Анна. Мая 2-го дня 1745 году»⁴⁹⁴.

Анна и ее супруг верили, что именно императрица повелела помочь роженице, хотя Корф сделал это по собственной инициативе — на его просьбу о привлечении посторонних лиц императрица не ответила. Она, как назло, опять вспомнила о каких-то ненайденных драгоценностях и в марте приказала придворному: «При отъезде сюда у

принцессы спросить о алмазных вещах, кому от нея отданы, понеже многих не является, и что объявит, то, записав, по прибытии сюда нам донести». К этому предписанию, продиктованному писарю, она сделала собственноручную приписку: «А ежели она запирается станет, что не отдавала никому никаких алмазов, то скажи, что я принуждена буду Жулию розыскивать, то ежели ей ее жаль, то б она ея до такого мучения не допустила». Разговор между Корфом и Анной Леопольдовной по этому делу был устным, и подробности нам неизвестны; но, во всяком случае, продолжения он не имел и Юлиану Менгден в Ораниенбурге не пытали.

Корф заготовил для своих подопечных провиант. Помимо обычных муки и солонины он озаботился покупкой «языков копченых» (385 штук), «языков соленых» (100), колбас (151), соленой и копченой ветчины (соответственно 22 пуда 33 фунта и 8 пудов 12 фунтов), разной осетрины, «сахару Канарского» (5 пудов 24 фунта), оливок, горчицы, перца, «сухой малины», изюма, чернослива, зеленого и черного чая, тридцати больших и малых бочек пива, вина белого, красного и «простого французского». Императрица также присылала венгерское вино и гданьскую водку, которые узники явно одобряли, поскольку в месяц выпивали четыре-пять бутылок этого вина и три-четыре штофа водки; главным же напитком было пиво домашнего приготовления. Как видим, стол узников был относительно разнообразным.

Из списка купленных Корфом в Холмогорах вещей явствует, что Анна Леопольдовна носила атласные корсеты и исподние юбки, гризетовые шлафоры и обшитые лентами верхние юбки с ленточными завязками, а принц Антон Ульрих — кафтаны и штаны из английского сукна, штофные казакины^[52], шелковые и бумажные чулки; маленьких принцев и принцесс одевали в штофные обшитые лентами платья. О гардеробе они заботились, даже находясь в ссылке на краю империи, и с разрешения императрицы представили ей реестр своих «нужд» по части одежды. Анна просила для себя «на юбку материи черной; на юбку исподнюю и на подкладку китайки^[53] черной», тонкого

полотна на рубахи, перчаток по «приложенным цветам», «чулков женских; кисей^[54] плотной на платки; канифасу на подшлафроки; фланели белой; бумазеи белой; шелку черного, брусничного и пунцового; голландских и русских ниток»⁴⁹⁵; судя по сохранившимся бумагам, эти просьбы были удовлетворены.

Корф отбыл в столицу, истратив на свою экспедицию 14 тысяч рублей казенных и тысячу собственных денег и оставив инструкцию: к «известным персонам» запрещалось допускать как посторонних, так и людей из команды, кроме приставленных к ним по именным указам; о их состоянии надлежало ежемесячно рапортовать в Кабинет императрицы. С отъездом камергера жизнь заключенных и их охранников мало изменилась — разве что последние больше жаловались на неприсылку средств и изношенность мундиров и безуспешно просили освободить их от тяжелой «комиссии».

Между тем была уже определена посмертная участь членов опального семейства. Вместе с вопросом о драгоценностях Елизавета прислала инструкцию на случай их кончины: «Ежели по воле Божией случится иногда из известных персон кому смерть, особливо же принцессе Анне или принцу Иоанну, то, учиня над умершим телом анатомию и положи во спирт, тотчас то мертвое тело к нам прислать с нарочным офицером, а с прочими чинить по тому ж, токмо сюда не присылать, а доносить нам и ожидать указу; и сие содержать в крепком секрете, чтоб о том никто другие не ведали». Другой указ, от 11 июля 1745 года, повелевал: «...в случае смерти принца Иоанна (ежели ему прежде отца и матери случится)... тотчас его мертвого показать отцу и матери, чтоб они его видели и о том, что умер, знали, и потом (как уже показан будет отцу и матери) учинить с умершим телом по силе указу, объявленного вам от нашего камергера Корфа во всём непременно, и сие повелеваем, вам содержать в крепком секрете»⁴⁹⁶.

Гурьев в письме Черкасову от 4 сентября 1745 года сообщил новость: «Прошедшаго августа 18-го числа штаб-лекарь Манзей принцессе Анне пущал из руки кровь и

притом объявил мне, что она беременна тому третий месяц, и одного без репорту ко всемилостивейшей государыне оставить не смею». Елизавету это обстоятельство как будто не заинтересовало, и в ноябре майор напомнил: «Принцесса Анна к родам ходит последнюю половину и говорила мне о кормилице, чтобы представить, дабы заблаговременно для необходимой нужды изготовить; того ради в ее и[мператорс]кого в[еличест]ва высочайший Кабинет сим представляю, ежели паче чаяния для родов ее воспоследует нечаянная нужда, что повелено будет о бабке и кормилице в то время чинить, милостивым указом определить». Ответа вновь не последовало.

Жить Анне Леопольдовне к тому времени оставалось недолго. Но о событиях последних месяцев пребывания несчастной принцессы в тюрьме нам почти ничего не известно — в бумагах «комиссии» сведения о том, что происходило в Холмогорах с ноября 1745 года по февраль 1746-го, отсутствуют, дело «о беременности, разрешении от бремени и кончине принцессы Анны» наполовину сгнило, а сохранившиеся части текста выцвели настолько, что не читаются. 160 лет назад государственному секретарю и директору публичной библиотеки М. А. Корфу еще удалось разобрать в рапорте И. Гурьева в Кабинет от 2 марта 1746 года слова: «...прошедшаго февраля 27-го дня принцесса Анна родила сына, которому наречено имя Алексей, и крещен сего марта 1-го дня, чего ради с сим моим всеподданнейшим рапортом послал нарочного команды моей солдата Ивана Серебренникова; а для родов по весьма необходимо нужному случаю, с примеру посланного ее и[мператор]-ского в[еличест]ва указу к бывшему здесь при комиссии действительному камергеру и кавалеру господину Корфу о допущении в таковом же случае бабки и кормилицы, помянутую бабку, прежде бывшую здесь, допустил, а кормилицу от города Архангельскаго, архангелогородскаго гарнизона солдатскую жену Татьяну Никитину наняли ж...» Другой рапорт, на высочайшее имя, императрица Елизавета «изволила изодрать».

Майор, скорее по привычке, доложил, что «известная персону... по сие число обстоят благополучно». 6 марта он уже донес о том, что накануне у принцессы началась горячка, а на следующий день — о кончине Анны Леопольдовны. Через два дня гвардеец отрапортовал: «Сего ж марта 10-го дня тело ее в Санкт-Петербурх отправлено, при котором послан от меня лейб-гвардии Измайловскаго полку подпоручик Лев Писарев; а с начала болезни после родин, по анатомии от имеющагося здесь штап-лекаря поданной ко мне репорт вашему императорскому в[еличест]ву всемилостивейшей государыне для высочайшего рассмотрения всеподданнейше [представляю]». Прочие приложенные бумаги прочесть уже нельзя, но из описи дела известно, что рапорт штаб-лекаря Манзе «о болезнях оной принцессы после родов, осмотренных им при анатомии», так и остался у императрицы⁴⁹⁷.

Судя по предыдущим распоряжениям Елизаветы, она ожидала такого исхода. Но нужно было продемонстрировать правящим европейским домам свидетельства того, что российская государыня к кончине бывшей правительницы не имеет никакого отношения.

Семнадцатого марта от ее имени было составлено письмо Антону Ульриху (в том же деле сохранилась его копия):

«Светлейший принц! Уведомились мы нашей лейб-гвардии от майора Гурьева, что принцесса ваша супруга волею Божиею скончалась, о чем мы сожалеем, но понеже в репорте оного майора Гурьева к нам не написано потребных обстоятельств оного печального случая, может быть, за тем, что ему невозможно всегда при ней быть, а ваша светлость неотлучно при том были, того для требуем от вашей светлости обстоятельного о том известия, какую болезнью принцесса супруга ваша скончалась, которое сами изволите, написав, прислать нам.

Елисавет. 17-го дня 1746 года. Санктпитебурх».

Сочувственно-повелительный тон письма не оставляет сомнений. Императрица выражала не разжалованному по

русской традиции «его светлости» брауншвейгскому принцу положенные по этикету соблезнования и в то же время четко давала понять: от него ждут собственноручного письма с рассказом о вполне естественной смерти жены, которое можно было бы предъявить любому иностранному дипломату. Но о рождении очередного сына говорить не стоило — одним претендентом на престол больше! Однако, поскольку принц Антон догадливостью не отличался, Гурьеву было направлено разъяснение: «Репорты ваши о рождении принца и о кончине принцессы Анны мы получили и что вы по указу тело принцессы Анны сюды отправляете, о том известны. Приложенное при том к принцу Антону наше письмо отдай и на оное ответ дай ему своею рукою написать, и как напишет, то оное к нам немедленно пришли». Ниже добавлены несколько строк другим почерком — видимо, барона Черкасова: «Скажи принцу, чтоб он толко писал, какую болезнью умерла, и не упоминал бы о рождении принца; а к вам на перемену скоро иного пришлем». Послание заканчивалось подписью-автографом «Елисавет»⁴⁹⁸.

Ответного письма принца в деле нет, но едва ли он посмел не исполнить волю государыни. Ему оставалось только скорбеть об уходе единственного пусть не любившего его, но близкого человека, матери его детей.

По получении рапорта о кончине Анны Леопольдовны в Петербурге тотчас начались распоряжения о приеме и погребении тела. Подпоручик Писарев еще в пути получил указ о доставке его в Александро-Невский монастырь, где по распоряжению барона Черкасова были приготовлены особые покои. Сдав свой скорбный груз 18 марта, офицер отправился обратно, а Черкасов доложил «о начатии над телом по осмотре его докторами установленного чтения» и распорядился об «учинении церковной церемонии к погребению принцессы по примеру матери ея, царевны Екатерины Иоанновны». Генерал-прокурор Трубецкой получил распоряжение «о позволении всякому приходить для прощания к телу принцессы», а затем «о написании в

объявлениях, что принцесса скончалась огневицею» (горячкой. — *И. К.*).

Теперь соперница была императрице уже не опасна, и та разрешила ей уйти в мир иной достойно и «по чину». Свергнутая и униженная Елизаветой покойная «сестрица» должна была в последний раз участвовать в торжественной церемонии — высочайших похоронах «благоверной принцессы Анны Брауншвейг-Люнебургской». «...Ежели кто пожелает, по христианскому обычаю, проститься, то б к телу ея ехали в Александро-Невский монастырь; и могут ездить и прощаться до дня погребения ея, т. е. до 22-го числа сего марта» — такие извещения разносили придворным дворцовые лакеи. Но всё же затягивать печальную процедуру и вызывать ненужные воспоминания о «незаконном правлении» не стоило, и похороны перенесли на день раньше — 21 марта.

«Ее императорское величество и ее высочество государыня великая княгиня (Екатерина Алексеевна. — *И. К.*) изволили шествие иметь в Александро-Невский монастырь, в черном платье, куда следовали и придворные обоюго пола в дворцовых каретах на погребение принцессы Анны. И по окончании погребения с принадлежащей церемонией ея и[мператор]ское в[еличест]во изволили того дня обеденное кушанье кушать в доме своего духовника, а ея высочество государыня великая княгиня кушала у камер-юнкера господина Сиверса. Его и[мператорс]кое высочество государь великий князь (Петр Федорович. — *И. К.*) тогда не домогал», — сообщал камер-фурьерский журнал 1746 года.

По «отпетии» покойной пятью архиереями во главе с санкт-петербургским архиепископом Феодосием Янковским тело предали земле в Благовещенской церкви Александро-Невского монастыря, рядом с матерью, царевной Екатериной Иоанновной.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Фридрих II Прусский в «Истории моего времени» весьма пристрастно оценил своих современниц и соперниц Анну Леопольдовну и Елизавету Петровну: «Обе эти принцессы были одинаково сластолюбивы. Мекленбургская прикрывала свои склонности скромною завесою, ее изобличали сердечные порывы. Елисавета доводила сластолюбие до крайности. Первая была своенравна и зла; вторая лукава, но обходительна». Королю вторил в своих воспоминаниях фельдмаршал Миних: Анна находилась «в полном подчинении у графа Линара», а Елизавета «была чрезмерно сладострастна и была порождена в сладострастии, и часто говорила своим наперсницам, что она довольна только тогда, когда влюблена; но вместе с тем она была весьма непостоянна и часто меняла фаворитов»⁴⁹⁹.

В общем, два сапога — пара. Процитированные почтенные государственные мужи явно стремились подчеркнуть дамские слабости обеих правительниц — но не потому ли, что этих особ им приходилось всерьез опасаться? В 1741 году Фридрих не был уверен в том, кому — его державе или ее противнице Австрии — станет помогать русская армия, а 20 лет спустя войска «сластолюбивой» Елизаветы едва не сокрушили прусское величие. Миних же не мог простить Анне своей отставки с поста первого министра; Елизавета те же два десятка лет держала его в сибирской ссылке.

Но, похоже, народ думал так же. Лейб-компанец Игнатий Меренков по-дружески завидовал приятелю-гренадеру Петру Лахову, который «с ея императорским величеством живет блудно». «Каких де от милостивой государыни, нашей сестры бляди, милостных указов ждать?» — сомневались в сибирском Кузнецке женка Арина Леонтьева с подругами не слишком строгих правил. «Государыню холоп / Подыми ногу гребет», — распевал прямо в тюрьме при Сибирской губернской канцелярии шестнадцатилетний молодец Ваня Носков. В пограничном

Селенгинске крестьянин Лука Острецов уверял: «Не только де то делают в богатых домах, но и великая государыня без того (блуда. — *И. К.*) не живет». Подпоручик Сечихин публично — на паперти Благовещенского собора Московского Кремля — осуждал личную жизнь царицы: «Какая она государыня — она курва, блятка, с Разумовским живет». А в питерской богадельне ту же актуальную тему обсуждала одна из самых пожилых «клиенток» Тайной канцелярии — 102-летняя Марина Федорова. Мнение значительной части дворянского общества выразил в подпитии унтер-экипажмейстер Александр Ляпунов: «Всемилоостивейшая-де государыня живет с Алексеем Григорьевичем Разумовским; она-де блядь и российской престол приняла и клялася пред Богом, чтоб ей поступать в правде. А ныне-де возлюбила дьячков и жаловала-де их в лейб-компанию в порутчики и в капитаны, а нас-де дворян не возлюбила и с нами-де совету не предложила. И Алексея-де Григорьевича надлежит повесить, а государыню в ссылку сослать»⁵⁰⁰. Анна Леопольдовна от подобных суждений была спасена, пожалуй, только слишком коротким сроком правления, успев «засветиться» лишь в истории с красавцем-послом графом Линаром.

Между принцессами, даже при явной разнице их темпераментов, и вправду было много общего. У обеих было беззупречное с точки зрения праветензий на российский престол происхождение: Анна была дочерью не русского императора, а всего лишь мекленбургского герцога, а Елизавета, «природная» царица, была рождена до брака родителей. Положение обеих принцесс после смерти Петра I было неопределенным. Обе не обладали политическими наклонностями — не умели много работать и учиться, стратегически мыслить, разыгрывать сложные ходы и комбинации, выдвигать и реализовывать какие-либо программы или реформы. Обеих привели к власти brave военные — Анне вручил правление Миних с гвардейским отрядом, а Елизавету буквально внесли во дворец Преображенские гренадеры.

Но одна безропотно приняла свою участь и еще при жизни подверглась забвению, другая 20 лет (1741-1761) в целом успешно правила империей. Длительность царствования Елизаветы объясняется отнюдь не только его «национальным» характером: явно уступая как правительница великому отцу, она столь же явно превосходила свою соперницу. Она могла быть жесткой, даже жестокой; умело использовала в своей политике если не дух, то по крайней мере «букву» замыслов Петра I. И, пожалуй, главное — Елизавета была способна трезво оценивать своих советников, выбирать среди них наиболее умных и компетентных и лавировать среди соперничавших группировок, не давая никому исключительных прав и преимуществ.

Удача (или талант?) Елизаветы проявилась в сочетании никогда не покидавшего ее «чувства власти» (по определению Е. В. Анисимова) с невмешательством в повседневную работу государственной машины. Последнее обеспечивало спокойное течение дел, в то же время исключая непредсказуемое воздействие на верховную власть некомпетентных лиц или слишком заинтересованных «партий». За это Елизавету обычно критикуют; но именно этот баланс в сочетании с известной децентрализацией управления (сосуществование Конференции при высочайшем дворе и Сената, раздробление военного ведомства, восстановление Кабинета ее величества с неопределенными полномочиями) делал невозможным появление мятежных групп и «переворотных» ситуаций на протяжении ее долгого царствования.

Анна Леопольдовна, вероятно, пришлась бы к месту в качестве английской королевы, как ее тезка, правившая в 1702-1714 годах — при ожесточенной борьбе партий тори и вигов, но в иной, более устойчивой политической системе. Но роль правительницы России оказалась молодой принцессе не по плечу. Несомненно, на отношении к ней сказались патриотические чувства — недовольство «засильем» немцев, хотя, как нам кажется, степень их распространения несколько преувеличена, начиная с

историографической традиции XIX века. На деле неизвестно, так ли уж сильна была неприязнь к правлению Иоанна III и его матери у чиновников, офицеров, купцов и прочих обывателей.

И все же доброй правительнице не помогли ни лавры избавительницы от злодея Бирона, ни победа над шведами. Успех переворота 1741 года объясняется, конечно, не только тем, что простодушную регентшу удалось обмануть. Она оказалась непригодной для созданного Петром I политического режима, в котором все рычаги были замкнуты на ключевую фигуру императора без какого-либо разделения им прав и обязанностей с другими институтами власти. Юная правительница «не подошла» сложившейся системе управления не вследствие своего легкомыслия — Анна Иоанновна и Елизавета были не более компетентными; но она допустила такой уровень дезорганизации высших эшелонов власти (непредсказуемость решений, появление «нового Бирона», склоки среди главных министров), который представлялся опасным для стабильного функционирования самой государственной машины.

Неспособность Анны создать свою «команду» и управлять ею привела в итоге к такой изоляции правящей группы, которая способствовала успеху «солдатского» заговора ее соперницы, не имевшей настоящей сплоченной «партии» среди вельмож и офицеров. Но Анну никто не собирався защищать, и вся верхушка (за исключением Левенвольде, Остермана и Головкина, которые даже перед лицом опасности не смогли объединиться) тут же признала Елизавету и сохранила свои позиции.

Но для дочери Петра — как бы ни пыталась она доказать свою правоту — свержение императора и правительницы осталось не только пятном на совести, но и постоянным раздражителем, тем более что они и в «падении» оставались слишком известными фигурами, чтобы просто исчезнуть. Наверное, с этим связаны колебания императрицы — она то посылала опальным подарки, то изводила их допросами и строгостью режима. И здесь Анна Леопольдовна оказалась выше соперницы: приняла

предписанную ей роль не великой княгини, матери императора и правительницы, а простой принцессы, ни на что не жаловалась и никого не обвиняла. К тому же у нее оставались муж и дети, чего была навсегда лишена всемогущая императрица России. Анна не жалела об утраченной власти и на упреки супруга отвечала: ее радует, что при их «падении» не совершилось кровопролитие.

«Гордой принцессой», какой она выглядела на портретах, Анна и ушла в лучший мир. Впрочем, и здесь ее «сестрица»-соперница постаралась: парадный портрет правительницы с сыном кисти Ивана Вишнякова был переписан — на нем появилось изображение обычной дамы в незатейливом туалете, которое было оставлено в дальних помещениях Зимнего дворца. У живописного произведения оказалась столь же драматичная судьба, как и у его героев.

После смерти Анны Леопольдовны ее семейство ожидала печальная участь. Ее сын-император был навсегда изолирован от родных и с 1756 года заперт в одной из самых строгих тюрем империи — Шлиссельбурге. Как бы ни хотелось Елизавете вычеркнуть его имя из истории, о свергнутом императоре помнили, несмотря на все официальные усилия. О нем говорили и лейб-компанцы (хотя «и отца его и мать бранят по матерны»), и их оппоненты; суждения о его судьбе можно было услышать «по всем ямам», в столичной Москве и в далеком Тобольске. Правда, в народном сознании царственный отпрыск, по-видимому, не расценивался как «свой», родной праведный государь; в отличие от лжецаревича Алексея, мнимых Петра II и Петра III самозванные Иоанны III, кажется, не появились. Зато о нем вспоминали недовольные властью, и эта память стала для «Иванушки» роковой — в 1764 году он был убит охраной при попытке освобождения, предпринятой армейским подпоручиком Василием Мировичем.

Его отец, неудачливый принц Антон Ульрих, которому вступившая на престол Екатерина II предложила покинуть Россию, отказался уезжать без детей; он одряхлел, ослеп и умер в Холмогорах в 1774 году. Отпустить же четверых потомков Анны Леопольдовны новая императрица,

пришедшая к власти посредством очередного дворцового переворота и убийства мужа, не могла, поскольку они имели право на престол. Только через много лет Екатерина, уже заслужившая прозвище Великая, отправила оставшихся в живых детей Анны в Данию под покровительство королевы Юлианы Марии, сестры Антона Ульриха. Королева поселила их в городке Горсенс, и они доживали свой век в незнакомой стране, среди чужих людей. В 1782 году умерла Елизавета, через пять лет — ее брат Алексей, в 1798 году — Петр. Последней из брауншвейгского семейства покинула этот мир в апреле 1807 года дочь великая княгиня Екатерина. Незадолго до смерти она просила императора Александра I вернуть ее в Россию. «Я всякой день плачу, — писала она, — и не знаю, за что меня сюда Бог послал и почему я так долго живу на свете, и я всякой день вспоминаю Холмогоры, потому что там мне был рай, а тут — ад».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Яковлев П.* Жизнь принцессы Анны, правительницы России. М., 1814. С. 28–29.

² Перевороты и войны / Христофор Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. Неизвестный автор. М., 1997. С. 198–199.

³ Там же. С. 307.

⁴ *Соловьев С М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 11. М., 1993. С. 29.

⁵ См.: *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. 4. М., 1989. С. 244; *Платонов С Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С. 557–558.

⁶ *Арсеньева Е. А.* Любовники цариц, подруги королей. М., 2005. С. 125.

⁷ См.: *Павленко Н. И., Ляшенко Л. М., Твардовская В. А., Андреев И. Л.* История России. XVIII–XIX вв. М., 2003. С. 63; *Буганов В. И., Зырянов П. И., Сахаров А. И.* История России. Конец XVII–XIX в. М., 2010. С. 50; *Левандовский А. А.* История России XVIII–XIX вв. М., 2011. С. 51.

⁸ См.: Исторические документы 1742 г. // Русский архив (далее — РА). 1864. № 5–6. С. 235–272; *Герман Э.* Царствование Иоанна VI Антоновича// Там же. 1866. № 1. С. 1–38; № 2. С. 137–141; № 5. С. 661–674; 1867. № 2. С. 161–189; *Бюлер Ф. А., Максимов И. Я. Э. И.* Бирон, герцог Курляндский, регент Российской империи // Русская старина (далее — РС). 1873. № 1. С. 52–61; № 10. С. 1349–1374; № 11–12. С. 1508–1538; *Поленов В. А.* Отправление Брауншвейгской фамилии из Холмогор в датские владения. (Извлечено из подлинных бумаг, хранящихся в государственном архиве Министерства иностранных дел) // Там же. 1874. № 4. С. 645–666; *Грот Я. К.* Дети правительницы Анны Леопольдовны в Горсенсе. Рассказ по датским известиям // Там же. 1875. № 4. С. 761–768; *Семевский М. И.* Император Иоанн Антонович (1740–1764): Очерк по новым материалам // Там же. 1879. № 3. С. 497–508;

№ 5. С. 291–306; № 7. С. 493–514; *Шубинский С. Н.* Граф Андрей Иванович Остерман (1686–1745). СПб., 1863; *Он же.* Арест и ссылка регента Российской империи, герцога Курляндского Бирона // РС. 1871. № 5. С. 537–562; *Хмыров М. Д.* Исторические статьи. СПб., 1873.

⁹ См.: Внутренний быт русского государства с 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 1. М., 1880; Кн. 2. М., 1886.

¹⁰ См.: Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе. Ч. 1, 6, 9—10 // Сборник Императорского Русского исторического общества (далее — Сборник РИО). Т. 85, 91; Донесения французских посланников и поверенных при русском дворе // Там же. Т. 81, 86, 92, 96.

¹¹ См.: *Соловьев В. С.* Капитан гренадерской роты. СПб., 1878; *Карпович Е. П.* Любовь и корона. СПб., 1879.

¹² См.: *Анисимов Е. В.* «Феномен Пикуля» глазами историка // Знамя. 1987. № 11. С. 220–221.

¹³ См.: На российском престоле: Монархи российские после Петра Великого. М., 1993; *Анисимов Е. В.* Женщины на российском престоле: О Екатерине I, Анне Ивановне, Анне Леопольдовне, Елизавете Петровне, Екатерине II. СПб., 1997. С. 145–200; *Каменский А. Б.* Император Иван Антонович. М., 1998.

¹⁴ См.: *Корф М. А.* Брауншвейгское семейство. М., 1993; Холмогорская секретная комиссия: Грустная повесть об ужасной судьбе российского императора и его семьи, написанная Владимиром Стасовым для другого императора и извлеченная с архивной полки Леонидом Левиным. Архангельск, 1993. Издатели использовали две рукописи — беловую из архива Корфа и черновую из архива Стасова. Доказательства авторства Корфа см.: *Ружицкая И. В.* Барон М. А. Корф — историк: По материалам его архива. М., 1996. С. 41–46.

¹⁵ См.: *Левин Л. И.* Российский генералиссимус герцог Антон Ульрих (история «брауншвейгского семейства» в России). СПб., 2000.

¹⁶ См.: Перевоороты и войны; Империя после Петра. 1725–1765/Яков Шаховской. Василий Нащокин. Иван Неплюев. М., 1998.

¹⁷ См.: *Карнович Е. П.* Любовь и корона. СПб., 1993; *Соловьев В. С.* Княжна Острожская; Капитан гренадерской роты. М., 1994; *Гримберг Ф. Л.* Своеручные записки благородной девицы Анны Катарины Элены фон Мюнхгаузен, трактующие в подробностях горестную судьбу злосчастливого Брауншвейгского семейства: Исторический роман. М., 2002.

¹⁸ См., например: *Балязин В. Н.* Тайны дома Романовых. Браки Романовых с немецкими династиями в XVIII — начале XX в. М., 2005.

¹⁹ См.: *Лобашкова Т. Л.* Дом Романовых: Биобиблиографический иллюстрированный указатель. М., 2008. С. 160–163.

²⁰ См.: *Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003. С. 300–325; *Он же.* Анна Леопольдовна // Вопросы истории (далее — ВИ). 1997. № 6. С. 28–40; *Он же.* Принцесса с благородной гордостью // Знание — сила. 2002. № 9. С. 94–101.

²¹ Цит. по: *Гец П. П.* Герцог Карл Леопольд, дед императора Иоанна Антоновича. 1720–1725 гг. // РС. 1875. № 1. С. 5.

²² Цит. по: *Лнисимов Е. В.* Иван VI Антонович. М., 2008. С. 18.

²³ См.: *Гец П. П.* Указ. соч. С. 7–9.

²⁴ Цит. по: *Меркулов В. И.* Гюстровская ода и мекленбургская генеалогическая традиция // <http://www.neuch.ru/referat/25031.html>

²⁵ Письма русских государей и других особ царского семейства. СПб., 1861. Т. 2. С. 63–64.

²⁶ Неистовый реформатор / Иоганн Фоккеродт. Фридрих Берхгольц. М., 2000. С. 468–469.

²⁷ Там же. С. 477.

²⁸ *Стромилов Н. С.* Цесаревна Елисавета Петровна в Александровой слободе и Успенском девичьем монастыре в то же время // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских (далее — ЧОИДР). М., 1874. Кн. 1. Смесь. С. 12.

²⁹ См.: Бумаги Елизаветы Петровны//Архив князя Воронцова (далее — АКВ). Кн. 1.М., 1870. С. 23.

³⁰ См.: *Есипов Г. В.* Росписи охоты царской за своеручным подписанием императора Петра II в январе 1729 г. // РА. 1869. С. 1675–1681.

³¹ Сборник РИО. Т. 66. С. 49.

³² Там же. Т. 5. С. 356.

³³ *Хакобо Фитц Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика.* Донесение о Московии в 1731 году// ВИ. 1997. № 5. С. 81.

³⁴ См.: Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 248. Оп. 14. № 768. Л. 141–149; Оп. 17. № 1155. Л. 520–522 об., 542–577.

³⁵ См.: Описание дел и бумаг общего архива Министерства императорского двора. Описание высочайших повелений по придворному ведомству 1723–1730 гг. СПб., 1888. С. 41–43; 89–94.

³⁶ См.: *Курукин И. В.* Бирон. М., 2006. С. 97–155.

³⁷ См.: *Волков Н. Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2001. С. 145–210; *Фрейман О. Р.* Пажи за 185 лет. СПб., 1897. С. 13–16.

³⁸ См.: Камер-фурьерский церемониальный журнал 1739 г. СПб., б. г. С. 6.

³⁹ Сборник РИО. Т. 76. С. 479.

⁴⁰ См.: *Старикова Л. М.* Первая русская балетная труппа // Памятники культуры. Новые открытия. 1985. Л., 1987. С. 103–107.

⁴¹ Цит. по: Записка Бирена // *Хмыров М. Д.* Указ. соч. С. 314–315.

⁴² См.: РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. № 8. Л. 1–7 об.

⁴³ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Т. 8. № 5909.

⁴⁴ Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720—1760-е гг.). Л., 1991. С. 243.

⁴⁵ Сборник РИО. Т. 66. С. 541.

⁴⁶ Цит. по: *Левин Л. И.* Указ. соч. С. 41.

⁴⁷ Цит. по: Там же. С. 43-44.

⁴⁸ См.: *Волинский Н. П.* История лейб-гвардии Кирасирского его величества полка. 1701-1901. СПб., 1902. Т. 1. Кн. 1. С. 133-148.

⁴⁹ Безвременье и временщики. С. 211, 222.

⁵⁰ См.: *Молева Н. М., Белютин Э. М.* Живописных дел мастера. Канцелярия от строений и русская живопись первой половины XVIII в. М., 1965. С. 102-103; *Ильина Т. В., Римская-Корсакова С. В.* Андрей Матвеев. М., 1984. С. 126-127; *Кропивницкая Г. Д.* О неизвестном портрете Анны Леопольдовны, приписываемом Луи Каравакку // Памятники культуры. Новые открытия. 1988. М., 1989. С. 254-257.

⁵¹ Сборник РИО. Т. 5. С. 470; Т. 66. С. 101.

⁵² Цит. по: *Беспярых Ю. Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 91, 333-334, 364, 440.

⁵³ См.: Сборник РИО. Т. 66. С. 413-414.

⁵⁴ Там же. Т. 80. С. 105.

⁵⁵ Несколько собственноручных писем Анны Иоанновны // Семнадцатый век. М, 1869. Кн. 3. С. 156.

⁵⁶ *Екатерина II.* Сочинения. М, 1990. С. 331.

⁵⁷ Перевороты и войны. С. 474.

⁵⁸ См.: Общий архив Министерства императорского двора. Описание дел и бумаг. СПб., 1888. С. 119.

⁵⁹ Цит. по: *Левин Л. И.* Указ. соч. С. 56-57.

⁶⁰ Цит. по: Там же. С. 58-60.

⁶¹ См.: Сборник РИО. Т. 80. С. 346.

⁶² РГАДА. Ф. 1292. Оп. 1. № 95. Л. 668 об.

⁶³ Сборник РИО. Т. 80. С. 415; Безвременье и временщики. С. 247. См. также: *Левин Л. И.* Указ. соч. С. 50-51, 60-67.

⁶⁴ См.: *Агеева О. Г.* Императорский двор России. 1700–1796 гг. М., 2008. С. 114.

⁶⁵ Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 10. С. 657–658.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 200. Л. И об. — 12.

⁶⁷ См.: Брауншвейгские князья в России в первой половине XVIII в. СПб., 1998. С. 134.

⁶⁸ Безвременье и временщики. С. 247.

⁶⁹ Безвременье и временщики. С. 248.

⁷⁰ Там же. С. 249.

⁷¹ Там же. С. 250–252.

⁷² См.: *Левин Л. И.* Указ. соч. С. 66–67.

⁷³ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 5. Ч. 3. Л. 143.

⁷⁴ См.: *Молева Н. М., Белютин Э. М.* Указ. соч. С. 110–111.

⁷⁵ См.: *Ильина Т. В., Римская-Корсакова С. В.* Указ. соч. С. 117–119.

⁷⁶ См.: *Левин Л. И.* Указ. соч. С. 67.

⁷⁷ См.: Внутренний быт русского государства... Кн. 1. С. 2; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 10. СПб., 1911. С. 29.

⁷⁸ См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 196. Л. 1–6.

⁷⁹ См.: *Готье Ю. В.* Проект о поправлении государственных дел А. П. Волынского // Дела и дни. 1922. № 3. С. 23–27; РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 200. Л. 10; № 201. Л. 7 об., 15; № 203. Л. 3 об., 13 об.-14 об.; № 221. Л. 17, 19.

⁸⁰ Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 11. С. 132.

⁸¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 199. Л. 210–215 об., 220–223.

⁸² См.: Сборник РИО. Т. 85. С. 39, 59; Т. 86. С. 358.

⁸³ См.: *Брикнер А. Г.* Падение Бирона // Новое слово (далее — НС). 1895. № 3. С. 218.

⁸⁴ См.: Сборник РИО. Т. 86. С. 85–86.

⁸⁵ Там же. Т. 85. С. 9.

⁸⁶ Цит. по: *Пекарский П. П.* Маркиз дела-Шетарди в России 1740–1742 гг. М., 1862. С. 620–621.

⁸⁷ Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым // Сборник отделения русского языка и словесности

императорской Академии наук. Т. 9. СПб., 1872. С. 228.

⁸⁸ См.: *Хмыров М. Д.* Указ. соч. С. 321–327; *Есипов Г. В.* Депеши прусского посла при русском дворе барона А. фон Мардефельда. 1740 г. // Древняя и новая Россия (далее — ДиНР). 1876. № 6. С. 199; № 7. С. 284.

⁸⁹ См.: Дело о курляндском герцоге Э. И. Бироне // ЧОИДР 1862. Кн. 1. Смесь. С. 85; Перевороты и войны. С. 300.

⁹⁰ См.: Перевороты и войны. С. 383; АКВ. Кн. 25. М., 1882. С. 31; РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 287. Ч. 1. Л. 154.

⁹¹ См.: *Есипов Г. В.* Депеши прусского посла... // ДиНР. 1876. № 7. С. 284.

⁹² Цит. по: Перевороты и войны. С. 386. См. также: Сборник РИО. Т 85 С 322__329

⁹³ См.: *Хмыров М. Д.* Указ. соч. С. 325; РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 288. Л. 182 об.

⁹⁴ См.: *Брикнер А. Г.* Указ. соч. // НС. 1896. № 4. С. 139–140; Перевороты и войны. С. 385. Донесение Пецольда см.: РГАДА. Ф. 1292. Оп. 1. № 95. Л. 679.

⁹⁵ См.: *Брикнер А. Г.* Указ. соч. // НС. 1895. № 3. С. 216; Исторические документы 1742 г. С. 166.

⁹⁶ См.: *Герман Э.* Указ. соч. // РА. 1867. № 2. С. 162.

⁹⁷ См.: *Брикнер А. Г.* Указ. соч. // НС. 1896. № 4. С. 134; *Есипов Г. В.* Депеши прусского посла... // ДиНР 1876. № 6. С. 199; Сборник РИО. Т. 86. С. 560. Перевод донесений Гогенгольца см.: РГАДА. Ф. 32. Оп. 5. № 16. Л. 66.

⁹⁸ См.: *Есипов Г. В.* Депеши прусского посла... // ДиНР 1876. № 6. С. 199.

⁹⁹ См.: РГАДА. Ф. 177. Оп. 2. № 10. Л. 9–10.

¹⁰⁰ См.: Сборник РИО. Т. 86. С. 568; *Брикнер А. Г.* Указ. соч. // НС. 1896. № 4. С. 134.

¹⁰¹ См.: Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым. С. 194.

¹⁰² См.: *Есипов Г. В.* Депеши прусского посла... // ДиНР. 1876. № 6. С. 200.

¹⁰³ См.: *Брикнер Л. Г.* Указ. соч. // НС. 1896. № 4. С. 145–146; Сборник РИО. Т. 92. С. 6, 14.

¹⁰⁴ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. № 1197. Л. 180–180 об.

¹⁰⁵ См.: Там же. Ф. 197. Оп. 1. № 40. Л. 1-5.

¹⁰⁶ Перевороты и войны. С. 392.

¹⁰⁷ Цит. по: *Пекарский П. П.* Указ. соч. С. 625-626.

¹⁰⁸ Манифест о кончине Анны, «Устав» о регентстве и присяга были опубликованы в специальных «Примечаниях на ведомости ч. 87 и 88» от 28 октября 1740 года. В ПСЗРИ «Устав» не включен.

¹⁰⁹ См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 312. Л. 30 об.-31.

¹¹⁰ См.: *Брикнер Л. Г.* Указ. соч. // НС. 1896. № 6. С. 26; Сборник РИО. Т. 92. С. 4.

¹¹¹ См.: *Есипов Г. В.* Дешети прусского посла... // ДИНР. 1876. № 7. С. 282.

¹¹² См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 32. Л. 1-11.

¹¹³ См.: ПСЗРИ. Т. 11. № 8286.

¹¹⁴ См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 32. Л. 225 об. (в ПСЗРИ указ не вошел).

¹¹⁵ См.: Сборник РИО. Т. 85. С. 340; РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 32. Л. 49.

¹¹⁶ *Соловьев С М.* Указ. соч. Кн. 11. С. 11.

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 282. Л. 5.

¹¹⁸ См.: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 11. С. 17-20.

¹¹⁹ Следственное дело П. М. Ханькова и других офицеров см.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 282. Л. 1, 5, 5 об., 27.

¹²⁰ Цит. по: *Соловьев С М* Указ. соч. Кн. 11. С. 16.

¹²¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 269. Ч. 9. Л. 91. См. также: *Брикнер А. Г.* Указ. соч.//НС. 1896. № 6. С. 27.

¹²² См.: Сборник РИО. Т. 85. С. 334-335; Т. 92. С. 41; *Хмыров М. Д* Указ. соч. С. 329-332; *Есипов Г. В.* Дешети прусского посла... // ДИНР 1876. № 7. С. 285.

¹²³ См.: Там же. С. 283; Сборник РИО. Т. 92. С. 17.

¹²⁴ См.: Дело о курляндском герцоге Э. И. Бироне. С. 51, 57.

¹²⁵ См.: Сборник РИО. Т. 85. С. 27; *Соловьев С М.* Указ. соч. Кн. 11. С. 23.

¹²⁶ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 269. Ч. 9. Л. 97-98, 100.

¹²⁷ Там же. Ф. 6. Оп. 1. № 285. Л. 7 об., 26-26 об.

¹²⁸ См.: Сборник РИО. Т. 85. С. 339; *Хмыров М. Д.* Указ. соч. С. 333. Показания Бирона на Миниха см.: Дело о курляндском герцоге Э. И. Бироне. С. 85–92.

¹²⁹ См.: Сборник РИО. Т. 96. С. 296–297.

¹³⁰ См.: Перевороты и войны. С. 167; Сборник РИО. Т. 92. С. 96–97; *Филиппов А.* Неизданный текст записки, представленной императрице Елизавете Петровне бывшим герцогом Эрнестом Иоганном Бироном // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. № 6. С. 347.

¹³¹ См.: *Герман Э.* Указ. соч. // РА. 1867. № 2. С. 165; Перевороты и войны. С. 167; Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым. С. 167, 171.

¹³² См.: РГАДА. Ф. 19. Оп. I. № 182. Ч. 1. Л. 98.

¹³³ См.: *Филиппов А. Н.* Правительствующий Сенат при Петре Великом и его ближайших преемниках. СПб., 1911. С. 501.

¹³⁴ Цит. по: *Брикнер А. Г.* Указ. соч. // НС. 1896. № 4. С. 152.

¹³⁵ См.: Сборник РИО. Т. 85. С. 339, 362; Перевороты и войны. С. 305.

¹³⁶ См.: *Есипов Г. В.* Депеши прусского посла... // ДИНР. 1876. № 7. С. 282; *Friedrich II Politische correspondenz.* Berlin, 1879. Bd. 1. S. 114.

¹³⁷ См.: *Стоюнин В.* Князь Антиох Кантемир в Париже // Вестник Европы. 1880. № 8. С. 605; Сборник РИО. Т. 92. С. 59.

¹³⁸ Цит. по: *Герман Э.* Указ. соч. // РА. 1867. № 2. С. 165–166.

¹³⁹ Перевороты и войны. С. 305, 397.

¹⁴⁰ Там же. С. 169–170. Сообщения о перевороте у Миниха-младшего, Финча и Шетарди (см.: Сборник РИО. Т. 85. С. 380; Т. 92. С. 85) весьма близки к приведенному рассказу, поскольку они получали информацию от самих Манштейна и Миниха.

¹⁴¹ См.: Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2584. Оп. 1. № 239. Л. 306.

¹⁴² См.: Дело о курляндском герцоге Э. И. Бироне. С. 28–31. Копия манифеста опубликована С. Д. Шереметевым (см.: ЧОИДР 1899. Кн. 3. Смесь. С. 19–20). См. также: РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 63 (печатный экземпляр на немецком языке).

¹⁴³ См.: РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. № 52. Л. 2–7 об.; № 53. Л. 1–3 об.

¹⁴⁴ См.: Дело о курляндском герцоге Э. И. Бироне. С. 52; Сборник РИО. Т. 92. С. 96.

¹⁴⁵ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 269. Ч. 10. Л. 665.

¹⁴⁶ См.: *Михневич В. О.* Женское правление и его противники // Исторический вестник (далее — ИВ). 1882. № 2. С. 285–286; Сборник РИО. Т. 92. С. 186–187.

¹⁴⁷ См.: Щукинский сборник. 1903. Вып. 2. С. 451; 1907. Вып. 6. С. 29.

¹⁴⁸ Из материалов для истории и статистики г. Ельца // РА. 1866. С. 354.

¹⁴⁹ См.: *Маркович Я.* Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. М., 1859. Ч. 2. С. 123–124, 126, 130–131.

¹⁵⁰ См.: Сборник РИО. Т. 85. С. 246, 342–343, 345.

¹⁵¹ Там же. С. 241, 248, 339.

¹⁵² См.: *Брикнер А. Г.* Указ. соч. // НС. 1896. № 6. С. 25–27, 35; Сборник РИО. Т. 92. С. 14, 17.

¹⁵³ См.: *Вейдемейер А. В.* Обзор главнейших происшествий в России с кончины Петра Великого до вступления на престол Елизаветы Петровны. СПб., 1835. Ч. 3. С. 9; *Валишевский К.* Царство женщин. М., 1989. С. 370.

¹⁵⁴ См.: Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 79. Оп. 79/1. 1740. № 9. Л. 82 об., 146–147; № 56. Л. 93.

¹⁵⁵ Сборник РИО. Т. 92. С. 67–68.

¹⁵⁶ Империя после Петра. С. 33–34.

¹⁵⁷ *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. 8. М.; Л., 1959. С. 38.

¹⁵⁸ Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. I. С. 133.

¹⁵⁹ Перевороты и войны. С. 400–401; РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 33. Ч. 1. Л. 119–120. См. также: *Соловьев С. М.* Указ. соч.

Кн. 11. С. 28-29.

¹⁶⁰ См.: Сборник РИО. Т. 92. С. 91; РГВИА. Ф. 393. Оп. 12. № 63. Ч. 1. Л. 31.

¹⁶¹ См.: *Семевский М. И.* Елисавета Петровна до восшествия своего на престол // Русское слово. 1859. № 2. С. 257.

¹⁶² См.: РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. № 218. Л. 1-3.

¹⁶³ См.: РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 246. Л. 43-44 об.

¹⁶⁴ См.: Там же. Ф. 393. Оп. 12. № 63.4. 1. Л. 41 об.

¹⁶⁵ См.: *Дирин П. Н.* История лейб-гвардии Семеновского полка: В 2 т. СПб., 1883. Т. 2. С. 47, 100, 119, 152; История лейб-гвардии Преображенского полка: В 4 т. Т. 2. СПб., 1883. С. 579.

¹⁶⁶ См.: *Дирин Л. К* Указ. соч. Т. 1. С. 237.

¹⁶⁷ См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 33. Ч. 1. Л. 18, 242-243; РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. № 239. Л. 312.

¹⁶⁸ См.: *Мыльников А. С.* Загадка барона Мюнхгаузена // Нева. 1982. № 2. С. 197.

¹⁶⁹ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 269. Л. 104; Ф. 6. Оп. 1. № 290. Ч. 1. Л. 12-12 об.

¹⁷⁰ См.: Там же. Ф. 6. Оп. 1. № 290. Ч. 4. Л. 1-2; Ч. 1. Л. 26.

¹⁷¹ Описи имущества Бирона см.: Там же. Ч. 1-2.

¹⁷² См.: Санкт-Петербургские ведомости. 1740. 30 декабря; Сборник РИО. Т. 92. С. 91.

¹⁷³ См.: Внутренний быт русского государства. Кн. 2. С. 7, 431-432; Сборник РИО. Т. 92. С. 91.

¹⁷⁴ См.: Записки придворного брильянтика Позье о пребывании его в России с 1729 по 1764 г. // РС. 1870. С. 61-62; *Корф М. А.* Указ. соч. С. 59, 64; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 11. С. 29.

¹⁷⁵ См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 287. Ч. 1. Л. 23а-23а об.

¹⁷⁶ См.: Сборник РИО. Т. 91. С. 17.

¹⁷⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 287. Ч. 1. Л. 21 об.

¹⁷⁸ См.: Дело о курляндском герцоге Э. И. Бироне. С. 38.

¹⁷⁹ См.: Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым. С. 169, 172, 176.

¹⁸⁰ См.: Дело о курляндском герцоге Э. И. Бироне. С. 51, 54-55, 57, 72; Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым. С. 165, 169-172.

¹⁸¹ См.: Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым. С. 202; РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 312. Л. 27 об.

¹⁸² См.: Материалы для истории Императорской Академии наук: В 10 т. Т. 4. СПб., 1887. С. 610-611; РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 287. Ч. 1. Л. 241-241 об.; Ф. 9. Оп. 5. № 33. Ч. 1. Л. 144 об.-145.

¹⁸³ См.: Дело о курляндском герцоге Э. И. Бироне. С. 99—115.

¹⁸⁴ См.: Зуев А. С, Миненко Н. А. Секретные узники сибирских острогов: Очерки истории политической ссылки в Сибири второй четверти XVIII в. Новосибирск, 1992. С. 107-108.

¹⁸⁵ См.: Внутренний быт русского государства... Кн. 1. С. 113.

¹⁸⁶ См.: Дело о курляндском герцоге Э. И. Бироне. С. 116-118.

¹⁸⁷ См.: Внутренний быт русского государства... Кн. 2. С. 7; Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым. С. 246; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском сенатском архиве: В 3 т. Т. 3. СПб., 1878. С. 17-18, 25; ПСЗРИ. Т. 11. № 8288; РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 33. Ч. 1. Л. 85-86.

¹⁸⁸ См.: РГВИА. Ф. 393. Оп. 2. № 547. Л. 26-32, 38 об., 51, 52; Ф. 2583. Оп. 1. № 256. Л. 1 об.

¹⁸⁹ См.: Перевороты и войны. С. 173-174; РГВИА. Ф. 393. Оп. 2. № 271. Л. 1-1 об.

¹⁹⁰ См.: Герман Э. Указ. соч. // РА. 1867. № 2. С. 178; Сборник РИО. Т. 92. С. 113, 206.

¹⁹¹ См.: ПСЗРИ. Т. II. № 8326.

¹⁹² См.: Сборник РИО. Т. 85. С. 485.

¹⁹³ Перевороты и войны. С. 309.

¹⁹⁴ Дело о курляндском герцоге Э. И. Бироне. С. 119.

¹⁹⁵ См.: Сборник РИО. Т. 91. С. 8; Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 11. С. 34.

¹⁹⁶ См.: РГВИА. Ф. 393. Оп. 12. № 75. Л. 107–118; № 10. Л. 12; № 122. Л. 88 об.; Ф. 2584. Оп. 1. № 257. Л. 45.

¹⁹⁷ См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 313. Л. 58–58 об.; № 306. Л. 16 об.

¹⁹⁸ Перевороты и войны. С. 409.

¹⁹⁹ См.: Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 3. С. 41.

²⁰⁰ См.: Внутренний быт русского государства... Кн. 2. С. 16.

²⁰¹ См.: *Овнорова Т.* Мальчик-невидимка // Наука и жизнь. 2009. № 6. С. 90–93.

²⁰² Перевороты и войны. С. 402–403.

²⁰³ См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 338. Л. 9–12 об.

²⁰⁴ Перевороты и войны. С. 460–461, 180.

²⁰⁵ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 269. Ч. 9. Л. 113, 121; Ч. 10. Л. 6; Ф. 248. Оп. 12. № 672. Л. 56.

²⁰⁶ См.: Там же. Ф. 248. Оп. 12. № 672. Л. 95–184.

²⁰⁷ См.: Там же. Ф. 177. Оп. 2. № 112. Л. 1–7 об.

²⁰⁸ Подсчитано нами по: Там же. Ф. 7. Оп. 1. № 5. Ч. 2. Л. 24а—26 об.

²⁰⁹ См.: Там же. Ф. 6. Оп. 1. № 288. Л. 87–87 об.

²¹⁰ См.: *Арсеньев А. В.* Непристойные речи (из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии XVIII в.) // ИВ. 1897. № 8. С. 377–388; РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 266. Ч. 28. Л. 79.

²¹¹ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 802. Л. 6, 18 об.; № 786. Л. 4 об., 15; № 731. Л. 4 об.

²¹² См.: Там же. № 266. Ч. 27. Л. 25.

²¹³ См.: Там же. № 5. Ч. 2. Л. 29–34. ^{2,4} См.: Там же. № 762. Л. 4.

²¹⁵ См.: ПСЗРИ. Т. 11. № 8349, 8357.

²¹⁶ РГАДА. Ф. 177. Оп. 2. № 204. Л. 1; № 206. Л. 1.

²¹⁷ О раздачах имений в правление Анны см.: Там же. Ф. 1239. Оп. 3. № 51926. Л. 10–11.

²¹⁸ См.: Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 3. № 8050–8055; 8202–8214.

²¹⁹ См.: ПСЗРИ. Т. 11. № 8331.

²²⁰ Сенатский архив. Т. 3. СПб., 1890. С. 73–74.

²²¹ См.: Там же. С. 6, 11, 14, 21–22, 34, 41, 42, 51–53, 65–66, 81, 85, 89, 92, 98, 119, 131–132, 134–136.

²²² См.: Там же. Т. 4. СПб., 1891. С. 7, 62, 77, 115, 124–125, 136, 156–157, 553, 651, 665, 671, 685, 703, 710.

²²³ См.: РГАДА. Ф. 177. Оп. 2. № 207. Л. 1–2.

²²⁴ См.: Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 4. С. 151, 174, 409, 561, 735–736.

²²⁵ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. № 10. Ч. 2. Л. 311.

²²⁶ См.: *Булыгин И. А.* Вопрос о секуляризации духовных вотчин в правительственной политике 20-х — начала 60-х гг. XVIII в. // *Церковь, общество и государство в феодальной России.* М., 1990. С. 308–309.

²²⁷ РГАДА. Ф. 273. Оп. 9. № 34771. Л. 49, 73.

²²⁸ См.: *Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782. М., 2004 (перепечатка издания 1885 года). С. 305–307; *Семенова Л. Н.* Указ. соч. С. 160–161; ПСЗРИ. Т. 11. № 8522.

²²⁹ См.: *Заозерская Е. И.* Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах России в 20—60-х гг. XVIII в. М., 1960. С. 347.

²³⁰ «Мнение графа Остермана» опубликовано в русском переводе XVIII века (см.: Памятники новой российской истории. СПб., 1873. Т. 3. С. 256–277). Ее первоначальный план-конспект помещен: АКВ. Кн. 24. М., 1880. С. 1–5. В. Н. Строев считал, что последний текст был составлен тем же Остерманом в 1730 году для Анны Иоанновны (см.: *Строев В. Н.* Бироновщина и Кабинет министров (Очерки внутренней политики императрицы Анны). М., 1909. Ч. 1. С. 54); однако упоминание в тексте записки «его императорского величества», обращение к «правительнице» и ссылка на смерть «римского императора» позволяют отнести составление документа к концу 1740 года.

²³¹ См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 33. Ч. 1. Л. 317.

²³² См.: *Веретенников В. И.* Из истории Тайной канцелярии. 1731–1762 гг.: Очерки. Харьков, 1911. С. 21; РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 269. Ч. 10. Л. 151.

²³³ См.: ПСЗРИ. Т. 11. № 8285, 8288, 8290, 8291, 8292, 8293.

²³⁴ См.: Там же. № 8293, 8294.

²³⁵ Там же. № 8299.

²³⁶ См.: Там же. № 8306, 8307, 8309.

²³⁷ См.: Там же. № 8289, 8295, 8310, 8314, 8318; АВПРИ. Ф. 15. Оп. 15/5. № 141. Л. 1–2.

²³⁸ См.: РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. № 47. Ч. 1а. Л. 1–9.

²³⁹ Там же. Ф. 9. Оп. 5. № 33. Ч. 2. Л. 42.

²⁴⁰ См.: Там же. Ч. 1. Л. 40, 44.

²⁴¹ ПСЗРИ. Т. 11. № 8303.

²⁴² Там же. № 8302.

²⁴³ См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 33. Ч. 1а. Л. 25–25 об.

²⁴⁴ См.: *Уздеников В. В.* Монеты императора Ивана Антоновича // ВИ. 1995. № 7. С. 147.

²⁴⁵ См.: РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. № 9. Ч. 1. Л. 734.

²⁴⁶ См.: Там же. Ф. 177. Оп. 1. № 194. Л. 240–251.

²⁴⁷ См.: ПСЗРИ. Т. 11. № 8429, 8431, 8434, 8440, 8444, 8447, 8448, 8451, 8457, 8458, 8465.

²⁴⁸ См.: Там же. № 8467, 8468, 8470–8472.

²⁴⁹ Собрание прошений 1740–1741 годов см.: РГАДА. Ф. 177. Оп. 2. № 225.

²⁵⁰ См.: Там же. Ф. 19. Оп. 1. № 215. Л. 3–15 об.; Ф. 273. Оп. 1. № 34771. Л. 59.

²⁵¹ См.: Там же. Ф. 248. Оп. 15. № 874. Л. 63, 66.

²⁵² См.: РГВИА. Ф. 393. Оп. 1. № 113. Л. 54–57.

²⁵³ См.: Там же. Ф. И. Оп. 1. № 393. Л. 193–194.

²⁵⁴ Подсчитано нами по: Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 3. С. 8–74.

²⁵⁵ Сборник РИО. Т. 91. С. 103.

²⁵⁶ См.: Внутренний быт русского государства... Кн. 1. С. 88–94.

²⁵⁷ См.: Там же. С. 98–100.

- ²⁵⁸ Россия и Италия. Пг, 1915. Т. 3. Вып. 2. С. 844.
- ²⁵⁹ См.: Внутренний быт русского государства... Кн. 1. С. 3–9.
- ²⁶⁰ Там же. Кн. 1. С. 545.
- ²⁶¹ См.: ПСЗРИ. Т. 11. № 8297; РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 33. Ч. 1. Л. 141–142; Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 3. № 8153, 8167, 8193, 8287; Сенатский архив. Т. 3. С. 51–52.
- ²⁶² См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 33. Ч. 6. Л. 1675, 1679.
- ²⁶³ См.: Внутренний быт русского государства... Кн. 1. С. 100, 133.
- ²⁶⁴ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. № 182. Ч. 1. Л. 93–102.
- ²⁶⁵ См.: Внутренний быт русского государства... Кн. 1. С. 146, 161, 217.
- ²⁶⁶ См.: Там же. С. 16–22.
- ²⁶⁷ См.: Из записок Фридриха Великого о России // РА. 1877. № 1. С. 11; Перевороты и войны. С. 207.
- ²⁶⁸ См.: *Мартене Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: В 15 т. Т. 5. СПб., 1880. С. 309–332.
- ²⁶⁹ Перевороты и войны. С. 175–176.
- ²⁷⁰ См.: Там же. С. 404–405; Сборник РИО. Т. 85. С. 438–439; Т. 92. С. 206–207.
- ²⁷¹ См.: *Friedrich IL* Politische correspondenz. Berlin, 1879. Bd. 1. S. 127, 178, 403.
- ²⁷² См.: РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. № 6. Л. 2–3, 7–8.
- ²⁷³ См.: Там же. № 10. Л. 1–2.
- ²⁷⁴ См.: АВПРИ. Ф. 32. Оп. 32/1. 1741. № 5а. Л. 2–3.
- ²⁷⁵ См.: Там же. № 7. Л. 50 об.; № 10. Л. 5–8, 9.
- ²⁷⁶ См.: Там же. № 5а. Л. 29 об. — 30.
- ²⁷⁷ Там же. Ф. 50. Оп. 50/1. 1741. № 4. Л. 1.
- ²⁷⁸ См.: Там же. Л. 14 об.
- ²⁷⁹ Там же. Ф. 32. Оп. 32/1. 1741. № 5а. Л. 38.
- ²⁸⁰ См.: *Лрдабацкая Л. М.* Из истории борьбы русской дипломатии с прусской агрессией в 40-е гг. XVIII в. // Ученые записки СГУ. Т. 66. Саратов, 1958. С. 124–125.

²⁸¹ См.: РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. № 5. Л. 6-9, 22-24 об., 31, 38; Ф. 1261. Оп. 1. № 388. Л. 24 об., 26 об.

²⁸² См.: Перевороты и войны. С. 308.

²⁸³ См.: АВПРИ. Ф. 32. Оп. 32/1. 1741. № 5а. Л. 149-149 об.

²⁸⁴ См.: Там же. Л. 175-175 об.

²⁸⁵ См.: *Левин Л. И.* Указ. соч. С. 86; АВПРИ. Ф. 32. Оп. 32/1. 1741. № 5а. Л. 292-292 об.

²⁸⁶ См.: РГАДА. Ф. 248 Оп. 113. № 532. Л. 15, 33-33 об., 35-35а.

²⁸⁷ См.: Там же. Ф. 177. Оп. 2. № 225. Л. 52-53.

²⁸⁸ См.: Там же. Ф. 248. Оп. 113. № 532. Л. 6 об., 9а об.-10, 14 об.

²⁸⁹ См.: АВПРИ. Ф. 15. Оп. 15/5. 1741. № 155. Л. 1-2.

²⁹⁰ См.: РГВИА. Ф. 393. Оп. 4. № 66. Л. 113.

²⁹¹ См.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1741. № 12. Л. 2-3.

²⁹² См.: Там же. Л. 293-294, 331-333.

²⁹³ См.: Там же. Л. 455-459.

²⁹⁴ См.: ПСЗРИ. Т. 11. № 8435, 8463; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 11. С. 82_г3

²⁹⁵ См.: АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1741. № 4. Л. 549.

²⁹⁶ См.: Там же. Ф. 89. Оп. 89/1. 1741. № 46. Л. 42-44.

²⁹⁷ См.: Описание публичного въезда его величества салтана турецкого чрезвычайного великого посла Эмини Мехмед-паши в Санкт Петербург и о бытии его на аудиенции у его высочества герцога Брауншвейг-Люнебургского, генералиссимуса всероссийского, и на визите у его сиятельства генерала адмирала графа Андрея Ивановича Остермана, а потом на аудиенции у ее императорского высочества государыни великой княгини, правительницы всероссийской. СПб., 1741. С. 19-20; АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1741. № 46. Л. 61 об.-62.

²⁹⁸ См.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1741. № 115. Л. 4 об., 7, 32 об., 45, 62. 84; № 130. Л. 34 об.-37.

²⁹⁹ *Мухаммад-Казим.* Поход Надир-шаха в Индию. М., 1961. С. 162-163.

³⁰⁰ См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1741. № 25. Л. 7-46.

³⁰¹ См.: Там же. № 7. Л. 76, 133, 188, 209, 230, 285 об.

³⁰² См.: *Сотавов Н. А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991. С. 101; РГВИА. Ф. 20. Оп. 2. № 42. Л. 38 об.-41, 60 об.-61 об., 68; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1741. № 19. Л. 5-5 об.

³⁰³ См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1741. № 18. Л. 537-542; *Иванов А. А., Луконин В. Г., Смесова Л. С.* Ювелирные изделия Востока: Коллекция Особой кладовой отдела Востока Государственного Эрмитажа. Древний, средневековый периоды. М., 1984. С. 12-14.

³⁰⁴ См.: Там же. Л. 534 об.-535.

³⁰⁵ См.: Там же. № 7. Л. 315, 377, 414.

³⁰⁶ См.: Там же. Л. 392, 409, 412, 423 об.

³⁰⁷ См.: Там же. Ф. 93. Оп. 93/1. 1741. № 7. Л. 21-21 об., 30 об., 124, 169; *Кантемир А. Д.* Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1868. Т. 2. С. 205.

³⁰⁸ Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 11. С. 73.

³⁰⁹ См.: РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1741. № 3. Л. 14-17 об., 21-25.

³¹⁰ См.: Сборник РИО. Т. 91. С. 246.

³¹¹ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. № 1634. Л. 2-3; Сенатский архив. Т. 4. СПб., 1891. С. 703-704.

³¹² См.: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. № 160. Л. 33.

³¹³ Подметное воззвание Левенгаупта. 1708 г. // РС. 1876. № 5. С. 172-173. Публикатор этого документа Н. Н. Мурзакевич отнес его появление к 1708 году, когда Карл XII вторгся со своей армией на Украину. Однако подписавший его Карл Эмиль Левенгаупт (1691-1743) был главнокомандующим именно во время войны 1741-1743 годов, тогда как в 1708-м действовал его однофамилец генерал-лейтенант Адам Людвиг Левенгаупт (1659-1719).

³¹⁴ См.: АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1741. № 7. Л. 218; Ф. 50. Оп. 50/1. 1741. № 4. Л. 371 об.

³¹⁵ См.: Там же. Ф. 50. Оп. 50/1. 1741. № 4. Л. 407.

³¹⁶ См.: Там же. Ф. 74. Оп. 74/1. 1741. № 6. Л. 86.

³¹⁷ См.: *Klueting H., Klueting E.* Graf Ostermann. Urkunden und Regesten. Amsterdam, 1972. Vol. 1. Tafel III a.

³¹⁸ См.: *Мартене Ф.* Указ. соч. Т. 9. СПб., 1892. С. 93–112.

³¹⁹ См.: Сборник РИО. Т. 91. С. 194–195, 203, 216.

³²⁰ Мнения кабинет-министров по поводу договора см.: АВПРИ. Ф. 35. Оп. 35/1. № 654. Л. 7–9, 34–37, 42–42 об., 46–47, 89–98.

³²¹ См.: *Мартене Ф.* Указ. соч. Т. 9. С. 109–112; Сборник РИО. Т. 91. С. 314; РГАДА. Ф. 177. Оп. 1 № 3. Л. 52; АВПРИ. Ф. 35. Оп. 35/1. № 649. Л. 122.

³²² См.: *Павленко Н. И.* История металлургии в России XVIII в. М., 1962. С. 462; *Kahan A.* The plow, the hammer and the knout. An economic history of eighteenth century Russia. Chicago, 1985. P. 110, 188.

³²³ См.: РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. № 377.4. 1. Л. 228 об.

³²⁴ См.: Волнения работных людей на мануфактурах текстильной промышленности России во второй четверти XVIII в. М., 1980. Вып. 1. С. 150–152.

³²⁵ См.: *Заозерская Е. И.* Указ. соч. С. 346–347.

³²⁶ См.: РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. № 151. Л. 1–22 об.

³²⁷ См.: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. № 7386. Л. 1–5 об.

³²⁸ См.: ПСЗРИ. Т. 11. № 8306, 8320, 8446.

³²⁹ См.: РГВИА. Ф. 393. Оп. 1. № 411. Ч. 1. Л. 382, 396.

³³⁰ См.: Там же. № 396. Л. 1–4 об.

³³¹ См.: АВПРИ. Ф. 79. Оп. 79/1. 1741. № 10а. Л. 288–289.

³³² См.: *Муравьев М. А.* Русский флот в войне со Швецией 1741–1743 гг. Львов, 2000. С. 5–6.

³³³ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. № 1155. Л. 520–522 об., 542–577. Количество «немцев» в 1722 году см.: Там же. Оп. 14. № 768. Л. 141–149.

³³⁴ См.: Там же. Ф. 20. Оп. 1. № 50. Ч. 1. Л. 67.

³³⁵ См.: Там же. Ф. 248. Оп. 16. № 1010. Л. 73, 441 об., 617.

³³⁶ См.: РГВИА. Ф. 393. Оп. 4. № 12. Л. 40–43, 44–44 об.

³³⁷ См.: РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. № 32207. Л. 334.

³³⁸ См.: *Акельев Е. В.* Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М., 2012. С. 128–129.

³³⁹ См.: РГАДА. Ф. 393. Оп. 1. № 403. Л. 1–2, 10–11, 73–74.

³⁴⁰ См.: Из давнего прошлого // Известия Калужской ученой архивной комиссии. Вып. 22. Калуга, 1914. С. 4-6.

³⁴¹ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 107. № 2773. Л. 2-5, 9.

³⁴² См.: Там же. Оп. 5. № 254. Л. 25, 106, 143, 231.

³⁴³ Цит. по: *Готье Ю. В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1941. Т. 2. С. 118-119.

³⁴⁴ См.: РГВИА. Ф. 393. Оп. 1. № 120. Ч. 1. Л. 341-341 об.

³⁴⁵ См.: Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. Л., 1935. С. 81-82.

³⁴⁶ См.: *Зуев А. С.* Русская политика в отношении аборигенов крайнего Северо-Востока Сибири (XVIII в.) // Вестник Новосибирского университета. Серия «История, филология». Т. 1. Вып. 3. Новосибирск, 2002. С. 14-24.

³⁴⁷ См.: Палаты Санкт-Петербургской Императорской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры, которых представлены планы, фасады и профили. СПб., 1741.

³⁴⁸ См.: РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. № 32192. Л. 129 об.

³⁴⁹ См.: *Коновалова Е.* Путешествие из Петербурга в Березов // Родина. 2005. № 12. С. 10-13.

³⁵⁰ Цит. по: К истории русского флота // Русский вестник. 1888. №. 5. С. 431-432.

³⁵¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 312. Л. 45 об.

³⁵² См.: *Филиппов А. Н.* Правительствующий Сенат при Петре Великом и его ближайших преемниках. С. 503; РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. № 3. Л. 12; Ф. 6. Оп. 1. № 304. Л. 17 об.

³⁵³ См.: *Левин Л. И.* Указ. соч. С. 79-106.

³⁵⁴ См.: РГВИА. Ф. 393. Оп. 1. № 113. Л. 187-188, 196-197.

³⁵⁵ См.: Там же. Оп. 2. № 514. Л. 1.

³⁵⁶ См.: РГАДА. Ф. 177. Оп. 2. № 111. Л. 1 и далее; РГВИА. Ф. 393. Оп. 2. № 546. Л. 33 и далее.

³⁵⁷ См.: Сборник РИО. Т. 96. С. 73.

³⁵⁸ Перевороты и войны. С. 307.

³⁵⁹ Цит. по: *Соловьев С М.* Указ. соч. Кн. 11. С. 294. За помощь при переводе благодарю Е. В. Колодочкину.

³⁶⁰ См.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1741. № 115. Л. 77-78, 96.

³⁶¹ См.: *Валишевский К.* Указ. соч. С. 379.

³⁶² См.: Сборник РИО. Т. 96. С. 271-272, 399.

³⁶³ См.: Там же. Т. 91. С. 294.

³⁶⁴ См.: Там же. Т. 96. С. 448-449.

³⁶⁵ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 107. № 3236. Л. 39-42 об.

³⁶⁶ См.: Там же. Ф. 286. Оп. 1. № 114. Л. 544-549 об.

Именные указы в Сенат о пожалованиях см.: Сенатский архив. Т. 3. С. 96, 97, 131, 136, 185, 186, 292, 293, 325, 378, 379, 396, 419.

³⁶⁷ См.: РГВИА. Ф. 393. Оп. 1. № 155. Л. 169-179; *Леец Г.* Абрам Петрович Ганнибал: Биографическое исследование. Таллин, 1984. С. 103.

³⁶⁸ РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 33. Ч. 6. Л. 1460.

³⁶⁹ См.: Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 3. С. 18, 23, 26, 63.

³⁷⁰ См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 33. Ч. 6. Л. 1476-1478; Ф. 1239. Оп. 3. № 51926. Л. 10-11.

³⁷¹ См.: Там же. Ф. 9. Оп. 5. № 38. Ч. 4. Л. 8-9.

³⁷² См.: Барон Мюнхгаузен — российский кирасир: Документы 1739-1741 гг. // Российский архив. История отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Вып. 6. М., 1995. С. 49-54.

³⁷³ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 12. № 672. Л. 188-191 об.

³⁷⁴ См.: Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 3. № 8234; РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 594. Л. 204.

³⁷⁵ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 744. Л. 1-10.

³⁷⁶ См.: ПСЗРИ. Т. 11. № 8516; *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М., 1974. С. 126-127.

³⁷⁷ Цит. по: *Валишевский К.* Указ. соч. С. 388-389.

³⁷⁸ РГАДА. Ф. 177. Оп. 2. № 159. Л. 1-2 об.

³⁷⁹ См.: Там же. Ф. 6. Оп. 1. № 313. Л. 25-25 об.

³⁸⁰ См.: *Семенова Л. Н.* Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. Л., 1974. С. 162.

³⁸¹ См.: ПСЗРИ. Т. II. № 8638.

³⁸² См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. № 1543. Л. 29 и далее.

³⁸³ ПСЗРИ. Т. 11. № 8447.

³⁸⁴ См.: *Андреевский И.* О заседаниях Правительствующего Сената в 1740–1741 гг. // Вестник археологии и истории. 1888. № 7. С. 42–44.

³⁸⁵ См.: *Левин Л. И.* Указ. соч. С. 94; Сборник РИО. Т. 91. С. 294, 295, 330, 331, 337; Т. 96. С. 358, 431, 467, 489, 535, 536.

³⁸⁶ Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. V. С. 48.

³⁸⁷ См.: РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. № 8. Л. 9–11, 13–15 об.

³⁸⁸ См.: Сенатский архив. Т. 5. СПб., 1898. С. 311–312.

³⁸⁹ РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. № 8. Л. 27. Цитируется современный текст перевод подлинника, написанного на французском языке.

³⁹⁰ См.: Там же. Л. 23 об.-24.

³⁹¹ См.: Там же. Ф. 2. Оп. 1. № 55. Л. 3–10. Текст под заголовком «Перевод с записки графа Остермана о переговорах, ведшихся с графом Головкиным и другими лицами об утверждении наследования российским престолом в потомстве принцессы Брауншвейг-Люнебургской Анны Леопольдовны» опубликован: Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым. С. 154–160.

³⁹² См.: ПСЗРИ. Т. 11. № 8476.

³⁹³ См.: *Валишевский К.* Дочь Петра Великого. М., 1989. С. 30.

³⁹⁴ См.: *Долгоруков П. В.* Правда о России. Париж, 1861. Т. 1. С. 231; Перевороты и войны. С. 192.

³⁹⁵ См.: Сборник РИО. Т. 92. С. 132, 215, 229, 299, 348; Т. 96. С. 348.

³⁹⁶ См.: Там же. Т. 92. С. 215.

³⁹⁷ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 747. Л. 4.

³⁹⁸ См.: Сборник РИО. Т. 91. С. 269; Т. 92. С. 149, 191; Т. 96. С. 252; *Семевский М. И.* Елисавета Петровна до восшествия своего на престол. С. 57.

³⁹⁹ См.: Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым. С. 307–309, 314–316.

⁴⁰⁰ См.: Сборник РИО. Т. 91. С. 25–26. Эта информация Финча сохранилась в виде записки на французском языке, озаглавленной архивистами прошлого века «План тайных предприятий против бывшего в 1741 г. правительства» (РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. № 9. Л. 4–8).

⁴⁰¹ Сборник РИО. Т. 92. С. 229–230.

⁴⁰² См.: Там же. С. 403.

⁴⁰³ Рассказ Шетарди от 9 (20) июня о том, как цесаревна уговаривала гвардейских офицеров в Летнем саду отложить преждевременное выступление («Не делайте себя несчастными, дети мои, не губите и меня. Разойдитесь, ведите себя смирно: время не пришло»), имеется только в публикации П. П. Пекарского, а в тексте депеши по изданию РИО его нет (см.: *Пекарский П.* 77. Указ. соч. С. 260). Это обстоятельство ставит вопрос о достоверности публикации Пекарского, осуществленной, как указал сам автор, не по подлинным дипломатическим документам, а по копиям, сделанным А. И. Тургеневым.

⁴⁰⁴ См.: Сборник РИО. Т. 96. С. 294–295, 353.

⁴⁰⁵ См.: Там же. С. 426.

⁴⁰⁶ См.: РГАДА. Ф. 177. Оп. 2. № 10. Л. 85–87.

⁴⁰⁷ Сборник РИО. Т. 96. С. 609.

⁴⁰⁸ См.: Там же. С. 518.

⁴⁰⁹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 269. Ч. 9. Л. 154–155.

⁴¹⁰ См.: Там же. Ч. 10. Л. 642 об.-643.

⁴¹¹ См.: *Левин Л. И.* Указ. соч. С. 90–91.

⁴¹² Сборник РИО. Т. 96. С. 632.

⁴¹³ Цит. по: Внутренний быт русского государства... Кн. 1. С. 240, 248.

⁴¹⁴ См.: Там же. С. 240, 248; *Смирнов Ю. Н.* Русская гвардия в XVIII в. Куйбышев, 1989. С. 21; РГВИА. Ф. 393. Оп. 12. № 114. Л. 9; № 63. Ч. 1. Л. 228.

⁴¹⁵ См.: РГВИА. Ф. 393. Оп. 11. № 72. Л. 21–21 об.

⁴¹⁶ См.: Там же. Оп. 12. № 63. Ч. 1. Л. 14, 40 об., 42 об., 54, 81 об., 148 об., 174–175; Ч. 2. Л. 5, 7; № 75. Л. 1–2, 15 об., 86 об.-87; № 196. Л. 3 об., 23 об., 24, 27–27 об., 39–39 об.

⁴¹⁷ Там же. № 63.4. 1. Л. 91 об.

⁴¹⁸ См.: Там же. № 63. Ч. 1. Л. 44, 158 об., 203–203 об.; № 214. Л. 7; № 219. Л. 8–8 об.

⁴¹⁹ См.: Там же. № 63. Ч. 1. Л. 275–275 об., 286 об.; Ч. 2. Л. 25 об., 36, 42, 45, 47 об., 49 об., 50 об., 51, 73 об., 74, 161.

⁴²⁰ См.: РГАДА. Ф. 273. Оп. 9. № 34771. Л. 126.

⁴²¹ См.: Там же. Ф. 7. Оп. 1. № 266. Ч. 31. Л. 137; № 269. Ч. 10. Л. 659, 664, 667–667 об.; № 781. Л. 3 об., 5; № 785. Л. 3 об.-4 об.; № 797. Л. 3 об.; № 803. Л. 5 об.; № 823. Л. 3 об.; № 807. Л. 6 об.

⁴²² См.: РГВИА. Ф. 393. Оп. 13. № 1929. Л. 1–3.

⁴²³ См.: Там же. Ф. 393. Оп. 12. № 63. Ч. 2. Л. 181 об., 182 об., 208, 144; Ф. 2584. Оп. 1. № 257. Л. 27, 62 об.

⁴²⁴ См.: Сборник РИО. Т. 96. С. 534.

⁴²⁵ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. № 46. Л. 1.

⁴²⁶ См.: Сборник РИО. Т. 91. С. 294–295, 331, 337; Т. 96. С. 358, 399, 467, 489.

⁴²⁷ См.: АКВ. Кн. 25. С. 41; Перевороты и войны. С. 194, 470–471.

⁴²⁸ См.: *Левин Л. И.* Указ. соч. С. 323; *Панчулидзе С. А.* История кавалергардов: В 4 т. Т. 1. СПб., 1899. С. 234.

⁴²⁹ См.: Сборник РИО. Т. 6. С. 392–394; РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. № 47. Ч. 1. Л. 51–52.

⁴³⁰ См.: АКВ. Кн. 25. С. 104–105; Сборник РИО. Т. 96. С. 351.

⁴³¹ См.: Перевороты и войны. С. 195; *Семевский М. И.* Елисавета Петровна до восшествия своего на престол. С. 262.

⁴³² См.: Краткая реляция восшествия ее императорского величества всемилостивейшей государыни Елисавет Петровны на всероссийский отеческий престол // РА. 1872. № 6. С. 1174; Историческое описание о восшествии на престол императрицы Елисаветы Петровны // Русский вестник. 1842. № 4. С. 10–11.

⁴³³ См.: АКВ. Кн. 25. С. 38; *Валишевский К.* Дочь Петра Великого. С. 31; В борьбе за власть: Страницы политической истории России XVIII в. М., 1988. С. 64; На российском престоле. С. 228; *Павленко Н. И.* Елизавета Петровна //

Родина. 1994. № 7. С. 76; Перевороты и войны. С. 194–195, 471.

⁴³⁴ См.: Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым. С. 261–262; РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 304. Л. 23 об.-24 об., 44; АКВ. Кн. 25. С. 38.

⁴³⁵ Цит. по: АКВ. Кн. 25. С. 37.

⁴³⁶ Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. У.С. 295. Цитируемое письмо опубликовано историком не полностью; подлинники писем см.: РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. № 69. Л. 1–3 об.

⁴³⁷ См.: Сборник РИО. Т. 96. С. 630–632; Краткая реляция восшествия ее императорского величества... С. 1175–1176; РГАДА. Ф. 1292. Оп. 1. № 95. Л. 699; *Левин Л. Я.* Указ. соч. С. 97.

⁴³⁸ См: *Петров П. Н.* Указ. соч. С. 278.

⁴³⁹ См.: РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. № 38. Л. 262 об., 323 об.

⁴⁴⁰ См.: Там же. Ф. 32. Оп. 1. № 32. Л. 184.

⁴⁴¹ См.: Там же. Ф. 393. Оп. 12. № 63. Ч. 2. Л. 216 об.; Ф. 2584. Оп. 1. № 257. Л. 242 об.

⁴⁴² См.: РГАДА. Ф. 177. Оп. 2. № 10. Л. 167.

⁴⁴³ См.: *Панчулидзе С. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 234–235; *Позье И.* Записки придворного брильянщика. СПб., 1870. С. 87; Сборник РИО. Т. 96. С. 633; *Валишевский К.* Дочь Петра Великого. С. 33.

⁴⁴⁴ См.: РГВИА. Ф. 393. Оп. 12. № 63. Ч. 1. Л. 275–275 об.

⁴⁴⁵ См.: Именные списки е.и.в. Лейб-компания чинам 1741–1759 гг. // РА. 1880. № 2. С. 17; РГВИА. Ф. 32. Оп. 1. № 12. Л. 183.

⁴⁴⁶ См.: АКВ. Кн. 25. С. 45; Империя после Петра. С. 38; Перевороты и войны. С. 472; Сборник РИО. Т. 91. С. 339–340.

⁴⁴⁷ См.: *Левин Л. И.* Указ. соч. С. 323; *Трутовский В. И.* Сказание о роде князей Трубецких. М., 1891. С. 187; *Брикнер А. Г.* Принц Гессен-Гомбургский в России // ИВ. 1893. № 4. С. 175.

⁴⁴⁸ Империя после Петра. С. 38–39.

⁴⁴⁹ Превратности судьбы: Воспоминания поляка на русской службе // РА. 1898. № 4. С. 496.

⁴⁵⁰ См.: Перевероты и войны. С. 197; Сборник РИО. Т. 91. С. 417; Т. 96. С. 616, 649, 680.

⁴⁵¹ ПСЗРИ.Т. 11. № 8473.

⁴⁵² См.: РГВИА. Ф. 393. Оп. 12. № 62. Ч. 2. Л. 243-245 об.; Ф. 2584. Оп. 1. № 257. Л. 245-247 об.

⁴⁵³ См.: РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. № 182. Ч. 2. Л. 66-66 об.

⁴⁵⁴ См.: *Кричевцев М. В.* Кабинет Елизаветы Петровны и Петра III. Новосибирск, 1993. С. 33.

⁴⁵⁵ См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 38. Ч. 3.

⁴⁵⁶ См.: Там же. Ф. 19. Оп. 1. № 6. Л. 77, 276 об.; № 182. Ч. 2. Л. 39, 50 об.

⁴⁵⁷ См.: *Индова Е. И.* Дворцовое хозяйство в России (первая половина XVIII в.). М., 1964. С. 65, 73-77; Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 3. С. 96, 98, 109, 112, 122, 128, 134, 135, 137, 150, 157, 162, 163, 168.

⁴⁵⁸ Подсчеты сделаны нами по: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. № 30693. Л. 103-107 об. Не указанное в этой ведомости население дворцовой Комарицкой волости исчислено в 23 336 душ (см.: Там же. Ф. 14. Оп. 1. № 55. Ч. 1. Л. 92). Сведения о пожалованиях Лейб-компании см.: *Тройницкий С. Н.* Гербы лейб-компании обер и унтер-офицеров и рядовых. Пг., 1914. С. 450-453. См. также: РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Ч. 6. № 14241. Л. 6; Ф. 1239. Оп. 3. № 30606. Л. 1.

⁴⁵⁹ См.: Сборник РИО. Т. 91. С. 346; Сенатский архив. Т. 5. С. 301.

⁴⁶⁰ См.: *Филиппов А. Н.* Доклад императрице Елизавете Петровне о восстановлении власти Правительствующего Сената // Журнал Министерства народного просвещения. 1897. № 2. С. 274-291.

⁴⁶¹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. № 162. Л. 1.

⁴⁶² См.: Там же. Ф. 7. Оп. 1. № 269.4. 11. Л. 15.

⁴⁶³ См.: Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 3. С. 80; Сенатский архив. Т. 5. С. 302.

⁴⁶⁴ См.: Опись высочайшим указам и повелениям...Т. 3. С. 76, 78, 84, 96, 98, 109, 112, 122, 128, 137, 138, 157, 162, 163, 168, 172, 183, 184, 200; РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. № 4415. Л. 27 и далее.

⁴⁶⁵ См.: *Опись высочайшим указам и повелениям...* Т. 3. С. 77; *Маркович Я.* Указ. соч. Ч. 2. С. 153.

⁴⁶⁶ См.: РГАДА. Ф. 340. Оп. 2. № 1197. Л. 12, 34 об.

⁴⁶⁷ См.: *Демкин А. В.* Британское купечество в России в XVIII в. М., 1998. С. 117, 119, 130.

⁴⁶⁸ См.: *Курукин И. В.* Гульдены барона Остермана: Дело о беглых капиталах вице-канцлера // *Родина*. 2002. № 9. С. 16-21.

⁴⁶⁹ См.: АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1742. № 2. Л. 27; ПСЗРИ. Т. 11. № 8473, 8476.

⁴⁷⁰ См.: ПСЗРИ. Т. 11. № 8476.

⁴⁷¹ См.: Там же. Т. 11. № 8494, 8641, 8690, 8712, 8822; Т. 12. № 9133, 9192, 9197, 9213.

⁴⁷² См.: Там же. Т. 15. № 11472.

⁴⁷³ Цит. по: *Попов Н. А.* Придворные проповеди в царствование императрицы Елисаветы Петровны // *Летописи русской литературы и древности*. М., 1859. Т. 2. С. 5-6.

⁴⁷⁴ Историческое описание о восшествии на престол императрицы Елисаветы Петровны. С. 9, 13-14.

⁴⁷⁵ *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. 8. С. 243.

⁴⁷⁶ См.: *Сумароков А. Л.* Полное собрание всех сочинений. М., 1781. Ч. 3. С. 92, 117.

⁴⁷⁷ См.: ПСЗРИ. Т. 11. № 8480, 8481, 8492.

⁴⁷⁸ См.: *Панчулидзева С. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 254-287.

⁴⁷⁹ См.: *Корф М. А.* Указ. соч. С. 38-41; Сенатский архив. Т. 5. С. 302, 303, 317.

⁴⁸⁰ См.: *Корф М. А.* Указ. соч. С. 56-65.

⁴⁸¹ См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 335. Л. 136-137.

⁴⁸² Цит. по: *Корф М. А.* Указ. соч. С. 67-69.

⁴⁸³ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 335. Л. 148.

⁴⁸⁴ Там же. Л. 145-146.

⁴⁸⁵ Цит. по: *Корф М. А.* Указ. соч. С. 49-50.

⁴⁸⁶ См.: *Дирин П. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 264; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. У. С. 141-142, 173-174.

⁴⁸⁷ См.: Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым. С. 333–335; *Соловьев С М.* Указ. соч. Кн. 11. С. 158.

⁴⁸⁸ См.: *Соловьев С М.* Указ. соч. Кн. 11. С. 224–229.

⁴⁸⁹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 998. Л. 12–13.

⁴⁹⁰ Цит. по: *Корф М. А.* Указ. соч. С. 96–97.

⁴⁹¹ См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 338. Л. 47–48.

⁴⁹² Там же. Л. 57.

⁴⁹³ Цит. по: *Корф М. А.* Указ. соч. С. 120–121.

⁴⁹⁴ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 338. Л. 311–311 об.

⁴⁹⁵ См.: Там же. № 340. Ч. 1. Л. 76–77.

⁴⁹⁶ Там же. Л. 86.

⁴⁹⁷ См.: Там же. № 341. Л. 15–21; 23–27; *Корф М. А.* Указ. соч. С. 130.

⁴⁹⁸ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 341. Л. 29, 30.

⁴⁹⁹ Из записок Фридриха Великого о России. С. 13; Безвременье и временщики. С. 67, 73.

⁵⁰⁰ Цит. по *Сурукин И. В., Никулина Е. А.* Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М., 2008. С. 441–442.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АННЫ ЛЕОПОЛЬДОВНЫ

1718, 7 декабря — рождение в Ростке Елизаветы Екатерины Христины, дочери мекленбургского герцога Карла Леопольда и царевны Екатерины Ивановны.

1722 — переезд мекленбургской принцессы с матерью в Россию.

1722-1731 — обитание в подмосковном селе Измайлове.

1732 — переезд в Петербург ко двору тетки-императрицы Анны Иоанновны; начало переговоров о браке.

1733, февраль — прибытие в Петербург жениха, принца Антона Ульриха Брауншвейг-Люнебург-Беве́рнского. *12 мая* — переход в православие с именем Анны Леопольдовны.

1739, 3 июля — свадьба с принцем Антоном Ульрихом в Петербурге.

1740, 12 августа — рождение сына, будущего императора Иоанна Антоновича.

17 октября — смерть императрицы Анны Иоанновны, начало правления Бирона, «регента Российской империи Иоганна герцога Курляндского, Лифляндского и Семигальского».

9 ноября — арест Бирона фельдмаршалом Б. Х. Минихом; провозглашение принцессы Анны Леопольдовны регентшей, «благоверной государыней великой княгиней Анной, правительницей всея России».

1741, 15 июля — рождение дочери Екатерины.

25 ноября — свержение императора Иоанна Антоновича и правительницы Анны Леопольдовны; вступление на престол Елизаветы Петровны.

28 декабря — заключение Анны Леопольдовны с мужем и двумя детьми в рижской цитадели.

1743, 2 января — 1744, 31 января — содержание брауншвейгского семейства в крепости Динамюнде.

1744, 1 января — рождение дочери Елизаветы.

6 марта — 29 августа — пребывание Анны Леопольдовны с семейством в Ораниенбурге.

30 августа — 9 ноября — переезд брауншвейгского семейства из Ораниенбурга в Холмогоры.

1745, 19 марта — рождение сына Петра.

1746, 27 февраля — рождение сына Алексея.

7 марта — смерть 27-летней Анны Леопольдовны от горячки.

21 марта — погребение в усыпальнице Благовещенской церкви Александро-Невского монастыря Петербурга.

БИБЛИОГРАФИЯ

Анисимов Е. В. Анна Иоанновна. М., 2004 (серия «ЖЗЛ»).

Анисимов Е. В. Иван VI Антонович. М., 2008 (серия «ЖЗЛ»).

Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е — 1760-е гг.) // Сост., вступ. ст., коммент. Е. Анисимова. Л., 1991.

Внутренний быт русского государства с 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года, по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 1. М., 1880; Кн. 2. М., 1886.

Корф М.А. Брауншвейгское семейство. М., 1993.

Курукин И. В. Бирон. М., 2006 (серия «ЖЗЛ»).

Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003.

Левин Л. И. Российский генералиссимус герцог Антон Ульрих (история «брауншвейгского семейства» в России). СПб., 2000.

Пекарский П. П. Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 9. СПб., 1872. С. 1-488.

Перевороты и войны / Христофор Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. Неизвестный автор. М., 1997.

Иллюстрации

Принцесса Анна.

Принцесса Анна.

Цари Иван Алексеевич и Петр Алексеевич. Гравюра 1685 г.

Царица Прасковья Федоровна, бабка Анны
Леопольдовны. *И. Никитин. Не позднее 1716 г.*

Царевна Прасковья Ивановна, тетка Анны
Леопольдовны. *И. Никитин. 1714 г.*

Родители Анны Леопольдовны — герцог Мекленбург-Шверинский Карл Леопольд и герцогиня Екатерина Ивановна. XVIII в.

Так сейчас после многих перестроек выглядит герцогский замок Шверин.

Цесаревна Елизавета Петровна. *И. Никитин. 1720-е гг.*

Принцесса Анна Леопольдовна. А. Матвеев. Между 1733 и 1739 гг.

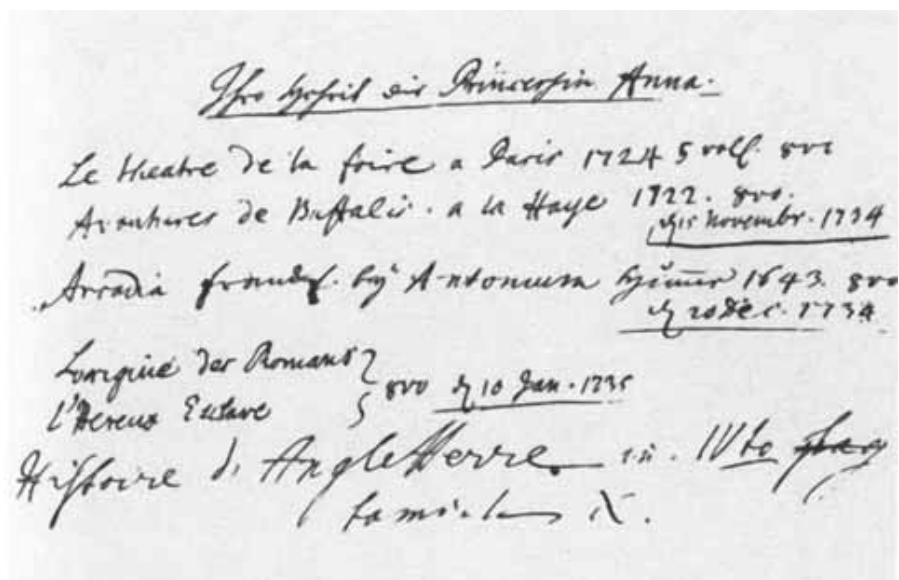
После переезда в Россию Анна с матерью до 1732 года жила в подмосковном селе Измайлове. *И. Зубов. 1727-1728 гг.*

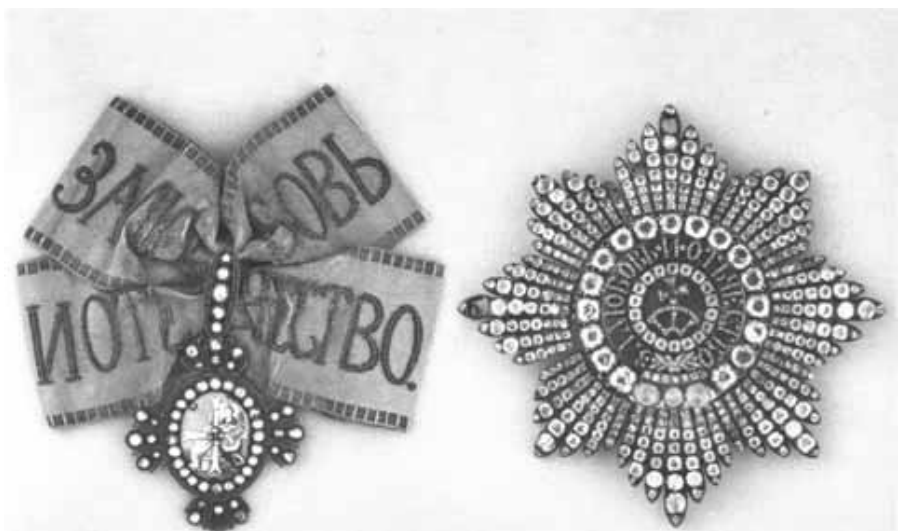
Императрица Анна Иоанновна.

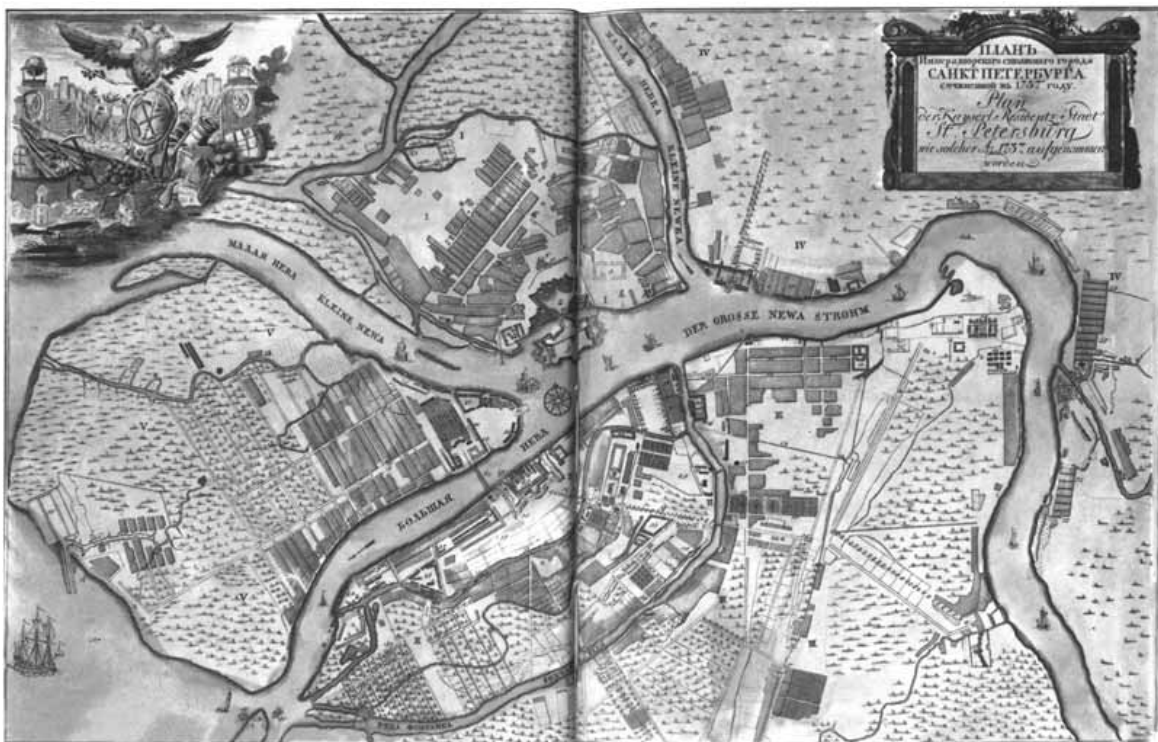
Гравюра Х. Вортмана по оригиналу Л. Каравака. 1740 г.

В отличие от многих дам той эпохи Анна Леопольдовна любила читать. Библиотечный формуляр 1734-1735 гг.

В марте 1730 года Анна Леопольдовна получила от тетки-императрицы орден Святой Екатерины. Знак ордена и бриллиантовая звезда.

План Императорского столичного города Санкт-Петербурга. Г. Уиферцахт. 1737 г.

В 1733 году состоялось знакомство племянницы русской императрицы с женихом Антоном Ульрихом Брауншвейг-Люнебург-Беве́рнским.

Вид стрелки Васильевского острова со зданиями Академии наук. Гравюра по рисунку М. Махаева. 1753 г.

Анна Леопольдовна. Л. Каравак. Около 1740 г.

Зимний дворец Анны Иоанновны в Петербурге со стороны Адмиралтейского луга (Дворцовой площади).
Рисунок М. Махаева. 1750-1753 гг.

Вид Адмиралтейства и Дворцовой площади во время шествия слонов, присланных персидским шахом. *Ф. Воробьев. Не позднее 1737 г.*

Новогодняя иллюминация Петропавловской крепости в 1735 году. Гравюра по рисунку И. Тремера. 1736 г.

Аллегория «Иоанн III, император и самодержец Всероссийский». Гравюра И. Леопольда. 1740 г.

Курляндский герцог Эрнст Иоганн Бирон, фаворит императрицы Анны Иоанновны, после ее смерти 17 октября 1740 года стал регентом Российской империи при младенце-императоре. *Портрет 1730-х гг.*

Фельдмаршал Бурхард Христофор Миних 9 ноября 1740 года сверг Бирона и провозгласил регентшей Анну Леопольдовну. Гравюра Д. Гаида по оригиналу А. Винда. Конец 1730-х гг.

Ее высочество государыня принцесса Анна. Х. Вортман по оригиналу Л. Каравака. 1739 г.

Великая княгиня Анна Леопольдовна. И. Ведекинд. Не позднее 1736 г.

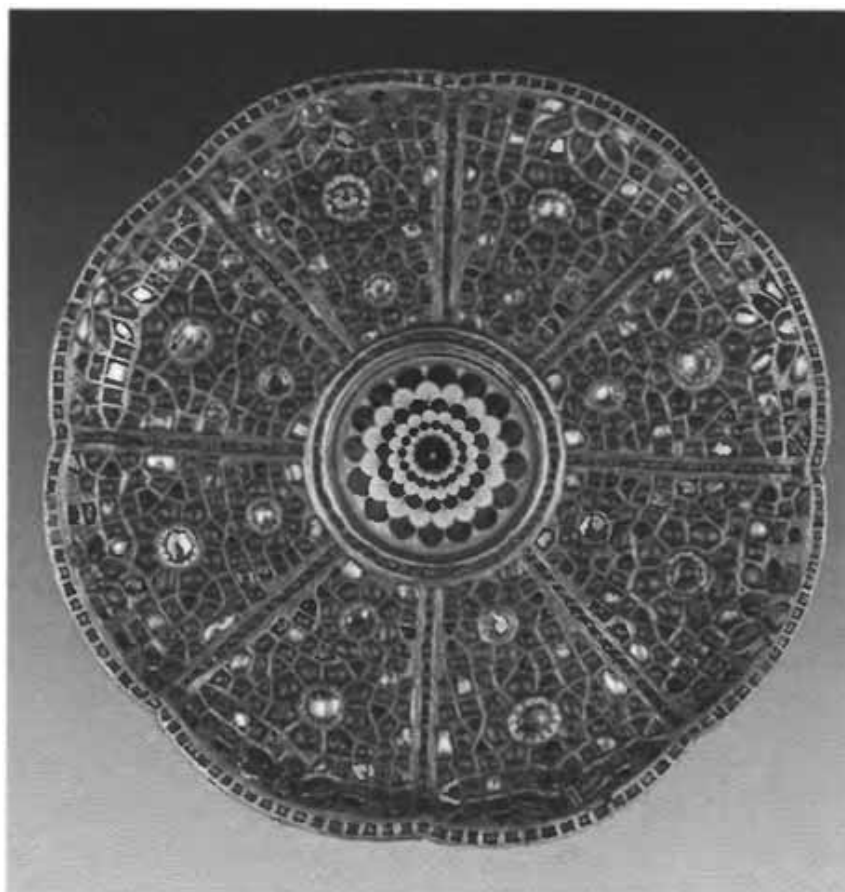
В октябре 1741 года императорский двор получил от персидского шаха Надира богатые подарки из разграбленной им сокровищницы Великих Моголов.

Золотые эгреты с алмазами, изумрудами, рубинами.
XVII в.

Золотой стол и к-подставка инкрустирован 2783 драгоценными камнями и 280 жемчужинами. XVII в.

Золотая тарелка с эмалью, алмазами, рубинами и изумрудами. XVII в.

Золотой кувшин с рубинами, изумрудами и жемчугом.
XVII в.

Золотое кольцо с алмазами, рубинами и изумрудами, принадлежавшее правителю империи Великих Моголов Шах-Джахану. *Вторая четверть XVII в.*

Саксонский посланник граф Мориц Карл Линар. *А. Песн.*
1737 г.

Monsieur

2

Je vous félicite de votre arrivée à Leipzig, mais je ne
serai pas satisfaite avant que je vous sache en chemin
pour retourner ici. Si vous n'avez pas reçu des lettres
de Petersbourg, priez vous en à Nörd, qui les a mal
adressées.

Pour ce qui est de Julie, comment
pouvez vous douter un moment de son ^{mon} amour & de
sa tendresse, après toutes les marques ^{que je} qu'elle vous en
a données. Si vous l'aimez, ne lui faites plus de
pareilles reproches, pour peu que sa santé vous est chère.

La lettre du Roi votre Maître est fort bonne, je suis
fâchée seulement, qu'elle n'ait pas fait l'impression
qu'en auroit souhaitée. Le tems nous démontrera les
suites.

Je vous envoie ici la copie de la lettre
que vous avez desiré de voir, mais je ne puis pas garan-
tir qu'elle soit véritable. L'Ambassadeur de Perse
avec tous ses Elephans a eu son audience de la même

mon cher Monsieur
que je pourrai prendre beaucoup de part à ce di-
vertissement, car je pourrai déjà que ma chère Julie,
qui a son cœur et son âme ailleurs, ne s'y diver-
tira guères. La Chanson dit fort bien: Je ne voi
rien qui vous ressemble, et cependant de vous tout
me fait souvenir. mandez moi le tems de
votre retour, et soyez persuadé que je suis ^{et m'en va} votre
C'est bien affectionné

à St. Petersbourg
ce 13. Oct. 1741.

Письмо Анны Леопольдовны Линару на французском языке. 13 октября 1741 г. РГАДА.

Фрейлина и подруга правительницы Юлиана Менгден с младенцем-императором. 1741 г.

«Тело» и «душа» Кабинета министров — князь Алексей Михайлович Черкасский и граф Андрей Иванович Остерман.

Серебряный рубль Иоанна III — «императора и самодержца Всероссийского». 1741 г.

Арест брауншвейгского семейства.

«Отечества тираны, вам пора посторониться!
Петрова дочь, беру по праву я престол,
Елизавета, русская царица».

Гравюра из немецкой книги «Merkwürdige Geschichte Ihrer... Majestät Elisabeth der Ersten». 1759 г. Перевод И. Курукина.

Врач Елизаветы Петровны Арман Лесток, активный участник ее заговора. *Г. Гроот. 1744 г.*

Французский посол маркиз Иоахим де ла Шетарди «спонсировал» переворот 25 ноября 1741 года.

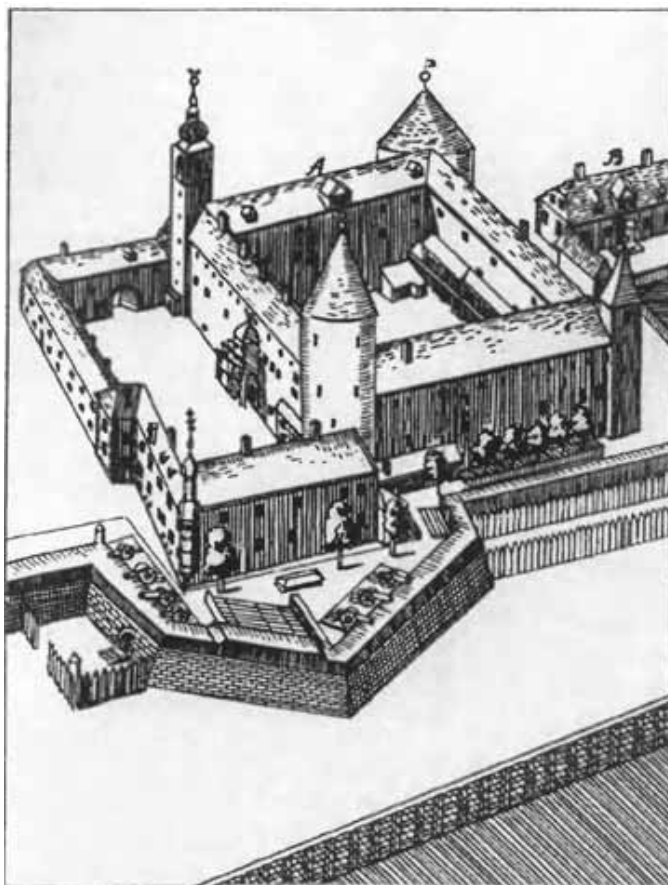
Таким виделось восшествие на престол Елизаветы Петровны спустя столетие. *Б. Чориков. Середина XIX в.*

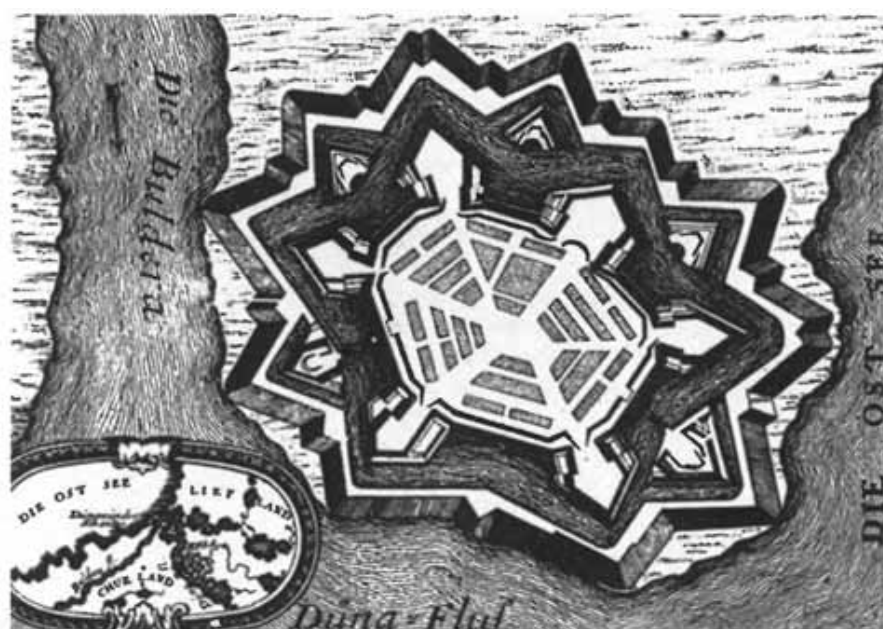
Императрица Елизавета Петровна. Гравюра И. Вагнера с оригинала Я. Амигони. 1746-1747 гг.

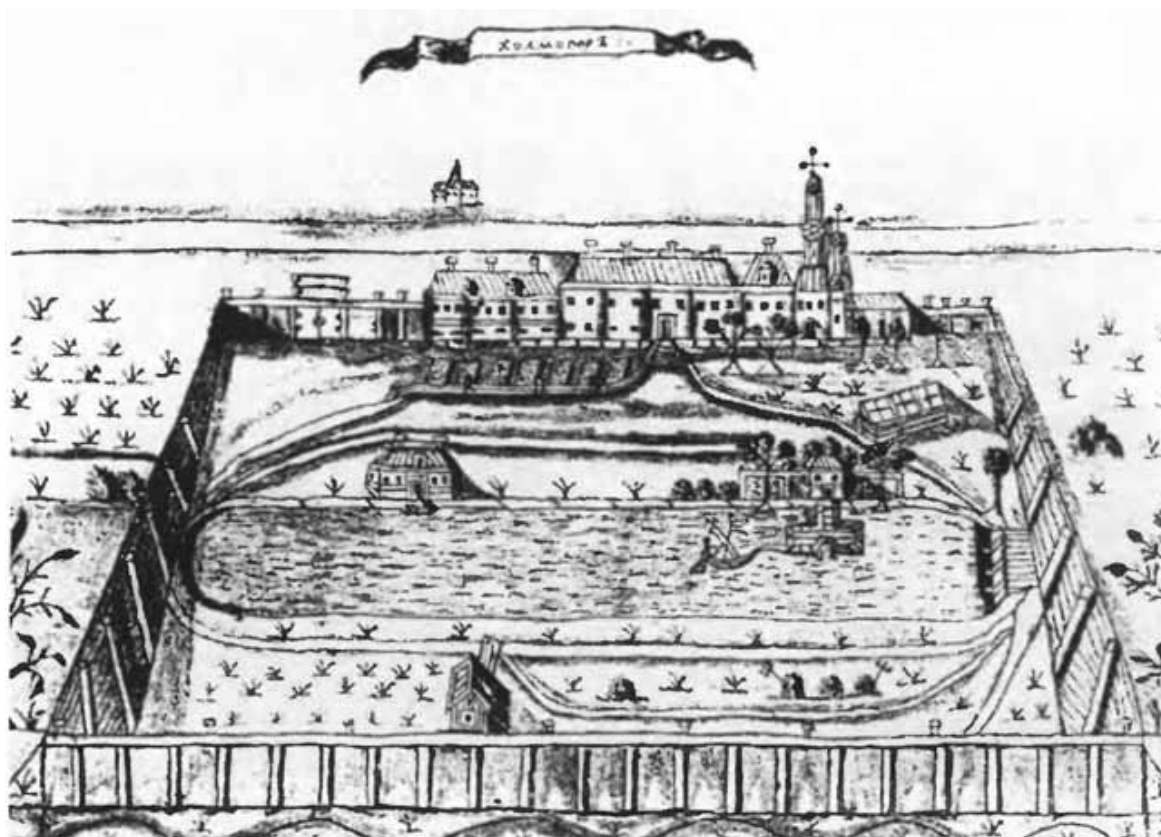
Аллегория на престолонаследие Елизаветы Петровны обосновывает законность ее прихода к власти. Императрица изображена в окружении Петра II и Анны Петровны, на которых с небес взирают Петр I и Екатерина I, держащая в руках свиток с надписью: «Петр 2 император... воспримет Елисавет наследие». *Резьба по мамонтовому бивню. Вторая половина 1740-х гг.*

В 1742 году свергнутая правительница с мужем и двумя детьми находилась в Рижской цитадели. *Реконструкция.*

Динамюнде — место заточения брауншвейгского семейства в 1743 году.

Холмогорский острог, последнее место ссылки. *Рисунок принцессы Екатерины Антоновны (?)*.

Современный вид Холмогор.

По распоряжению императрицы 21 марта 1746 года Анна Леопольдовна была похоронена в Благовещенской церкви Александре- Невского монастыря.

Дети Анны Леопольдовны и Антона Ульриха. *Рисунок К. Бюшинга.*

Елизавета Петровна после свержения Анны Леопольдовны продолжала мстить сопернице, приказав художнику переделать ее портрет — «переодеть» в домашнее платье и закрасить изображение младенца Ивана Антоновича. *И. Вишняков. 1741-1746 гг.*

notes

Примечания

Иоанна Антоновича называют Иоанном III, поскольку он был третьим царем, носившим это имя, или Иоанном VI, включая в число его тезок-правителей великих московских князей.

Герцогство Мекленбург-Шверин до 1806 года входило в состав Священной Римской империи германской нации.

Так мы будем называть дочь Иоанна II Алексеевича до ее вступления на престол, когда она стала официально именоваться Анной Иоанновной.

Впервые крепость Велиград, или Мекленбург (от ср. — нижненем. *miekel* — великий), построенная полабскими славянами-бодричами (ободритами), упоминается в 995 году.

Камер-медхен (нем. *Kammermädchen* от *Kammer*—комната, кладовая, *Mädchen* — девочка, девушка) или *камер-юнгфер* (нем. *Kammerjungfer*) — в придворном штате камеристка, горничная, девушка для прислуживания при одевании.

Штоф (нем. *Stoff* — ткань) — очень плотная шелковая или шерстяная одноцветная или узорчатая ткань со сложным крупным тканым рисунком.

Мундшенк (от нем. *Mundschenk* — виночерпий) — придворная должность, заведующий винным погребом.

Эгрет (фр. *aigrette* — хохолок, султан, торчащие перья) — украшение для женского головного убора или прически, шпилька с навершием в виде пера, пучка перьев или ветки, усыпанной камнями.

Аграф (от ст. — фр. *agrafe* — зажим, скрепка, крючок) — застежка, пряжка в виде броши для одежды, шляп, башмаков.

Шемизетка (от фр. *chemisette*) — дамская накидка, легкая блузка, манишка.

Келлермейстер (от нем. *Kellermeister* — управляющий винным погребом) — первоначально придворная должность заведующего винными запасами. Вскоре его функции были расширены до заведования всеми подвальными хранилищами, тогда как винными запасами стал распоряжаться мундшенк. Келлершрейбер, вероятно, исполнял при нем обязанности писаря.

Мундкох (от нем. *Mund* — рот и *kochen* — готовить) — придворный, ведавший кухней.

Роброн (от фр. *roberond* — букв, круглое платье) — женское платье с очень широкой юбкой колоколообразной формы.

Волынский вел происхождение то ли от Рюрика, то ли от Гедимины; в любом случае он был более родовит, чем потомки бояр Романовых.

Рекетмейстер (от нем. *Requetenmeister*) — докладчик прошений.

Роба (от фр. *robe*) — платье. *Шлафрок* (от нем. *Schlaf* — сон и *Rock* — пиджак) — просторная домашняя одежда, достигающая лодыжек. *Домино* (ит. *domino* от лат. *Dominus* — господин) — маскарадный костюм, длинный плащ с рукавами. *Епанча* — широкий плащ-накидка, обычно без рукавов, часто с капюшоном.

Ссек — большой кусок говядины без кости с передней верхней части задней ноги.

В описываемое время *грош* — медная монета, равная двум копейкам, *деньга* — медная монета в полкопейки, *полушка* — медная монета в четверть копейки.

Окладные доходы — государственные сборы (прямые и косвенные налоги), взимаемые с плательщиков в обязательном, заранее определенном размере, в отличие от неокладных (например, судебных пошлин).

Камер-цалмейстерская контора (от нем. *Kammer* — комната, кладовая, палата, *Zahlmeister* — казначей) — подчинявшееся непосредственно монархам учреждение, руководившее приобретением и контролем за сохранностью внутреннего убранства помещений, где пребывала высочайшая фамилия: мебели, зеркал, посуды, постельного белья и т. п., а также шитьем платьев и других принадлежностей гардероба для членов царской семьи, придворных чинов и служителей.

Гродетур — тяжелая шелковая одноцветная ткань, как правило, темных оттенков, в которой каждая нить основы закрыта двумя нитями утка; получила название по первоначальному месту производства — городу Тур во Франции.

Камчатый — изготовленный из камки (дамаста) — шелковой ткани, обычно с цветочным рисунком, образованным блестящим атласным переплетением нитей на матовом фоне полотняного переплетения, а также из льна, хлопка или шерсти с тем же эффектом.

Шпалера (от ит. *spoliera* — ряд деревьев) — здесь: гобелен, безворсовый тканый настенный ковер с сюжетными и орнаментальными композициями.

Полсть — кусок толстой и плотной ткани, войлока, меха, служащий подстилкой или покрывалом.

Тафта (от перс, *täflä* — сотканное) — тонкая глянцевитая и плотная шелковая ткань полотняного переплетения с очень туго скрученными нитями, благодаря чему она обладает жесткостью, топорщится.

Бумазея (от ит. *bambagia* — хлопок) — плотная мягкая хлопчатобумажная ткань саржевого или полотняного переплетения с начесом на изнаночной стороне.

Кабинет (от фр. *cabine* — закрытое помещение) — здесь: шкаф для хранения бумаг с выдвижными ящиками и дверцами, устанавливаемый на высоком подстоле или на полу.

Бакан — ярко-красная краска из органических веществ, чаще всего из насекомого червца (кошенили) или растения марены (красильного корня). Киноварь — сульфид ртути, неорганический пигмент, оттенок красного цвета, напоминающий кровь. Венецианская (*венецианская*) ярь— ярко-зеленая краска, получаемая из уксуснокислой окиси меди.

Тафельдекер (от нем. *Tafel* — доска, стол, *decken* — покрывать) — служитель при дворе, заведовавший сервировкой царского стола и всеми принадлежностями столового убранства: скатертями, посудой, приборами.

Купор (от англ. *cooper* — бондарь, бочар) — служитель, занимавшийся закупориванием винных бочек и бутылок, пробочник.

Тамарин — пряность, высушенная красновато-коричневая мякоть больших стручков тропического дерева *tamarindus indica*, имеющая сладковатый запах и кисло-сладкий вкус.

Уставщик — наблюдающий за порядком чтения и пения (чином) церковных служб, которые должны производиться в соответствии с церковным уставом.

Лосинный цвет — грязно-белый, подобный цвету лосин (обтягивающих штанов из лосиной кожи).

Канфа (канча, канифас, от голл. *kanefas* — канва) — плотная атласная ткань китайского происхождения, обычно с рельефными полосками.

Бострог (от голл. *bostrok* — куртка, фуфайка) — душегрейка без рукавов.

Гризет (фр. *grisette* от *gris* — серый) — шелковая или шерстяная ткань преимущественно серого цвета с тканым рисунком.

Фи́жмы (от нем. *Fischbein* — рыба́ья кость) — устройство из ивовых прутьев или китового уса в виде перевернутых вверх дном корзиночек, крепящихся к талии с боков для придания пышности юбкам.

Рундук — здесь: верхняя площадка крытого крыльца или наружной деревянной лестницы, пристроенных к зданию.

Сорок — здесь: связка из четырех десятков меховых шкурок, обернутых тканью, подобной той, что шла на сорочки.

Ока — здесь: турецкая единица измерения веса, равная 1247 граммам или примерно трем фунтам.

Лал (красный яхонт, рубин) и *лазоревый яхонт* (сапфир) — драгоценные камни, разновидности корунда.

Стигийские воды — воды реки Стикса, согласно древнегреческой мифологии, текущей в царстве мертвых.

Крин (от греч. *krínon*) — лилия.

Каразея — шерстяная ткань грубой выделки с разреженной фактурой.

Винтер-квартира (нем. *Winterquartier*) — зимняя стоянка войск.

Гак (от нем. *Haken* — «соха») — единица поземельного налогообложения на территории Прибалтики, размер которой зависел от качества земли. Самым распространенным был так называемый крестьянский гак, составлявший в Северной Эстонии 8—12 гектаров посевной площади.

Аршин примерно равен 71 сантиметру.

Трясило (от фр. *trousse* — плетеная тесьма, галун, коса) — здесь: женское головное украшение, скреплявшее прическу.

Выжига — слитки драгоценных металлов, полученные путем сжигания ткани с золотым шитьем или переплавки позолоченной оловянной посуды.

Доскан (искаж. доскань) — табакерка.

Антал — бочонок вина в 60 бутылок.

Казакин — полукафтан с короткими полами и стоячим воротником, присборенный на талии, застегивающийся сверху до талии на крючки.

Китайка — первоначально шелковая ткань, вывозившаяся из Китая, впоследствии затем простая однотонная хлопчатобумажная материя полотняного переплетения, как правило, синего цвета.

Кисея — легкая тонкая хлопчатобумажная ткань очень редкого полотняного переплетения, что делает ее полупрозрачной.